К45 9/61

...ЖІЙ

...НХЪ

...С

V

Государственная публичная историческая библиотека

ПАСПОРТ КНИГА ИМЕЕТ:

Шифр	Инвентарный №
К45-9/61	12449
	№ тома 2
	Список № порядковый №
212	Количество страниц
	Отд. томов. вып. №№
13 л. ил.	Таблиц, карт, иллюстраций
	Особые ценности: рукопись, автограф, письмо и т. п.
	Дефекты
	Печатных листов
7/2 56 г.	Обрез

З. 781. ГПИБ

R45 9/61

НЕВСКІЙ АЛЬМАНАХЪ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

"ИЗЪ ПРОШЛАГО."

(ПИСАТЕЛИ, ХУДОЖНИКИ, АРТИСТЫ)

ЖЕРТВАМЪ
ВОЙНЫ

ПЕТРОГРАДЪ
1917

АЧ.

К45 9/61

НЕВСКІЙ АЛЬМАНАХЪ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

„ИЗЪ ПРОШЛАГО“

(ПИСАТЕЛИ, ХУДОЖНИКИ, АРТИСТЫ)

ЖЕРТВАМЪ ВОЙНЫ

ПЕТРОГРАДЪ
1917

Изданіе „Общества русскихъ писателей
для
помощи жертвамъ войны“
(Петроградъ).

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 12999
„ “ VII 193

Тип. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ („Нива“), Измайловскій проспектъ, № 29.

Второй выпускъ „Невскаго Альманаха“ такъ же, какъ и первый, изданъ по порученію Общаго Собранія „Общества русскихъ писателей для помощи жертвамъ войны“.

Въ составъ редакціоннаго комитета вошли: Ѳ. Д. Батюшковъ, С. А. Венгеровъ, А. Г. Горнфельдъ, Л. Я. Гуревичъ, Н. А. Котляревскій, С. К. Маковскій, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, Л. Ф. Пантелѣевъ, Ѳ. К. Сологубъ, Е. П. Султанова.

Предсѣдателемъ Комитета былъ избранъ Ѳ. Д. Батюшковъ, обязанности секретаря исполняла Е. П. Султанова.

Настоящее изданіе могло быть осуществлено только благодаря просвѣщенной отзывчивости И. Д. Сытина и А. В. Руманова.

Всѣ издержки по напечатанію второго выпуска „Невскаго Альманаха“ приняли на себя Т-во И. Д. Сытина и Т-во А. Ф. Марксъ.

Оглавленіе.

стр.

Предисловіе III

Отъ редакціи, *Ѳ. Батюшкова* 3

I. Изъ собраній Пушкинскаго Дома при Императорской Академіи Наукъ: „Пушкинскій Домъ“ *Нестора Котляревскаго* 6

а) Тридцать четыре письма Гончарова къ Ю. Д. Ефремовой (1849—1874), съ предисловіемъ и примѣчаніями *Б. Модзалевскаго* 8

б) Три письма Тургенева къ М. А. Языкову, съ предисловіемъ и примѣчаніями *Б. Модзалевскаго* 44

в) Письма Н. А. Некрасова къ Н. А. Степанову, съ предисловіемъ и примѣчаніями *В. Евгеньева* 48

г) Письмо Ап. Ал. Григорьева къ Ап. Н. Майкову, съ предисловіемъ и примѣчаніями *Влад. Княжнина* 54

д) Письма Кавелина къ М. А. Марковичъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями *Е. Казановичъ* 58

е) Письма М. И. Глинки къ А. С. Даргомыжскому и Н. А. Степанову и письма А. Н. Сѣрова къ А. С. Даргомыжскому, съ предисловіемъ и примѣчаніями *В. Каратыгина* 71

ж) Сцены изъ драмы „Раскольникъ“ Ѳ. М. Рѣшетникова, съ примѣчаніями Глѣба Успенскаго 85

з) 1. Къ рисункамъ Степанова. *Б. Модзалевскаго.* 108

2. Каррикатуры Степанова на Глинку. *Ник. Финдейзена.* . . . 110

II. Изъ архива М. В. Ватсонъ:

Предисловіе *М. Ватсонъ* 113

а) Восемь писемъ А. Н. Плещеева къ С. Я. Надсону 113

б) Письмо Вс. М. Гаршина къ С. Я. Надсону 130

в) Четыре письма В. А. Фаусека къ С. Я. Надсону 130

г) Стихотвореніе А. Н. Плещеева (П. И. Вейнбергу) 136

III. „Оскорбленная Нетэта“, историческая повѣсть Н. С. Лѣскова.

Вмѣсто предисловія (На основаніи переписки Н. С. Лѣскова съ Елиз. М. Бемъ). А. Измайлова 138

„Оскорбленная Нетэта“. 145

IV. Изъ архива Л. М. Эндауровой:

а) Къ наброскамъ иллюстрацій Елиз. М. Бемъ къ повѣсти Лѣскова . . . . . } Ѳ. Батюшкова. . . 187

б) Ел. М. Бемъ и М. Г. Савина . . . . . }

V. Изъ архива Е. П. Лѣтковой-Султановой:

Стихотвореніе Я. П. Полонскаго 189

VI. Изъ посмертныхъ произведеній Д. Л. Михаловскаго:

1. Отрывокъ изъ монолога Гамлета 190

2. Письмо съ отрывкомъ изъ перевода Данте и оригинальнымъ стихотвореніемъ 191

3. Отрывокъ (стихотвореніе) 193

VII. Изъ архива Ж. А. Полонской:

1. Стихотвореніе Я. П. Полонскаго 195

2. Изъ старой тетради Я. П. Полонскаго 196

стр.

VIII. Изъ архива А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой:
а) Письма Н. Пл. Огарева къ Татьянѣ П. Пассекъ 197
б) Стихотвореніе А. Н. Плещеева 200
в) Письмо Л. Н. Толстого къ А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой . . . 201

IX. Изъ архива гр. Я. Н. Ростовцова:
Письмо Якова Ивановича Ростовцова къ сыну, Николаю Яковлевичу, отъ 17 января 1859 г., съ предисловіемъ Ѳ. Б. 203

X. Изъ архива В. В. Стасова:
Изъ переписки В. В. Стасова съ Л. Н. Толстымъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями *Влад. Каренина* 204

XI. Въ Ясной Полянѣ. Письмо В. В. Стасова къ Елиз. М. Бемъ 211
Отчетъ о первомъ выпускѣ „Невскаго Альманаха“. 213

Рисунки.

между стр.

Каррикатура К. П. Брюллова на Н. А. Степанова.
Восемь каррикатуръ Н. А. Степанова:
1. К. П. Брюлловъ, 2. День М. И. Глинки, 3. Н. В. Кукольникъ, 4. День Я. Ѳ. Яненко, 5. В. Г. Бенедиктовъ, 6. А. Н. Майковъ, 7. Похороны штофа (I), 8. Похороны штофа (II, въ краскахъ). 112 — 113
Три наброска къ силуэтамъ Елиз. М. Бемъ для иллюстраціи повѣсти Лѣскова—„Оскорбленная Нетэта“. . . . . 144 — 145
М. Г. Савина въ роли Акулины изъ „Власти Тьмы“ Л. Н. Толстого, рисунокъ Елиз. М. Бемъ (въ краскахъ).
Вл. Н. Давыдовъ, въ роли Акима, В. М. Стрѣльская въ роли Матрены и К. А. Варламовъ въ роли Митрича изъ „Власти Тьмы“, рис. Елиз. М. Бемъ (въ краскахъ) . . . . . 198 — 199
Fac-simile письма Л. Н. Толстого . . . . . 200 — 201

Отъ редакціи.

Второй выпускъ „Невскаго Альманаха“ постановлено было редакціоннымъ Комитетомъ „Общества Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“ посвятить матеріалу „изъ прошлаго“ духовной жизни русскаго общества, того прошлаго, которое одновременно представляется и близкимъ и далекимъ, съ точки зрѣнія современныхъ событій.

Едва ли нужно выдвигать тотъ общій, а не только спеціальный, для изслѣдователей старины, интересъ, который представляютъ многіе документы, впервые здѣсь обнародываемые изъ разныхъ собраній и архивовъ. Частныя письма выдающихся писателей, художниковъ, артистовъ, ученыхъ и общественныхъ дѣятелей имѣютъ ту привлекательность, что ставятъ насъ какъ бы въ непосредственное общеніе съ людьми, съ которыми мы до нѣкоторой степени уже сроднились по ихъ произведеніямъ и дѣятельности, и они вскрываютъ намъ зачастую новыя черты ихъ духовнаго облика, знакомятъ съ разными свойствами ихъ индивидуальностей, а порою вводятъ въ лабораторію творчества. Такое значеніе, напримѣръ, имѣютъ нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ писемъ Гончарова къ Ю. Д. Ефремовой и Лѣскова къ Елиз. М. Бемъ. Другія письма проясняютъ процессы мышленія писателя (ср., напр., очень характерное письмо Ап. Григорьева къ А. Н. Майкову), его душевный складъ (письма Кавелина), или наконецъ раскрываютъ намъ такія переживанія, которыя создаютъ единственный въ своемъ родѣ автопортретъ (письмо Як. Ив. Ростовцова). Иныя письма вводятъ насъ въ подробности интимной жизни интеллигентской среды памятной эпохи (письма Плещеева и Фаусека къ Надсону), а страница изъ дневника (Я. П. Полонскаго) вскрываетъ чаянія и надежды поэта, бодро встрѣчающаго новое подрастающее поколѣніе. Конечно, не всѣ обнародываемыя письма представляются съ равнымъ значеніемъ, но порою и небольшія записки большого человѣка имѣютъ свою относительную цѣнность. При передачѣ гласности тѣхъ строкъ, которыя были написаны опредѣленному лицу, какъ бы

въ интимной бесѣдѣ съ нимъ съ глазу на глазъ, есть только одна опасность—это быть нескромнымъ въ ненужныхъ разоблаченіяхъ, касающихся личной жизни человѣка. Такого рода „разоблаченія“ наивозможно отстранены изъ настоящаго сборника, особенно же все то, что могло задѣть живыхъ еще дѣятелей. Но съ другой стороны—гдѣ и какъ провести строгую грань, отдѣляющую жизнь писателя отъ его личной жизни, когда не разъ онъ разсказываетъ себя и въ своихъ произведеніяхъ, когда постиженіе его индивидуальной особи и частныхъ отношеній даетъ ключъ къ разумѣнію и многихъ особенностей его творчества? Это щекотливый вопросъ, который приходится рѣшать, и для каждаго отдѣльнаго случая особо, біографамъ, когда они ставятъ себѣ задачей изложить жизнь и творчество въ ихъ взаимоотношеніи. А иначе и нельзя изучать сколько-нибудь научно, т.-е. наивозможно объективно и полно, генезисъ произведеній искусства. Значеніе послѣднихъ, конечно, можно опредѣлять, разсматривая ихъ самостоятельно, по ихъ содержанію и формѣ, въ сравненіи съ другими произведеніями искусства и въ связи съ условіями среды и историческаго момента, но вполнѣ понять произведенія нельзя, не заглянувъ въ душу художника и не уловивъ источника его вдохновенія. Если мы мало знаемъ, напримѣръ, жизнь Шекспира, то все же мы чувствуемъ самого Шекспира и въ его произведеніяхъ. Объ отсутствіи болѣе подробныхъ документовъ, которые раскрыли бы намъ его личную жизнь, можно только сожалѣть и отнюдь не дѣлать отсюда вывода, что личность писателя для насъ совершенно безразлична. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится, вспоминая Пушкинскіе стихи—„Пока не требуетъ поэта—Къ священной жертвѣ Аполлонъ...“, пожалѣть о свойствахъ частнаго человѣка, про которыя мы иногда предпочли бы даже не знать, пожалѣть, напримѣръ, о нѣкоторыхъ слабостяхъ „камергера Гете“, которыя плохо вяжутся съ величіемъ его творческихъ замысловъ и геніальныхъ прозрѣній, или о неумныхъ разсужденіяхъ Бальзака рядомъ съ откровеніями его гепія, мы все-таки умѣемъ распознать тотъ внутренній міръ поэта, который не адэкватенъ его частной жизни, но связанъ съ ней и во многомъ ею обусловленъ. Сложный обликъ всякаго художника на любомъ поприщѣ становится только понятнѣе по человѣчеству, когда мы узнаемъ его съ разныхъ сторонъ. Но только тѣ, порою просто „человѣческіе документы“, извлекаемые изъ частныхъ писемъ, набросковъ и дневниковъ, имѣютъ абсолютную цѣнность, въ которыхъ вложена хоть частица души и витаетъ мысль. Величайшіе изъ художниковъ слова остаются вѣрными себѣ, своему писательскому облику и въ своей частной корреспонденціи, вѣчнымъ примѣромъ чему служатъ письма Пушкина. Въ наше время исключительнымъ мастерствомъ эпистолярнаго таланта увлекъ читателей Чеховъ. Но „хорошія письма“, значительныя въ томъ или другомъ отношеніи, умѣли писать многіе, иногда невзначай, по поводу частнаго случая, высказывая вѣскія, искреннія и умѣло выраженныя сужденія, или сообщая интересные факты. Къ такого рода

документамъ присоединены эскизы, наброски и отрывки, иногда вполнѣ законченные, задуманныхъ, но почему-либо своевременно не завершенныхъ произведеній, оставшихся необнародованными. Наконецъ изъ частныхъ альбомовъ и коллекцій извлечено нѣсколько стихотвореній нашихъ поэтовъ, точнѣе стихотворныхъ посланій и посвященій, уцѣлѣвшихъ подобно засушеннымъ цвѣтамъ, любовно сбереженнымъ между страницъ старой книги, съ тою разницею, что они сохранились свѣжими и благоухающими неувядаемой поэзіей.

Ѳ. Батюшковъ.

Примѣчаніе: При напечатаніи текста писемъ орѳографія авторовъ нѣсколько нормирована, такъ какъ казалось излишнимъ въ этомъ изданіи воспроизводить всѣ описки, сокращенія, непослѣдовательности, а иногда и просто фантастическое написаніе словъ, по небрежности, торопливости или личной прихоти авторовъ. Опущены собственныя имена тамъ, гдѣ дѣло касается живыхъ еще личностей.

„Пушкинскій Домъ“

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Когда Россія въ 1899 году праздновала столѣтній день рожденія Пушкина, возникла мысль отмѣтить это торжество постановкой памятника поэту въ Петроградѣ.

Слово „памятникъ“ допускало разныя толкованія. Можно было ограничиться постановкой мраморнаго или бронзоваго изваянія, которое на долгій срокъ состязалось бы со стихіями и временемъ,—и тогда же на такой „рукотворный“ памятникъ была собрана довольно значительная сумма денегъ (120.000 р.).

Но почитатели поэта пошли дальше въ своемъ стремленіи связать память о немъ съ духовной жизнью его родины. „Нерукотворный“ памятникъ былъ созданъ самимъ поэтомъ въ сердцахъ всѣхъ его соотечественниковъ, и можно было для этой любви народной найти болѣе широкое и плодотворное выраженіе, чѣмъ простое возсозданіе земного облика художника.

Такъ возникъ „Пушкинскій Домъ“, или музей и библіотека имени Пушкина. Въ этомъ музеѣ предположено было сосредоточить всѣ тѣ реликвіи, относящіяся къ исторіи жизни и творчества Пушкина, какія могли бы еще находиться въ частныхъ рукахъ. Библіотека же должна была быть составлена такъ, чтобы ученый изслѣдователь могъ найти въ ней рѣшительно все (за исключеніемъ, конечно, рукописнаго матеріала, хранящагося въ другихъ собраніяхъ), что когда-либо было писано о Пушкинѣ и о его времени.

Этотъ первоначальный планъ Пушкинскаго Дома былъ однако очень скоро видоизмѣненъ и расширенъ. Рѣшено было приступить къ созданію такого музея и такой библіотеки, которые могли бы обслуживать лицъ, работающихъ не только надъ исторіей жизни и творчества Пушкина, а вообще надъ исторіей нашей отечественной словесности за весь XIX вѣкъ. Такимъ образомъ имя Пушкина должно было покрыть собою цѣлый столѣтній періодъ нашей литературной жизни. Предполагалось приступить къ собиранію архивовъ, рукописей, портретовъ,

бюстовъ всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ писателей русскихъ,—всего, что имѣетъ прямое отношеніе къ ихъ жизни и творчеству и что не попало еще въ тѣ или другіе общественные и казенные музеи и библіотеки. Сообразно съ этимъ и библіотека Пушкинскаго Дома должна была расшириться до полнаго собранія всего печатнаго матеріала, необходимаго при изученіи русской словесности, отъ Карамзина до Чехова.

Въ этомъ новомъ своемъ видѣ Положеніе о Пушкинскомъ Домѣ было Высочайше утверждено 14-го Іюля 1907 г., и работа по созданію новаго національнаго музея началась.

Домъ имени Пушкина станетъ впослѣдствіи—и, быть-можетъ, въ скоромъ времени,—несомнѣнно національнымъ музеемъ совсѣмъ особаго типа. Музей сохранитъ въ возможно большей полнотѣ рукописное наслѣдство писателей и всевозможныя реликвіи ихъ жизни, — то, что такъ быстро и безпощадно, оставаясь въ частныхъ рукахъ, уничтожается временемъ,—а библіотека дастъ ученымъ возможность производить свои изслѣдованія во всеоружіи всего печатнаго матеріала. Музей останется памятникомъ старины, а въ смежныхъ залахъ будетъ производиться ученая работа.

Созданіе такого музея потребуетъ, конечно, не малыхъ средствъ. Есть всѣ основанія думать, что законодательныя учрежденія, правительство и Городская Дума пойдутъ навстрѣчу этому начинанію, какъ до сихъ поръ они охотно откликались на болѣе мелкія нужды возникающаго музея.

Въ настоящее время Императорская Академія Наукъ дала пріютъ Пушкинскому Дому въ своихъ залахъ, но онѣ и теперь уже не позволяютъ вполнѣ развернуть всего богатства собранныхъ въ короткое время коллекцій. Библіотека, насчитывающая свыше 25.000 томовъ (въ ея составъ входитъ и личная библіотека А. С. Пушкина), и рукописный отдѣлъ, числящій въ себѣ свыше 10.000 нумеровъ, растущіе съ необычайной быстротой, потребуютъ въ очень непродолжительномъ времени выхода изъ гостепріимныхъ стѣнъ Академіи въ особое, къ нуждамъ музея приноровленное зданіе.

Издаваемые Пушкинскимъ Домомъ „Временники“ даютъ полный отчетъ о богатствѣ и литературной цѣнности собраннаго матеріала.

Объ этой цѣнности говорятъ и тѣ документы, которые впервые оглашены въ настоящемъ изданіи.

Несторъ Котляревскій.

а) Тридцать четыре письма Гончарова къ Ю. Д. Ефремовой.

(1849—1874).

Настоящія письма — дополненіе и продолженіе той переписки Гончарова съ его давнею пріятельницей—Юніей Дмитріевной Ефремовой, рожд. Гусятниковой,— которую мы опубликовали во „Временникѣ Пушкинскаго Дома 1914 г.“ [1]). Печатаемыя нынѣ 34 письма и записки Гончарова, недавно перешедшія въ собранія Пушкинскаго Дома отъ дочери Ю. Д. Ефремовой—Ю. А. Пухальской, внѣ сравненія цѣннѣе и содержательнѣе тѣхъ 16 писемъ и записокъ Гончарова, которыя были напечатаны во „Временникѣ“; біографъ, безъ сомнѣнія, оцѣнитъ по достоинству тѣ данныя біографическаго и историко-литературнаго значенія, которыя разсѣяны въ письмахъ Гончарова къ его близкой пріятельницѣ, съ коею онъ издавна и неизмѣнно былъ друженъ и откровененъ. Исторія работы Гончарова надъ „Обломовымъ“, постоянныя его колебанія и неувѣренность въ своихъ силахъ, намѣренія совсѣмъ бросить литературную дѣятельность, чтобы болѣе къ ней не возвращаться, смѣна настроеній и постепенное нарастаніе мрачныхъ, мизантропическихъ взглядовъ на жизнь и на самого себя, — все это очень живо отражается въ публикуемыхъ нынѣ письмахъ. Не всѣ эти письма, конечно, равноцѣнны, но всѣ любопытны для характеристики писателя, во многомъ еще загадочнаго, непонятнаго, всѣ рисуютъ его въ симпатичныхъ, мягкихъ тонахъ.

Въ примѣчаніяхъ нами даны лишь самыя необходимыя фактическія разъясненія, помогающія чтенію писемъ и пониманію нѣкоторыхъ обстоятельствъ; письма, не имѣющія датъ, поставлены, по возможности, въ точныя хронологическія рамки.

Б. Модзалевскій.

1.

Симбирскъ, 20-го Августа 1849.

Гдѣ Вы? Что Вы, прекрасная Юнія Дмитріевна? Цвѣтете и здоровѣете на Безбородкинскихъ болотахъ? [2]) Веселитесь, или скучаете? Все ли оплакиваете постоянное отсутствіе Александра Павловича [3]) и присутствіе г. Сомова? Гуляете ли по саду въ качествѣ молодой, интересной маменьки, съ нарядной нянькой и ребенкомъ [4]) позади? Или сидите у себя въ комнатѣ, то понюхивая цвѣты, то лѣниво перебирая клавиши, или зѣвая за книгой? Грустите ли прозаически, что денегъ нѣтъ, или поэти-

---

[1]) См. Б. Л. Модзалевскій, „Изъ переписки И. А. Гончарова“—„Временникъ Пушкинскаго Дома 1914 г.“, Пгр. 1915, стр. 94—130.

[2]) Ефремовы жили на дачѣ подъ Петербургомъ, въ Полюстровѣ, по Безбородкинскому проспекту,—въ мѣстности, бывшей тогда и позже моднымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ петербуржцевъ средняго достатка.

[3]) Ефремова, мужа адресатки.

[4]) У Ю. Д. Ефремовой была одна дочь—Юнія Александровна, нынѣ г-жа Пухальская.

чески, что напрасно была намъ молодость дана? Да, да, есть иногда о чемъ погрустить, а всего болѣе о прошедшей молодости: этотъ рѣзвый другъ измѣняетъ безвозвратно, не то, что я Вамъ. Я, разумѣется, говорю о своей прошедшей юности, а не о Вашей: гдѣ Вамъ состариться! Вы вѣчно Юная, а съ нѣкоторыхъ поръ начали младенческую жизнь, т.-е. живете жизнью Вашего младенца. (А что, онъ цѣлъ?). Вотъ мнѣ такъ другое дѣло: достается отъ лѣтъ. Тяжесть-то какая, скука-то, лѣнь-то, проза-то, холодъ-то. Ахъ, ты Боже мой! Но все это въ Петербургѣ, а не здѣсь. Здѣсь я ожилъ, отдохнулъ душой и даже помолодѣлъ немного, но только поддѣльною, фальшивою молодостью, которая, какъ минутная веселость отъ шампанскаго, грѣетъ и живитъ на минуту. Мнѣ и не скучно пока, и не боленъ я, и нѣтъ отвращенія къ жизни, но все это на три мѣсяца [1]). Ужъ чувствую я надъ головой свистъ вѣчнаго бича своего—скуки: того и гляди пойдетъ свистать. Правъ Байронъ, сказавши, что порядочному человѣку долѣе 35 лѣтъ жить не слѣдуетъ. За 35 лѣтъ живутъ хорошо только чиновники, какъ понаворуютъ порядкомъ, да накупятъ себѣ домовъ, экипажей и прочихъ благъ. Чего же еще, рожна, что ли? спросятъ. Чего? чего? Что отвѣчать на такой странный вопросъ? Отсылаю вопрошателей къ Байрону, Лермонтову и подобнымъ имъ. Тамъ пусть ищутъ отвѣта.

Ну-съ еще что? Да: я поизмѣнилъ Вамъ немного, какъ и Вы мнѣ, помните? А что, злодѣй-то мой въ Петербургѣ? Нашелъ я здѣсь нѣсколько милыхъ женщинъ и о Петербургскихъ, разумѣется, пока забылъ. По обыкновенію своему я напакостилъ, какъ это дѣлаю всюду, куда ни появлюсь, и напакостилъ глубоко, но еще не такъ глубоко, какъ бы желалъ. Впрочемъ, не отчаяваюсь. Да мужья-то здѣсь ревнивы и сердиты, вечера коротки, ночи темны, собаки многи и злы—пакостить-то неудобно. Никакъ нельзя пропасть изъ дому такъ, чтобъ не знали, куда. Сидишь въ одномъ домѣ, а въ десяти другихъ знаютъ объ этомъ. Пропалъ-было я разъ на цѣлый день, перебывалъ нарочно мѣстахъ въ четырехъ, чтобъ замести всякій слѣдъ за собой, и наконецъ добрался до пятаго мѣста, сижу и пакощу тамъ, потомъ выхожу поздно на улицу, смотрю чья-то лошадь у крыльца. „Чей кучеръ?“ спрашиваю. „Да вашъ. Маменька [2]) лошадь прислала, дождь идетъ!“ Вотъ Вамъ и провинція, вотъ и пакости поди.

Вы передъ отъѣздомъ моимъ сулили мнѣ трудовъ, славы, посулили и еще одно. Но объ этомъ ниже. И вотъ ни трудовъ,

---

[1]) Т.-е., на время трехмѣсячнаго отпуска, которымъ Гончаровъ въ это время пользовался; получивъ этотъ отпускъ съ 15-го іюля 1849 г. на 29 дней, онъ получилъ потомъ отсрочку на 3 мѣсяца. См. А. А. Мазонъ. „Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова“, Спб. 1912, стр. 15—18, гдѣ напечатано письмо Гончарова къ А. А. Краевскому изъ Симбирска же отъ 25-го сентября 1849 г., служащее прекрасною параллелью къ настоящему письму его къ Ю. Д. Ефремовой, а также книгу A. Mazon: „Un maître du roman Russe—Ivan Gontcharov“, Paris. 1914, p. 95—102.

[2]) Авдотья Матвѣевна Гончарова, рожд. Шахторина, родилась въ 1787 г., умерла въ Симбирскѣ 11-го апрѣля 1851 г.

ни славы [1]). Здѣсь я окончательно постигъ поэзію лѣни и это—единственная поэзія, которой буду вѣренъ до гроба, если только нищета не заставитъ меня приняться за ломъ и лопату. Что если бъ я по часу въ день писалъ съ такой охотой что-нибудь другое, съ какой пишу къ Вамъ это письмо? Да нѣтъ, нѣтъ! А письмо-то, видите, пишу, слово-то держу. А Вы держите Ваше, помните, что дали при прощаньѣ? Вѣдь я этого не забылъ, да и не забуду. Нарочно за этимъ пріѣду въ Петербургъ, а то бы и здѣсь просидѣлъ 14 лѣтъ, какъ просидѣлъ ихъ въ Петербургѣ [2]). Вспомнить не могу, что надо ѣхать туда, опять приняться за хожденіе на службу [3]), за обычную тоску и лѣнь. Какая разница между здѣшнею и Петербургскою лѣнью! Только и отрады въ виду, что хожденіе къ Вамъ, сидѣніе на Вашемъ маленькомъ овальномъ диванчикѣ... и нѣсколько тому подобныхъ благъ.—А получите Вы меня обратно и заключите въ свои объятія не прежде, какъ въ половинѣ Октября. Если вздумаете порадовать меня записочкой, то вручите ее Евгеніи Петровнѣ [4]), а если письмомъ, то адресуйте прямо въ Симбирскъ, у Вознесенья въ собствен. домѣ. Вы по переѣздѣ съ дачи хотѣли искать, кажется, новой квартиры: найдите на Литейной, чтобъ мнѣ было ловко бѣгать къ Вамъ.

Поклонитесь отъ меня сосѣдямъ: Юліи Петровнѣ съ семьей, да Степану Семенычу [5]) особый поклонъ и рукопожатіе. Не упоминаю о поклонѣ почтеннѣйшему Александру Павловичу [6]), потому что это само собою разумѣется.

Припадая къ стопамъ Вашимъ и цѣлуя Вашу ручку, или что пожалуете, остаюсь до гроба другъ Вашъ

И. Гончаровъ.

На конвертѣ: Юніи Дмитріевнѣ, тихонько отъ мужа.

2.

$\frac{20\ \text{Іюня}}{2\ \text{Іюля}}$ [1853 г.]. Гон-Конгъ.

Здравствуйте, вѣчно юный и прекрасный другъ мой Юнія Дмитріевна.

Я простился письмомъ изъ Сингапура съ Майковыми [7]) и Языковыми [8]) передъ отъѣздомъ въ дальнія и невѣдомыя страны:

---

[1]) Напомнимъ, что въ это время Гончаровъ уже былъ извѣстенъ, какъ авторъ „Обыкновенной исторіи“, и обдумывалъ начатаго „Обломова“ и „Обрывъ“.

[2]) Въ Петербургѣ Гончаровъ поселился съ весны 1835 года.

[3]) Гончаровъ служилъ тогда (съ 1835 г.) въ Департаментѣ Внѣшней торговли.

[4]) Майковой, женѣ художника Н. А. Майкова, матери братьевъ Майковыхъ—поэта, критика и ученаго.

[5]) Дудышкину, сотруднику „Отечественныхъ Записокъ“, близкому къ семьѣ Майковыхъ и къ Гончарову.

[6]) Ефремову, мужу адресатки.

[7]) Н. А. и Е. П. Майковы и ихъ семья.

[8]) М. А. и Е. А. Языковы, о коихъ см. въ статьѣ нашей: „Изъ переписки И. А. Гончарова“ во „Временникѣ Пушкинскаго Дома 1914 г.“, гдѣ на стр. 98—100 напечатано письмо Гончарова къ Языкову отъ 15/27-го декабря 1853 г., изъ Saddle Islands, въ Китаѣ.

не могу уѣхать, не простясь и съ Вами надолго, а кто знаетъ, можетъ-быть, и навсегда. Но полно вдаваться въ чувствительность, скажите лучше, вспоминаете ли Вы иногда обо мнѣ, видите-ли мысленно меня, то бросаемаго качкой изъ угла въ уголъ каюты, то изнемогающаго отъ лучей здѣшняго язвительнаго солнца, или гуляющаго среди пальмъ и потомъ лѣниво отдыхающаго на мраморной верандѣ Гонконгскаго клуба, или Сингапурской отели, гдѣ по вечерамъ надъ головами бѣгаютъ ящерицы, а около балкона и по балкону летаютъ мыши и прочая т. п. дрянь? Можетъ ли ваше сѣверное воображеніе не [sic] представить себѣ всѣ эти картины, сцены, Китайскія, Индѣйскія и Малайскія, которыя я вижу не во снѣ и не воображеніемъ? Что̀ касается до меня, я часто слѣжу за Вами, невидимо являюсь среди Васъ, то съ апатіей, то съ какой-нибудь рѣзкой, трескучей шуткой, или просто раздражительной бранью, со всѣмъ тѣмъ, что̀ такъ великодушно сносили и прощали мнѣ вы всѣ, мои друзья, въ уваженіе Богъ знаетъ какихъ заслугъ. Я теперь въ странномъ моральномъ состояніи, не знаю, чего пожелать: продолжать путешествовать,—но порывъ мой, старая мечта—удовлетворилась; любознательности у меня нѣтъ, я никогда не хотѣлъ знать, я хотѣлъ только видѣть и повѣрить картины своего воображенія, кое-что стереть, кое-что прибавить; желать вернуться—за чѣмъ? Опять къ прежнему, и дай Богъ, если еще къ прежнему, а если того не найдешь, это прошло, исчезло, то измѣнилось. Такъ и не знаешь, что̀ съ собою дѣлать. Въ ожиданіи чего-нибудь лучшаго, пока пью декоктъ и плачу дань климату—лихорадкой.

Черезъ три дня мы уходимъ отсюда, но изъ тропиковъ долго еще не выберемся. Можетъ-быть, въ августѣ придемъ и къ цѣли своего путешествія. Но все это еще не ведетъ къ обратному пути: ранѣе двухъ лѣтъ не видать Россіи тѣмъ изъ насъ, кому суждено ее видѣть.

Я пока шляюсь все по китайскому городу, да наблюдаю китайцевъ, чтобъ было что̀ поразсказать о нихъ, если вернусь. Между прочимъ, покупаю разныхъ бездѣлушекъ, то вѣеръ, то рѣзной портфель для визитныхъ карточекъ и т. п. дряни. Есть хорошенькіе ящики для чаю и рукодѣлья, но крупныхъ вещей некуда брать, особенно еще таскать съ собой два года.

Что̀ Александръ Павловичъ[1]), что Ѳеня? Обнимите за меня обоихъ: Алекс. Павл., я полагаю, не удастся.—Хотя здѣшнія китаянки и не хороши, но Вы здѣсь не были бы красавицей и между ними: ноги велики и скоро ходите; онѣ вовсе не ходятъ. Ну, до свиданья, другъ мой. Весь вашъ

И. Гончаровъ.

Майковымъ[2]) поклонъ—писать не буду: недавно писалъ, и то, я думаю, они бранятъ меня.

На оборотѣ письма: „Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой“ и ея помѣтка: „20-го Іюня Гонконгъ“ и „отвѣчала“.

---

[1]) Ефремовъ, мужъ адресатки.
[2]) Семьѣ Н. А. и Е. П. Майковыхъ.

При письмѣ этомъ сохранился конвертъ отъ другого, болѣе ранняго, но до насъ не дошедшаго, письма Гончарова, изъ Портсмута, со слѣдующимъ адресомъ: Russia. St.-Pétersbourg. Ея Высокоблагородію Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой, въ С.-Петербургѣ. На углу Большой Садовой улицы и Екатерингофскаго проспекта, въ домѣ Полосухина, бывшемъ Адама (входъ съ Садовой). Franco. Почтовые штемпеля: Portsmouth Dec... 1852; Получено 1852.... 27. Приложена гравированная на стали картинка съ видомъ Portsmouth.

3.

Якутскъ, 15-го Сентября [1854 г.] [1].

Прекрасный другъ мой Юнія Дмитріевна. Писанное Вами за годъ и, конечно, уже забытое теперь письмо я получилъ съ Діаной [2]) и обрадовался ему, какъ голосу сестры и друга. Нужды нѣтъ, что Вы прочтете большое письмо къ Майковымъ [3]), прочтите и это, собственно къ Вамъ. Мнѣ такъ пріятно вызвать мысленно Васъ издалека сюда, въ глухой и пустынный Якутскъ, посадить Васъ вотъ хоть на медвѣжью шкуру и не наглядѣться на Васъ, слушать и не наслушаться, говорить и не наговориться. Вѣдь это любовь, душа моя, право, должно-быть, любовь! Я даже чувствую сладкій трепетъ, воображая, какъ бы крѣпко я съ Вами поздоровался; или это, можетъ-быть, такъ послѣ бани мнѣ кажется. Что бы тамъ ни было, но если мнѣ предстоитъ пробыть здѣсь ужасныхъ полтора—два мѣсяца, что можетъ свести съ ума и не такую нетерпѣливую голову, какова моя, я только одну отраду и вижу въ моемъ заточеніи: это надѣяться на свиданіе съ друзьями и въ этой надеждѣ время отъ времени писать къ нимъ, воображать ихъ здѣсь, говорить съ ними, какъ я дѣлаю теперь и дѣлалъ вчера съ Майковыми. Даже нѣкоторые изъ здѣшнихъ жителей, какъ будто изъ жалости, совѣтуютъ мнѣ уѣзжать скорѣй. Только архіерей [4]), да губернаторъ [5]) желаютъ, чтобъ я остался, и нѣкоторые другіе изъ эго-

[1]) О поѣздкѣ Гончарова черезъ Сибирь и о пребываніи его въ Якутскѣ см. въ VII, VIII и IX главахъ II тома „Фрегата Паллады“, а также въ цитированной выше брошюрѣ А. А. Мазона „Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова“, С.-Пб. 1912, стр. 19 — 29, и въ его же книгѣ: „Un maître du roman Russe“, стр. 105 и сл.

[2]) Фрегатъ „Діана,“ который отправленъ былъ въ кругосвѣтное плаваніе въ 1853 г. и у береговъ Японіи потерпѣлъ крушеніе въ началѣ 1854 г. (См. въ очеркѣ Гончарова „Черезъ двадцать лѣтъ“).

[3]) Н. А. и Е. П. Майковымъ. Письма къ нимъ Гончарова въ печати еще не появлялись.

[4]) Иннокентій Веніаминовъ (род. 1797, ум. 1879), съ 21-го апрѣля 1850 г. архіепископъ Камчатскій,—до 5-го января 1868 г., когда былъ назначенъ Митрополитомъ Московскимъ; извѣстный ученый и миссіонеръ, просвѣтитель якутовъ. См. отзывъ о немъ Гончарова въ VIII главѣ II тома „Фрегата Паллады“ (изд. Маркса, т. VII, стр. 220—221).

[5]) Якутскимъ Гражданскимъ губернаторомъ съ 1-го ноября 1850 г. по 23-е октября 1856 г. былъ Константинъ Никифоровичъ Григорьевъ; о немъ см. въ цитированной статьѣ А. А. Мазона, стр. 20—21, и тамъ же—большое письмо Гончарова къ Григорьеву отъ 31-го декабря 1854 г. (стр. 25—28).

изма, какъ они говорятъ. Это очень лестно, но еще болѣе скучно. Н. Н. Муравьевъ (Ген.-Губ. В. Сибири) [1]) былъ тоже какъ нельзя болѣе любезенъ, звалъ въ Иркутскъ дождаться тамъ зимы. Вотъ въ этомъ приглашеніи больше заманчиваго: тамъ большое и порядочное общество, разнообразіе въ людяхъ [2]), жизненныя удобства, наконецъ женщины, которыхъ я такъ давно не видалъ, по крайней мѣрѣ, русскихъ. Все-таки то—столица Сибири, а здѣсь, Боже мой, деревня съ претензіями быть городомъ. Что это судьба дѣлаетъ со мною? Куда забросила меня? Ужели мало ей показалось моего скитанья по океанамъ, по зною, по дикимъ и пустымъ берегамъ, по негостепріимнымъ странамъ, какъ Японія и Китай, наконецъ, по Сибирскимъ тундрамъ? Надо, видно, истомиться и истощиться мнѣ до конца и нравственно, какъ истомился я матеріально, и пріѣхать къ Вамъ хуже и старѣе всякой затасканной тряпки. Зачѣмъ это? Чтобъ умереть? Но это можно бы сдѣлать проще и короче. Чтобъ лучше жить? Но послѣ такой ломки трудно жить. Мнѣ ужъ и не желается какъ-то ничего, и не снится надеждъ никакихъ, и вялъ я сдѣлался, а вѣдь если жить, такъ надо работать хоть для пропитанія. Но что это я, чѣмъ занимаю Васъ: ропотомъ? Прочь эти мрачныя мысли, передо мной теперь Вы, съ яснымъ взглядомъ и дружеской улыбкой. Не до тоски мнѣ. Она временно только набѣгаетъ на меня, шквалами (простите моряку за выраженіе). Если бъ я отдался ей совсѣмъ, то былъ бы недостоинъ... хоть дружбы такой милой женщины, какъ Вы. Въ письмѣ къ Майковымъ Вы прочтете, что у меня сдѣлалась опухоль въ ногахъ. Еще не знаю, что это такое. Былъ докторъ, но и тотъ еще ничего не рѣшилъ, а между тѣмъ завтра же надо уѣзжать, или ждать здѣсь зимы. Какъ я поѣду: если случится подобное въ дорогѣ, то можно умереть, не имѣя пособій. До Иркутска 3000 верстъ и только два городишка и то заурядъ.— Прощайте, или до свиданія, какъ Богу угодно. Поклонитесь хорошенько Александру Павловичу [3]) да поцалуйте Ѳеню. Попеняйте на досугѣ Льховскому [4]), что онъ меня забылъ. Теперь ужъ не пишите ко мнѣ, безполезно. Если я пробуду и два мѣсяца здѣсь, все-таки письмо не успѣетъ оборотиться, развѣ что я останусь здѣсь до весны или цѣлую вѣчность, что все равно и отъ отъ чего Боже храни.

Весь Вашъ Гончаровъ.

На конвертѣ: Юніи Дмитріевнѣ. Помѣта Ю. Д. Ефремовой: Якутскъ 15-го Сентября.

---

[1]) Извѣстный Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій.

[2]) Здѣсь, между прочимъ, жилъ тогда декабристъ С. Г. Волконскій и нѣкоторые другіе декабристы.

[3]) Ефремову, мужу адресатки.

[4]) Иванъ Ивановичъ Льховскій, о которомъ см. въ моей статьѣ „Изъ переписки И. А. Гончарова“ во „Временникѣ Пушкинскаго Дома 1914 г.“, стр. 102 и ниже его письмо къ Гончарову 1856 года; см. также въ „Русск. Стар.“ 1914 г., № 2, стр. 421. Льховскій былъ товарищемъ Владиміра Николаевича Майкова по Петербургскому Университету, въ которомъ они оба окончили курсъ въ 1850 году кандидатами разряда камеральныхъ наукъ Юридическаго Факультета.

24-го Апрѣля [1855 г. Петербургъ]. Воскресенье [1]).

Вчера у Писемскихъ [2]) былъ только одинъ Николай Аполлоновичъ [3]); онъ сказывалъ, что Евгенія Петровна [4]) сильно простудилась, такъ что должна лечь въ постель, слѣдовательно о Тарасовыхъ ей и думать нельзя. Онъ очень о ней безпокоится.

Я намѣренъ обѣдать сегодня у Языковыхъ [5]), а оттуда полагаю проѣхать къ Майковымъ.

Посылаю Вамъ сочиненія Писемскаго: берегите пуще глаза [6]).

До свиданья. Вашъ Гончаровъ.

На оборотѣ: Записку Вашу я отдалъ вчера Николаю Аполлоновичу. И Аполлонъ [7]), говорятъ, нездоровъ.

Ея Высокоблагородію Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой.

На конвертѣ: Юніи Дмитріевнѣ.

5.

Ю. Д. Ефремова—Гончарову.

13-го мая [1855 г. Петербургъ].

Погода такъ хороша, что вѣроятно Майковы [8]) и вы уѣдете на дачу, я же сижу дома одна и вы меня премного одолжите, если пришлете за нынѣшній мѣсяцъ „Современникъ“ и „Отеч. Зап.“

Душой вамъ преданная Ю. Ефремова.

13-го Мая.

На оборотѣ: Его Высокородію Ивану Александровичу Гончарову.

Отвѣтъ Гончарова:

Я обѣщалъ Старику [9]) пріѣхать къ нему обѣдать: если хотите, я заѣду за Вами до обѣда, или послѣ обѣда, какъ хотите, и поѣдемте вмѣстѣ. Дайте мнѣ знать: я часовъ до трехъ буду дома, а если не пришлете, значитъ Вамъ нельзя.

Посылаю Вамъ Совр[еменникъ] и Отеч. Зап. за Апрѣль.

Вашъ Гончаровъ.

13.

---

[1]) 24-е апрѣля приходилось на воскресенье въ 1855 году.

[2]) Т.-е., у писателя Алексѣя Ѳеофилактовича Писемскаго, женатаго на Екатеринѣ Павловнѣ Свиньиной, дочери писателя П. П. Свиньина (основателя „Отечественныхъ Записокъ“) отъ брака его съ Надеждой Аполлоновной Майковой (ум. 1857), родной сестрой Н. А. Майкова.

[3]) Майковъ.

[4]) Майкова, жена Николая Аполлоновича, рожд. Гусятникова, тетка Ю. Д. Ефремовой.

[5]) М. А. и Е. А. Языковы, о коихъ см. выше.

[6]) Вѣроятно, надо имѣть въ виду оттиски сочиненій Писемскаго изъ разныхъ журналовъ, ибо первое собраніе сочиненій Писемскаго вышло лишь въ 1861—1867 г. Съ настоящимъ письмомъ, вѣроятно, надо поставить въ связь шуточную риѳмованную записку Гончарова къ Ю. Д. Ефремовой отъ 4-го мая, предположительно отнесенную нами къ 1860-мъ годамъ: см. „Временникъ Пушкинскаго Дома 1914 г.“, стр. 112.

[7]) А. Н. Майковъ, поэтъ.

[8]) Н. А. и Е. П. Майковы.

[9]) Владиміру Николаевичу Майкову.

6.

[Лѣто 1855 г. Петербургъ] [1]).

Я, можетъ-быть, приду къ Вамъ, Ю. Д., часу въ девятомъ пить чай и потомъ возьму Васъ съ собой на балъ въ Полюстрово, а Вы будьте готовы, да, пожалуйста, приготовьте мнѣ письмо, которое я писалъ Вамъ изъ Англіи [2]), мнѣ крайняя надобность, я сегодня статью пишу объ этомъ.

Вашъ другъ

Гончаровъ Ваничка.

7

3-го іюня [1855 г. Петербургъ].

Посылаю Вамъ Іюньскую книжку Отеч. Записокъ и картинку. Вы можете взять книжку на дачу съ собой и передайте ее тамъ, по прочтеніи, Екатеринѣ Павловнѣ Майковой [3]). Предыдущія двѣ она можетъ взять прямо отъ Евг. Петровны [4]). Не потеряйте только. Посылаю и свою статью (изъ Морск. Сборн.): эту можете потерять [5]).

До свиданія.

Вашъ Гончаровъ.

3 Іюня.

На конвертѣ. Ея Высокоблагородію Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой.

8.

3-го октября [1855 г. Петербургъ].

Третьяго-дня умерла та барыня [6]), съ которой пріѣхала сюда Е. В. Толстая [7]). Передъ смертью она пожелала, чтобъ тѣло ея отвезли въ ея имѣніе въ Симбирскую губ. Вамъ до этого никакого дѣла нѣтъ, и мнѣ тоже, но сестра этой дамы, m-me Полозова, а болѣе Елизавета Вас. обратилась ко мнѣ съ просьбой узнать въ дирекціи желѣзной дороги:

---

[1]) Писана на лоскуткѣ бумаги краснымъ карандашомъ.

[2]) Вѣроятно, письмо изъ Портсмута отъ декабря 1852 г., о которомъ см. выше, стр. 12.

[3]) Женѣ Владиміра Майкова, имѣвшей прозвище „Старушка".

[4]) Майковой, жены Николая Аполлоновича,

[5]) „Изъ Якутска", отрывокъ изъ „Фрегата Паллады" — появился въ VI книгѣ „Морского Сборника" за 1855 годъ.

[6]) Госпожа Богданова, о болѣзни которой неоднократно упоминается въ письмахъ Гончарова къ Е. В. Толстой („Голосъ Минувшаго" 1913 г., № 11, стр. 215, 217, 220, 222, 223, 224, въ статьѣ П. Н. Сакулина).

[7]) Елизавета Васильевна, впослѣдствіи, по мужу, Мусина-Пушкина; ею въ это время очень увлеченъ былъ Гончаровъ и былъ съ нею въ дѣятельной перепискѣ, опубликованной П. Н. Сакулинымъ въ „Голосѣ Минувшаго" 1913 г., № 11 и 12. См. также нашу статью „Изъ переписки И. А. Гончарова" во „Временникѣ Пушкинскаго Дома 1914 г.", стр. 107—109 и слѣдующія письма.

1) Нуженъ ли особенный вагонъ для тѣла и что онъ стоитъ? и 2) Нельзя ли помѣстить на одной платформѣ съ гробомъ двухъ людей умершей и ея вещи? (Имъ сказали, что будто едва ли можно).

Я отвѣчалъ Елизав. Вас., что самъ ничего не знаю, но что попрошу покорнѣйше освѣдомиться Васъ черезъ Александра Павл. [1]) или черезъ П. П. Зуева [2]), и увѣрилъ, что Вы замолвите даже слово, чтобы сдѣлали возможныя снисхожденія, напримѣръ, помѣстили бы людей вмѣстѣ съ гробомъ и т. п. Они желаютъ, чтобы это все сдѣлано было съ возможною экономіею.

Елизавета Вас. не рѣшается просить Васъ, говоря, что она не считаетъ себя въ правѣ безпокоить Васъ и т. п. Я увѣрилъ ее, что Вы сдѣлаете, что можно, ни для нея, ни для меня, а для самаго дѣла, потому что Вы таковы по Вашей природной добротѣ.

Скажите, можете ли Вы освѣдомиться обо всемъ этомъ черезъ Александра Павл. и попросить его поговорить съ Петромъ Павл. [3]). Я бы сегодня вечеромъ зашелъ къ Вамъ за отвѣтомъ или прислалъ завтра утромъ? Тѣло должно быть *увезено въ Среду*.

Извините, ради Бога, что безпокою Васъ, но всѣ эти барыни въ тревогѣ, не спятъ, не знаютъ что дѣлать. Сегодня къ нимъ, пріѣдетъ какой-то родственникъ, мужъ m-me Полозовой.

До свиданія.

Вашъ Гончаровъ.

Докторъ былъ взятъ по моей рекомендаціи, и покойница передъ смертью помянула, кажется, меня лихомъ. „Какого это онъ доктора рекомендовалъ мнѣ“, сказала она.

Вчера Васъ ждали у Майковыхъ [4]): тамъ было, между прочимъ, семейство Штакеншнейдеровъ [5]).

Извините за такое гробовое письмо.

На конвертѣ: Ея Высокоблагородію Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой. Отъ Гончарова.

9.

15-го октября 1855 г. [Петербургъ].

Вчера я узналъ, что Елизавета Вас. [6]) ѣдетъ сегодня утромъ: Евгенія Петровна [7]) и Старушка [8]) сбираются проводить ее.

---

[1]) Ефремова, мужа адресатки.

[2]) Полковникъ Петръ Павловичъ Зуевъ, Помощникъ Начальника Николаевской желѣзной дороги.

[3]) Зуевымъ.

[4]) Т. е. у Н. А. и Е. П. Майковыхъ.

[5]) Т. - е., семья придворнаго архитектора, профессора Андрея Ивановича Штакеншнейдера; любопытные въ историко-литературномъ и общественно-историческомъ отношеніяхъ дневники его дочери Е. А. Штакеншнейдеръ (между прочимъ, и за 1855 годъ) см. въ „Голосѣ Минувшаго“ 1915 и 1916 гг.

[6]) Толстая (см. предыдущее письмо).

[7]) Майкова.

[8]) Екатерина Павловна Майкова, рожд. Калита, жена средняго изъ братьевъ Майковыхъ—Владиміра Николаевича (род. 1826, ум. 1885).

Кажется, и я тоже. Вчера я проводилъ ее къ Майковымъ; у ней явилась мысль заѣхать за Вами, тѣмъ болѣе, что карета была четвероместная, но было уже 8 часовъ, когда это она вздумала. До тѣхъ поръ она все укладывалась.

До свиданія, надѣюсь, на желѣзной дорогѣ.

Вашъ Гончаровъ.

15 октября 55.

На оборотѣ: Ея Высокоблагородію Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой.

10.

17-го октября [1855 г. Петербургъ].

Я самъ за этимъ же сейчасъ заѣду къ ней [1]), т.-е. узнать, гдѣ она и что она. Вчера они сбирались всѣ въ театръ: не знаю, чѣмъ это кончилось. Если она ѣдетъ завтра, то я прерано дамъ Вамъ о томъ знать. Посылаю Вамъ брошюры [2]).

Вашъ И. Гончаровъ.

17 окт.

На конвертѣ: Ея Высокоблагородію Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой.

11.

15-го декабря [1855 г. Петербургъ].

У хозяйки — флюсъ и зубы болѣли: все общество ждало цѣлый вечеръ, потому что она, говорятъ, выходитъ обыкновенно поздно; но она не выходила [3]). Было мало, почти не больше, какъ у Майк. [5]) въ большое Воскресенье. Мих[айлову] [4]) — слышь — предстоитъ непремѣнно явиться опять и, вѣроятно, являться не разъ. Подробности оставлю до свиданія. За человѣка благодарю и увѣренъ, что не откажете и впередъ.

Вашъ Гончаровъ.

15 Дек.

На конвертѣ: Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой.

---

[1]) Елизаветѣ Васильевнѣ Толстой, которая уѣхала изъ Петербурга 18-го октября. Ср. „Голосъ Минувшаго“ 1913 г., № 11, стр. 226—229 и „Временникъ Пушкинскаго Дома 1914 г.“, стр. 109.

[2]) Оттиски отдѣльныхъ главъ „Фрегата Паллады“, печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1855 г.

[3]) Имѣется въ виду, вѣроятно, одинъ изъ литературныхъ вечеровъ у архитектора Штакеншнейдера, семья котораго очень желала видѣть у себя и Гончарова („Голосъ Минувшаго“ 1913 г., № 11, стр. 235).

[4]) У Н. А. и Е. П. Майковыхъ; Гончаровъ долженъ былъ познакомиться со Штакеншнейдерами черезъ послѣднюю (тамъ же).

[5]) Михаилъ Иларіоновичъ Михайловъ, извѣстный поэтъ, начавшій посѣщать Штакеншнейдеровъ въ октябрѣ 1855 г. („Голосъ Минувшаго“ 1915 г., № 11, стр. 162, Дневникъ Е. А. Штакеншнейдеръ).

12.

[Вторая половина 1850-хъ годовъ. Петербургъ].

Я лѣкарство не принималъ, и мнѣ ничего хуже нѣтъ. Хотите ли обѣдать у Луи со Старикомъ и Старушкой [1]). Я Васъ угощаю обѣдомъ. Если пожелаете, то не хотите ли, чтобы я часа въ три за Вами зашелъ, или не придете ли сами къ Старушкѣ и оттуда вмѣстѣ съ ней пойдете въ харчевню. Послѣ обѣда всѣ пошли бы къ Старику спать—попарно. Только не знаю, кто вечеромъ приведетъ Васъ назадъ домой: если будете очень милы со мной, то я и оттуда могу заѣхать за Вами. Напишите же, поѣдете ли, и заѣзжать ли мнѣ въ 3 часа за Вами?

Посылаю Вамъ два романа Григоровича: берегите пуще глаза.

До свиданья.

Вашъ нѣжный любовникъ Гончаровъ.

На конвертѣ: Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой.

13.

[Вторая половина 1850-хъ годовъ. Петербургъ] [2]).

Выможенный Евгеніею Петровною [3]) у меня обѣдъ долженъ состояться послѣзавтра въ 4 часа у Аполлона Николаевича [4]), куда и прошу покорнѣйше Васъ съ Александромъ Павловичемъ [5]) прибыть неукоснительно.

И. Гончаровъ.

14.

[Вторая половина 1850-хъ годовъ. Петербургъ].

Посылаю Вамъ Соврем[енникъ] и Пантеонъ. Я тоже, можетъ-быть, буду у Майковыхъ.

Гончаровъ.

15.

[Вторая половина 1850-хъ годовъ. Петербургъ].

Вотъ Вамъ Современникъ: можете держать его нѣсколько дней и потомъ передайте мнѣ, а не Майковымъ [6]): у нихъ есть.

Вѣроятно, я зайду сегодня вечеромъ къ Вамъ: если Вы куда-нибудь собираетесь, скажите теперь. Не соберемся ли мы, если Вамъ надоѣстъ сидѣть со мной, къ Языковымъ [7]) или къ Евг. Петровнѣ [8]), или къ Старушонкѣ [9]).

До свиданья.

На оборотѣ: Юніи Дмитріевнѣ.

---

[1]) В. Н. и Е. П. Майковыми.
[2]) Записка карандашомъ.
[3]) Майковою.
[4]) Поэта Майкова.
[5]) Ефремовымъ, мужемъ адресатки.
[6]) Н. А. и Е. П. Майковымъ.
[7]) М. А. и Е. А. Языковы; см. выше.
[8]) Майковой.
[9]) Екатеринѣ Павловнѣ Майковой, женѣ Владиміра Николаевича Майкова.

16.

[Вторая половина 1850-хъ годовъ. Петербургъ].

Сейчасъ Кошкаровъ [1]) прислалъ мнѣ записку съ вопросомъ, будетъ ли завтра у Евгеніи Петровны [2]) Некрасовъ. Я Некрасова не видалъ и потому ничего не могу теперь сказать. Если увижу сегодня вечеромъ и уговорю завтра ѣхать, то завтра же утромъ пришлю Вамъ сказать, а если не пришлю—значитъ, онъ не будетъ. При семъ имѣю честь препроводить сотню папиросъ для Александра Павловича [3]), которому свидѣтельствую свое почтеніе; теперь мы квиты.

Честь имѣю кланяться.

И. Гончаровъ.

Суббота.

На конвертѣ: Ея Высокоблагородію Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой. На Вознесенской, въ домѣ Штрауха.

17.

И. И. Льховскій [4])—Гончарову.

[Іюль 1856 г.? Петербургъ].

Юнія Дмитріевна зоветъ обѣдать завтра, если сегодня нельзя мнѣ. Но ни сегодня, ни въ понедѣльникъ обѣдать я не могу. Ѣду я не ранѣе субботы и потому, вѣроятно, мы успѣемъ, милый Иванъ Александровичъ, побывать съ Вами у ней въ продолженіе недѣли. Языковы [5]) вамъ кланяются: я былъ у нихъ вчера.

До свиданья.

Вашъ Льховскій

Приписка Гончарова.

Вотъ что прислалъ мнѣ сейчасъ Льховскій: слѣдовательно не ожидайте и меня къ обѣду ни сегодня, ни завтра, а можетъ-быть, если буду вечеромъ сегодня на дачѣ, то приду къ Вамъ пить чай. Вчера у Штакенш[нейдеръ] [6]) былъ—скучно. Возвратясь оттуда, нашелъ письмо отъ Старика и Старушки [7]). Они

---

[1]) Быть-можетъ, Павелъ Алексѣевичъ Кошкаровъ, Гдовскій помѣщикъ, пѣвецъ-любитель, женатый съ 9-го октября 1855 г. на сестрѣ А. С. Даргомыжскаго—Ерміоніи Сергѣевнѣ (род. 28-го января 1827, ум. 30-го мая 1860) и умершій 12-го іюня 1895 г., 75 лѣтъ.

[2]) Майковой.

[3]) Ефремова, мужа адресатки.

[4]) Иванъ Ивановичъ Льховскій (род. 1829, ум. 1867), по окончаніи курса въ Петербургскомъ Университетѣ (см. выше) служилъ въ Сенатѣ (1857 г.); въ 1861 г., въ апрѣлѣ, онъ вернулся изъ кругосвѣтнаго путешествія, въ которое отправился въ 1858 г. (Гончаровъ писалъ брату 30-го іюня 1858 г., очевидно, про Льховскаго, сообщая, что „нашелъ одному мѣсто — ѣхать вокругъ свѣта для описанія путешествія“: см. „Нов. Вр.“ 1912, № 13017, прилож., стр. 9). О своемъ путешествіи Льховскій потомъ печаталъ въ журналахъ статьи. О Льховскомъ см. въ нашей статьѣ „Изъ переписки И. А. Гончарова“—во „Временникѣ Пушкинскаго Дома 1914 г.“, стр. 102. Портретъ Льховскаго—въ Пушкинскомъ Домѣ.

[5]) Михаилъ Александровичъ Языковъ и жена его Екатерина Александровна,—друзья Гончарова; о нихъ и письма къ нимъ Гончарова (1853 и 1859 гг.) см. въ названной статьѣ нашей, стр. 98—104.

[6]) См. выше. У Штакеншнейдеровъ впервые Гончаровъ былъ, по приглашенію, въ ноябрѣ 1855 г. („Голосъ Минувшаго“ 1913 г., № 11, стр. 256).

[7]) Владиміра Николаевича Майкова и его жены Екатерины Павловны, рожд. Калиты.

возвращаются съ тѣмъ пароходомъ, который идетъ оттуда 23-го Іюля, слѣдовательно 25-го или 26-го будутъ здѣсь, иначе придется ѣхать въ началѣ Августа.

До свиданья.

Вашъ И. Гончаровъ.

На оборотѣ *рукою Льховскаго*: Ивану Александровичу Гончарову *и рукою послѣдняго*—Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой.

18.

Среда. [Лѣто 1856 г.? Петербургъ].

Я обѣдать къ Вамъ, другъ мой Юнія Дмитріевна, завтра не приду, потому что сегодня утромъ, какъ снѣгъ на голову, явился мой племянникъ [1]), и я буду обѣдать дома.

Я чуть не плачу о томъ, что мы вчера не сговорились ѣхать на дачу къ Майковымъ. Я полагаю, что я возьму колясочку и вдвоемъ съ Викторомъ все-таки отправлюсь: старикамъ, вѣроятно, будетъ это очень пріятно.

Если же не поѣду сегодня, то возьму племянника и пойду погулять съ нимъ куда-нибудь, можетъ-быть, прокачусь опять на Безбородкину дачу, на минеральный источникъ, къ музыкѣ.

Прощайте.

Вашъ И. Гончаровъ.

На конвертѣ: Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой.

19.

[Лѣто 1856 г.? Петербургъ] [2]).

Благодарю Васъ за приглашеніе: если не опоздаемъ, такъ въ исходѣ пятаго придемъ съ Викторомъ [3]), но Вы насъ не ждите: если мы придемъ, то не позже исхода пятаго часа. А нѣтъ—такъ вскорѣ послѣ обѣда придемъ и пойдемъ вмѣстѣ гулять, въ случаѣ хорошей погоды. Я думаю, что обѣдать не придемъ: у насъ сегодня Комитетъ [4]).

До свиданія.

Гончаровъ.

На оборотѣ: Юніи Дмитріевнѣ Ефимовой.

---

[1]) Викторъ Михайловичъ Кирмаловъ, сынъ сестры Гончарова—Александры Александровны Кирмаловой; это былъ любимый племянникъ Гончарова, и къ нему и къ его женѣ писатель проявлялъ самую трогательную заботливость, поддерживая съ ними переписку до конца своей жизни. Въ концѣ 1850-хъ—началѣ 1860-хъ годовъ онъ служилъ въ 1-мъ Департаментѣ Сената („Нов. Вр." 1912 г., № 13024, прилож., стр. 8 и № 13038, прилож., стр. 6 и 7; см. также отзывъ о немъ въ письмѣ къ А. В. Никитенко 1873 г.—„Русск. Стар." 1914 г., апр., стр. 57—58). В. М. Кирмаловъ умеръ въ 1912 году (М. Ѳ. Суперанскій, Каталогъ Выставки въ память И. А. Гончарова въ Симбирскѣ, 1912, стр. 10).

[2]) Датируемъ эту записку по связи съ предыдущей.

[3]) Племянникъ Гончарова—В. М. Кирмаловъ (см. предыдущее письмо).

[4]) Т.-е. засѣданіе Цензурнаго Комитета, членомъ котораго Гончаровъ былъ съ 19-го февраля 1856 года (см. А. А. Мазонъ „Гончаровъ, какъ цензоръ"—„Русск. Стар." 1911 г., т. CXLV, стр. 471—484).

20.

[Май—начало іюня 1857 г. Петербургъ] [1])

Завтра Вы едва ли застанете Евгенію Петровну [2]) на дачѣ: она собирается въ городъ и можетъ-быть пробудетъ здѣсь и вечеръ; а въ среду они дома и будутъ рады Вамъ. Я послалъ записку и къ Некрасову, приглашая его въ среду туда же для чтенія: только не знаю, будетъ ли онъ.

Все это Евгенія Петровна поручила мнѣ сказать Вамъ.

Честь имѣю почтительнѣйше быть—

И. Гончаровъ.

Понедѣльникъ.

На конвертѣ: Ея Высокоблагородію Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой, въ домѣ Шрейбера.

21.

[16—17-го мая 1857 г. Петербургъ].

Цѣлую недѣлю я ласкалъ себя надеждою направить утреннюю прогулку свою 17-го Мая въ Гончарную улицу, предстать предъ Ваши свѣтлыя очи и сорвать, буде оказалось бы возможнымъ, по цвѣтку, т.-е. по поцѣлую съ обѣихъ именинницъ [3]); но я не предвидѣлъ, что это случится въ пятницу, когда я засѣдаю въ совѣтѣ нечестивыхъ [4]) и на пути грѣшныхъ стою, и что прогулку свою долженъ направить на Васил[ьевскій] островъ. Примите же мое поздравленіе и поцѣлуйте мысленно меня; впрочемъ, я надѣюсь, что вечерняя моя прогулка вознаградитъ меня за утреннюю. А теперь мнѣ хочется, чтобъ доказательство моей памяти о 17-мъ Мая было у Васъ въ рукахъ съ утра.

Вчера я и Льховскому [5]) сказалъ, и если онъ придетъ поздравлять и будетъ увѣрять, что самъ вспомнилъ, не вѣрьте, ей Богу вретъ.

До свиданія же.

Вашъ вѣчный другъ

Гончаровъ

На конвертѣ: Ея Высокоблагородію Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой. Въ Гончарной улицѣ, въ домѣ Шрейбера. Почтовый штемпель: Городская почта, 1857. Май 17, 10 час.

---

[1]) Датируемъ по связи со слѣдующимъ письмомъ. 7-го іюня Гончаровъ уѣхалъ въ Маріенбадъ (см. „Нов. Вр.“ 1912 г., № 13038, прилож., стр. 5—6).

[2]) Майкову.

[3]) Т.-е. Юніи Дмитріевны Ефремовой и ея дочки Юніи Александровны.

[4]) Т.-е., въ С.-Петербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ, членомъ котораго Гончаровъ былъ съ 19-го Февраля 1856 г. по 1-е Февраля 1860 г.

[5]) См. выше, письмо № 17.

22 [1]).

Marienbad, 25 Іюля / 7 Августа. [1857 г. [2])].

Завтра, прекрасный мой другъ Юнія Дмитріевна, отправляется отсюда въ Петербургъ, одна изъ русскихъ дамъ, Александра Михайловна Яковлева, и берется, съ свойственной только женщинѣ добротою, доставить моимъ друзьямъ нѣсколько бездѣлокъ на память. Я знаю, какъ Вы цѣните всякій ничтожный знакъ дружескаго вниманія, и оттого мнѣ пріятнѣе всего сказать Вамъ, какъ много и часто вспоминаю я о Васъ. Вы получите двѣ маленькія вазочки изъ неполированнаго фарфора съ живописными цвѣтами—для живыхъ цвѣтовъ. Желаю, чтобъ маленькій подарокъ мой засталъ Васъ еще на дачѣ и украсился сѣверными, блѣдными, теперь ужь отходящими цвѣтами. Это—незнаменитое произведеніе знаменитыхъ богемскихъ фабрикъ. Другую бездѣлку—судокъ для масла, передайте Евгеніи Петровнѣ [3]): знаю, что ей тоже пріятно будетъ это дешевое выраженіе дорогого о ней воспоминанія. Вѣдь десять или болѣе лѣтъ назадъ она вспомнила же обо мнѣ въ Парижѣ и привезла гостинецъ. Еще съ этимъ же получите вы шесть игольниковъ, тоже изъ стекла: одинъ отдайте вашей Лялѣ и скажите, что пора учиться шить, а остальные раздайте дачнымъ сосѣдкамъ: Александрѣ Ив. Срединой, Аннѣ Ивановнѣ Маркеловой и Александрѣ Ивановнѣ Яновской [4])—только отнюдь не какъ подарокъ, а какъ поклонъ, потому что подарить такою вещью, которая стоитъ гривенникъ, никого нельзя. Если останутся еще, отдайте кому хотите, съ поклономъ отъ меня. Очень буду жалѣть, если какой-нибудь толчокъ въ дорогѣ или таможня не допустятъ этихъ бездѣлокъ до Васъ. Что касается до Александры Михайловны Яковлевой, то это воплощенная осторожность и деликатность: не разобьетъ и не потеряетъ. Прибавлю еще про нее, что она умна—безъ претензій, образована—безъ педантизма и любезна—безъ всякаго кокетства, словомъ, милая женщина, и сверхъ того добра—до снабженія меня русскимъ чаемъ, котораго здѣсь достать нельзя,—все это такія достоинства, которыя я ставлю высоко. Безъ всякихъ цѣлей, т.-е.: безъ желаній, безъ надеждъ, безъ волокитства, словомъ, безъ всего того, что тянетъ мужчинъ въ общество женщины, я проводилъ досужные часы въ ея обществѣ и не скучалъ. Согласитесь, что это очень много.

Старушкѣ [5]) не посылаю ничего пока, потому отчасти, что Старикъ [6]) не написалъ мнѣ ничего въ отвѣтъ на мое длинное посланіе, и я сержусь, а болѣе потому, что ни за что не рѣшусь

---

[1]) Писано на почтовой бумагѣ съ гравированнымъ видомъ Маріенбада.
[2]) См. въ предыдущемъ письмѣ № 20, прим. 1-ое.
[3]) Майковой.
[4]) См. о нихъ въ слѣдующемъ письмѣ.
[5]) Е. П. Майковой.
[6]) Владиміръ Николаевичъ Майковъ.

обременять еще посылкой и безъ того обязательную Александру Михайловну...

Я все еще, какъ видите, здѣсь. Уѣзжаю черезъ недѣлю—куда, самъ не знаю; во Франкфуртъ сначала, я думаю. А тамъ въ гостиницѣ спрошу у лакеевъ, куда бы поѣхать. Лакеи здѣсь преумные и преобразованные: лучше всякихъ гидовъ и указателей скажутъ, гдѣ веселѣе, какъ проѣхать. Спрашивалъ-было горничную свою, Луизу, она тоже умна, да мало образована, и плохо знаетъ географію. Мнѣ все равно, куда ни ѣхать. Александра Мих., много путешествовавшая, посылаетъ меня въ Швейцарію; но вѣдь тамъ все горы, а я безъ помощи коляски и двухъ лошадей, не взберусь ни на одну, даю слово. Но, можетъ быть, поѣду и туда. Написалъ бы я къ Льховскому [1]), да онъ тоже не отвѣчаетъ: занятъ, конечно, своей критикой и сенатскими дѣлами [2]), а если не занятъ, такъ мяучитъ съ влюбленными котами гдѣ-нибудь по ночамъ на кровляхъ; ужь не у Васъ ли, мой другъ? Можетъ-быть, и напишу передъ отъѣздомъ.

Выше я сказалъ: досужные часы, стало-быть, есть у меня и не досужные? Есть: угадайте, что я дѣлаю? Не угадаете: живу, живу, живу. И для меня воскресли вновь И божество, и вдохновенье, И жизнь, и слезы... [3]) Только не любовь: она не воскреснетъ. Передъ отъѣздомъ напишу Вамъ еще письмо, гдѣ объяснюсь все подробнѣе, т. е.: что я дѣлаю, какъ лѣчусь и въ то же время, какъ опять порчу, что вылѣчу. А теперь прощайте, поклонитесь дружески Александру Павловичу [4]), сосѣдямъ: Н. Ѳ. Козловскому [5]), А. А. Средину, С. Д. Яновскому [6]). Послѣднему скажите, что я ужасно озабоченъ мыслію о томъ, куда я дѣнусь будущимъ лѣтомъ. Получилъ ли и отдалъ ли Вамъ Льховскій для прочтенія мои письма изъ Варшавы, Дрездена и отсюда, адресованныя къ Вамъ и къ Старику со Старушкой [7]), съ описаніемъ моихъ приключеній? Къ Евгеніи Петровнѣ и Николаю Аполлоновичу [8]) я бы написалъ самъ, да не знаю, воротились ли они изъ деревни. Бурькѣ и Ѳедору Ивановичу [9])—тоже поклонъ; имъ купилъ по стекляннному ножу для разрѣзыванія книгъ; если не разобью въ дорогѣ, то получатъ. Писать ко мнѣ нечего, т.-е.: уже некуда; я и самъ не знаю, гдѣ я буду, а здѣсь письмо меня

---

[1]) О немъ см. выше и въ слѣдующемъ письмѣ.

[2]) Льховскій служилъ Секретаремъ въ Канцеляріи Оберъ-Прокурора 1-го Департамента Сената.

[3]) Стихи изъ посланія Пушкина къ А. П. Кернъ „Я помню чудное мгновенье".

[4]) Ефремову.

[5]) Николай Ѳедоровичъ Козловскій былъ помощникомъ Правителя Канцеляріи Департамента Внѣшней Торговли, гдѣ ранѣе служилъ и Гончаровъ.

[6]) О Срединѣ и Яновскомъ см. въ слѣдующемъ письмѣ.

[7]) В. Н. и Е. П. Майковымъ. Майковъ служилъ тогда Секретаремъ при Директорѣ Департамента Внѣшней Торговли, гдѣ ранѣе служилъ и Гончаровъ.

[8]) Майковымъ.

[9]) Ѳ. И. Твердомедъ, чиновникъ Министерства Финансовъ, сослуживецъ В. Н. Майкова, бывшій съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ; участвовалъ въ изданіи его журнала „Подснѣжникъ" и въ дѣлахъ типографіи (Сообщ. П. М. Майковъ).

не застанетъ. Недѣли черезъ двѣ получите отъ меня еще посланіе на имя Александра Павловича.

Весь всюду и всегда Вашъ другъ
И. Гончаровъ.

Аполлона [1]) и Анну Ивановну [2]) вы вѣрно до меня не увидите, потому и не прошу кланяться имъ.

На конвертѣ: Его Высокобл. Александру Павловичу Ефремову, въ СПБургѣ. По Безбородкинскому проспекту, на дачѣ Тейха или Дамке, а, можетъ-быть, ни на той ни на другой; въ такомъ случаѣ на станціи Московской желѣзной дороги (Николаевской) вручить Казначею Г. Ефремову. При этомъ двѣ вазочки etc. для передачи Ю. Д. Ефремовой.

23.

Marienbad, 29 Іюля / 9 Авг. [1857 г.] [3]).

Вотъ ужъ шестая недѣля, несравненный другъ мой Юнія Дмитріевна, какъ я живу въ Маріенбадѣ и собираюсь уѣхать только въ воскресенье дальше, куда-нибудь, мнѣ все-равно. Я вспоминаю о васъ безпрестанно, и скажу почему. Но прежде скажу о своемъ здоровьѣ и лѣченіи. Каждое утро встаю я въ половинѣ шестаго и въ седьмомъ часу являюсь къ источнику пить отъ 3 до 4 большихъ кружекъ воды и хожу два, а иногда 2½ и даже до 3-хъ часовъ. Обѣдаютъ въ Маріенбадѣ въ часъ самое позднее—въ два, а я въ четыре: не могу слѣдовать общему правилу: кусокъ въ горло нейдетъ; да притомъ передъ обѣдомъ я беру—одинъ день ванны изъ грязи, другой—изъ минеральной воды, все отъ печени. Грязь такъ черна, какъ деготь и такъ густа, что съ нѣкоторымъ усиліемъ надо продавить въ ней себѣ мѣсто, чтобъ сѣсть: опускаешься, точно въ болото. За то тепло, 27 градусовъ, и притомъ она немного щиплетъ кожу. Напротивъ ванны стоитъ зеркало: я, вылѣзая оттуда, всякій разъ посмотрю на себя и не налюбуюсь, потомъ займусь вытаскиваніемъ комковъ, прутиковъ и мелкихъ камешковъ, которые набьются вездѣ, да и сидя въ ваннѣ, занимаюсь вытаскиваніемъ изъ-подъ себя всякой дряни, т.-е. камней и щепочекъ. Рядомъ тутъ же стоитъ теплая ванна съ водой. Я перехожу въ нее и опять дѣлаюсь чистъ, бѣлъ и прекрасенъ, какъ вы меня знаете. Можно утвердительно сказать, что Задигъ [4]) и Эльканъ [5]) вмѣстѣ во всю жизнь не

---

[1]) Поэта А. Н. Майкова.

[2]) Жена А. Н. Майкова,—рожденная Штеммеръ.

[3]) Писано на почтовой бумагѣ съ гравированными въ виньеткахъ видами Маріенбада, куда Гончаровъ ѣздилъ „лѣчиться отъ послѣдствій усиленной работы и сидячей жизни“ и гдѣ продолжалъ работать надъ „Обломовымъ“ (см. названную работу А. А. Мазона, стр. 9; „Нов. Вр.“ 1912 г., № 13038, приложенія, стр. 5—6, письма къ брату, Н. А. Гончарову).

[4]) Герой сатирическаго романа Вольтера „Zadig“.

[5]) Алексѣй Львовичъ Эльканъ, сотрудникъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, „Сына Отечества“, „Сѣверной Пчелы“ и друг. изданій, личность темная и подозрительная. Ему передавалъ шуточный поклонъ Гончаровъ въ письмѣ своемъ къ А. А. Краевскому отъ сентября 1854 г. (см. у А. А. Мазона, назв. соч., стр. 25). Объ Эльканѣ см. статью Н. О. Лернера „Одинъ изъ героевъ Грибоѣдова и Лермонтова“ въ „Литер. и попул.-научн. приложеніяхъ Нивы“ 1914 г., № 1, стр. 39—56.

переносили столько грязи на себѣ, сколько у меня бываетъ въ одинъ разъ за однимъ ногтемъ. Обѣдаю въ четыре блюда: пять ложекъ супу, баранью или телячью крошечную нѣмецкую котлетку и полъ-цыпленка, самаго тощаго, какъ будто и онъ пилъ маріенбадскую воду. Вина я здѣсь не видалъ и ни разу не вспомнилъ о немъ, о водкѣ никто въ Маріенбадѣ не слыхивалъ, фрукты и салатъ строжайше запрещены, какъ и всякая сырая зелень. Но кофе и чай позволены, кому что̀ нравится. Въ 10 часовъ весь Маріенбадъ уже спитъ, и—подивитесь—я тоже, да вѣдь какъ: на-дняхъ была жесточайшая гроза, перебудившая всѣхъ, а я не слыхалъ. Повидимому, все бы это должно было помочь, и помогаетъ, я это чувствую. Припадковъ желудочныхъ нѣтъ, желтыхъ пятенъ на лицѣ тоже, живешь на чистомъ воздухѣ: у меня передъ окнами паркъ и горы съ лѣсами—все, что̀ вы видите здѣсь на виньеткѣ, воздухъ—лучше даже Безбородкинской дачи, и при всемъ томъ лѣченье мое едва ли удастся. Угадайте отчего? Отъ того, что ежедневно по возвращеніи съ утренней прогулки т.-е. съ 10 часовъ до трехъ—я не встаю со стула, сижу и пишу [1]) почти до обморока. Встаю изъ-за работы блѣдный, едва отъ усталости шевелю рукой... слѣдовательно, что̀ лечу утромъ, то разрушаю опять днемъ, за то вечеромъ бѣгаю и исправляю утренній грѣхъ. А вспоминаю васъ часто, потому что̀ помните—какъ Вы на весь міръ трещали, что я поѣду, напишу романъ, ворочусь здоровый, веселый—etc. etc. Какъ мнѣ было досадно тогда на Васъ: какими пустяками казалось Ваше пророчество. „Здоровъ, напишу романъ: какая безтолковая,—думалъ я, развѣ это возможно, развѣ не прошло это все, и здоровье и романы!“ И что̀ же: вы чуть не правы! Да какъ Вы смѣете быть правой, какъ Вы позволили себѣ предсказывать то, въ чемъ я не только сомнѣвался, но и отчаявался? Помню еще, какъ на прощаньѣ Вы робко и торопливо перекрестили меня, но видно отъ чистаго сердца и, конечно, очень искренно, отъ всей полноты дружбы пожелали мнѣ покоя, веселья и опять-таки—писанья. Представьте же, мой другъ, что все это вполовину, нѣтъ, больше нежели вполовину,—уже исполнилось, и я ставлю себѣ въ долгъ прежде всего сказать объ этомъ Вамъ. Да это Вы молитесь, что ли, за меня, продолжаете желать такъ же искренно, какъ и при отъѣздѣ? Видно такъ. Такъ слушайте же: я пріѣхалъ сюда 21-го Іюня нашего стиля, а сегодня, 29 Іюля, у меня *закончена* 1-ая *часть Обломова*, *написана вся* 2-ая *часть* и довольно много *третьей*, такъ что лѣсъ уже рѣдѣетъ, и я вижу вдали... конецъ. Странно покажется, что въ мѣсяцъ могъ быть написанъ почти весь романъ: не только странно, даже невозможно, но надо вспомнить, что онъ созрѣлъ у меня въ головѣ въ теченіи многихъ лѣтъ и что мнѣ оставалось почти только записать его; во-вторыхъ онъ еще не весь, въ 3-хъ, онъ требуетъ значительной выработки, въ 4-хъ, наконецъ, можетъ-быть я написалъ кучу вздору, который только годится бросить въ огонь.

[1]) Гончаровъ тогда писалъ „Обломова“.

авось, Богъ дастъ, годится на что-нибудь и другое, погожу бросать. Я бы охотно остался мѣсяцъ еще здѣсь, потому что дальше, знаю, мнѣ не удастся уже заняться писаньемъ; но не остаюсь потому, что недописанное не трудно будетъ, несмотря на занятія, докончить и въ Петербургѣ. Главное, что требовало спокойствія, уединенія и нѣкотораго раздраженія, именно главная задача романа, его душа—женщина уже написана, поэма любви Обломова кончена, удачно ли, нѣтъ ли—не мое дѣло рѣшать, пусть рѣшаютъ Тургеневъ, Дудышкинъ [1]), Боткинъ [2]), Дружининъ [3]), Анненковъ [4]) и публика, а я сдѣлалъ, что могъ. Но за то теперь уже кончено, больше никогда ничего не стану писать, не смѣйте предсказывать: типунъ сядетъ на языкъ. Я и то измучился. А хотѣлось бы сказать еще одно завѣтное, послѣднее сказанье... Но не могу, кончено. Если теперь и написалъ что-нибудь, такъ это должно-быть Маріенбадская вода помогла. Это что-нибудь составляетъ сорокъ пять моихъ писанныхъ листовъ, а Вы знаете, что значитъ мой писанный листъ? Надо считать 45 листовъ, написанныхъ здѣсь, да первой части сколько! Будетъ-ли три части, или конецъ я сокращу—еще не знаю самъ, я занимаюсь настоящимъ и не спѣшу заглядывать въ будущее, не знаю также, когда можно его печатать, гдѣ—ничего не знаю. Посудите же, мой другъ, какъ слѣпы и жалки крики и обвиненія тѣхъ, которые обвиняютъ меня въ лѣни, и скажите по совѣсти, заслуживаю ли я эти упреки до такой степени, до какой меня ими засыпаютъ. Было два года свободнаго времени на морѣ, и я написалъ огромную книгу [5]), выдался теперь свободный мѣсяцъ, и лишь только я дохнулъ свѣжимъ воздухомъ, я написалъ книгу. Нѣтъ, хотятъ, чтобъ человѣкъ пилилъ дрова, носилъ воду, да еще романы сочинялъ, романы, т.-е., гдѣ не только нуженъ трудъ умственный, соображенія, но и поэзія, участіе фантазіи. Если бъ это говорилъ только Краевскій [6]), для котораго это—дѣло темное, я бы не жаловался, а то и другіе говорятъ! Варвары!

Вотъ о чемъ я хотѣлъ извѣстить Васъ первую, зная, что Вамъ весело будетъ отъ этого, вотъ отчего вспоминаю „о безтолковой предсказательницѣ“ съ удовольствіемъ, нужды нѣтъ, если бъ даже изъ этого ничего не вышло, все-таки мѣсяцъ я былъ раздраженъ, занятъ и не чувствовалъ скуки, не замѣчалъ времени.

Скажите Дудышкину, при поклонѣ отъ меня съ женой, что несмотря на то, что къ его собственной лѣни присоединилась еще лѣнь женатаго человѣка, я все-таки надѣюсь, что онъ, если

---

[1]) Степанъ Семеновичъ Дудышкинъ, критикъ „Отечественныхъ Записокъ“.

[2]) Василій Петровичъ Боткинъ, къ критическому дарованію котораго Гончаровъ относился съ большою вѣрою и уваженіемъ.

[3]) Александръ Васильевичъ Дружининъ, извѣстный писатель и критикъ „Современника“.

[4]) Павелъ Васильевичъ Анненковъ, издатель и біографъ Пушкина, критикъ, сотрудникъ „Современника“.

[5]) „Фрегатъ Паллада“.

[6]) Издатель „Отечественныхъ Записокъ“.

не въ нынѣшнемъ, такъ въ будущемъ году пошевелитъ свое перо, чтобъ хоть задать мнѣ журнальную потасовку [1]).

Въ память удачнаго предсказанія, я послалъ Вамъ, милая моя Кассандра, двѣ крошечныя фарфоровыя вазочки съ живописью, съ богемскихъ фабрикъ, для цвѣтовъ. Это не подарокъ, потому что для подарка—слабо, но въ память Вашего дружескаго провожанья. Ихъ привезетъ Александра Михайловна Яковлева (вдова купца), премилая, преобразованная, безъ претензій и безъ кокетства женщина, за которой я не волочился, а между тѣмъ не скучалъ, видясь ежедневно у источника и на прогулкахъ. Это чуть ли не въ первый разъ случилось со мной—не скучать съ женщиной безъ волокитства, и если случилось, такъ, право, не по моей, а по ея волѣ: она нисколько не кокетка и нравиться не желаетъ. Она же привезетъ и отдастъ Вамъ судокъ для сливочнаго масла изъ богемскаго стекла; вручите это отъ меня Евгеніи Петровнѣ [2]), какъ старинѣйшему другу и какъ любительницѣ масла. Я далъ М-me Яковлевой и письмо на имя Александра Павловича [3]); она пріѣдетъ въ Петербургъ 6-го Августа на пароходѣ, а Вамъ нельзя ли послать къ ней между 10-мъ и 15-мъ Августомъ хоть Константина съ прилагаемой запиской на ея имя, по которой она отдастъ и вещи. Если же Вы не пошлете сами и она до 15-го Августа не дождется человѣка, то обѣщала прислать сама на желѣзную дорогу или на Безбородкину дачу, гдѣ живетъ ея cousin. Только я забылъ Вашу дачу и на адресѣ написалъ дача Дамке или Тейха, или наконецъ на желѣзной дорогѣ. Но мнѣ бы хотѣлось избавить ее отъ хлопотъ, и лучше, если Вы пошлете къ ней, а если будете въ той сторонѣ сами, то заѣзжайте, она очень проста, даже и мила, отъ нея узнаете много подробностей о моемъ житьѣ-бытьѣ. Живетъ она (охъ, далеко) за Измайловскимъ мостомъ, по Фонтанкѣ, близъ Троицы, въ собственномъ домѣ. Посланныя бездѣлки не стоятъ хлопотъ, и только моя дерзость такъ велика, что рѣшается задавать Вамъ хлопоты. За подарки ихъ прошу не считать. Тутъ же въ вазочку вложилъ я шесть стеклянныхъ игольниковъ; раздайте ихъ сосѣдкамъ по дачѣ въ видѣ только поклоновъ отъ меня, потому что они стоятъ по гривеннику и ими дарить нельзя. Одинъ отдайте Вашей Лялѣ, чтобъ она начала шить, два Натальѣ и Юліи Сергѣевнѣ, а три остальные—Александрѣ Ивановнѣ Срединой [4]), Аннѣ Ивановнѣ Маркеловой [5]) и М-me Яновской [6]), если видитесь съ ней. Если же,

---

[1]) Объ „Обломовѣ“ Дудышкинъ не писалъ; о „Фрегатѣ Палладѣ“ была его статья въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1855 г., кн. 1.

[2]) Майковой.

[3]) Ефремова, мужа адресатки.

[4]) Жена Андрея Андреевича Средина, служившаго начальникомъ Отдѣленія въ Департаментѣ Хозяйственныхъ и Счетныхъ Дѣлъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

[5]) Жена Вице-Директора Почтоваго Департамента Д. Д. Маркелова (см. ниже); А. И. Маркелова умерла 24-го сентября 1903 г., 81 года отъ роду.

[6]) Жена доктора Степана Дмитріевича Яновскаго, служившаго въ Департаментѣ казенныхъ врачебныхъ заготовленій Совѣтникомъ общаго присутствія.

впрочемъ, это покажется вамъ смѣшно и нелѣпо, такъ не дѣлайте этого ничего, а бросьте ихъ. Козловскому и Средину мои поклоны; спросите у нихъ, могутъ ли они попросить въ Почтъ-Амтѣ оставить для меня въ почтовой каретѣ мѣсто черезъ Варшаву или [Берлинъ] Таурогенъ въ началѣ Октября, если я въ Сентябрѣ напишу имъ, и дайте мнѣ поаккуратнѣе знать объ этомъ, когда я напишу вамъ изъ Парижа, а то пожалуй, придется въ Варшавѣ ждать.

Скажите Льховскому [1]), что я вчера получилъ отъ него письмо, но отвѣчать буду изъ Франкфурта, куда намѣренъ отсюда отправиться, а тамъ уже въ гостиницѣ спрошу у лакеевъ, куда бы лучше поѣхать: они все знаютъ и такъ обстоятельно разсказываютъ, гдѣ веселѣе, куда больше ѣздятъ Herrschaft (господа) и какъ удобнѣе проѣхать. Мнѣ самому думается отправиться сначала изъ Франкфурта [по Рейну] до Майнца, а тамъ по Рейну до Кобленца и назадъ во Франкфуртъ, оттуда по желѣзной дорогѣ черезъ Карлсруэ въ Фрейбургъ, а тамъ уже съ почтой до Рейнскаго водопада въ Шафгаузенъ, далѣе въ Бернъ и на Женевское озеро, наконецъ чрезъ Базель въ Страсбургъ и Парижъ. Но боюсь, что лѣнь одолѣетъ. Можетъ-быть, с я д у гдѣ-нибудь и, если станетъ охота, поработаю еще. Денегъ у меня еще осталось тысячъ пять франковъ.

Поклонитесь Евгеніи Петровнѣ и Николаю Аполлоновичу, Аполлону и Старику съ женами [2]). Александру Павловичу [3]) жму руку, а Лялю [4]) цѣлую. Въ томъ письмѣ, которое получите отъ М-me Яковлевой, прописано все то же, только я думалъ, что оно придетъ прежде.

Я написалъ Льховскому въ послѣднемъ письмѣ, что я сильно занятъ здѣсь одной женщиной, Ольгой Сергѣевной Ильинской, и живу, дышу только ею; вѣроятно, онъ будетъ сначала секретничать, а Вы сначала спросите его о ней, скажите, что я и вамъ писалъ и замѣтьте, пожалуйста, поддался ли онъ мистификаціи и послѣ скажите мнѣ. Эта—И л ь и н с к а я не кто другая, какъ любовь Обломова, т. е. писанная женщина.

Теперь вы мнѣ не пишите, потому что я не знаю, куда поѣду и гдѣ остановлюсь, посмотрю, что лакеи скажутъ.

Что, если бъ докторъ Франкль узналъ, что я и вечеромъ сегодня пишу это письмо? Онъ ужъ и за утро ворчитъ на меня! У меня щека болитъ отъ сырости, вчера простудился, да еще шмель укусилъ мнѣ палецъ, боюсь какъ бы завтра писать не помѣшалъ, этого нынче пуще всего боюсь.

Прощайте, милый другъ, не показывайте моихъ безобразныхъ писемъ никому, или весьма немногимъ, наприм., Майк. [5]), Льховск. [6]), если они захотятъ, да только у себя дома.

Вашъ другъ
И. Гончаровъ.

---

[1]) Иванъ Ивановичъ Льховскій; см. выше.
[2]) Т.-е. Е. П., Н. А., А. Н. и В. Н. Майковымъ.
[3]) Ефремову. [4]) Дочь Ефремовыхъ. [5]) Майковымъ. [6]) И. И. Льховскому.

На конвертѣ адресъ: Russland. S.-Pétersbourg, par le bateau à vapeur de Lübeck ou de Stetin. Его Высокоблагородію Александру Павловичу Ефремову. Въ С.П.Б. у Знаменья, на станціи Николаевской желѣзной дороги, казначею. Для передачи Ю. Д. Ефремовой, Franco. Почтовый штемпель: Получено 5 Авг. 1857. Вечеръ.

24.

Парижъ, 25 Августа / 5 Сентября. [1857 г.].

Вотъ ужъ полторы недѣли, какъ я живу въ Парижѣ и не замѣчаю, какъ мелькаютъ дни, не оттого, чтобъ было очень весело, а оттого только, что все дѣлается здѣсь очень вертопрашно. Народу много, улицъ много, магазиновъ слишкомъ много, театровъ много и русскихъ много, такъ что встанешь утромъ, оглянешься всего раза два-три вокругъ, и день прошелъ, и франковъ сорокъ, пятьдесятъ тоже прошли. Я изъѣздилъ и еще больше исходилъ значительно Парижъ, осмотрѣлъ все, что велятъ смотрѣть путешественнику, т. е. былъ у Notre Dame, въ Hôtel des Invalides, въ Луврѣ и Тюилери, въ Champs Elysés, въ Bois de Boulogne, bal Mabille, Près Catelan,—но еще съ большей охотой проникаю на собственномъ экипажѣ въ старый Парижъ, за Сену, захожу на рынки, въ лавчонки и дѣлаю верстъ по семи въ одну прогулку. Подо мной живутъ Боткинъ [1]) съ сестрами, Фетъ [2]); вчера уѣхалъ въ Діеппъ Кореневъ [3]); Меншиковъ [4]), Никитенко съ женой [5]) въ двухъ шагахъ. Вчера я былъ съ ней въ Théâtre français, думалъ видѣть вашего стараго идола Брессона, но онъ не игралъ. Путешествовать я терпѣть не могу, но люблю пріѣхать куда-нибудь и жить. Я бы жилъ въ Парижѣ, если бъ была какая-нибудь возможность заниматься, но объ этомъ и думать нельзя: съ утра тянетъ на улицу, смотрѣть, бѣгать, слушать—выйдешь и до полуночи не воротишься. Отъ этого я хочу поѣхать въ Дрезденъ и поселиться тамъ до Октября, дописать послѣднюю главу романа [6]), или двѣ три сцены и выработать, что успѣю, изъ написаннаго. Я читалъ Тургеневу и Боткину; Тургеневъ слышалъ только начало, онъ уѣхалъ въ имѣніе

[1]) Василій Петровичъ Боткинъ, авторъ „Писемъ объ Испаніи“, другъ Бѣлинскаго.

[2]) Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ, поэтъ, только-что передъ тѣмъ, 16-го августа, женившійся на сестрѣ В. П. Боткина, Маріи Петровнѣ. О жизни въ Парижѣ и о сношеніяхъ съ Гончаровымъ Фетъ подробно разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, ч. I. М. 1890, стр. 200—201.

[3]) Вѣроятно, Андрей Петровичъ Кореневъ, начальникъ Таможеннаго Отдѣленія въ Департаментѣ Внѣшней Торговли и, слѣдовательно, бывшій сослуживецъ Гончарова.

[4]) Павелъ Никитичъ Меншиковъ (род. 1809, ум. 1879), отставной чиновникъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, писатель-драматургъ, добрый знакомый Гончарова и семьи Языковыхъ; о немъ см. въ нашей статьѣ „Изъ переписки И. А. Гончарова“ во „Временникѣ Пушкинскаго Дома 1914 г.“, стр. 104.

[5]) Извѣстный профессоръ, академикъ, и цензоръ Александръ Васильевичъ Никитенко, женатый на Казимирѣ Казимировнѣ Любощинской. Письма къ нему Гончарова см. въ „Русск. Стар.“, 1914 г.

[6]) „Обломова“, котораго Гончаровъ въ Парижѣ читалъ Тургеневу, В. П. Боткину и А. А. Фету („Воспоминанія А. А. Фета“. т. I. М. 1890, стр. 201).

Віардо [1]), а Боткинъ слышалъ все и очень тонко понялъ, что я хотѣлъ выразить. Онъ предсказываетъ успѣхъ, но всѣ мы трое рѣшили, что за отдѣлкой работы много.

Удивительно веселый и не церемонный этотъ городъ Парижъ: кто что хочетъ, тотъ то и дѣлаетъ. Въ Маріенбадѣ было гораздо чопорнѣе, дамы не смѣли выйти безъ шляпки въ самую уединенную прогулку, а здѣсь кто какъ хочетъ,—никто не обращаетъ вниманія. Тургеневъ середи бѣлаго дня пришелъ ко мнѣ въ туфлѣ на одной ногѣ и на веревкѣ привелъ собаку. Я было купилъ шляпу, перчатокъ, да какъ посмотрѣлъ на другихъ, такъ и хожу теперь въ бѣлой мягкой шляпѣ и безъ всякихъ перчатокъ. Словомъ, съ этой стороны хорошо. Но что за наряды для дамъ, что за дешевизна! Шерстяныя платья просто даромъ даютъ, даже еще приплачиваютъ, чтобъ только брали. Въ самомъ дѣлѣ, Боткинъ послалъ какимъ-то родственникамъ по два платья, каждое по 17 франковъ, и—прелесть. Что же, если дать по 30, по 40 франковъ? Купилъ бы я вамъ съ Старушкой [2]), но ни за что не повезу; двѣ-три таможни остановятъ меня. Есть еще кружевные воротнички и рукава: смотрю на нихъ сквозь стекла, написано 25, 30 франковъ: ну, какъ бы не купить. Да годятся ли они, хорошо ли, тонко ли это, носятъ ли, рѣшительно не знаю. Сестры Боткина покупаютъ всякую дрянь, имъ все хорошо. Спрошу жену Никитенко, и если она одобритъ, то куплю. Я нашилъ себѣ пропасть платья и не знаю, какъ повезу: чемоданъ премаленькій.

Но вообще Парижъ не вполнѣ удовлетворилъ меня. Онъ, во-первыхъ, показался мнѣ пустъ, потомъ въ немъ меньше, нежели я ожидалъ, оригинальнаго, своего. Это и всѣ говорятъ,—оно и понятно. Теперь все сравнивается, все принимаетъ одинъ цвѣтъ, благодаря современной скорости—печатать, ѣздить. Парижъ—тотъ же Франкфуртъ, Дрезденъ, Петербургъ, только большой,—Лондонъ тотъ же Парижъ, только — тоже большой. На нашей памяти сколько старыхъ домовъ исчезло въ Морской, и на ихъ мѣстѣ воздвиглись ряды новыхъ, высокихъ, какъ горы, прямыхъ однообразныхъ чудовищъ, заслоняющихъ небо и солнце. Это не мы выдумали эти дома: они въ Лондонѣ и здѣсь сжили со свѣту старыя стѣны и дома и какъ будто лагеремъ заставили всѣ улицы, едва оставивъ мѣсто церквамъ. За Сеной я видѣлъ цѣлые кварталы, обращенные въ груду развалинъ: это все старое, на ихъ мѣстѣ начинаютъ вырастать такіе же дома, какъ въ Морской. Во Франкфуртѣ, въ Дрезденѣ, даже въ Нюренбергѣ—все то же дѣлается, и вскорѣ вся Европа сдѣлается однимъ Парижемъ или Лондономъ, и на городахъ надо будетъ написать, какъ и на домахъ, нумера и стереть имена.

Мнѣ хочется пріѣхать въ срокъ т.-е. къ 7 Октября, во-первыхъ, для того, чтобъ не бранили меня товарищи мои, цензора,

---

[1]) У которыхъ онъ жилъ въ Куртавнелѣ. Въ письмѣ отсюда отъ 16-го сентября 1857 г. къ Е. Я. Колбасину Тургеневъ послалъ поклонъ Гончарову („Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева", С.-Пб. 1885, стр. 53).

[2]) Е. П. Майковой.

а во 2-хъ, чтобъ не захватилъ въ дорогѣ холодъ. Я не говорю, въ 3-хъ, чтобъ скорѣй увидѣть Васъ, это само собой разумѣется. Но для аккуратнаго прибытія моего нужно содѣйствіе почтоваго вѣдомства и потому прошу Васъ, мой другъ, отдать прилагаемую записочку Д. Д. Маркелову [1]) и сверхъ того попросите Козловскаго и Средина [2]), чтобы они устроили какъ-нибудь, чтобъ мнѣ непремѣнно оставлено было въ Варшавѣ мѣсто въ почтовой каретѣ, когда я туда пріѣду, а пріѣду я туда не позже 30 Сентября, такъ что 2-го или 3-го Окт. могъ бы выѣхать.

Получили ли Вы два моихъ письма и дрянныя вазочки черезъ m-me Яковлеву? [3]) Одно письмо послано было съ почтой.

Я сдѣлалъ очаровательную прогулку по Рейну отъ Майнца до Кёльна. Хотѣлъ ѣхать на Брюссель, Берлинъ и Гамбургъ, но вѣдь это все—Парижъ или Лондонъ № 2, 3, 4, а между тѣмъ въ вагонѣ—скучно и нездорово, да и спѣшу кончить свой трудъ [4]). Хотѣлось бы нынче зимой напечатать. Меншиковъ зоветъ въ Венецію, чтобы воротиться черезъ Вѣну и Прагу, да нѣтъ, усталъ я.

До свиданія, кланяйтесь всѣмъ.

Вашъ Гончаровъ.

Обнимаю Александра Павловича [5]), Лялю [6]) и Майковыхъ.

Вы бы не худо сдѣлали, мой ангелъ, если бъ написали мнѣ въ Дрезденъ M-r Jean de Gontcharoff, poste-restante, Dresden, но только не мѣшкайте. А я, какъ пріѣду, такъ и справлюсь. Льховскому тоже скажите. Я тамъ пробуду до конца Сентября, слѣдовательно, получу письмо. Напишите, что новенькаго, и вообще, и съ друзьями.

На конвертѣ: Russie. St.-Pétersbourg, le bateau à vapeur de Lubeck ou de Stetin. СПБургъ. Его Высокобл. Александру Павловичу Ефремову. У Знаменья, на станціи Николаевской желѣзной дороги,—Казначею. Для передачи Ю. Д. Ефремовой. *Почтовые штемпеля:* Paris 8 Sept. 57. Получено 3 Сент. 1857. Вечеръ.

25.

Дрезденъ, $\frac{23}{11}$ Сентября 1857.

Сегодня, милый другъ Юнія Дмитріевна, мнѣ вдругъ подали три письма,—отъ Васъ, отъ Евгеніи Петровны [7]) и отъ Льховскаго [8]), хотя письма были адресованы въ Парижъ. Но я имѣлъ осторожность оставить на Парижской почтѣ свой адресъ, и письма

---

[1]) Дмитрій Дмитріевичъ Маркеловъ (ум. 19-го декабря 1864 г.), Вице-Директоръ Почтоваго Департамента; его жена упоминалась выше.

[2]) О нихъ см. выше.

[3]) См. эти письма выше, № 22 и 23.

[4]) „Обломова".

[5]) Ефремова.

[6]) Дочь Ефремовыхъ.

[7]) Майковой.

[8]) См. выше.

дошли вѣрно. Спасибо Вамъ, моя душа, что Вы заботитесь о мѣстѣ для меня въ почтовой каретѣ. Я совершенно буду доволенъ, если, по пріѣздѣ въ Варшаву, тотчасъ же найду мѣсто, потому что жить тамъ долго не имѣю никакой охоты. Спасибо и за то, что побывали у m-me Яковлевой, не правда ли, что она любезная женщина, безъ всякихъ претензій, а просто милая и добрая. Безъ нея я бы пропалъ со скуки въ Маріенбадѣ; я ей былъ радъ, какъ старый знакомый, и мы исходили вмѣстѣ всѣ окрестности. Если увидите ее опять, скажите, что я не послушался и въ Швейцарію не поѣхалъ, просто отъ лѣни, и что мнѣ поскорѣй хочется на свой диванъ. Надоѣло развязываться, укладываться, торопиться, а любопытства ни малѣйшаго нѣтъ: мнѣ теперь все равно, видѣть что-нибудь или не видѣть. Вы напрасно возлагаете надежды на то, что поѣздка за границу меня оживитъ, что я сброшу хандру, что буду все писать, что писанье, дескать, есть мое призваніе и т. п. Что я написалъ давно бывшій въ головѣ романъ—это еще не причина, чтобъ я могъ писать что-нибудь еще. Съ этимъ романомъ [1]) я жилъ еще въ молодости, десять лѣтъ тому назадъ, иначе бы я не выдумалъ всего теперь, что̀ тамъ есть. Да я скажу прямо, безъ жеманства, что романъ далеко не такъ хорошъ, какъ можно было ждать отъ меня, послѣ прежнихъ трудовъ. Онъ холоденъ, вялъ и сильно отзывается задачей. Можетъ-быть, если бъ я имѣлъ полгода свободы для выработки, такъ могъ бы еще сдѣлать получше, а теперь придется скомкать какъ нибудь. Хандра ѣдетъ со мной, да теперь ужъ это и не хандра, а старость; чего вы еще хотите? Какого оживленія и расцвѣтанія? Вѣдь не жениться же мнѣ еще? Хандра моя, брюзгливость теперь уже есть естественное послѣдствіе и результатъ лѣтъ и жизни.

Теперь вы, вѣроятно, получили мое письмо изъ Парижа: пожалуй, не отвѣчайте на него, или отвѣчайте въ Варшаву, poste restante, хотя и это безполезно, потому что я и безъ письма Вашего узнаю тамъ, есть ли для меня мѣсто въ почтовой каретѣ. Меня вчера напугали, что мѣстъ трудно найти и потому Маркеловъ [2]) очень обяжетъ меня, если устроитъ это. 28 или 29-го Сентября я уже надѣюсь быть въ Варшавѣ, а можетъ-быть, и раньше. Не знаю, удастся ли мнѣ по крайней мѣрѣ кончить здѣсь послѣднюю главу; здѣсь холода пошли, и въ комнатѣ руки костенѣютъ, отъ того работать и непріятно. Я же простудилъ брюшко и пріобрѣлъ насморкъ, оттого нахожусь въ непріятномъ расположеніи духа.

Жду здѣсь Никитенко [3]) съ семействомъ; Тургеневъ тоже хотѣлъ пріѣхать, да вѣрно обманетъ, потому что самъ не знаетъ, что̀ завтра будетъ дѣлать [4]). Сейчасъ былъ у меня Загряжскій: не знаю, помните ли Вы его? Онъ бывалъ у Майковыхъ. Жена

---

[1]) „Обломовымъ“.
[2]) См. въ предыдущемъ письмѣ.
[3]) См. въ предыдущемъ письмѣ.
[4]) Тургеневъ въ Россію тогда, дѣйствительно, не поѣхалъ.

его умерла, съ любовницей онъ разстался, а теперь увезъ у кого-то жену, нашелъ пьянаго попа, который обвѣнчалъ его на ней, и вчера сидятъ себѣ въ ложѣ, гдѣ я и наткнулся на него. Боюсь, не попросилъ бы денегъ взаймы; онъ мастеръ на это, да я тоже мастеръ отказывать [1]).

Вчера я отдалъ на почту письмо къ Старику и къ Старушкѣ [2]); тамъ же писалъ немножко и къ Евг. Петр. съ Ник. Аполл. [3]). Хочу купить Николаю Аполл.[4]) отличный снимокъ фотографическій съ Рафаелевой Мадонны, да, кажется, онъ не любитъ ее, тогда возьму себѣ, я отъ нея безъ ума; думалъ, что во-второй разъ увижу равнодушно; нѣтъ, это говорящая картина, и не картина, это что-то живое и страшное. Все прочее блѣдно и мертво передъ ней.

Прощайте, до свиданія; гдѣ-то вы теперь живете; ужели все въ прежней, темной улицѣ, въ которой осенью мнѣ опять трудно будетъ съ моей слѣпотой ходить по тротуару?

Гдѣ Старикъ живетъ; не худо если бъ онъ захаживалъ на рынокъ и прицѣнялся къ потрохамъ? Кланяйтесь Алекс. Павл. [5]). Поцѣлуйте Гульку и напомните обо мнѣ всѣмъ и каждому.

Вашъ Гончаровъ.

На конвертѣ: Russland. St.-Pétersbourg. Lubeck ou Stetin. Въ СПБургѣ. Его Высокоблагородію Александру Павловичу Ефремову. У Знаменья, на станціи Николаевской желѣзной дороги, Казначею. Для передачи Ю. Д. Ефремовой. Почтовые штемпеля: Dresden 23 Sept. 1857; Leipzig. 23.9. Magdeb.; Получено 17 Сент. 1857. Вечеръ.

26.

[Вѣроятно, 1858 г. Петербургъ].

Увы! Обѣдаю я сегодня у Тургенева [6]), а вечеромъ долженъ быть у Фанъ-деръ Флита: двѣ пятницы манкировалъ. А хотѣлось бы быть у нихъ, т.-е. у Майк. [7]) и съ Вами въ особенности. Теперь не знаю, когда это случится: въ Воскресенье, кажется, ихъ нѣтъ дома. Завтра вечеромъ, только не навѣрное, постараюсь быть у Васъ, если не утащатъ меня къ Языковымъ [8]). Евг. П. [9]), кажется, не совсѣмъ здорова, т.-е. такъ себѣ. Прощайте, душенька.

И. Г.

---

[1]) Какой это Загряжскій, не знаемъ.

[2]) В. Н. и Е. П. Майковымъ.

[3]) Майковымъ.

[4]) Н. А. Майковъ былъ живописецъ; къ книгѣ А. А. Мазона „Un maitre du roman Russe“ приложенъ снимокъ съ портрета Гончарова, писаннаго Н. А. Майковымъ.

[5]) Ефремову.

[6]) Вопросъ объ отношеніяхъ Тургенева и Гончарова разсмотрѣнъ въ книгѣ Е. А. Ляцкаго „Гончаровъ. Жизнь, личность, творчество“, изд. 2, СПб. 1912, гл. XVIII—XX. О ссорѣ ихъ въ 1859 г. см. въ статьѣ Л. Н. Майкова въ „Русск. Стар.“ 1900, № 1; см. также „Русск. Стар.“ 1914 г., № 2, стр. 407.

[7]) У Н. А. и Е. П. Майковыхъ.

[8]) М. А. и Е. А. Языковы, друзья Гончарова. Языковъ служилъ на Стеклянномъ заводѣ, гдѣ у него бывали, кромѣ Гончарова, Майковы, Тургеневъ, В. П. Боткинъ, Краевскій, Никитенко и др. (см., напр., „Русск. Стар.“ 1914, № 2, стр. 405).

[9]) Майкова.

27.

28 Мая / 11 Іюня [1859 г. Варшава][1].

Имѣя свободную минутку, я усѣлся подлѣ Старушки[2] и, видя, какъ она торошится строчить множество писемъ къ Папенькамъ и Маменькамъ, я взялся раздѣлить ея трудъ и вмѣстѣ съ нею кинуться прямо отсюда къ Вамъ въ объятія. Мы ѣхали не только благополучно, но весело, счастливо. Колебаніе экипажа производило на Старушку (я говорю прежде всего о ней, потому что она—самый главный и нѣжный предметъ общихъ нашихъ попеченій) благопріятное, т.-е. усыпляло; она мало уставала, выдерживала отлично и не соскучилась. Что̀ касается до насъ съ Старикомъ[3], то мы тоже прибыли благополучно, но только съ попорченными отчасти задами и бѣлыми языками, что̀ надо приписать жару и пятидневному сидѣнью на одномъ мѣстѣ и однимъ мѣстомъ. На одной станціи, вообразивъ, что вездѣ такъ же холодно, какъ въ Петербургѣ, я закутался въ теплую шинель, меня началъ давить домовой, и я огласилъ часть Литвы медвѣжьей аріей, на которую продолжительнымъ смѣхомъ отвѣчала Старушка.

Мы сегодня съ Старикомъ бѣгали по городу по дѣламъ, я гулялъ въ Саксонскомъ Саду и долженъ сознаться, что я, въ спорѣ съ Вами, напрасно порицалъ Саксонскій Садъ: онъ лучше Лѣтняго своими каштанами. Черезъ два часа мы ѣдемъ по желѣзной дорогѣ на Бреславль, гдѣ надѣемся быть завтра.

Обнимаю Васъ, сладчайшій другъ, а Вы обнимите Алекс. Павловича и Лялю[4]. Кланяйтесь Писемскимъ[5], Аннѣ Романовнѣ[6], также Боткину[7] и Анненкову[8].

Всегда Вашъ

И. Гончаровъ.

Мнѣ ужасно лѣнь ѣхать дальше. Назадъ бы!

Приписка Е. П. Майковой.

Милая Юничка, голубчикъ мой, цѣлую тебя крѣпко, крѣпко, буду писать тебѣ много изъ Дрездена, куда будемъ въ субботу. Теперь не взыщи, ужасно спѣшимъ, уѣзжаемъ въ 5½ часовъ по желѣзной дорогѣ. Я доѣхала лучше, нежели ожидала, благодаря отличной дорогѣ и постелькѣ.

---

[1]) 9-го апрѣля 1859 г. Гончаровъ получилъ заграничный отпускъ, по болѣзни на 4 мѣсяца, съ 22-го мая по 22-е сентября. См. А. А. Мазонъ. „Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова“, СПб. 1912, стр. 29.

[2]) Е. П. Майковой, рожд. Калита.

[3]) В. Н. Майковъ.

[4]) Мужа и дочь.

[5]) А. Ѳ. Писемскому съ женою.

[6]) А. Р. Добровольская (ум. въ 1913 или 1914 г.), большая пріятельница Ю. Д. Ефремовой и Ек. Павл. Майковой.

[7]) Василію Петровичу.

[8]) Павлу Васильевичу.

Прощай, Юночка! цѣлую тебя и Гулечку, пишу мало тебѣ, но чувствую много любви къ тебѣ, моя милая Юничка. Володя [1]) цѣлуетъ васъ всѣхъ. Кляняйся Александру Павловичу [2]).

Твоя Катя М.

На конвертѣ рукою Гончарова: Въ С.-Петербургъ, У Знаменья, на станціи Николаевской желѣзной дороги, Казначею. Его Высокоблагородію Александру Павловичу Ефремову. *Для передачи Ю. Д. Ефремовой. Почтовые штемпеля:* Варшава 30, 5; С.-Петербургъ 4-го Іюня. 1859. 4 час.

28.

13/1 Іюля 1859 года. Маріенбадъ. [3])

Сейчасъ получилъ Ваше письмо, Юнія Дмитріевна, и сію же минуту спѣшу отвѣчать: доказательство—какъ мнѣ пріятно и то, и другое, т.-е. и получить письмо Ваше, и отвѣчать на него. Вы жалуетесь на мою холодность къ Вамъ, принимая ее какъ будто за личную себѣ обиду, даже говорите, что это заставляло Васъ страдать; въ заключеніе желаете отъ меня фразъ, которыя могутъ, по словамъ Вашимъ, Васъ успокоить. Зачѣмъ же фразъ? Это плохое средство. Не лучше ли сказать истину: въ ней одной и есть успокоеніе, если только Вы не шутя могли безпокоиться отъ такихъ пустяковъ, какъ мое вниманіе, шутки, посѣщенія? Да и нужно ли говорить истину: я думалъ, что Вы ее и такъ знаете и видите. Прежде всего несправедливо, что я охладѣлъ къ Вамъ только: спросите Екатерину Александровну, [4]) Колзаковыхъ (?) [5]), спросите самыхъ старинныхъ друзей, не осовѣлъ ли я вообще, гляжу ли я на кого-нибудь и на что-нибудь такъ же бодро, свѣжо, игриво, какъ прежде, часто ли улыбаюсь, шучу? Часто ли попрежнему бываю у Евгеніи Петровны и Николая Аполлоновича [6]). Спросите и скажете, конечно: нѣтъ. Значитъ со мной, отъ лѣтъ, отъ опыта, отъ... отъ... и не перечтешь причинъ, произошло общее охлажденіе. Таковъ ужь мой характеръ и вся натура: я живъ, воспріимчивъ, лихорадоченъ и въ симпатіяхъ и въ антипатіяхъ, живъ воображеніемъ, потомъ уходился, износился, отупѣлъ, обрюзгъ и чувствую отъ всего скуку и холодъ. Это холодъ не къ Вамъ, не къ другому, не къ третьему, а всеобщій охватившій меня холодъ. Но однако же я къ Вамъ ходилъ, что доказалъ особенно лѣтомъ; зимой не ходилъ просто по причинѣ Гончарной улицы, да еще потому, что встрѣчалъ Васъ ежедневно, то у Стариковъ [7]), то у Евгеніи Петровны [8]); слѣдовательно видался съ Вами попрежнему часто. И такъ

---

[1]) Т.-е. В. Н. Майковъ.
[2]) Ефремову.
[3]) Письмо изъ Маріенбада же, отъ 7—19-го іюля 1859 г., къ А. А. Краевскому см. въ цитированной брошюрѣ А. А. Мазона, стр. 29—31.
[4]) Языкову, жену М. А. Языкова, пріятеля Гончарова.
[5]) Фамилія написана неясно.
[6]) Майковыхъ.
[7]) В. Н. и Е. Н. Майковыхъ.
[8]) Майковой.

Вамъ не доставало только визитовъ моихъ въ Вашу квартиру, и Вы страдали отъ этого да еще отъ самолюбія, какъ сами говорите. Что же, Вы думаете, что я охладѣлъ отъ того, что Вы стали хуже, что ли: надо предположить это, чтобъ допустить страданіе отъ самолюбія. Вы скажете, что я ходилъ всякій день къ Старикамъ, такъ отчего жъ молъ и ко мнѣ не ходили часто? Къ Старикамъ ходилъ я часто потому, что въ самомъ дѣлѣ люблю ихъ, какъ только могу, да, кромѣ того, къ нимъ удобнѣе ходить часто, нежели къ кому-нибудь, и Вы сами знаете почему, между прочимъ и потому, что съ ними обоими одинаково близокъ, а съ Вами близокъ, а съ Алекс. Павловичемъ [1]) гораздо менѣе знакомъ и т. п. Въ послѣднее время домъ Старика (да и прежде тоже) сдѣлался какъ-то средоточіемъ пріятельскихъ бесѣдъ: тамъ жилъ Льховскій, тамъ я ежедневно обѣдалъ, жилъ Ѳедоръ Ив. [2]), приходили часто Вы, потомъ поселилась Анна Романовна [3]), ходилъ Лёля [4]) и наконецъ тамъ же собирались Николай Аполл. съ Евг. Петровной [5]) и образовалась привычка ходить по одной тропинкѣ, по одной лѣстницѣ, въ одну комнату. А больше куда я еще ходилъ, съ кѣмъ былъ любезенъ, ласковъ, поищите-ка, и окажется, что ни съ кѣмъ. Ходилъ, дескать, къ литераторамъ; да это было необходимо, это своего рода служба, и нѣкоторые общіе интересы сзывали всѣхъ, и то большею частію на обѣды, послѣ которыхъ и разлетались въ разныя стороны. Симпатій тутъ было немного и очень съ немногими.

Если Вы допустите, что лѣта, недуги, занятія и разныя досады много измѣнили мой характеръ, то увидите, что собственно къ Вамъ я измѣнился ни на волосъ не больше, какъ и ко всему другому. Я ужъ не смѣюсь нынче, шутка съ языка моего нейдетъ, и спросите откровенно Старушку, она Вамъ скажетъ, а можетъ-быть, уже и говорила, что я, своимъ молчаніемъ, угрюмостью, а иногда раздражительностью, бывалъ имъ въ тягость. Это я чувствую. Что касается собственно до Васъ, то если бы кто-нибудь вздумалъ бросить на Васъ малѣйшую тѣнь въ моихъ глазахъ, хоть на волосъ понизить Ваши прекрасныя качества— я бы, повѣрьте, какъ старый и неизмѣнный Вашъ рыцарь, готовъ еще оживиться, вспыхнуть и найти прежній бойкій языкъ, и за словомъ въ карманъ бы не полѣзъ. Но быть веселымъ, любезнымъ, разговорчивымъ, доказывать дружбу осязательно, попрежнему не смѣю обѣщать. Ослабѣлъ, опустился и хандрю. Съ этой стороны Вы меня не трогайте, а если хотите, пожалѣйте обо мнѣ, да и махните рукой. Я не живу, а дремлю и скучаю, прочее все кончилось. Какой же дружбы и движенія хотите Вы найти въ полумертвомъ человѣкѣ. Положеніе мое затруднительно особенно между незнакомыми. Люди подходятъ знакомиться, а я норовлю

---

[1]) Мужемъ адресатки.
[2]) Твердомедъ (см. выше, стр. 23).
[3]) Добровольская (см. выше, стр. 34).
[4]) Леонидъ Николаевичъ Майковъ, впослѣдствіи академикъ и Вице-Президентъ Академіи Наукъ.
[5]) Майковы.

встрѣтить ихъ рогами. Особенно одна московская барыня, кажется, очень озадачена: докторъ насъ познакомилъ, я дня два съ ней поговорилъ, она было расположилась ко мнѣ очень радушно, въ одно время стала обѣдать со мной, а на третій день мнѣ вдругъ не захотѣлось говорить, на четвертый еще менѣе и т. д. Сначала это ее удивило, она стала изъявлять участіе, я взбѣсился, потомъ, кажется, она обидѣлась, замѣтивъ, что я два раза своротилъ въ сторону, а теперь уже гнѣвается. А принудить себя нѣтъ силъ. Сначала я было хотѣлъ послать съ ней дѣтямъ кое-какія бездѣлки, да вамъ (видите, я думаю о Васъ) съ Евгеніей Петровной [1]) по кружкѣ изъ богемскаго стекла, но послѣ моей любезности о томъ уже и думать нельзя. Но довольно объ этомъ. Вотъ вамъ не фразы, а чистая правда. Еще болѣе правды будетъ, если, положа руку на сердце, скажу, что я не стою вниманія друзей.

Вы желаете мнѣ здоровья,—благодарю, не знаю, достигну ли я цѣли, т.-е. вылѣчусь ли. Что касается до желанія вдохновенія, то это желаніе напрасно, оно не исполнится. Вдохновенія не было, т.-е. не было расположенія писать, но я поупрямился и началъ. Вышло то, что я Вамъ сказалъ при отъѣздѣ, т.-е. нельзя въ шесть недѣль обдумать и написать романъ: это дерзость и нелѣпость. Можетъ быть, года два-три назадъ и было бы возможно положить основаніе или докончить давно обдуманную и начатую вещь. Вглядѣвшись пристально въ то, что я хотѣлъ писать, я увидѣлъ, что надо положить на это года три исключительной работы, при условіяхъ свободы, здоровья и свѣжихъ, не упавшихъ силъ. И я очень радъ этому, потому что теперь съ меня какъ будто снимается обязанность литераторствовать; я кончилъ и вздохнулъ свободно, ибо гдѣ я возьму три года праздности и свѣжихъ силъ? Явно, что мнѣ мечтать объ этомъ нечего. Притомъ, работая, я страшно вредилъ себѣ: сидѣлъ до блѣдности, до изнеможенія, задавъ себѣ глупую чиновничью работу написать хоть часть одну, какъ будто докладъ какой-нибудь. Слѣдствіемъ было то, что я сталъ чувствовать себя хуже, чѣмъ прежде, и я бросилъ, рѣшительно бросилъ и навсегда.

Вы спрашиваете, когда я свижусь съ Стариками [2]) и гдѣ: да не знаю. Меня докторъ непремѣнно посылаетъ въ море купаться; я спишусь съ ними и если Екатеринѣ Павловнѣ велятъ то же самое, то, можетъ-быть, отправлюсь съ ними. Здѣсь одинъ зоветъ меня въ Швейцарію, пожалуй, я и на это согласенъ. Мнѣ все равно. Но всего лучше мнѣ хотѣлось бы съ Стариками погулять, поѣздить—съ ними веселѣе,—все-таки близкіе друзья, а съ чужими—душу воротитъ прочь. Вотъ, если бы Вы были здѣсь, я бы доказалъ Вамъ, какъ дорожу Вашей бесѣдой. ни съ кѣмъ, кромѣ Васъ, не ходилъ бы гулять. А какія рощи, лѣса! Между прочимъ, у меня явилось занятіе—здѣсь водятся змѣи, и я палкою откапываю ихъ гнѣзда и уже двухъ казнилъ, и это развлеченіе! Весь Маріенбадъ — одинъ

[1]) Майковой.

[2]) В. Н. и Е. П. Майковы путешествовали въ это время на Рейнѣ (А. А. Мазонъ, назв. брошюра, стр. 30).

паркъ, смѣшавшійся съ лѣсомъ. Но я одинъ и скучаю. Теперь жду съ нетерпѣніемъ, когда кончатся мои ванны; я опять, какъ свинья, валяюсь черезъ день въ грязи, а на другой день беру желѣзныя ванны для укрѣпленія желудочныхъ нервъ, разслабленныхъ питьемъ воды; для той же цѣли, т.-е. для укрѣпленія этого разстройства, посылаютъ меня и въ море. Мнѣ осталось еще 13 ваннъ, слѣдовательно надо пробыть еще 13 дней здѣсь. Отвѣчать Вы мнѣ сюда не успѣете, а куда я поѣду—не знаю. Напишите на имя Стариковъ, а они мнѣ перешлютъ или передадутъ, если будемъ вмѣстѣ. Отъ Льховскаго Викторъ Мих. [1]) получилъ на мое имя письмо и прислалъ ко мнѣ. Но оно отъ февраля и съ Мыса Доброй Надежды [2]): онъ жалуется тоже на грудь, хандритъ, предсказываетъ себѣ близкую смерть, и очень меня опечалилъ. Теперь, вѣроятно, онъ на Амурѣ, и, надѣюсь, получилъ наши письма.

Но я пересидѣлъ срокъ: ложатся спать въ 10 часовъ, а теперь половина двѣнадцатаго, но мнѣ хочется, чтобы письмо поспѣло къ пароходу. Кланяйтесь Александру Павловичу [3]) и скажите, что я частенько вздыхаю о партійкѣ. Занятіе не головоломное, а время мое пролетало незамѣтно. Гульку обнимаю, рискуя, что она оботрется.

Кланяйтесь Евгеніи Петровнѣ и Николаю Аполлоновичу [4]), я передъ отъѣздомъ отсюда напишу къ нимъ; Писемскимъ [5]) и Яновскимъ [6]) сильно кланяюсь; спросите и дайте мнѣ знать, кончаетъ ли Алексѣй Ѳеофилакт. свою драму [7]); это занимаетъ меня больше моего романа, потому что драма касается близко самаго живого, все и всѣхъ охватившаго вопроса. Напомните ему, что въ Сентябрѣ надѣемся ее слышать отъ него всю. Спросите его, не затѣваетъ ли что-нибудь Островскій? [8]) Вообще узнайте отъ него и напишите, что новаго въ литературѣ и о литературѣ. Прощайте,—всегда и несомнѣнно Вашъ

И. Гончаровъ.

Можетъ-быть, я отошлю письмо не франкированное; я знаю, что это не учтиво, но извините, потому что почтмейстера не всегда застанешь на мѣстѣ и надо кинуть письмо въ ящикъ безъ марки; при томъ оно вѣрнѣе доходитъ. Не платите, пожалуйста, за Ваши письма, вѣрнѣе дойдутъ.

---

[1]) Кирмаловъ, племянникъ Гончарова, сынъ его сестры Александры Александровны.

[2]) И. И. Льховскій находился тогда въ кругосвѣтномъ плаваніи (см. въ нашей статьѣ „Изъ переписки И. А. Гончарова“ во „Временникѣ Пушкинскаго Дома 1914 г.“, стр. 102). Въ 1861—1862 г. онъ былъ Начальникомъ Типографіи Морского Министерства („Русск. Стар.“ 1914 г., № 2, стр. 421).

[3]) Ефремову, мужу адресатки.

[4]) Майковымъ.

[5]) Алексѣю Ѳеофилактовичу съ женою.

[6]) О нихъ см. выше, стр. 22 и 27.

[7]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о драмѣ „Горькая судьбина“, появившейся въ XI книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ за 1859 годъ.

[8]) Въ 1859 г. Островскій написалъ „Грозу“, которая появилась въ 1-й книгѣ „Библіотеки для Чтенія“ за 1860 г.

На конвертѣ: Russland. St. Pétersbourg. (par Berlin Stetin). Его Высокоблагородію Александру Павловичу Ефремову. Г. Казначею на станціи Николаевской Желѣзной дороги въ Петербургѣ, у Знаменья. Для передачи Ю. Д. Ефремовой. Почтовый штемпель: Leipzig 11, 7. Berlin; С.-Петербургъ 7 Іюля. 1859. 6 час. Помѣта Ю. Д. Ефремовой въ началѣ письма: отвѣчала.

29.

29 Августа 1859 [1]. Швальбахъ.
10 Іюля.

Вотъ ужь гдѣ я, Юнія Дмитріевна! Изъ Маріенбада свернулъ я опять въ Дрезденъ отдохнуть послѣ курса и прожилъ тамъ полторы недѣли въ совершенномъ уединеніи, а потомъ пріѣхалъ сюда и второй день наслаждаюсь уединеніемъ втроемъ [2]), ходимъ пѣшкомъ и катаемся на ослахъ. Прошу замѣтить, что ни одно удовольствіе у всѣхъ у насъ троихъ не проходитъ безъ того, чтобы мы всѣ не вспомнили и не приплели въ него Васъ, Льховскаго и Анну Романовну [3]). Безпрестанно слышится: ахъ, если бъ они были съ нами. Такъ, напримѣръ, вчера мы втроемъ поѣхали на ослахъ верстъ за семь въ развалины, при упоительной погодѣ, при очаровательнѣйшихъ видахъ, тропинкахъ, — и то и дѣло восклицали отъ восторга (больше всего, конечно-Старушонка) [4]) и жалѣя, что Васъ нѣтъ съ нами.—Ну, кажется, это письмо должно послужить Вамъ окончательнымъ доказательствомъ, что дружба къ Вамъ состоитъ все въ томъ же градусѣ у всѣхъ насъ, и Ваше самолюбіе, надѣюсь, совершенно успокоится [5]).

Изъ письма къ Майковымъ [6]), которое (а также и письмо къ Дудышкину) [7]) прилагаю незапечатаннымъ, съ просьбой передать имъ,—Вы увидите, что мы намѣрены дѣлать. Если вздумаете написать, то припишите о себѣ слова два въ письмѣ къ Старикамъ, и я буду очень благодаренъ за память. Вамъ, Александръ Павловичъ, [8]) жму руку и сгораю желаніемъ покурить вмѣстѣ за партійкой. Лялиньку [9]) цѣлую.

Прощайте

Вашъ Гончаровъ.

На конвертѣ: Russland. St. Pétersbourg. Въ С.-Петербургъ. Его Высокоблагородію Александру Павловичу Ефремову. У Знаменья, на станціи Николаевской желѣзной дороги, Г. Казначею. Для передачи Ю. Д. Ефремовой. Почтовые штемпеля: Lang.... 10... 1859; Frankfurt 10 Aug. 1589; С.-Петербургъ 4 Авг. 1859. 4 часа.

---

[1]) Очевидно, надо читать наоборотъ: 29-го Іюля—10-го Августа (см. почтовые штемпеля).
[2]) Съ В. Н. и Е. П. Майковыми,
[3]) Добровольскую (см. выше).
[4]) Е. П. Майкова.
[5]) См. предыдущее письмо,
[6]) Н. А. и Е. П. Майковымъ.
[7]) С. С. Дудышкинъ; письма къ нему Гончарова въ печати не извѣстны.
[8]) Мужъ адресатки.
[9]) Дочь адресатки.

30.

26-го августа / 7-го сентяб. [1859 г.]. Булонь.

— Екатерина Павловна [1]) съ любовью предалась болѣе всего въ Парижѣ къ изысканію средствъ для покупки достойнаго Васъ чернаго платья и купила какую-то обворожительную прелесть за 200 франковъ. Она обратилась ко мнѣ, чтобы, по Вашей просьбѣ, я прибавилъ или добавилъ, чего не достаетъ, а „она, дескать, Вамъ заплатитъ съ благодарностью". Сначала я и слышать не хотѣлъ, ибо берегъ деньги на два подарка: Вамъ и Лялѣ [2]); но, увидѣвъ эту прелесть, рѣшилъ, что лучшаго подарка сдѣлать нельзя и что грѣхъ изъ моей фантазіи лишить Васъ этой прелести. Поэтому, Ю. Д., я исполнилъ Ваше желаніе, т.-е. добавилъ половину денегъ, но если Вы когда-нибудь запикнетесь объ отдачѣ ихъ мнѣ, то даю Вамъ слово, что съ того дня я перестаю навсегда видѣться съ Вами. До свиданія, надѣюсь до Сентября. — Кланяюсь Александру Павловичу [3]).

Весь Вашъ
И. Гончаровъ.

На отдѣльномъ листкѣ, рукою Е. П. Майковой:

Что дѣлается съ А. Р. [4]), пріѣхала ли она изъ деревни; наши тоже вѣрно будутъ уже въ городѣ, когда получится это письмо. Здѣсь опять началась прѣдурная погода, и вотъ третья недѣля, а я еще на 6-й ваннѣ и не знаю, возьму ли 10, такъ какъ опять очень холодно. Что дѣти? Стѣснятъ они маменьку на новой квартирѣ, но скоро мы пріѣдемъ; писала, чтобы намъ оставили мѣсто въ Варшавѣ на 15-е Сентября, тогда будемъ 20-го, а то если на 18-е, то 23-го. Если увидишь А. И., передай ему самый искренній, самый дружескій поклонъ отъ насъ. Скажи А. Р., чтобы не вздумала покупать себѣ зимняго коричневаго платья, а то у нея окажется ихъ два. А я сильно стою за то, чтобы у нея было опять коричневое платье; ужъ я знаю, почему.

На конвертѣ рукою Гончарова: Russie, St. Pétersbourg (par Berlin et Stetin) Александру Павловичу Ефремову. У Знаменія, въ Канцеляріи Начальника Николаевской желѣзной дороги. Для передачи Юніи Дмитр. Ефремовой. **Почтовые штемпеля:** Boulogne S. mer 7 Sept. 59; Lille. 7 Sept. 59. Calais á Paris. 7 Sept. 59; Frankreich par Aachen. 9. 9; С.-Петербургъ. 3 Сент. 1859. 4 час.

31.

Булонь, 28 Августа / 3 Сентября [1859 г.] [5]).

Ваше милое письмо, другъ мой Юнія Дмитріевна, я получилъ сегодня утромъ, и вотъ лѣниво-борзое перо чертитъ уже

---

[1]) Майкова, рожд. Калита.
[2]) Дочери Ю. Д. Ефремовой.
[3]) Ефремову.
[4]) Добровольской.
[5]) Очевидно, ошибочная дата: слѣдуетъ читать: 28-го августа—9-го сентября.

отвѣтъ. Не далѣе, какъ сегодня утромъ, вложилъ я въ письмо Екатерины Павловны [1]) къ Вамъ крошечную записку [2]), и когда съ Старикомъ [3]) понесли ее на почту, тамъ лежало уже письмо отъ Васъ, и отъ Писемскаго [4]). Въ той запискѣ я извѣщалъ Васъ о покупкѣ Вамъ Екатериною Павловною отличнаго платья въ Парижѣ и запретилъ думать о возвращеніи мнѣ половины употребленныхъ мною на то денегъ, что и подтверждаю здѣсь. А если Вы будете перечить, то я Васъ и знать не хочу. Мнѣ хочется, чтобъ половина платья, и именно та половина, которая будетъ облекать самыя лучшія и нѣжныя части тѣла,— была мой подарокъ. Но объ этомъ разговаривать больше нечего, это дѣло рѣшеное, только какъ провезутъ они платья черезъ Бельгійскую и Прусскую Таможни? Впрочемъ, мало смотрятъ.— Мы сейчасъ изъ моря: я, выкупавшись, пошелъ смотрѣть, какъ baigneur, матросъ съ Каратыгина [5]) ростомъ, взялъ на руки Старушку [6]) и какъ куклу буквально понесъ пополоскать въ пѣнѣ; у нея ноги болтались на воздухѣ, а сама она, какъ монашенка, одѣта въ какой-то рясѣ. Я купался въ десяти саженяхъ отъ нихъ, и говорятъ, очень похожъ на стыдливую Венеру, особенно когда сзади нагналъ меня валъ, сшибъ съ ногъ и сбилъ съ меня caleçon. Дня черезъ три они уѣзжаютъ въ Дрезденъ, а я въ Брюссель, дѣлать больше нечего, да и денегъ у нихъ нѣтъ совсѣмъ, а у меня очень мало. Ихъ трое и переѣзды втроемъ уносятъ много капиталовъ. Вы все говорите о моей дружбѣ, но я считаю ее, да и не одинъ я, а многіе... такою дрянью, что и предлагать ее совѣщусь, слѣдовательно, обѣщать ничего не могу, а то, что Вы уже имѣли съ моей стороны, то, можете быть увѣрены, останется въ Вашемъ распоряженіи до моей смерти включительно. Вы болѣе нежели кто-нибудь имѣли бы право на мою дружбу—по Вашему характеру и сердцу, и я бы Васъ просилъ принять ее, если бъ ставилъ ее во что-нибудь и если бъ, главное, давно не пересталъ вѣрить во всѣ тѣ мечты, которыми играютъ люди отъ праздности, скуки и невѣдѣнія о томъ, къ чему все ведетъ и чѣмъ разрѣшаются всѣ наши земныя дѣла.

Кажется, мы всѣ здоровы, можетъ-быть, и отъ моря; что бы Вамъ послать сюда Павла Демидовича: онъ бы поправился и посвѣжѣлъ еще на много лѣтъ. Жаль, если это буфонское письмо придетъ въ такую же минуту грусти, подъ вліяніемъ которой, повидимому, Вы писали ко мнѣ. Но потерпите, кажется, судьба устанетъ жать Васъ и обдастъ Васъ за Ваше терпѣніе (это моя дружба къ Вамъ шепчетъ мнѣ) такими лучами, такими волнами радости, обилія, что... просто ну, да и только! Авось мы погуляемъ съ Вами за границей: хотѣлось бы! Видите, и я надѣюсь.

---

[1]) Майковой.
[2]) См. предыдущее письмо, отъ 26-го августа—7-го сентября.
[3]) В. Н. Майковъ.
[4]) Алексѣя Ѳеофилактовича.
[5]) Знаменитый трагикъ.
[6]) Е. П. Майкову.

Я адресую письмо къ Писемскому на Ваше имя [1]); передайте ему, а если его нѣтъ въ городѣ, онъ говорилъ, что уѣдетъ къ Тургеневу, то подержите до его пріѣзда и тогда отдайте [2]).

Кланяюсь Вамъ обоимъ, цѣлую Юночку [3]) и постараюсь привезти ей изъ Дрездена куколку или что иное, она такая милая, умная и, сколько я замѣтилъ, послушная и скромная, хотя воспитана и не въ строгихъ рукахъ. Только иногда гримасничаетъ немного. Вчера я писалъ къ Николаю Аполлоновичу [4]).

Весь Вашъ

И. Гончаровъ.

32.

Вторникъ [15-го мая 1873 г. Петербургъ] [5]).

Сегодня я случайно видѣлся съ А. Н. Ераковымъ [6]) и предупредилъ его о Вашемъ визитѣ, Юнія Дмитріевна: онъ очень радъ принять Васъ, выслушать и сдѣлать, что только можетъ. Я говорилъ ему и о Г. Саловѣ [7])—и вообще просилъ о неотлагательномъ участіи и объ ускореніи, по возможности, устройства Вашей участи.

Но только завтра, т.-е. въ среду, онъ не будетъ дома съ 9 часовъ утра и проситъ отложить Ваше посѣщеніе до послѣзавтра, т.-е. до четверга, а если Вамъ почему-нибудь нельзя, то до пятницы. Онъ до 12 часовъ или до 1 часу—дома.

Надѣюсь, что записку эту принесутъ Вамъ завтра рано утромъ, чтобы предупредить Вашу безполезную прогулку до Тарасова дома.

А можетъ-быть, не воспользуетесь ли Вы завтра случаемъ побывать въ Почтамтской съ другимъ письмомъ: тамъ, напротивъ, въ четвергъ не застанете, по случаю праздника.

Я бы былъ очень радъ, если бъ наконецъ Вы съ семействомъ могли успокоиться и найти какой-нибудь, хоть не роскошный,

---

[1]) Письма Гончарова къ Писемскому въ печати не появлялись.

[2]) Тургеневъ былъ тогда у себя въ Спасскомъ-Лутовиновѣ, откуда поздно осенью онъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

[3]) Дочь адресатки.

[4]) Майкову.

[5]) Письмецо это, какъ и письмо отъ 12-го Мая 1874 г., касается хлопотъ о службѣ А. П. Ефремова, въ которыхъ съ 1872 г. Гончаровъ принималъ сердечное и дѣятельное участіе, какъ то видно изъ ранѣе опубликованныхъ нами писемъ его къ Ю. Д. Ефремовой отъ 8-го и 19-го Октября 1872 г. и 24-го Апрѣля, 2-го Мая, 15-го Мая и 29-го Сентября 1874 г. („Временникъ Пушкинскаго Дома 1914 г.“, стр. 114—119).

[6]) Инженеръ Александръ Николаевичъ Ераковъ (ум. 1886), бывшій Вице-Директоръ Департамента Желѣзныхъ Дорогъ Министерства Путей Сообщенія и Публичныхъ зданій; см. письмо къ Гончарову его сына, Льва Александровича Еракова, въ названной статьѣ нашей, стр. 119, а также стр. 116 и 117.

[7]) Инженеръ путей сообщенія Василій Васильевичъ Саловъ, профессоръ, впослѣдствіи Предсѣдатель Инженернаго Совѣта Министерства Путей Сообщенія и Членъ Государственнаго Совѣта; род. 1839, ум. 25-го августа 1909.

но мирный портъ послѣ бурнаго плаванія по житейскому морю! Давно бы пора.

И если что-нибудь подходящее выйдетъ, то буду доволенъ какъ собственному дѣлу.—Прощайте, можетъ-быть, до четверга.

Вашъ Гончаровъ.

На конвертѣ: За Никольскимъ мостомъ въ Могилевской улицѣ, въ домѣ Михайлова, подъ № 2, Ея Высокородію Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой. Квартира № 8, по парадной лѣстницѣ. Почтовый штемпель: С.-Петербургъ. Городская почта. 16 Май 1873.

33.

20 Мая [1873 г. Петербургъ].

Ваши дѣвицы, Юнія Дмитріевна, собирались, кажется, въ Понедѣльникъ посѣтить мою хижину и садикъ: попросите ихъ отложить это пріятное для меня намѣреніе на нѣкоторое время. У меня въ домѣ произошелъ маленькій, впрочемъ, ожидаемый безпорядокъ, а именно человѣкъ мой [1]) отвезъ свою жену въ надлежащее мѣсто для нѣкоего семейнаго событія, а самъ теперь возится съ оставшимися у него на рукахъ ребятишками, и съ своимъ хозяйствомъ,—поэтому услуги его и мнѣ самому и гостямъ моимъ не могутъ быть такъ удовлетворительны, какъ въ обыкновенное время. Впрочемъ, я надѣюсь, что скоро все придетъ въ должный порядокъ, и тогда я у Васъ побываю.

Вашъ Гончаровъ.

На конвертѣ: За Никольскимъ мостомъ, въ Могилевской улицѣ, въ домѣ подъ № 2, Михайлова. Ея Высокородію Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой. Квартира № 8, по парадной лѣстницѣ. Почтовый штемпель. С.-Петербургъ. Городская почта. 20 Мая 1873.

34.

12 Мая 74. [Петербургъ] [2]).

Наконецъ я получилъ отъ П. М. Ковалевскаго [3]) отвѣтъ по дѣлу о переводѣ сюда Алекс. Павл. [4]). Прилагаю его при этомъ: письмо, какъ Вы видите, Юнія Дмитріевна, неутѣшительное: лучше сказать, рѣшительный отказъ. Frappez ailleurs, можетъ-быть, успѣете. А мое участіе, какъ я вижу съ печалью, не приведетъ ни къ чему, или развѣ къ тому, что называется du guignon. Это не рѣдкость въ моей судьбѣ и въ Вашей тоже, конечно. Но дай Богъ Вамъ выбраться изъ всѣхъ Вашихъ г и н ь о н о в ъ, а мнѣ ужъ поздно!

Я бы пришелъ самъ къ Вамъ сказать объ этомъ—но холодно, а мнѣ нездоровится—невралгія и вообще скверно, а отъ погоды еще больше.

Вашъ Гончаровъ.

---

[1]) Карлъ Трейгультъ; въ его дочеряхъ и женѣ Гончаровъ, послѣ смерти своего слуги, принималъ, какъ извѣстно, самое близкое и сердечное участіе.

[2]) См. выше, письмо отъ 15-го Мая 1873 г.

[3]) Павелъ Михайловичъ Ковалевскій (род. 1823, ум. 1907), поэтъ и писатель, служилъ тогда въ Морскомъ Министерствѣ. См. нашу цитированную статью во „Временникѣ Пушкинскаго Дома 1914 г.“, стр. 117.

[4]) Ефремова.

б) Три письма Тургенева къ М. А. Языкову.

(1862—1865).

Михаилъ Александровичъ Языковъ—одинъ изъ преданнѣйшихъ друзей Бѣлинскаго, отъ котораго дошло до насъ нѣсколько восторженныхъ о немъ отзывовъ,—человѣкъ, связанный узами дружеской пріязни почти со всѣми выдающимися литературными дѣятелями 1840—1860-хъ гг.: Грановскимъ, Герценомъ, Тургеневымъ, Боткиными, Фетомъ, Панаевыми, Некрасовымъ, Плетневымъ, Гончаровымъ и многими другими. Съ Тургеневымъ, въ частности, у него были давнія дружескія отношенія; такъ, еще въ своей ранней шутливой поэмѣ „Попъ“ (1844 г.) Тургеневъ упоминаетъ и Языкова:

...Читатели найдутся. Не безплодной,
Не суетной работой занятъ я,—
Меня прочтетъ Панаевъ благородный
И Веверовъ почтенная семья,
Бѣлинскій посвятитъ мнѣ часъ свободный
И Комаровъ понюхаетъ меня...
Языковъ самъ, столь важный, столь пріятный,
Меня почтитъ улыбкой благодатной...

До настоящаго времени изъ переписки Тургенева съ Языковымъ были опубликованы, по сообщенію самого Языкова, лишь два письма къ нему Тургенева (отъ 17-го іюля 1862 г. и отъ 10-го августа 1881 г.)—въ изданномъ Литературнымъ Фондомъ „Первомъ собраніи писемъ Тургенева“ (СПб. 1885 г., стр. 109—110 и 382); трехъ же другихъ писемъ, нынѣ составляющихъ собственность Пушкинскаго Дома и печатаемыхъ ниже, Языковъ тогда не опубликовалъ,—конечно, въ виду тѣхъ отзывовъ Тургенева о своихъ двоюродныхъ братьяхъ М. А. и Н. П. Тургеневыхъ, которые въ этихъ письмахъ находятся и которые было неудобно предавать гласности, когда были еще живы оба эти лица.

О Языковѣ болѣе подробная замѣтка дана нами во „Временникѣ Пушкинскаго Дома 1914 года“ (стр. 100—101), гдѣ напечатано письмо Гончарова къ Языкову отъ 15—27-го декабря 1853 г., писанное на Saddle Islands, у устья Янгтсекіанга, на фрегатѣ „Паллада“.

Письма Тургенева къ Языкову въ подлинникахъ принесены въ даръ Пушкинскому Дому дочерью адресата—Александрою Михайловною Языковою, которая обогатила собранія Дома и другими цѣнными пожертвованіями.

Б. Модзалевскій.

1.

11-го іюля 1862 г. Спасское.

Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, я получилъ отъ своего двоюроднаго брата, Михаила Алексѣевича Тургенева [1]),

[1]) Сынъ родного дяди Тургенева, Тульскаго помѣщика Алексѣя Николаевича Тургенева (род. 1792) отъ брака его съ Екатериною Михайловною Похвисневой, М. А. Тургеневъ родился 19-го марта 1829 года, въ 1860 г. имѣлъ чинъ прапорщика и въ 1861 г. женился на дочери діакона Наталіи Андреевнѣ Бажановой (род. 1845); умеръ бездѣтнымъ.

письмо, въ которомъ онъ проситъ меня ходатайствовать за него у Васъ. Я долженъ сознаться, что прошедшее его не такого свойства, чтобы сдѣлать возможнымъ подобное ходатайство: но съ другой стороны его обѣщанія исправиться на будущее время кажутся такъ искренни,—а главное, его положеніе теперь такъ бѣдственно—что можно надѣяться, что онъ не захочетъ легкомысленно погубить свою послѣднюю надежду. А потому, если Вамъ угодно будетъ испытать его на какомъ-нибудь мѣстѣ, гдѣ за нимъ будетъ надзоръ, я буду Вамъ очень благодаренъ; но повторяю—ручаться за него я не могу, а могу только просить.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобъ выразить Вамъ мое искреннее удовольствіе знать Васъ такъ близко отъ себя и въ такой почтенной и хорошей должности [1]); желаю Вамъ всѣхъ благъ—и на память старинной пріязни крѣпко жму Вамъ руку. Кланяюсь Вашей женѣ [2]) и всѣмъ Вашимъ.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

С. Спасское 11-го Іюля 1862.

P. S. Мой двоюродный братъ не прислалъ мнѣ своего адреса,—а потому потрудитесь передать ему прилагаемую записку, когда онъ явится къ Вамъ, вмѣстѣ со вложенными тридцатью рублями.

2.

28-го іюля 1862 г. Спасское.

Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, спѣшу отвѣчать на Ваше письмо. Искренно благодарю Васъ за Ваши добрыя намѣренія насчетъ Порфирія Кудряшова: онъ дѣйствительно заслуживаетъ Вашего вниманія [3]). Я бы очень былъ Вамъ благо-

[1]) М. А. Языковъ тогда былъ назначенъ, изъ Смотрителей Мозаичнаго заведенія на Имп. Стеклянномъ Заводѣ, Управляющимъ Питейно-Акцизнымъ Управленіемъ Тульской губерніи. Эти Управленія тогда только-что были открыты, и на службу въ нихъ шли лучшіе представители тогдашней чиновной интеллигенціи. Впослѣдствіи Языковъ былъ Управляющимъ акцизными сборами Калужской губерніи, а затѣмъ—Новгородской.

[2]) Екатерина Александровна Языкова, рожд. Бѣлавина, художница; умерла 24-го августа 1896 г. См. во „Временникѣ Пушкинскаго Дома 1914 г." (стр. 103—104) письмо къ ней И. А. Гончарова.

[3]) Порфирій Тимоѳеевичъ Кудряшевъ, побочный братъ Тургенева; въ его судьбѣ послѣдній принималъ живое участіе и одновременно хлопоталъ объ его устройствѣ и у Языкова, и у Е. Я. Колбасина, въ письмѣ къ которому изъ села Спасскаго отъ 24-го іюля 1862 г. онъ давалъ о Кудряшевѣ чрезвычайно горячій отзывъ (см. Первое собраніе писемъ Тургенева, С.-Пб. 1885, стр. 111—112). Такой же горячій отзывъ о Кудряшевѣ Тургеневъ далъ и въ письмѣ своемъ къ М. А. Языкову изъ с. Спасскаго отъ 17-го іюля 1862 г.: „Порфирій Тимоѳеевъ Кудряшевъ—вольноотпущенный моей матери, у которой онъ состоялъ много лѣтъ въ качествѣ домашняго врача (онъ имѣетъ весьма основательныя медицинскія знанія); онъ со мной ѣздилъ за границу какъ довѣренное лицо—и долгое время жилъ потомъ у меня въ имѣніи, тоже въ качествѣ врача, и во всѣхъ отношеніяхъ пользовался отличной репутаціей" и т. д. (тамъ же, стр. 109—110). По поводу просьбы Тургенева М. А. Языковъ далъ слѣдующее объясненіе: „Вслѣдствіе письма Ивана Сергѣевича, Кудряшевъ былъ

даренъ, если бъ Вы извѣстили его въ половинѣ Августа о томъ, на что онъ можетъ надѣяться; но прошу Васъ адресовать Ваше письмо не на мое имя, потому что я уѣзжаю послѣзавтра за границу, а на имя дяди, Николая Николаевича Тургенева [2]). Неожиданно скорый отъѣздъ мой лишаетъ меня удовольствія видѣть Васъ у себя здѣсь; но спасибо за намѣреніе посѣтить меня. Что же касается до моего родственника, Любима Торцова [3]), то, кажется, онъ совсѣмъ пропащій; однако будьте такъ снисходительны испытать его.—Порфирій будетъ съ нетерпѣніемъ ожидать Вашего рѣшенія.

Крѣпко и дружески жму Вашу руку, кланяюсь всѣмъ вашимъ и желаю Вамъ всего хорошаго.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

28-го Іюля 1862. С. Спасское
(г. Мценскъ, Орловской губ.).

3.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse 277.

10-го Марта н. с.
26-е Февраля с. с. 1865.

Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, помнится, года два тому назадъ, если не болѣе, я посылалъ Вамъ письмо съ однимъ моимъ двоюроднымъ братомъ Михаиломъ Алексѣевичемъ Тургеневымъ, который желалъ служить подъ Вашимъ начальствомъ [1]); но Вы, вѣроятно, не забыли, что моя добросовѣстность не позволила рекомендовать мнѣ его Вамъ, какъ человѣка надежнаго, и

опредѣленъ помощникомъ акцизнаго надзирателя, согласно его желанію, въ южную часть Тульской губерніи, въ Чернскій уѣздъ, недалеко отъ села Спасскаго, для наблюденія за винокуренными заводами того уѣзда. Кудряшевъ былъ высокой нравственности, необыкновенной доброты и хорошо образованъ. Онъ былъ старѣе Ивана Сергѣевича лѣтъ на 7—10 и жилъ съ нимъ въ Москвѣ, а потомъ въ Берлинѣ, въ качествѣ дядьки. Кудряшевъ былъ побочный братъ Ив. Сер., происходя отъ его отца и крѣпостной женщины села Спасскаго. Кудряшевъ былъ похожъ на Ив. Сер., но еще выше его ростомъ, плечистѣе и вообще колоссальнѣе. Когда его отпустили на волю, то онъ, живя въ Москвѣ при Иванѣ Сергѣевичѣ, успѣлъ образовать себя въ медицинскомъ отношеніи и получилъ званіе зубного врача" (ibid., стр. 109—110, въ примѣч.). О Кудряшевѣ часто упоминается въ различныхъ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ: см. статью С. П. Петрашкевичъ, „Библіографія воспоминаній о Тургеневѣ" въ „Тургеневскомъ Сборникѣ" подъ ред. Н. К. Пиксанова, Пгр. 1915.

[2]) Младшій братъ отца Тургенева—Н. Н. Тургеневъ, гвардіи штабъ-ротмистръ въ отставкѣ, подолгу живалъ въ Спасскомъ; умеръ въ с. Юшковѣ, Карачевскаго уѣзда Орловской губерніи, въ 1879 г., 84 лѣтъ отъ роду; былъ женатъ на Е. С. Вѣлокопытовой.

[3]) Этимъ именемъ одного изъ персонажей комедіи Островскаго „Бѣдность не порокъ" Тургеневъ называетъ здѣсь своего неудачника-кузена М. А. Тургенева, о которомъ онъ просилъ Языкова въ приведенномъ выше письмѣ отъ 11-го іюля 1862 г.

[1]) См. выше, письмо отъ 11-го іюля 1862 г.

я болѣе обращался къ Вашему состраданію.—На этотъ разъ Вамъ мое письмо доставитъ тоже двоюродный мой братъ Николай Петровичъ Тургеневъ [1]), который такъ же желалъ бы получить мѣсто въ Вашемъ вѣдомствѣ; но между нимъ и Михаиломъ Алексѣевичемъ рѣшительно нѣтъ ничего общаго,—и я съ полной увѣренностью могу поручиться за него и рекомендовать его Вамъ, какъ человѣка отличной нравственности, дѣятельнаго, честнаго и вполнѣ надежнаго. У него имѣніе въ Чернскомъ уѣздѣ, и онъ въ немъ хозяйничаетъ уже пятый годъ, но неудовлетворительность теперешнихъ доходовъ, вмѣстѣ съ другими затрудненіями, общими всему Русскому хозяйству,—заставляетъ его искать мѣста, такъ какъ онъ семейный человѣкъ.

Повторяю Вамъ, я ручаюсь за него вполнѣ—и считалъ бы всякую услугу ему съ Вашей стороны за истинное одолженіе и за доказательство, что Вы еще не забыли нашей старинной пріязни.

Въ теченіе лѣта я возвращаюсь въ Россію и надѣюсь увидѣться съ Вами—а до тѣхъ поръ желаю Вамъ всего хорошаго и крѣпко жму Вашу руку.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Передайте мой дружескій поклонъ всему Вашему семейству.

На конвертѣ другимъ почеркомъ: Его Высокоблагородію Михаилу Александровичу Языкову. Отъ Ив. С. Тургенева.

---

[1]) Сынъ младшаго дяди писателя, Петра Николаевича Тургенева (ум. въ дек. 1865 г.) отъ брака его съ Варварой Григорьевной Гурьевой (ум. въ ноябрѣ 1877), Н. П. Тургеневъ родился 25-го апрѣля 1830 года, служилъ въ Нарвскомъ драгунскомъ полку и въ 1862 г. имѣлъ чинъ маіора. Былъ женатъ на Елизаветѣ Васильевнѣ Святогоръ-Штепиной (род. 1840, ум. 21-го апрѣля 1904 г. въ Москвѣ) и имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей.

в) Письма Н. А. Некрасова къ Н. А. Степанову.

Печатаемыя ниже письма Н. А. Некрасова къ Н. А. Степанову могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: первую изъ нихъ (бо́льшую) составляютъ письма, относящіяся къ 1847—48 годамъ и трактующія, главнымъ образомъ, о рисункахъ Степанова, изготовленныхъ имъ для „Иллюстрированнаго Альманаха“; вторую (меньшую) составляютъ письма, посвященныя вопросу о формѣ участія Некрасова въ затѣвавшемся Степановымъ сатирическомъ журналѣ „Искра“. Сообщаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ талантливомъ художникѣ-карикатуристѣ, неизданные образцы произведеній котораго помѣщаются ниже, въ этомъ же Сборникѣ.

Николай Александровичъ Степановъ (род. въ 1807 г.) [1]) съ дѣтскихъ лѣтъ обнаруживалъ дарованіе художника-карикатуриста, что̀ не мѣшало ему, впрочемъ, лучшіе годы своей жизни отдать чиновничьей службѣ. Лишь 35 лѣтъ отъ роду, въ 1843 г., онъ выходитъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника и орденомъ Владиміра 4-й степени. Вскорѣ послѣ этого, въ 1846 г., Степановъ получаетъ публичное крещеніе въ „Ералашѣ“ Неваховича. Годомъ позднѣе его привлекаютъ, въ качествѣ одного изъ главныхъ сотрудниковъ, къ участію въ „Иллюстрированномъ Альманахѣ“, обѣщанномъ редакціею „Современника“ въ качествѣ приложенія къ этому журналу. Исторія „Иллюстрированнаго Альманаха“, разсказанная г-жей Панаевой-Головачовой „Русскіе писатели и артисты“, 1890 г., стр. 192—193) и авторомъ статей о николаевской цензурѣ въ „Русской Старинѣ“ (1903 г., VIII, 411 стр.), представляетъ незаурядный интересъ, какъ яркій образчикъ строгости и придирчивости тогдашней цензуры. Я имѣю возможность дополнить ее нѣкоторыми фактами, почерпнутыми изъ находящихся у меня, пока еще не опубликованныхъ матеріаловъ. Въ концѣ 1846 г., при объявленіи о преобразованіи „Современника“ было, между прочимъ, сказано, что въ этомъ журналѣ будутъ иногда помѣщаться политипажи. Но по причинѣ значительнаго объема книжекъ помѣщеніе политипажей въ самыхъ книжкахъ журнала оказалось неудобнымъ. Вслѣдствіе этого редакція „Современника“, чтобы вознаградить подписчиковъ, рѣшила выпустить при журналѣ, въ видѣ безплатнаго приложенія, „Иллюстрированный Альманахъ“, къ составленію и печатанію котораго было приступлено въ концѣ 1847 г. Амплій Николаевичъ Очкинъ, назначенный цензоромъ „Альманаха“, далъ уже свою подпись на выдачу билета для выхода книги, и „Альманахъ“, совершенно готовый къ первымъ числамъ марта 1848 г., со дня на день долженъ былъ увидѣть свѣтъ. Вотъ его содержаніе: [2])

Оглавленіе статей и картинокъ:

Каррикатуры Н. А. Степанова:

1. Генеральная репетиція оперы Эсмеральда.
2. Ну вотъ и прекрасно!
3. Типографскія Превращенія.
4. Петербургскій Томъ-Пусъ.
5. Журналистъ и сотрудникъ.
6. Гамлетъ, покупающій дрова.
7. Мазурка.

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія о немъ читатель найдетъ въ статьѣ С. С. Трубачева въ „Истор. Вѣстникѣ“, 1891 г., III, и въ книгѣ М. К. Лемке „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики“, СПБ., 1904 г., стр. 36 и далѣе.

[2]) Заимствую изъ имѣющагося у меня экземпляра, представляющаго библіографическую рѣдкость, такъ какъ книга, какъ увидитъ читатель, не выходила, по крайней мѣрѣ, оффиціально, въ свѣтъ.

Каррикатуры М. Л. Неваховича:

1. Остроумный бенефиціантъ.
2. Господинъ и Слуга.

Семейство Тальниковыхъ, записки, найденныя въ бумагахъ покойницы, Н. Н. Станицкаго.

Лола Монтесъ, повѣсть А. В. Дружинина, съ картинкой г. Ф

Смотрины и Рукобитье, разсказъ В. И. Даля, съ 2 картинками Н. А. Степанова.

Дуракъ Федя, разсказъ А. В. С-ча, съ картинкой г. Ф.

Ползунковъ, разсказъ Ѳ. М. Достоевскаго, съ 4 карт. г. Ф.

Три Хашташа, народная египетская сказка М. А. Сааруни, съ 5 карт. М. А. Сааруни.

Встрѣча на станціи, разсказъ И. И. Панаева, съ карт. г. Ф.

Старушка, разсказъ А. Н. Майкова.

Заборовъ, повѣсть Е. П. Гребенки, съ 13 карт. А. А. Агина.

Исторія капитана Копѣйкина въ лицахъ, 3 картинки А. А. Агина.

Два помѣщика, рисунокъ г. Ф.

Реакціонныя мѣропріятія правительства конца февраля 1848 г. и послѣдующихъ мѣсяцевъ, вызванныя западно-европейскими революціонными бурями, привели редакцію „Современника“ къ убѣжденію, что выходъ „Альманаха“, даже при наличности цензорскаго разрѣшенія, можетъ имѣть для нея слишкомъ непріятныя послѣдствія, а потому она рѣшила подвергнуть его новому цензурному разсмотрѣнію. Результаты его были очень неблагопріятны: ни Предсѣдатель СПБ. Цензурнаго Комитета, ни Главное Управленіе Цензуры не соглашались на выпускъ книги, несмотря на всѣ настоянія редакціи журнала. Лишь съ величайшимъ трудомъ удалось добиться разрѣшенія на изданіе въ слѣдующемъ, 1849 году, новаго альманаха, взамѣнъ стараго; при чемъ въ него оказалось возможнымъ ввести лишь ничтожную часть матеріала, предназначеннаго для „Иллюстрированнаго Альманаха“. Такъ, въ „Литературномъ Сборникѣ“,—такъ называлось новое дѣтище редакціи „Современника“,—каррикатуръ Степанова не было вовсе; содержаніе же его составляли нижеслѣдующія произведенія: „Мѣстничество“, драма въ 5 дѣйств. гр. В. А. Соллогуба, „Трактатъ о физіономикѣ“ (съ 7 карт.) ***, „Сонъ Обломова“, И. А. Гончарова, „Ѳомушка“, разсказъ (съ картинкой) А. В. С-ча и „Египетская сказка“ (съ 5 карт.) М. А. Гамазова.

Содержаніе писемъ Некрасова къ Степанову, писанныхъ въ связи съ изданіемъ „Альманаха“, конечно, нѣсколько однообразно: тѣмъ не менѣе въ нихъ проскальзываютъ довольно интересныя замѣчанія, позволяющія судить о литературныхъ и художественныхъ вкусахъ Некрасова, объ его отношеніи къ матеріальнымъ интересамъ сотрудниковъ, о тяжести лежавшаго на его плечахъ цензурнаго бремени и т. д., и т. п.

Послѣднія три письма Некрасова писаны почти 10-ю годами позднѣе, осенью 1857 года, и даютъ возможность установить степень его участія въ возникновеніи „Искры“, едва ли не самаго замѣчательнаго сатирическаго журнала эпохи Императора Александра II. Изъ нихъ съ несомнѣнною ясностью вытекаетъ, что Степановымъ ставился вопросъ о приглашеніи Некрасова редакторомъ журнала. Если это приглашеніе и не состоялось, то, повидимому, главнымъ образомъ потому, что Некрасовъ не желалъ выступать въ роли не только редактора, но и издателя журнала, чего, надо думать, хотѣлось Степанову. Во всякомъ случаѣ, когда дѣло рѣшилось помимо Некрасова (деньги на изданіе „Искры“ были даны Кокоревымъ, а редактированіе ея литературнаго отдѣла взялъ на себя В. С. Курочкинъ), то это не вызвало никакого неудовольствія со стороны Николая Алексѣевича, и связи между „Искрою“ и „Современникомъ“ не прерывались. Этимъ, конечно, и объясняется, что въ литературѣ 60-хъ годовъ трудно указать болѣе близкіе по духу и направленію журналы (насколько могутъ быть близки толстый ежемѣсячникъ и еженедѣльное „сатирическое обозрѣніе“), чѣмъ „Искра“ и „Современникъ“.

В. Евгеньевъ.

1.

21 ноября [1847 г. ?].

Вотъ мой человѣкъ, благоволите вручить ему Вашъ альбомъ, который сохраню съ подобающимъ ему уваженіемъ.

Давеча мы, профаны, не умѣли оцѣнить Вашихъ каррикатуръ; пришелъ одинъ нашъ пріятель, человѣкъ, самъ рисующій каррикатуры, малый, притомъ, неглупой и съ нами откровенной: онъ намъ клялся, что эти каррикатуры совершенство въ своемъ родѣ и что онъ даже не знаетъ парижскихъ каррикатуръ, которыя были бы лучше этихъ. Вотъ принимайте, какъ хотите—мое дѣло сторона— я передаю его слова.

Совершенно преданный Вамъ Н. Некрасовъ.

2.

11 декабря [1847 г.].

Я завтра ѣду къ Очкину, т.-е. черезъ Неву перехожу, итакъ, нѣтъ ли у Васъ еще готовыхъ каррикатуръ, чтобъ разомъ выхлопотать подпись; пришлите завтра къ 11-ти часамъ.

Постараюсь быть у Васъ завтра же, и если не успѣю, то послѣзавтра буду непремѣнно.

А что я надулъ въ воскресенье—извините; при свиданіи представлю оправданіе.

Зачѣмъ и чѣмъ Вы больны? Желаю, чтобъ поскорѣй эта скука прошла.

Весь Вашъ Н. Некрасовъ.

3.

15 декабря [1847 г.].

Вотъ картинки, подписанныя цензоромъ. Не прошла одна; Булгаринъ, толкующій о честности — необходимо перемѣнить подпись. А Гончаровъ рѣшительно объявилъ, что онъ не хочетъ и не позволитъ своей каррикатуры. Что станетъ съ нимъ дѣлать? Ужъ мы уговаривали— да съ нимъ не сговоришь.

А мою и Панаева я оставилъ у себя—подумаю о надписи. Завтра къ Вамъ пришлю камень.

Извините, что я къ Вамъ не являюсь: Вы знаете, я встаю поздно,—а тутъ набѣжитъ народу, да и работы пропасть,—глядь и три часа и темно. Но я не теряю надежды быть у Васъ на-дняхъ.

Весь Вашъ Н. Некрасовъ.

Потрудитесь прочесть посылаемый разсказъ и сказать, хотите ли сдѣлать къ нему картинку или двѣ, отвѣть нуженъ въ среду.

4.

18 дек. [1847 г.].

Вы, пожалуйста, на меня не сердитесь, что я медлю: вспомните, что у меня на рукахъ цѣлый журналъ. Вотъ на-дняхъ цензура запретила статью въ шесть печатныхъ листовъ, ужъ набранную, такъ я теперь все съ ней бѣгаю. Такія пилюльки не

очень сладки и тутъ поневолѣ забудешь то, насчетъ чего время терпитъ.

Впрочемъ, я ничего не забываю, камень давно былъ бы у Васъ, да остановка именно по той причинѣ, что камня такого большого нѣтъ, впрочемъ, его мнѣ достанутъ, что́ очень важно: ибо если печатать по одной или по двѣ картинки, то расходъ на эти картинки возрастетъ до исполинскихъ размѣровъ. А насчетъ Поля Пети я принялъ къ свѣдѣнію. Картинки къ Далю, кажется, будутъ хороши, а показывать ихъ въ цензуру и не для чего покуда, ибо тутъ нечего запрещать.

Какъ эти картинки, такъ и къ другимъ статьямъ, я думаю дѣлать политипажныя, а не литографіи.

А насчетъ разсказа Достоевскаго я и самъ невысокаго мнѣнія, да дѣло въ томъ, что нельзя издавать журналъ, если все искать превосходныхъ вещей—таковыхъ у насъ немного.

Весь Вашъ Н. Некрасовъ.

5.

[Декабрь 1847 г. или январь 1848 г.]

Вотъ рисунки—ихъ можно печатать смѣло, хоть я и не былъ еще у Очкина, буду завтра

Г-нъ Бернардскій меня посадилъ. Ему не успѣть вырѣзать и тѣхъ рисунковъ, которые у него есть уже. Такъ какъ я намѣренъ во что бы ни стало выпустить Альманахъ къ 1-му Марта, то и рѣшаюсь нѣкоторые рисунки отложить. Къ счастью, къ моимъ стихамъ сдѣланъ только одинъ, остальныхъ прошу Васъ и не дѣлать, а этотъ одинъ современемъ куда-нибудь пригодится, впрочемъ, такъ какъ Вы уже потратили на него трудъ, то я не прочь за него заплатить.

Я боюсь, что не успѣю стиховъ-то своихъ кончить, и вотъ почему откладываю именно эти рисунки. Надѣюсь, Вы за это не разсердитесь. Впрочемъ, и другихъ рисунковъ я много отложилъ, между прочимъ, повѣсть Григоровича, къ которой сдѣлалъ рисунки Федотовъ, и нѣсколько рисунковъ Неваховича отложены.

Весь Вашъ Некрасовъ.

Ненужную доску возвратите.

6.

[Январь 1848 г.]

Извините, пожалуйста, за промедленіе. У меня опять теперь гадости по цензурѣ, а воскресенье я не засталъ Очкина. Завтра или не далѣе послѣзавтра—я все исполню, и къ Вамъ непремѣнно зайду.

Картинки превосходны—и выходятъ въ печати хорошо!

Не нужны ли Вамъ деньги? Не церемоньтеся, у меня теперь есть.

Весь Вашъ Н. Некрасовъ.

Картинками къ моимъ стихамъ я тоже очень доволенъ.

7.

16 Янв. [1848 г.]

Бумагу я послалъ къ Полю-Пети. У Очкина былъ и оставилъ ему, ибо не засталъ. Завтра пошлю за картинками.

Вотъ что́ имѣю я Вамъ сообщить: я не понимаю, почему Вамъ не нравится мысль остальныя четыре картинки сдѣлать на деревѣ, мнѣ кажется это съ Вашей стороны прихотью, и потому я желаю доказать Вамъ, что сію прихоть можно бы и откинуть, принявъ въ соображеніе большую разницу въ разсчетѣ. На деревѣ эти картинки будутъ стоить менѣе, чѣмъ вполовину дешевле, а выйдутъ едва ли не лучше. (Примѣръ у меня ужъ есть—нѣсколько готовыхъ досокъ.) Считаю нужнымъ представить Вамъ это на усмотрѣніе. Впрочемъ, если не хотите, то будетъ по-старому; когда Вы брались дѣлать картинки, я говорилъ, что онѣ будутъ литографированы, и это такъ и будетъ, если Вы иначе не захотите. Подумайте-ка, впрочемъ, объ этомъ и увѣдомьте меня.

Весь Вашъ Н. Некрасовъ.

8.

16 Марта [1848 г.].

Пожалуйста, простите великодушно—я теперь въ большихъ хлопотахъ и въ большомъ горѣ. Все сбирался къ Вамъ зайти, чтобъ извиниться. Вы у меня были, но въ этотъ день я провожалъ Боткина, который уѣзжалъ въ 12 часовъ съ мальпостомъ. Постараюсь на-дняхъ быть у Васъ.

Денегъ теперь у меня нѣтъ, но я жду ихъ съ часу на часъ и очень скоро Вамъ представлю. На дняхъ я видѣлъ Очкина, и онъ мнѣ очень хвалилъ каррикатуру Одоевскаго. Желательно бы посмотрѣть.

Весь Вашъ Н. Некрасовъ [1848 г.].

9.

Я обѣдаю, разсказывать всего некогда, теперь скажу только, что ни Вы ни мы въ погибели Бранта не виноваты, а виновата судьба; какъ было дѣло—исторія длинная, темная, и нужно ее разсказать при свиданіи. Не зайдете ли завтра, только не утромъ, а вечеромъ.

Весь Вашъ Н. Некрасовъ.

10.

1 октября 1857 г. СПБ.

Ипполитъ Панаевъ, который вызывался быть издателемъ, отъ этого отказался. Чтобъ не заставить Васъ еще терять время, я спѣшу Васъ увѣдомить, чтобъ Вы сами искали издателя;

надежда на тѣхъ, которыхъ я имѣлъ въ виду,—обманула меня, и я теперь очень жалѣю, что вступился въ это дѣло: если оно не состоится, Вы будете пенять на меня. Я однакожъ, повторяю то, съ чего началъ: на объявленныхъ мною условіяхъ я готовъ поставлять оригиналъ, но отъ участія въ изданіи положительно отказываюсь.

Если Вы найдете себѣ издателя и редактора помимо меня, я нимало не посѣтую.

Дѣло это—хорошее и довольно вѣрное, но требуетъ, по-моему расчету, 7 т. р. с. чистыхъ денегъ, которыми должно рискнуть, иначе изъ него ничего не выйдетъ. Таковъ по крайней мѣрѣ мой взглядъ.

Итакъ, хлопочите сами. А я буду Вашимъ сотрудникомъ во всякомъ случаѣ.

Душевно Вамъ преданный Н. Некрасовъ.

11.

Ежели издатель будетъ, то имѣйте въ виду слѣдующее:

Я отъ души желаю быть Вамъ полезнымъ въ этомъ дѣлѣ, поэтому кто бы у Васъ ни былъ редакторомъ, я буду Вамъ давать иногда свои статейки и доставать отъ другихъ.

Если же непремѣнно хотите, чтобъ я занимался редакціею, то мои условія—чтобъ мнѣ было отпускаемо на оригиналъ 5.000 р. или чтобъ мнѣ издатель платилъ за редакцію 2.000 р. сер., а оригиналъ оплачивалъ самъ.

Душевно Васъ уважающій Н. Некрасовъ.

12.

Я ничего новаго ко вчерашнему сказать не могу. Если найдется издатель, то будетъ всего лучше, но, по моему мнѣнію, ниже вчерашняго расчета —разсчетъ невозможенъ. А по 3 р. продавать нѣтъ никакого средства. Надо расчитывать прямо на 6 т. подп. Покуда до свиданья.

Пред. Вамъ Н. Некрасовъ.

г) Письмо Ап. Ал. Григорьева къ Ап. Н. Майкову.

Въ томъ, что настоящее письмо адресовано было Аполлономъ Александровичемъ Григорьевымъ Аполлону Николаевичу Майкову, для біографа Григорьева нѣтъ никакихъ сомнѣній. [1]) Сомнѣнія, однако, начинаются, въ виду совершенной неразработанности біографическихъ данныхъ касательно обоихъ названныхъ писателей, при первой же попыткѣ установленія хотя бы начала ихъ знакомства и опредѣленія момента, когда знакомство перешло въ дружески-тѣсное общеніе. Къ началу 1858 года мы стоимъ передъ совершившимся фактомъ близости между обоими корреспондентами. Въ январской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ напечатана статья Ап. Григорьева „Критическій взглядъ на основу, значеніе и пріемы современной критики искусства“, посвященная Ап. Н. Майкову, а 9 (21) января изъ Флоренціи Григорьевъ пишетъ къ нему же письмо, изъ коего явствуетъ, что оба писателя между собою „спѣлись“, и Григорьевъ находитъ возможнымъ „говорить полутонами“, въ любимой манерѣ своей въ письмахъ. Что было до и что стало послѣ—въ точности неизвѣстно. Нѣсколько данныхъ, представляемыхъ ниже, являются поэтому лишь предположительными догадками, а не строгой, къ сожалѣнію, сводкой точнаго фактическаго матеріала, единственно вѣрнаго союзника въ освѣщеніи любопытныхъ психологическихъ мотивовъ сближенія писателей, что, въ свою очередь, могло бы привести къ еще болѣе интереснымъ вопросамъ общаго характера.

Съ 1844 года по конецъ октября 1852 г. Майковъ служилъ въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ Музеѣ. Въ эту пору онъ принималъ участіе въ „Финскомъ Вѣстникѣ“, который началъ редактировать (1845 г.) его братъ, критикъ Валеріанъ Николаевичъ, и въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ“ (1845 г.). Въ этихъ журналахъ принималъ дѣятельное участіе, особенно во второмъ, и Ап. Григорьевъ. Въ концѣ 1846 г. или въ началѣ 1847 г., Григорьевъ вернулся въ Москву, и съ 1851 г. въ „Москвитянинѣ“ началась дѣятельная работа его, вмѣстѣ съ такъ называемой „молодой редакціей“, въ этомъ журналѣ. Но Майковъ врядъ ли могъ сблизиться въ это время съ Григорьевымъ. Какъ Григорьева въ ту пору притянули къ себѣ „славянофильскіе“ круги, любовь „ко всему народному“ и даже „мѣстному“, такъ Майковъ стоялъ на противоположномъ полюсѣ русской общественной мысли—его симпатіи были на сторонѣ „западниковъ“, что доказывается біографами поэта и его двумя поэмами, которыхъ впослѣдствіи онъ не включалъ въ собранія своихъ стихотвореній, какъ написанныхъ въ духѣ „натуральной школы“: „Двѣ судьбы“ и „Машенька“. Въ концѣ октября 1852 г. Майковъ перешелъ на службу въ вѣдомство Иностранной цензуры въ Петербургѣ, младшимъ цензоромъ.

Переломъ въ воззрѣніяхъ Майкова, на что намекаетъ Григорьевъ въ своемъ письмѣ къ нему („лѣзешь въ вершу книжечки стихотвореній въ духѣ „Маяка“), произошелъ подъ вліяніемъ общаго патріотическаго настроенія въ началѣ Крымской войны. Въ 1854 г. Майковъ выпустилъ книжку стихотвореній, навѣянныхъ современными военными событіями: „1854 годъ. Стихотворенія А. Н. Майкова“. (Спб.). Этимъ было положено начало его расхожденію съ западниками и сближенію съ славянофилами. Но сближеніе съ послѣдними относится, повидимому, къ началу новаго царствованія. „Около этого времени,—писалъ Майковъ въ частномъ своемъ

---

[1]) Письмо это пріобрѣтено Пушкинскимъ Домомъ, при чемъ никакихъ признаковъ, къ кому оно адресовано, ни на немъ, ни при немъ не сохранилось. Оно войдетъ въ книгу, выпускаемую Пушкинскимъ Домомъ: „Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ. Матеріалы для біографіи“.

письмѣ къ М. Л. Златковскому [1]),—познакомился я съ молодой редакціей „Москвитянина“, съ Аполлономъ Григорьевымъ, Островскимъ, Писемскимъ, Эдельсономъ и съ самимъ Погодинымъ, со славянофилами. Здѣсь показалось мнѣ болѣе правды, чѣмъ въ западническомъ наклонѣ“. Итакъ, знакомство Майкова съ Григорьевымъ могло произойти лишь въ 1855 году. Но Григорьевъ жилъ въ Москвѣ, а Майковъ въ Петербургѣ. Только Великимъ постомъ 1857 года Григорьевъ провелъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, и лѣтомъ этого года уѣхалъ за границу. Возможно, что Григорьевъ, сближавшійся легко, могъ подружиться съ А. Н. Майковымъ, посѣщая литературныя бесѣды (во время своего кратковременнаго въ 1857 г. пребыванія въ Петербургѣ), которыя происходили въ 50-хъ гг. по воскресеньямъ въ домѣ родителей поэта и на которыхъ бывали многіе писатели.

Вотъ, въ сущности, все, что̀ можно сказать объ отношеніяхъ Ап. Ал. Григорьева къ Ап. Н. Майкову.

Самое письмо Григорьева къ Майкову, пока единственное,—цѣнный психологическій документъ. Письма Григорьева—прямое дополненіе къ его критическимъ статьямъ. Нѣкоторыя критическія статьи написаны въ формѣ писемъ къ опредѣленному лицу (А. С. Хомякову, И. С. Тургеневу, Ѳ. М. Достоевскому и др.). Вообще, этотъ родъ интимной бесѣды былъ страстно любимъ Григорьевымъ. Но не эпистолярностью стиля увлекательны его письма. Если угодно, въ нихъ стиль адэкватенъ содержанію: такія письма могутъ быть писаны только такъ. Постоянное подниманіе общихъ вопросовъ искусства и жизни, изступленно-страстное отношеніе къ предмету бесѣды, глубокая, искренняя правда обличеній себя и другихъ, восходящая до провидѣнія будущихъ судебъ русской литературы, мысли, признаніе коихъ едва-едва только начинается въ русскомъ обществѣ,—вотъ объективная цѣнность многихъ и многихъ писаній Григорьева.

Комментировать болѣе подробно въ настоящемъ сборникѣ содержаніе письма къ Ап. Н. Майкову не представляется возможнымъ, какъ вслѣдствіе опасности, въ виду полной неизученности обоихъ писателей, впасть въ голословныя и гадательныя предположенія, такъ и вслѣдствіе причинъ чисто техническаго свойства—необходимости дать обширное, начинающееся съ азовъ, обстоятельное истолкованіе.

Влад. Княжнинъ.

Флоренція. 1858. Янв. 9 (21).

Въ томъ-то, напротивъ, и штука, о, мой милый поэтъ, что Пушкинъ не умретъ, а будетъ жить и развертываться все больше и больше. Пушкинъ—первое, но цѣльное очертаніе нашей типической физіономіи.

Вотъ тутъ-то и ловлю я тебя. Ты или хочешь во что бы то ни стало видѣть стремленія Савонаролы въ нашихъ старцахъ, или бросаешься въ другую крайность, въ Славянофильство „Маяка“ и думаешь, что придетъ какая-то особенная литература, которая съ Пушкинымъ не будетъ имѣть ничего общаго. А вию всё что?—Живопись? Ты вѣдь меня понимаешь, несмотря на мою отрывчатость? Столько мы съ тобой ужъ спѣлись, что можемъ говорить полутонами. Теперь тебѣ, внюхивающемуся въ старое, въ памятники, живописно кажется другое, чѣмъ прежде, и ты готовъ пожертвовать прежнимъ ради живописности новаго, раскрывающагося. Но вѣдь всякая жизнь имѣетъ двойственный ликъ Януса (потому-то она и жизнь). Ну, какъ въ самомъ старомъ-то обнажится и другая физіономія?..

Мысль объ уничтоженіи личности общностью въ нашей русской душѣ есть именно слабая сторона Славянофильства... Такъ кажется только сначала, и самъ Пушкинъ, притворявшійся

[1]) См. біографическій очеркъ послѣдняго: „А. Н. Майковъ“, изд. 2-ое, СПб. 1898, стр. 46.

иногда Иваномъ Петровичемъ Бѣлкинымъ, понималъ этотъ процессъ... Но куда же дѣлъ бы онъ тѣ силы, которыя примѣривались къ образамъ Алеко, Донъ Жуана и проч. и проч.? Это идетъ въ каждомъ изъ насъ и въ цѣлой нашей эпохѣ—процессъ Ивана Петровича Бѣлкина, смиряющаго, безличнаго начала, а лучше-то, правильнѣе сказать, критикующаго начала, критикующаго разные мундиры, въ которыя личность облекалась. Мы лгали, когда облекались въ разныя хламиды, да лжемъ и теперь, когда признаемъ съ Толстымъ одинъ героизмъ капитана его (въ Кавказскихъ сценахъ) или, пожалуй, Лермонтовскаго Максима Максимыча. И первый лжетъ Толстой, лжетъ упорно, добросовѣстно, пока не должется до бездны, до поворота. Потомъ лжетъ Писемскій съ своимъ продергиваніемъ и лжетъ, язвя самого себя, наконецъ тупо и рабски лжетъ Потѣхинъ въ своихъ, съ точки зрѣнія истиннаго искусства, богомерзкихъ драмахъ. Не лжетъ одинъ Островскій, а даетъ часто ex abrupto, наобумъ, то, что говоритъ кровь, ибо этотъ человѣкъ по натурѣ своей лгать не можетъ. Народное наше, типическое, не есть одно только старое, но и старое, и новое, ибо лучше та двойственность, которая всюду у насъ проглядываетъ въ старомъ и въ новомъ (князья дружинники и охранники и князья промышленники-вотчинники, святость Ильи Муромца и ерничество Алеши Поповича, земледѣльческое населеніе и купеческое, покорность семейному началу въ одной пѣснѣ и загулъ въ отношеніи къ этому началу въ другой—и проч., и проч., и проч.).

Это только намеки, но обо всемъ этомъ я написалъ уже вчернѣ книжицу, гдѣ безпощадно разоблачилъ всякую ложь и въ себѣ, и во всѣхъ васъ, друзья мои. Исходныя точки этой книжицы—море и Пушкинъ, и конецъ ея въ нихъ же.

Злился я на тебя, читая конецъ твоего письма. Такъ и вижу, какъ ты опять лѣзешь въ вершу книжечки стихотвореній въ духѣ „Маяка“. Какія надежды? Полумѣры, недобросовѣстность, вздоръ, мазанье по губамъ.

Не вѣрь, Христа ради, ни во что исходящее изъ Петербурга. Прогрессъ Петербургскій—фельетонъ въ „Nord“ о Петербургскихъ . . . . . , что вотъ, дескать, и у насъ есть „demi-monde“, да юридическая литература, въ родѣ сочиненій г. Щедрина и комедіи г. Львова. И все это такая гадость, мой милый, что только иронически можетъ быть названо прогрессомъ...

Вѣрь только въ народъ, старый и новый вмѣстѣ. Онъ великъ, и ему принадлежитъ все будущее міра, ибо, кромѣ его, ничего нѣтъ живого. Твоя Италія—заглохшая сопка, по старой привычкѣ выбрасывающая иногда то оперу Верди, то могучее сопрано, то талантъ живописца. Здѣсь хорошо только прошедшее, но хорошо до опьянѣнія. Въ настоящемъ же я не знаю, что могъ ты найти поэтическаго. Мизерія, мелочность, старыя фразы и жесты безъ стараго смысла: въ жизни пошлость, отсутствіе широты и поэзіи—невѣжество скотское.

Любезный другъ, это письмо все допотопное, но ты, пожалуйста, лови въ немъ не диноѳеріумовъ, а творящія силы.

Допотопное же оно вышло только потому, что мнѣ хочется побольше набросать тебѣ изъ моего міра мысли.

Твое письмо еще болѣе утвердило меня въ мысли, что именно ты-то и принадлежишь къ числу личностей, не могущихъ жить безъ абсолюта, т.-е. безъ цѣлостнаго міросозерцанія, т.-е. безъ вѣры. Ищи же абсолюта твердо, честно, не боясь страданій.

Въ абсолютѣ, т.-е. въ вѣрѣ, есть дѣйствительно нѣчто таинственное, но оно иногда удивительно ясно. Только опять подъ видомъ вѣры, Бога ради, не увлекись православіемъ Андрюшки Муравьева. Это мерзость (несодѣянная?), равно какъ и народность „Маяка“. Я не знаю, что для меня отвратительнѣе: петербургскій прогрессъ, разрѣшающійся фельетономъ въ „Nord“ об..... или диллетантизмъ православія, или наконецъ циническій атеизмъ Герцена! Все это вещи равнаго нумера и достоинства, и „три сія“ одинаково происходятъ отъ одной причины: отъ невѣрія въ жизнь, идеалы и искусство. Все это разрѣшается утилитарною утопіею плотскаго благополучія или душевнаго рабства и китайскимъ застоемъ подъ гнетомъ внѣшняго единства, за отсутствіемъ единства внутренняго, т.-е. Христа, т.-е. Идеала, т.-е. Мѣры, Красоты, въ которой одной заключается истина и которой одной входитъ истина въ душу человѣка. Все великое вошло въ жизнь воплощеніемъ въ искусствѣ, наука была всегда дѣло черновое, разъясненіе искусства. Искусство—это второй міръ второго творца...

Велико значеніе искусства въ жизни, но никакого новаго искусства не будетъ. Оно вѣчное—какъ душа человѣка. Мечты о новомъ искусствѣ—судороги истощеннаго германороманскаго міра въ его добросовѣстнѣйшихъ представителяхъ—Зандѣ, Листѣ и т. п. Они не видятъ и не могутъ видѣть того, что жизнь истощилась, и новая начинается, новая, которая пойдетъ отъ толчка православія, второй оболочки Христова ученія, православія, которое носитъ en germe свой протестъ въ себѣ, ретроградный. Въ этой-то силѣ—новый міръ, и, стало-быть, не новое искусство, а Гомеровское, Дантовское, Шекспировское искусство новаго міра. Задатки его—Рафаэлевскій контуръ безъ красокъ—Пушкинъ и Мицкевичъ—вода и огонь, море и горы новаго міра... Все жгучее Еврейскихъ пророковъ въ пѣвцѣ Валленрода, все широкое, безграничное, и вмѣстѣ женственно-ласкающее въ натурѣ Пушкина. Въ Пушкинѣ только мы въ нашу мѣру впервые любимъ, впервые вѣримъ, впервые сознаемъ себя: это море своимъ разливомъ опредѣляетъ границы нашей суши...

Но я усталъ... До новаго письменнаго, или, вѣроятно, скораго свиданія!

Твой

Ап. Григорьевъ.

д) Письма Кавелина къ М. А. Марковичъ.

Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ, письма котораго къ М. А. Марковичъ (писательницѣ, извѣстной подъ псевдонимомъ Марка Вовчка) приводятся ниже, былъ одной изъ яркихъ полосъ той радуги „людей сороковыхъ годовъ“, которыхъ въ царствованіе Императора Николая Павловича собралъ въ своихъ стѣнахъ Московскій Университетъ, а эпоха реформъ вывела на широкую арену общественной дѣятельности въ предѣлахъ Россіи и внѣ ея.

Самъ по себѣ Кавелинъ—достаточно извѣстная фигура, чтобы о немъ нужно было говорить здѣсь пространно. Юристъ по образованію, ученый по складу ума, публицистъ по живости и широтѣ общественныхъ интересовъ, онъ, какъ личность, полно и удачно соединялъ въ себѣ самыя разнородныя особенности духа: романтическую пылкость и энтузіазмъ увлеченій—съ трезвымъ умомъ и практической сообразительностью въ дѣлѣ, мягкость чувствъ—съ твердостью воли, глубину и серьезность мышленья—съ ребяческой шутливостью бесѣды и непринужденностью поведенія.

Ни научныя, ни публицистическія произведенія Кавелина, ни письма его, въ которыхъ видна лишь ясная мысль и нѣжная душа, не даютъ настоящаго пониманія его духовнаго облика. Слогъ Кавелина вездѣ простъ и ровенъ, темпераментъ скованъ серьезностью предмета и привычкой къ методическому теченію мысли. Но стоитъ взглянуть въ его острые, веселые, какъ бы сверлящіе глаза, стоитъ послушать отзывы о немъ людей, его хорошо знавшихъ, стоитъ ознакомиться съ двумятремя интимными подробностями его жизни, чтобы понять, какое богатое и цѣнное обнаруженіе человѣческаго существа онъ собою представлялъ.

Предлагаемыя здѣсь письма его къ Марковичъ, женщинѣ тоже замѣчательной, съ которой Кавелинъ только-что успѣлъ познакомиться, открываютъ одну мало кому извѣстную интимную подробность его жизни. Письма относятся къ парижскому періоду жизни Кавелина въ 1862 г., когда, послѣ демонстративнаго оставленія имъ въ октябрѣ 1861 г. профессорской каѳедры вмѣстѣ съ другими профессорами, онъ былъ командированъ новымъ министромъ просвѣщенія А. В. Головнинымъ за границу.

Кавелинъ пріѣхалъ въ Парижъ 10 (22) Марта 1862 г. въ довольно угнетенномъ настроеніи и пробылъ въ немъ до 4 (17) октября того же года съ небольшимъ перерывомъ. Причинъ, вызвавшихъ такое настроеніе, было много. Годъ назадъ Кавелинъ потерялъ единственнаго сына, мальчика по отзывамъ всѣхъ очень одареннаго; затѣмъ послѣдовала отставка отъ профессуры, вторая съ начала его ученой карьеры; разлука съ семьей, особенно съ нѣжно любимой дочерью; неопредѣленность дальнѣйшаго положенія при малой матеріальной обезпеченности, оторванность отъ любимой среды и дѣла въ чуждой и непріятной обстановкѣ, разрывъ съ друзьями юности Герценомъ и Огаревымъ, рѣшительнымъ поводомъ къ которому, кромѣ намѣчавшагося и прежде принципіальнаго расхожденія въ нѣкоторыхъ взглядахъ, послужила напечатанная Кавелинымъ въ началѣ года брошюра „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“.

Въ такомъ душевномъ состояніи Кавелинъ встрѣчается съ женщиной своеобразной, живой, умной, талантливой, сердечной, искренней, даже простодушной, „русской до мозга костей“, особенно „на иностранномъ фонѣ“, многихъ увлекающей и самой увлекающейся, способной, кажется, мертвыхъ расшевелить запасомъ своей жизненной энергіи. Она сумѣла какъ-то сразу войти въ душу Кавелина, понять его, и, мягко коснувшись его душевныхъ ранъ, не растравить ихъ, а наоборотъ, усыпить и успокоить.

Впрочемъ, о впечатлѣніи, произведенномъ Марковичъ на Кавелина, лучше всего судить по его собственнымъ словамъ, къ ней обращеннымъ. Имъ мы и уступаемъ мѣсто.

Е. Казановичъ.

1*).

Среда. [1862 г. Мартъ]

Посылаю вамъ карточку Милютина, многоуважаемая Марья Александровна. А полуимперіалъ-то остался у меня? Мы такъ съ Вами заговорились, что и забыли про него.

Какая Вы русская—Боже мой—русская до мозга костей! Здѣсь въ Парижѣ это чувствуется еще сильнѣй; русскій типъ вырѣзывается на иностранномъ фонѣ страшно рѣзко и ярко. Сколько въ этомъ типѣ дурного и сколько хорошаго! Пассивное отношеніе къ внѣшнему міру, способность терпѣть горе безъ возмущенія, безъ протеста, глотая слезы, принимать его, какъ посланіе Божіе и неизбѣжный рокъ; въ то же время глубина, правдивость, честность, прозрачность, чистота сердца и мысли. Правду говорятъ иностранцы, что мы самый европейскій изъ восточныхъ народовъ. Выйдетъ ли что-нибудь изъ этого типа, т.-е. можетъ ли онъ стать дѣятельнымъ, оставаясь свѣтлымъ и чистымъ, вообще совмѣстимы ли дѣятельность съ глубиною пониманія и голубиною чистотою сердца—вотъ вопросъ. Право, онъ не такъ глупъ, какъ кажется съ перваго взгляда. До сихъ поръ эти двѣ идеи плохо мирились. А если онѣ помирятся, то царство Божіе, обѣтованная земля, водворится на земномъ шарѣ. Оттого-то такъ часто думается, что русская земля поведетъ впередъ исторію, а въ другой разъ думается, что изъ нея ничего не выйдетъ путнаго. Это не капризъ минуты, а неразрѣшимость задачи въ теоріи. Жизнь должна ее разрѣшить. Умъ не въ состояніи сотворить. Онъ только сознаетъ то, что̀ есть, хотя бы въ зародышѣ, въ намекѣ.

Если Вы меня потянете въ судъ за золотой, я отвѣчу, что не получилъ его. Вѣдь свидѣтелей не было! А если станете уличать обстоятельствами передачи, то скажу, смотря по тому, больше или меньше буду подлецомъ въ ту минуту, что получилъ 10 фр. или 5 фр. золотомъ. Тутъ ужъ Вамъ трудно будетъ меня уличать!

Прощайте! Если успѣю, занесу Вамъ Вашу собственность (замѣтьте, что я, изъ осторожности, не говорю что̀ и сколько!) завтра между двумя и шестью.

Желаю Вамъ всего лучшаго.

Душевно Вамъ преданный

К. Кавелинъ.

Я пришелъ домой пѣшкомъ, изъ скупости, и натрудилъ ногу, которая болитъ. Разговоромъ съ Вами очень доволенъ, и тѣмъ, что въ Васъ заглянулъ, и тѣмъ, что высказалъ Вамъ свое горе, которое сосетъ у меня сердце всегда и которое я тщательно закупориваю, чтобъ не прошло въ голову и память и не замучило. Стало легче. Горе хорошо для людей. Но не дай Богъ никому, чтобъ оно было слишкомъ сильно.

---

*) Примѣчанія въ концѣ писемъ.

А какой я старикъ,—Боже ты мой! Только и живу головою, куда ушло все изъ всего организма, что̀ было получше и поживѣе. Про старика Брадке, Дерптскаго попечителя, говорятъ, что онъ духъ—потому что только голова у него и живетъ, а тѣло умерло. Къ этой смерти я приближаюсь, au moral: только голова и осталась живая, сочувствующая, бунтующая, протестующая, страстная! Все остальное состарѣлось. Роль попа—исповѣдника юношей и женщинъ, мнѣ только и прилична и по̀ сердцу. Я въ нее давно ужъ вхожу и не безъ нѣкотораго успѣха. Довѣріе женщинъ въ этомъ случаѣ нѣсколько даже оскорбительно; но онѣ страшно правы. Я совершенно благонадеженъ и вполнѣ безопасенъ для нихъ. Это онѣ чувствуютъ инстинктомъ, который въ нихъ такъ сильно развитъ. Припоминая прошлое, нахожу, что онѣ всегда такъ ко мнѣ относились, очень, очень рѣдко иначе, и то глупыя или исковерканныя. Видно я всегда былъ такой, отъ роду.

2.

[1862 г. Мартъ]

. . . . . .

...и ясное сознаніе. Что это не легко,—я въ этомъ увѣренъ; что такой типъ не создать вдругъ, съ одного присѣста,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Его нужно выносить долго, много работать, много наблюдать, много жить, много думать, много читать. Что этотъ идеалъ стучится наружу, на свѣтъ Божій, изъ глубины русской души, на это много данныхъ. Сколько есть намековъ у Пушкина, у Тургенева, у Некрасова, не считая множества мелкихъ вещей и мелкихъ именъ. Сколько Вы сами подходили къ такимъ типамъ; какъ онъ носится передъ Кохановской, которая, къ несчастію, выполаскиваетъ его въ постномъ маслѣ и окуриваетъ ладаномъ, и тѣмъ опошляетъ его до приторности и до омерзѣнія. Великій писатель,—это великій отгадчикъ и великій врачъ духовный. Сказавши слово, назвавши болѣзнь, онъ облегчаетъ душу, прекращаетъ мученіе сознанія, которое не находитъ себѣ выраженія. Это тотъ великій утѣшитель, который въ минуту тяжкой скорби умѣетъ заставить Васъ заплакать; это повивальная бабка, которая помогаетъ матери разрѣшиться отъ бремени. Приспѣло время такого утѣшителя, такого разгадчика; ребенокъ есть и шевелится. Кто жъ поможетъ ему родиться? Кто его приметъ и назоветъ? Досада и нетерпѣніе беретъ, когда Вы видите только попытки, нетвердые пріемы, когда невѣрующія руки берутся за это; не говорю ужъ о лживыхъ, комедіантскихъ. Когда же явится благодѣтель, который въ великомъ созданіи разрѣшитъ скорбь нашу, въ звукѣ, словѣ или картинѣ? Если я люблю Тургенева, такъ это за то, что у него есть далекіе намеки на будущаго утѣшителя; и если я его ругаю, то за то, что онъ своей вѣтреностью, кокетствомъ, развѣваетъ эти бисеринки по вѣтру, топитъ ихъ въ пуфахъ и эффектахъ. Пушкина я не люблю за то, что онъ и не подозрѣвалъ такихъ идеаловъ: его геній подносилъ ихъ ему сто

разъ, и онъ сто разъ ихъ не замѣчалъ даже. А Некрасова и Лермонтова люблю за то, что у нихъ великіе идеалы носились смутно въ душѣ, хотя и то правда, что изъ нихъ ничего не вышло.

Подумайте, Марья Александровна.

Крѣпко жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ
К. Кавелинъ.

3.

Понедѣльникъ [1862 г. 2 (14) или 9 (21) апрѣля].

Мнѣ очень жаль, Марья Александровна, что Вы къ Вашей запискѣ не приложили тетрадку, которую Вы обѣщали. Позвольте взять ее у Васъ въ среду.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ прибылъ въ сію столицу вчера въ 7 часовъ вечера. Я былъ у него, но само собою разумѣется, не засталъ дома. Послѣ встрѣтилъ на улицѣ. Думалъ быть завтра утромъ, но есть пріѣзжій, который ловитъ меня второй разъ. Для него я долженъ буду остаться дома.

Душевно Вамъ преданный
К. Кавелинъ.

4.

Понедѣльникъ [1862 г., 16 (28) апрѣля или 23 апрѣля (5 мая)].

Я очень добросовѣстно сказалъ Вамъ, Марья Александровна, что буду у Васъ сегодня (въ понедѣльникъ) въ часъ, но теперь такъ же добросовѣстно скажу Вамъ, что не буду. Я раздумалъ. Увидимся въ среду ввечеру, у Васъ.

Сегодня Милютина сама просила меня, нельзя ли Вамъ съ ней познакомиться. Если бъ она была барыня важная, умничающая, себѣ на умѣ, я бы и не подумалъ совѣтовать Вамъ итти къ ней. Но она женщина очень хорошая, очень честная, вдобавокъ больна и возится съ тремя дѣтьми. Ваши повѣсти взяли ее за душу, не то, что̀ понравились, какъ говорится въ свѣтѣ. Сообразивъ все это, мнѣ казалось, что Вы себя ни мало не уроните, если зайдете къ ней первая. Мнѣ она очень нравится, и чѣмъ больше узнаю ее, тѣмъ больше нахожу въ ней дѣйствительно хорошихъ и добрыхъ, честныхъ сторонъ. Васъ она оцѣнитъ вполнѣ. Вы такая правдивая, прямая и честная душа.

Вотъ мое мнѣніе. А впрочемъ, поступайте, какъ знаете. Завтра я у нея обѣдаю въ два часа, и если Вы не вздумаете пойти къ ней, такъ я скажу, что забылъ Вамъ сказать, и дѣло въ шляпѣ.

Дружески жму Вашу руку.

Душевно Вамъ преданный
К. Кавелинъ.

5.

Понедѣльникъ [1862 г. 7 (19) мая].

Ваша записка, Марья Александровна, предупредила мою. Я по Васъ соскучился и ужъ совсѣмъ собрался писать Вамъ, какъ бы свидѣться. Дайте знать сами, когда мнѣ у Васъ быть, и пригласите кого хотите. Одну Васъ видѣть не могу, да и при постороннихъ—очень тяжело.

Вы очень правы, что Долг. [1]) отвѣчать не слѣдуетъ. Я совѣтовался съ умными людьми, думалъ и рѣшилъ окончательно—молчать.

Желиг. [2]) написалъ новую записку, въ которой просилъ объясненія, почему я молчу, намекалъ на гнусныя клеветы, которыя про него распускаютъ, etc. Я отвѣчалъ, что самъ онъ не показалъ большого желанія видѣться, что уѣхалъ изъ Петербурга, не простившись, былъ холоденъ и сдержанъ; поэтому я не спѣшилъ свиданіемъ. А что касается до гнусныхъ клеветъ, то я не понимаю, о чемъ онъ говоритъ. Если о бывшихъ своихъ друзьяхъ и моихъ теперешнихъ, то я не могу потерпѣть, чтобъ при мнѣ называли гнусными клеветниками моихъ друзей. И потому я радъ видѣться, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ о разсчетахъ съ ними не было и помину. Я этихъ разсчетовъ не знаю и знать не хочу. Послѣ этого Желиг. пришелъ, извинился, и мы условились, что я у него буду, получивъ извѣщеніе о его возвратѣ изъ деревни.

Получила Сольнъ мою фотографію?

Милютина была у Васъ четвертаго дня, кажется, въ 5 часовъ. Хотѣла быть еще. Очень хорошая она женщина.

Сегодня обѣдаю съ Тургеневымъ.

Вы дурно дѣлаете, что хвораете, и очень хорошо, что работаете. У меня работа идетъ такъ себѣ—ни худо, ни хорошо. Ѣду Богъ вѣсть когда. Рѣшаюсь не возвращаться въ Университетъ, гдѣ только шею сломишь, а дѣла не сдѣлаешь. Постараюсь устроиться за границей; а если не удастся,—выйду въ чистую отставку и, смотря по обстоятельствамъ, поселюсь или въ чужихъ краяхъ, или въ деревнѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ семья будетъ жить, вѣроятно, за границей.

Сонинька написала мнѣ милое письмо. Я писалъ, чтобъ мнѣ прислали ея портретъ, безъ котораго тяжело жить. Если получу скоро, Вы увидите, какая это милая дѣвочка; мы ее зовемъ попеременно: сдобнымъ пирогомъ, мальчишкой, кучеромъ, гувернанткой и конфуціемъ. Что-то ее ждетъ на бѣломъ свѣтѣ? Едва ли что путное! Горя будетъ больше, чѣмъ радостей.

Повѣрите ли, что я уже распредѣлилъ и роздалъ 94 карточки, да придется раздать чуть ли не столько же еще. Хоть вновь заказывай! Это и очень лестно и очень накладно.

Прощайте! Крѣпко жму Вашу руку. Очень хочется съ Вами видѣться, а лучше гораздо будетъ, когда нельзя будетъ совсѣмъ

---

[1]) Долгорукому.
[2]) Желиговскій.

видаться. Я рвусь изъ Парижа, подальше отъ Васъ. Очень бы желалъ вновь съ Вами встрѣтиться, но совсѣмъ при иныхъ обстоятельствахъ и обстановкѣ.

Искренно Вамъ преданный

К. Кавелинъ.

6.

. . . . . .

Нѣтъ, хгадкая, хгадкая Вы барыня! И зачѣмъ это я съ Вами познакомился, зачѣмъ подружился! Зачѣмъ С—чи [1]) говорили мнѣ объ Васъ и совѣтовали сдружиться! Я съ дуру повѣрилъ имъ и какъ же обжегся. Вамъ только смѣхъ, а мнѣ горе! Хоть бы Вы меня и полюбили, Вы теперь ни за что . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Если Вы мнѣ не [напишете (?)] . . . . . .

или сами не придете съ отвѣто[мъ, котораго я (?)] желаю, по которомъ млѣю, я Вамъ не буду писать, пока здѣсь мы оба. Это пытка думать объ Васъ, видѣть Васъ, говорить съ Вами. Только и покою, когда объ Васъ не думаешь, Васъ не видишь и не слышишь!

Хгадкая Вы барыня! Чуетъ ли Ваша совѣсть, что я говорю правду? Додумались ли Вы, что нужно или то, или се; а что и то и се, или ни то, ни се невозможно? Пусть же Ваши дѣла будутъ такія же добрыя, какъ Ваше сердце.

7.

1862 г. $\frac{20\ \text{Мая}}{1\ \text{Іюня}}$. Парижъ.

Я твердо надѣюсь и вѣрю, Марья Александровна, что Вы не истолкуете дурно мой вчерашній поступокъ и не будете сердиться на меня за порученіе, данное гр. Сальясъ. Мы разговорились съ нею объ Васъ и, услыхавъ отъ нея нѣкоторыя подробности о томъ, что хозяйка позволяетъ себѣ наглости въ отношеніи къ Вамъ, я счелъ необходимымъ, насколько отъ меня зависитъ, тотчасъ же положить этому конецъ, не дожидаясь Вашей просьбы, съ которой бы Вы, можетъ-быть, поделикатились обратиться прямо ко мнѣ. Конечно, ничто кромѣ дружбы и уваженія къ Вамъ не уполномочивало меня поступать такъ; а въ нихъ, я полагаю, Вы не сомнѣваетесь.

Мои дѣла приняли неожиданно хорошій оборотъ. Мнѣ продолжено порученіе до Февраля, назначено еще 1.500 руб. сер. и плата за статьи по 80 руб. съ листа. Слѣдовательно, матеріально

[1]) Станкевичи.

я поставленъ теперь лучше; и потому, если бы Вамъ понадобились деньги, чтобъ выйти изъ затрудненія, я надѣюсь, что Вы не обидите меня и не обратитесь къ другимъ помимо меня. Будьте увѣрены, что великодушничать я не стану и подѣлюсь съ Вами, чѣмъ можно, не оставляя себя безъ гроша.

Графиня говорила также, что Вы обѣ имѣли благую мысль отобѣдать со мною втроемъ гдѣ-нибудь. Надѣюсь, что Вы эту мысль не оставили, и что она приведется въ исполненіе скоро. Когда зайдетъ объ этомъ рѣчь, примите, пожалуйста, въ соображеніе, что сегодня и завтра я уже распорядился обѣдомъ и потому не могъ бы кутить съ Вами. Въ пятницу съ 8-ми вечера у меня гости, слѣдовательно, опять неудобно. Прочіе дни я свободенъ. Только извѣстите заранѣе.

Гр. Сальясъ говорила, что Вы обѣ отлагаете обѣдъ до полученія денегъ. Это смѣшно. Если Вы не хотите принять отъ меня обѣдъ,—такъ примите мой кредитъ. Это авось либо можно.

Отъ семьи своей не получаю писемъ двѣ недѣли. Не знаю, чему это приписать. Надѣюсь, что они откладываютъ письмо до окказіи, до отъѣзда Ханыкова или Милютина, что̀, конечно, очень глупо. Если бъ было что̀ недоброе, вѣрно кто-нибудь изъ друзей далъ бы знать.

Въ заключеніе позвольте надѣяться, что Вы вѣрите моей дружбѣ и моему глубокому, искреннему уваженію къ Вамъ. Что̀ бы ни произошло, я сохраню къ Вамъ и то и другое, хотя бы намъ не пришлось никогда больше встрѣтиться впослѣдствіи.

Крѣпко жму Вашу руку и цѣлую ее много много разъ.

Вашъ

К. Кавелинъ.

8.

1862 г. $\frac{\text{22 Мая}}{\text{3 Іюня}}$. Парижъ.

Получилъ наконецъ письмо отъ своихъ. Богъ знаетъ, почему они не писали! Всѣ здоровы. Сонинька такъ по мнѣ соскучилась, что рвется за границу, хоть и протестовала прежде противъ поѣздки. Вотъ ужъ сердце сердцу вѣсть подаетъ! Вчера, въ день моихъ имянинъ, Милютина подарила ей отличную куклу. Я писалъ объ этомъ сегодня Сонѣ, увѣряя, что кукла подарена мнѣ, и что это вѣрно какая-нибудь ошибка. Воображаю ея радость!

Если бъ Вы знали, какъ мучительно Васъ не видать, ничего объ Васъ не знать, не слыхать, точно Вы уѣхали или въ землю провалились. Видно этому такъ быть надо! А почему? Богъ вѣсть! Я покоряюсь.

Мои, вѣроятно, пріѣдутъ за границу и поселятся гдѣ-нибудь въ Германіи, пока я буду ѣздить. До Февраля, судя по началу, все время наполнится разъѣздами. Да и послѣ Февраля ворочусь ли,—трудно сказать. Надобны очень благопріятныя обстоя-

тельства, чтобъ я рискнулъ опять на профессуру, а на другое поприще рѣшительно не пойду.

В. К. Константинъ и Великопольскій будутъ управлять Ц. Польскимъ. Что-то выйдетъ? Милютинъ возвратился сюда 10 Іюня, а осенью отправится въ Питеръ,—на какое мѣсто—неизвѣстно; по крайней мѣрѣ я не знаю. Киселевъ осенью идетъ въ отставку Кто на его мѣсто—неизвѣстно.

Прощайте! Когда же обѣдъ втроемъ?

Цѣлую Ваши руки много разъ.

Вашъ

К. Кавелинъ.

9.

1862 г. 4 (16) Іюня.

Простите, Марья Александровна, что не отвѣчалъ Вамъ до сихъ поръ: разныя разности мѣшали. Marius'a не могу никакъ достать, потому что Ханыкова нѣтъ здѣсь, а больше взять не у кого. Развѣ попробую, нѣтъ ли у Милютина. Дѣвочкинъ портретъ непремѣнно будетъ у Васъ. Самъ, въ оригиналѣ, буду имѣть честь къ Вамъ явиться въ пятницу, въ 9 часовъ вечера.

Вы спрашиваете меня, гдѣ достать мою брошюру? Если бъ она у меня была, я бы прислалъ ее Вамъ. Къ сожалѣнію, Тургеневъ ее проглотилъ. Я думаю, она есть у Франка. Отвѣта изъ Лондона—никакого. Впрочемъ, я въ этомъ отношеніи каменный: меня не пробрать никакими письмами, ни статьями. Досадно, больно, горестно,—а я все-таки буду твердить свое, пока убѣжденіе не перемѣнится.

Искренно Вамъ преданный

К. Кавелинъ.

P. S. Что Графиня и ея любовь къ Трубецкимъ и любовь Трубецкихъ къ ней?

10.

1862 г., 2 августа.

Не гнѣвайтесь на меня, Марья Александровна, а сегодня ввечеру я у Васъ не буду—не буду потому, что боюсь выходить по вечерамъ, хотя лихорадка и совсѣмъ миновала, и я совсѣмъ здоровъ.

Новость о Тургеневѣ, должно-быть, вздоръ. Умеръ старикъ Алекс. Мих. Тургеневъ, и его, вѣроятно, перемѣшали съ нашимъ другомъ.

Что Ваша лихорадка? Проститесь съ ней, какъ я со своей. Это право будетъ отлично.

Передъ Г. Лашниковымъ извините меня какъ умѣете. Если бъ я зналъ его адресъ, я бы пошелъ къ нему самъ извиниться, между 2-мя и 3-мя, напримѣръ, въ среду. Если онъ живетъ Hôtel

Corneille, rue Corneille, то не отвѣчайте на этотъ пунктъ моей записки.

Весь Вашъ

К. Кавелинъ.

P. S. Сонька процвѣтаетъ и остритъ. Только сердце побаливаетъ, хотя увѣряютъ врачи, что поврежденія нѣтъ.

Примѣчанія къ письмамъ Кавелина.

1.

Большинство писемъ Кавелина не имѣетъ датъ. Это письмо относится, надо полагать, ко второй половинѣ марта [къ средѣ 14 (26) марта или 21 марта (2 апр.)], судя по распорядку остальныхъ писемъ и по датамъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Оно является первымъ изъ всѣхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ обращеніе „многоуважаемая“, дальше уже не встрѣчающееся, и упоминаніе о „разговорѣ“, положившемъ начало сближенію между Кавелинымъ и Марковичъ. Кавелинъ побывалъ у Марковичъ, вѣроятно, скоро по пріѣздѣ въ Парижъ, къ чему его побуждали съ одной стороны Станкевичи,—см. письмо VI, съ другой, весьма возможно, Тургеневъ, жившій тамъ же и хорошо знавшій Марковичъ.

Упоминаемый въ письмѣ Милютинъ, Николай Алексѣевичъ,—извѣстный вдохновитель теоретической разработки проектовъ освобожденія крестьянъ въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ. Въ бытность его директоромъ хозяйственнаго департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Кавелинъ служилъ съ 1849 по 1850 г. подъ его началомъ въ качествѣ редактора въ городскомъ отдѣлѣ, близко сошелся съ нимъ и его женой, Марьей Аггеевной, рожденной Абаза, оставившей интересныя записки объ эпохѣ реформъ, и черезъ его посредство былъ представленъ В. К. Еленѣ Павловнѣ, которая поручила Кавелину составить проектъ освобожденія ей лично принадлежавшихъ крестьянъ. Проектъ Кавелина послужилъ впослѣдствіи руководящей программой для работъ „Редакціонной Коммиссіи“.

2.

Имѣется только въ отрывкѣ, страница котораго помѣчена въ оригиналѣ цифрой 3. Написано, вѣроятно, вскорѣ послѣ перваго.

3.

Довольно вѣрная дата этого письма опредѣляется словами о прибытіи Тургенева. Они могутъ относиться только къ возвращенію Тургенева изъ краткой поѣздки въ Лондонъ въ самомъ концѣ марта 1862 г., такъ какъ возвращеніе его въ Парижъ осенью, падающее, по хронологической канвѣ Гутьяра,—на 15 (27) октября, произошло уже въ отсутствіе Кавелина. У Гутьяра вовсе нѣтъ указанія на эту поѣздку Тургенева въ Лондонъ, но въ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ Анненкова, въ которыхъ приведены письма къ нему Тургенева, говорится о ней совершенно ясно, а именно: въ письмѣ Тургенева отъ 26 марта (6 апр.) 1862 г. читаемъ: „Послѣзавтра я ѣду въ Лондонъ на нѣсколько дней“ (ст. 558), а въ письмѣ за апрѣль, безъ числа: ...„хотѣлъ бы я вамъ разсказать кое-что о моей лондонской поѣздкѣ“... (557). Такъ какъ 22 апрѣля (н. ст.?) Тургеневъ пишетъ Фету (Воспом. II, 395), а 11 (23) апрѣля Щербаню [Русск. Вѣст. 1890, VII, VIII] уже изъ Парижа, и такъ какъ письмо Кавелина къ М. А. Марковичъ помѣчено понедѣльникомъ, а день этотъ падалъ въ апрѣлѣ 1862 г. на 2 (14) и 9 (21) число, то мы можемъ довольно точно датировать письмо однимъ изъ этихъ двухъ чиселъ, вѣрнѣе—вторымъ.

4.

Падаетъ на понедѣльникъ 16 (28) апрѣля или 23 апрѣля (5 мая), и написано раньше слѣдующаго письма, въ которомъ говорится о состоявшемся уже посѣщеніи Милютиной М. А. Марковичъ, тогда какъ въ этомъ письмѣ заключается еще лишь

совѣтъ съ нею познакомиться. Посьмо же, поставленное нами пятымъ по числу, датируется довольно точно.

5.

Дата этаго письма опредѣляется двумя обстоятельствами: отвѣтомъ Долгорукому и обѣдомъ съ Тургеневымъ.

Брошюра Кавелина „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“, послужившая причиной разрыва его съ Герценомъ и Огаревымъ [см. письма Кавелина и Тургенева къ Герцену, Женева, 1892 г.[, вызвала некрасивую по тону замѣтку Долгорукаго въ издаваемомъ имъ нелегально органѣ „Правдивый“, помѣщенную въ № 3 отъ 12 мая н. с., т.-е. 30 апрѣля по нашему стилю, положенному въ основу нашихъ датировокъ.

Князь Петръ Владиміровичъ Долгоруковъ, извѣстный и въ литературной и въ оффиціальной жизни Россіи, былъ весьма любопытной фигурой. Составитель „Русскаго родословнаго сборника“, авторъ нѣсколькихъ произведеній о родѣ князей Долгоруковыхъ, сочинитель нашумѣвшаго въ свое время памфлета „La vérité sur la Russie“, и герой не менѣе шумнаго судебнаго процесса съ княземъ Воронцовымъ, онъ въ 1859 г. уѣхалъ за границу и, отказавшись вернуться по вызову правительства въ Россію, присоединился въ 43 года отъ роду къ эмигрантамъ, за что въ 1861 г. былъ лишенъ званія и правъ состоянія. Среди эмигрантовъ Долгоруковъ исповѣдывалъ самыя радикальныя убѣжденія, издавалъ въ началѣ 60-хъ годовъ рядъ нелегальныхъ органовъ: „Правдивый“, „Листокъ“, въ которыхъ разоблачалъ и громилъ русское правительство, а въ 1867 г. выпустилъ въ Женевѣ „Mémoires du prince Pierre Dolgoroukoff“. Не отличаясь ни большимъ умомъ, ни большимъ тактомъ, Долгоруковъ имѣлъ къ тому же отъ природы дурной характеръ—высокомѣрный, раздражительный, самолюбивый, мрачно-подозрительный,—который дѣлалъ его самымъ непріятнымъ членомъ въ компаніи эмигрантовъ. Онъ со всѣми ссорился, всѣхъ задѣвалъ—устно и печатно, Въ „Mémoires“ онъ рѣзко отозвался о Тургеневѣ, въ вышеназванномъ номерѣ „Правдиваго“ обрушился на Кавелина. Насколько правъ былъ Кавелинъ, не отвѣчая на эту грубую выходку, можно убѣдиться, ознакомившись съ замѣткой Долгорукова, которую однако считаемъ излишнимъ приводить цѣликомъ, такъ какъ въ опроверженіе пущенной имъ клеветы на Кавелина пришлось бы помѣстить и цѣлый рядъ другихъ документовъ изъ другихъ источниковъ.

Замѣтка Долгорукаго появилась 30 апрѣля (12 мая), что̀ приходилось на понедѣльникъ, поэтому трудно предположить, чтобы Кавелинъ успѣлъ въ тотъ же день,—его письмо помѣчено тоже понедѣльникомъ,—получить ее, прочесть, поговорить о ней съ М. А. Марковичъ, потомъ посовѣтоваться съ „умными людьми“ и наконецъ написать ей это письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что онъ уже успѣлъ по ней соскучиться и думалъ „какъ бы свидѣться“. Слѣдовательно письмо приходится отнести на слѣдующій понедѣльникъ 7 (19) мая и не позже, такъ какъ 12 (24) мая Тургеневъ, о которомъ упоминается въ письмѣ, былъ уже въ Лондонѣ (см. примѣч. Драгоманова, 149 стр. „Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену“). Это письмо Кавелина вноситъ небольшую поправку въ „Хронологическую канву“ Гутьяра, показавшаго отъѣздъ Тургенева въ Лондонъ подъ 5(17) мая.

Эдуардъ Желиговскій—литовскій поэтъ, писавшій подъ псевдонимомъ Антоній Сова. Онъ жилъ въ это время за границей, принималъ участіе въ политическихъ кружкахъ польскихъ и русскихъ, былъ знакомъ съ Тургеневымъ, Марковичъ, Кавелинымъ. Трудно сказать, о какихъ „бывшихъ“ Желиговскаго и „теперешнихъ“ своихъ друзьяхъ говоритъ Кавелинъ. Намъ думается, что Кавелинъ могъ тутъ подразумѣвать членовъ польскихъ кружковъ, съ которыми сблизился въ этотъ періодъ времени и которыхъ горячо защищалъ въ письмахъ (см. статью Д. Корсакова, „Русск. Мысль“, 1899, VIII).

Кто такая Сольнъ—намъ неизвѣстно.

Сонинька—дочь Кавелина, тогда дѣвочка 10 лѣтъ, впослѣдствіи по мужу Брюллова, умершая рано, въ 1877 г. Она занималась педагогической дѣятельностью, сотрудничала въ „Вѣст. Европы“ и за недолгую жизнь свою успѣла заслужить любовь и уваженіе всѣхъ, ее знавшихъ. (См. письмо о ней Тургенева, „В. Е.“ 1877, XI, и некрологъ ея, Стасюлевича, ib.).

6.

Имѣется только въ небольшомъ отрывкѣ. Датировкѣ совсѣмъ не поддается, но написано, думается намъ, раньше всѣхъ послѣдующихъ, въ которыхъ тонъ уже

какъ будто болѣе спокойный. Такой тонъ могъ появиться только послѣ какого бы то ни было объясненія, которое, вѣроятно, имѣло мѣсто послѣ этого письма.

7.

М. А. Марковичъ, проживавшая уже третій годъ за границей, никогда не умѣла вести аккуратно своихъ денежныхъ дѣлъ и всегда нуждалась въ деньгахъ. „Она очень хорошая женщина—но только ѣстъ деньги“, „она тратитъ милліонъ въ день“, „М. А. опять въ своемъ нормальномъ положеніи, сирѣчь безъ гроша“, и т. п., пишетъ о ней Тургеневъ [Перв. собр. писемъ, стр. 82, 86, 81]. Заботу объ ея денежныхъ дѣлахъ, т.-е. о выручкѣ наибольшаго гонорара за ея литературныя произведенія и о доставленіи ей жизненныхъ рессурсовъ путемъ дружескихъ ссудъ, постоянно и добровольно несли ея многочисленные друзья—Тургеневъ, А. В. Станкевичъ, Анненковъ и др. Къ числу ихъ присоединился теперь и Кавелинъ.

„Порученіе“, данное Кавелинымъ гр. Елизаветѣ Васильевнѣ Сальясъ (писательницѣ Евгеніи Туръ), пріѣхавшей въ апрѣлѣ 1862 г. въ Парижъ, заключалось въ передачѣ ей нѣкоторой денежной суммы для Марковичъ, что̀ Кавелинъ по своей деликатности и по прочнѣ принявшихъ особый оттѣнокъ отношеній съ этой послѣдней самъ сдѣлать не рѣшился. Изъ имѣющагося у насъ письма гр. Сальясъ къ Кавелину отъ 7 іюня н. ст., въ которомъ она очень извиняется передъ Кавелинымъ за непредвидѣнное назначеніе, данное ею его деньгамъ, видно, что гр. Сальясъ, сама сидѣвшая безъ гроша въ ожиданіи получки изъ Петербурга, деньги Кавелина истратила съ вѣдома М. А. Марковичъ, у которой тутъ же призаняла еще, такъ какъ Марковичъ въ это время успѣла получить отъ кого-то, вѣроятно, изъ друзей вексель и дѣла свои нѣсколько уладила.

Слова „мнѣ продолжено порученіе до февраля“ относятся къ продленію Головнинымъ срока заграничной командировки Кавелина, которая послѣ отставки Кавелина изъ Университета была дана ему Министромъ для практическаго изученія быта и административнаго устройства высшихъ школъ во Франціи, Англіи и Германіи. Плата за статьи—имѣетъ въ виду статьи Кавелина по предметамъ своей командировки („Объ организаціи учебной части во Франціи“ и „Очеркъ Французскаго Университета“), печатавшіяся въ Журн. Мин. Нар. Пр. и вызвавшія полное одобреніе со стороны Головнина.

Дальше говорится объ отъѣздѣ Ханыкова и Милютина изъ Россіи, откуда они должны были привезти Кавелину извѣстія отъ его семьи. Милютинъ былъ уже отстраненъ отъ дѣлъ, назначенъ въ Сенатъ и 10 іюня н. ст. пріѣхалъ въ Парижъ.

Николай Владиміровичъ Ханыковъ, лицеистъ IX выпуска, оріенталистъ и этнографъ по спеціальности, членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ и агентъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, былъ въ 1860 г. посланъ на 3 года за границу для научной разработки добытыхъ имъ въ экспедиціи 1858—59 гг. на востокъ матеріаловъ. Ханыковъ тоже отчасти принадлежалъ къ числу „людей сороковыхъ годовъ“ и въ ученыхъ и литературныхъ кругахъ Россіи пользовался извѣстностью и общей симпатіей.

8.

Велiопольскій, какъ пишетъ Кавелинъ, или маркизъ Александръ Іосифовичъ Вѣлёпольскій, поѣхалъ съ В. К. Константиномъ Николаевичемъ въ Царство Польское въ качествѣ Начальника гражданской части и Вице-Предсѣдателя Государственнаго Совѣта въ Польшѣ. Судьба этого человѣка очень интересна. Родился Вѣлёпольскій въ 1803 г. въ русской Польшѣ. Будучи членомъ Польскаго Сейма, руководилъ въ 1830 г. мятежомъ и, послѣ взятія Паскевичемъ Варшавы, эмигрировалъ вмѣстѣ со всѣмъ Сеймомъ за границу. Когда послѣдовала мятежникамъ амнистія отъ русскаго правительства, Вѣлёпольскій вернулся на родину и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Въ это время произошелъ радикальный переворотъ въ его взглядахъ и дѣйствіяхъ. Присмотрѣвшись въ періодъ эмигрантства и послѣ въ тишинѣ сельской жизни къ положенію дѣлъ во внѣшней политикѣ государствъ, съ которыми былъ связанъ національными интересами, Вѣлёпольскій выпустилъ въ 1846 г. анонимную брошюру „Lettre d'un gentilhomme au prince M.“, въ которой сталъ на сторону Россіи и Николая I противъ Австріи съ ея управителемъ Меттернихомъ, заявивъ себя сторонникомъ идеи панславизма и автономной Польши подъ протекторатомъ Россіи. Въ Россіи его брошюра прошла незамѣченной, но поляковъ и Австрію

онъ ею противъ себя возстановилъ. Однако во время намѣстничества кн. Горчакова въ 1861 г. Вѣлёпольскій заслужилъ его довѣріе, предложивъ рядъ новыхъ мѣръ въ управленіи краемъ; часть ихъ была введена, а самъ Вѣлёпольскій назначенъ главой независимой отъ Петербурга Коммиссіи Народнаго Просвѣщенія и Вѣроисповѣданій въ Царствѣ Польскомъ, членомъ Совѣта управленія, а черезъ нѣсколько времени и Министромъ Юстиціи, оставаясь все время защитникомъ гражданскаго самоуправленія Польши. Когда въ 1861 г. начались въ Варшавѣ уличныя демонстраціи, Вѣлёпольскій увидѣлъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ силѣ для ихъ усмиренія и, конечно, еще больше возстановилъ противъ себя поляковъ, не понимавшихъ его стремленій и не довѣрявшихъ его словамъ и дѣятельности. Послѣ смерти Горчакова въ 1861 г. Вѣлёпольскій не поладилъ съ его преемниками и подалъ въ отставку, опубликовавъ въ газетахъ еще разъ свои любимыя идеи. Вмѣсто отставки Вѣлёпольскаго вызвали въ Петербургъ. Тамъ онъ былъ принятъ ко Двору и всячески обласканъ. При Дворѣ Вѣлёпольскій продолжалъ отстаивать автономію Польши, встрѣтилъ себѣ полное сочувствіе со стороны общественнаго мнѣнія и, очевидно, В. К. Константина, и вмѣстѣ съ послѣднимъ получилъ новое назначеніе въ Польшу. Тамъ на него, какъ и на Великаго Князя, были произведены покушенія, а когда для усмиренія волненій Вѣлёпольскій назначилъ въ январѣ 1863 г. рекрутскій наборъ для польской молодежи и этимъ немедленно же вызвалъ извѣстное возстаніе,—карьера его была кончена, Вѣлёпольскій окончательно подалъ въ отставку и навсегда уѣхалъ за границу, гдѣ и скончался въ 1877 г.

Киселевъ, извѣстный графъ Павелъ Дмитріевичъ, дядя Н. А. Милютина, начавшій свою службу еще при Александрѣ I на поляхъ Бородина, первый Министръ Государственныхъ Имуществъ при Николаѣ I, былъ отосланъ въ 1856 г. въ Парижъ посломъ, а въ 1862 г. вышелъ въ отставку. Онъ сильно поднялъ престижъ Россіи въ глазахъ французскаго правительства, вооруженнаго противъ нея послѣ Крымской кампаніи. Киселевъ былъ вмѣстѣ съ лучшими людьми своего времени сторонникомъ эманципаціи и прочихъ реформъ.

9.

Рѣчь идетъ о брошюрѣ Кавелина „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“.

Франкъ—издатель русскихъ книгъ въ Парижѣ.

Фраза объ отвѣтѣ изъ Лондона имѣетъ въ виду переписку Кавелина съ Герценомъ по поводу той же брошюры. Пріѣхавъ въ Парижъ, Кавелинъ все время собирался къ Герцену, котораго искренно любилъ; но послѣ вышеупомянутой замѣтки Долгорукаго Герценъ написалъ ему письмо, о которомъ Кавелинъ отозвался, какъ „объ одномъ изъ самыхъ тяжелыхъ событій“ въ своей жизни, и послѣ котораго ѣхать въ Лондонъ безъ особаго зова оттуда ужъ не рѣшался. Въ отвѣтномъ письмѣ Герцену отъ 30 мая (11 іюня) Кавелинъ спрашиваетъ его, „можетъ ли“ и „хочетъ ли“ онъ его видѣть у себя теперь; 4 (16) іюня—дата 9-го письма Кавелина къ Марковичъ—отвѣта отъ Герцена еще не было (о немъ здѣсь и говорится), но къ 7 (19) іюня отвѣтъ пришелъ и отрицательный (см. письма Кавелина и Тургенева къ Герцену).

Въ P. S. письма говорится о графинѣ Е. В. Сальясъ и о семействѣ кн. Николая Ивановича Трубецкого, обергофмейстера Двора, бывшаго въ это время въ Парижѣ и устраивавшаго у себя музыкальные вечера, на которыхъ бывала и М. А. Марковичъ, о чемъ она писала своему мужу въ Россію.

10.

10 (22) іюня Кавелинъ уѣхалъ въ Эмсъ на свиданіе съ семьей, оттуда 7 (19) іюля отправился въ Карлсруэ, гдѣ успѣлъ ознакомиться съ устройствомъ нѣмецкаго политехникума, а 15 (27) іюля вернулся одинъ въ Парижъ съ остатками лихорадки, захваченной еще въ Эмсѣ.

Александръ Михайловичъ Тургеневъ, скончавшійся 18 іюня 1862 года (Петерб. Некроп.) 90 лѣтъ отъ роду, былъ въ началѣ XIX вѣка сначала Тобольскимъ, потомъ Казанскимъ гражданскимъ губернаторомъ а въ 1825—1829 гг. директоромъ Медицинскаго Департамента.

Лашниковъ—личность намъ ничѣмъ не извѣстная, кромѣ того, что онъ былъ знакомымъ М. А. Марковичъ. Въ одномъ изъ писемъ къ мужу Марковичъ пишетъ

„Зновъ ще тутъ недавно познала пана Лашнякова зъ Ніжіна. Человікъ добрий и не линивий—лае Москалівъ и ажъ руками разводить, як то люди вони".

4 (17) октября Кавелинъ опять уѣхалъ изъ Парижа въ Монтрё къ семьѣ и больше ужъ въ него не возвращался.

Встрѣчался ли Кавелинъ впослѣдствіи въ Петербургѣ со своей парижской знакомой, остался ли вѣренъ обѣщаннымъ ей чувствамъ дружбы,—намъ не извѣстно

Е. Казановичъ.

е) Письма М. И. Глинки къ А. С. Даргомыжскому и Н. А. Степанову и письма А. Н. Сѣрова къ А. С. Даргомыжскому.

Письма Глинки, поступившія въ „Пушкинскій Домъ“ изъ архива Александра Сергѣевича Степанова, внука извѣстнаго художника Н. А. Степанова, представляютъ собой весьма существенное дополненіе къ ранѣе изданнымъ письмамъ (Полное собраніе писемъ Михаила Ивановича Глинки“, изд. Николая Финдейзена, СПб., 1908 г.; нѣсколько новыхъ писемъ было напечатано въ „Русской Музыкальной Газетѣ“ за позднѣйшіе по отношенію къ сроку „Полнаго собранія“ годы, а 3 новыхъ письма появились въ журналѣ „Музыкальный Современникъ“, 1916, № 6) уже по тому одному, что адресованы они Даргомыжскому и Степанову, лицамъ, объ эпистолярныхъ отношеніяхъ которыхъ къ Глинкѣ свѣдѣнія были до сихъ поръ болѣе чѣмъ скудны. Извѣстно было только одно письмо Глинки къ автору „Русалки“, и неизвѣстно было ни одного письма Глинки къ знаменитому художнику-карикатуристу, издателю „Искры“, зятю Даргомыжскаго, Николаю Александровичу Степанову (1807 — 1877; онъ женатъ былъ на Софьѣ Сергѣевнѣ Даргомыжской, сестрѣ композитора), котораго связывали съ Глинкой узы долгаго и прочнаго пріятельства. Теперь этотъ пробѣлъ пополненъ. Это пополненіе особенно важно въ отношеніи Даргомыжскаго. Въ письмѣ послѣдняго къ В. Н. Кашперову, просившему у Даргомыжскаго сохранившихся у него писемъ Глинки, есть такая неоконченная фраза: „писемъ Глинки у меня никакихъ нѣтъ. Несмотря на постоянную 22-лѣтнюю дружбу...“ Н. Ф. Финдейзенъ недописанную часть предложенія гипотетически возстановляетъ такъ: „мы съ нимъ не переписывались“. Предполагаемое отсутствіе переписки между Глинкой и Даргомыжскимъ тотъ же Н. Финдейзенъ („Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій, очеркъ его жизни и музыкальной дѣятельности“, изданіе Юргенсона, СПб., 1904) ставитъ въ связь со своеобразнымъ характеромъ отношеній Даргомыжскаго къ Глинкѣ, въ которыхъ дружескія симпатіи сочетались зачастую съ враждебно-завистливыми чувствами.

Отнынѣ утвержденіе объ отсутствіи переписки между Глинкой и Даргомыжскимъ должно быть признано не отвѣчающимъ дѣйствительности. Существованіе по крайней мѣрѣ односторонней корреспонденціи (отъ Глинки къ Даргомыжскому) доказывается 8-ю ниже напечатанными письмами (одно изъ нихъ обращено къ Даргомыжскому и Степанову вмѣстѣ).

Письма Глинки писаны большею частью на бѣлой, гладкой или слегка шероховатой бумагѣ, отъ времени пожелтѣвшей. Въ письмѣ № 4 бумага большого формата, сѣрая, очень грубая, шершавая, съ водянымъ знакомъ 1838. Городскія письма хранятъ слѣды двухъ продольныхъ и поперечныхъ складокъ для отправки ихъ безъ конверта, заклеенными облаткой. На письмѣ № 2 облатка кѣмъ-то вырѣзана вмѣстѣ съ кусками бумаги. На письмѣ № 10 сохранилась облатка, сѣрая съ буквой s и короной надъ ней. На письмѣ № 12 облатка темно-сѣрая съ синимъ и золотой короной. На письмѣ № 1 большая зеленая облатка съ буквой g. Адресъ на письмѣ № 12 писанъ, повидимому, не рукою Глинки. На письмѣ № 6 между датой и началомъ текста—неясный карандашный рисунокъ, изображающій человѣческую фигуру съ крыльями (?) за спиной и трубой во рту. Въ письмѣ № 11 на обрывкѣ второй страницы бумаги написаны карандашомъ какія-то цифры: 1, 2...

Письма Сѣрова,—они найдены въ томъ же архивѣ,—давая кое-какіе мелкіе дополнительные штрихи къ біографіи извѣстнаго критика-композитора (напримѣръ, кратковременная ссора съ Раппопортомъ), особенно любопытны въ качествѣ матеріала для характеристики Сѣрова, какъ человѣка и писателя. Въ авторѣ писемъ

все время чувствуется натура боевая, яркаго и рѣзкаго темперамента, остраго ума. Въ манерѣ письма ощущается много риторическихъ элементовъ. Сѣровъ пишетъ, словно разговариваетъ съ корреспондентомъ. Всѣ эти многочисленныя подчеркиванія (даже иногда двойныя), кавычки, тире (разной длины, въ иныхъ мѣстахъ черта проведена столь длинная, что исключается возможность случайнаго ея удлиненія), вся интерпунктація, все приспособлено какъ бы къ условіямъ живой рѣчи съ рельефной интонаціей и удареніемъ на отдѣльныхъ словахъ, съ паузами соотвѣтственно экспрессивно-психологическимъ тонамъ бесѣды и часто въ прямое нарушеніе формальнаго синтаксиса русскаго языка.

Первыя 4 письма Сѣрова писаны на бѣлой (пожелтѣвшей) бумагѣ съ фабричнымъ клеймомъ Bath, 5-е на маленькомъ бѣломъ листкѣ, 6-е на бѣлой бумагѣ съ клеймомъ Paris, 7-е на синемъ листѣ съ клеймомъ Bath, P. S. написанъ размашистымъ почеркомъ вдоль листа.

В. Каратыгинъ.

I.

Mercredi, le 29 Janvier [1836 г.].

Memel m'a fait savoir ce matin qu'il n' était pas libre le vendredi mais que c'est le samedi qu'il viendra à l' heure indiquée c'est-à-dire juste à 6 heures après midi. Je vous prie de vous charger d'en avertir le prince Galitzin,—ma santé va mal, venez me voir demain *).

Tout à Vous
M. Glinka.

[На оборотѣ:] Александру Сергѣевичу Дорогомыжскому.

2.

Четвергъ 5 Марта [1836 г.].

Мнѣ чрезвычайно прискорбно знать, что ты все еще хвораешь, любезный Александръ Сергѣевичъ, и — что того не лучше — лѣчишься. Несмотря на [зачеркнуто начало какого-то слова, повидимому: мое] опасеніе твоего декокта, я бы не медля поспѣшилъ къ тебѣ; но боль на пяткѣ не допускаетъ меня выходить изъ дому, и я долженъ сидѣть, а еще болѣе лежать. Гр. Вельегорскій сильно хлопочетъ о пробѣ моей оперы, и она назначена во вторникъ будущей недѣли. Надѣешься ли ты быть въ состояніи на ней присутствовать?

Между тѣмъ окажи мнѣ важную услугу. Штабенъ, какъ тебѣ я уже сказывалъ, отнялъ у меня бывшій у меня фортепьянъ его работы. Тотъ, который я взялъ въ послѣдст[віи,] оказался столь дурнымъ, что не было никакой возможности играть на немъ. Мой человѣкъ, Яковъ, былъ вчера у Штабена (исходивъ понапрасну весь городъ) и нашелъ у него фортепьяны; — ежели Штабенъ, котораго тогда не было дома, за-

*) Среда 29 января. Мемель далъ мнѣ знать сегодня утромъ, что онъ въ пятницу не свободенъ, а придетъ въ субботу, въ указанный часъ, т.-е. ровно въ 6 ч. веч. Прошу Васъ предупредить объ этомъ князя Голицына. Мое здоровье плохо. Приходите завтра навѣстить меня.

Весь Вашъ М. Глинка.

упрямится, то ради Бога письменно или чрезъ твоего человѣка урезонь его, не то — хоть пропадай безъ инструмента.

Желаю тебѣ скораго выздоровленія и жажду обнять тебя.

Весь твой
М. Глинка.

Мое почтеніе твоей Матушкѣ.

[На оборотѣ:] Александру Сергѣевичу
Даргомыжскому.

3.

[1839, Апрѣль].

Глинка убѣдительнѣйше проситъ Даргомыжскаго:

а) Съ завтрашняго утра (буде возможно) начать съ оркестромъ репетицію препровождаемой аріи Галеви. Прочія пьесы по мѣрѣ переписки будутъ доставляемы.

в) Попросить капельмейстера князя Юсупова, чтобы похлопоталъ о кларнетистѣ и фаготистѣ, ибо таковыхъ въ виду не имѣется, и ежели имъ нужно будетъ заплатить, то на это готовы.

с) Гобоистъ князя долженъ играть секунду, въ аріи же Галеви одинъ токмо Гобой, который играть слѣдуетъ ему, ибо Бродъ будетъ играть на рожкѣ.

[На оборотѣ:] Александру Сергѣевичу Даргомыжскому.

4.

Понедѣльникъ, 10 Апрѣля [1839].

Я былъ у Юсупова и изъ его словъ заключаю, что концертъ нашъ долженъ быть отложенъ позже предполагаемаго времени, т. е. 17 числа. Итакъ, мы будемъ имѣть все нужное время для разучки оркестра. Юсуповъ еще вчера далъ приказаніе, чтобы оркестръ былъ въ полномъ нашемъ распоряженіи. Я видѣлся сегодня съ Венцелемъ и все устроилъ. Завтрашній день, прошу тебя, отправься въ домъ Юсупова въ 4 часа пополудни и примись за дѣло. На будущее время, какъ продолжатъ репетиціи, — самъ устроишься съ Венцелемъ, а завтра не откажи быть въ назначенный часъ; буде же нельзя, то съ 9 часовъ утра до 12 ты его застанешь въ музыкантской. Не забудь также [зачеркнуто: доставить и] взять съ собою и арію Андреева.

Жду твоего отвѣта и остаюсь
искренне преданный
М. Глинка.

[На оборотѣ:] Александру Сергѣевичу
Даргомыжскому

отъ Глинки — нужное.

5.

Пятница, 14 Іюля [1839].

Неожиданный пріѣздъ жены разстроиваетъ всѣ планы, завтра у тебя не буду, а надняхъ увидимся,

твой Глинка.

[На оборотѣ:] Николаю Александровичу Степанову.

6.

11 Сентября, село Новоспасское [1839].

Я нахожусь дома, милый другъ, Николай Александровичъ. Все, благодаря Бога, благополучно. Матушка здорова и извѣстіе о кончинѣ брата приняла съ твердостію. Всѣ мои сестры здѣсь, и не смотря на горе, намъ весело.

Я прибылъ сюда вчера, и вчера же отправленъ нарочный къ твоему брату. Надѣюсь, что онъ не откажетъ навѣстить [зачеркнуто: тебя] меня.

Я увѣренъ, что ты сдержишь слово и снимешь портретъ съ моей жены, а если случайно или нарочно заѣдешь въ Смольный, то всмотрись еще разъ хорошенько въ черты... На портретѣ мина похожа, но черты не такъ.

У насъ здѣсь рай земной, погода превосходная, и несмотря на то, что осень, все еще зелено. Жаль, что на короткій срокъ ѣду, а то бы можно и поохотиться. Здѣсь у многихъ есть славныя псовыя охоты.

О дѣлѣ нашемъ хлопочутъ въ Смоленскѣ, но въ какомъ оно положеніи, — еще ничего не знаю, а не худо бы получить поскорѣй слѣдующую сумму.

Здѣсь часы и дни проходятъ пріятно, но единообразно; и такъ, не удивись, если скажу: писать болѣе нечего. Отвѣта не требую. Благодаря превосходному устройству почтъ я буду въ Петербургѣ прежде, нежели твой отвѣтъ могъ бы придти. И такъ, поручивъ себя твоему дружескому расположенію, остаюсь

искренно преданнымъ другомъ,
Михаиломъ Глинкой.

Всѣмъ мой поклонъ. Не забудь и Марьи Васильевны.

7.

9 Августа [1840].

Завтра отправляюсь во свояси. Если до сихъ поръ не отвѣчалъ на письмо твое, — не гнѣвайся; я былъ въ ударѣ и писалъ: заказанные романсы готовы, и опера также подвигается. Надѣюсь прибыть въ деревню въ то самое время, какъ ты получишь это письмо. Ты, вѣрно, не забылъ даннаго объ-

щанія навѣстить меня въ деревнѣ; и такъ, въ слѣдъ за симъ письмомъ ожидай эстафеты.

О себѣ и своихъ обстоятельствахъ сообщу при свиданіи, а теперь, еще разъ напомнивъ о данномъ обѣщаніи, остаюсь искренно любящимъ тебя другомъ.

М. Глинка.

На оборотѣ:] Его Высокоблагородію
Николаю Александровичу
Степанову.

Калужской губерніи,
Мещовскаго уѣзда, въ село
Троицкое.

[Почтовый штемпель: С. Петербургъ, 21 августа 1840].

8.

Смоленскъ, 8 Февраля 1848.

Любезнѣйшіе друзья, Николай Александровичъ и Александръ Сергѣевичъ,—въ доказательство искренней дружбы посылаю романсъ — тоскливое издѣліе больной фантазіи. Не требуйте болѣе ничего—въ головѣ и портфелѣ пусто—зато plexus перещеголялъ Листа, Рубини и всѣхъ модныхъ знаменитостей. Безъ малаго 6 мѣсяцевъ, какъ злодѣй угощаетъ меня безпрерывно новыми затѣями и спазмами всевозможныхъ видовъ—какъ? гдѣ? и когда кончится эта потѣха—еще не знаю. Получивъ твои статуйки, я не мало ими утѣшался — нѣкоторыя сходства удивительнаго, и часто, глядя на нихъ, мысленно переселяюсь къ вамъ, друзья мои. Не сѣтуй на меня, что человѣкъ моей маменьки нарушилъ должное уваженіе къ твоему артистическому достоинству—я не зналъ, что ихъ надобно заказывать, а полагалъ, что они продаются у Беггрова.

Не медля увѣдомь меня, гдѣ Петръ: въ Римѣ ли или нѣтъ? и когда думаетъ обратно.

Всѣмъ моей [мой?] усердный поклонъ, прощайте, любите и помните вашего

М. Глинку.

9.

[28 апрѣля 1855 г.].

Любезнѣйшій другъ,
Александръ Сергѣевичъ,

Мы съ сестрой посылали нашего человѣка отыскивать домъ Шиловской, но онъ его не обрѣлъ, чего ради слезно прошу сообщить мнѣ аккуратный адресъ ея. Завтра съ сестрою мы собираемся ее навѣстить; —

весь твой
М. Глинка.

Четвергъ, 28 Апрѣля.

10.

[Пятница, 29 апрѣля, 1855].

Любезнѣйшій другъ,
Александръ Сергѣевичъ!

Мы съ сестрою были сегодня у Шиловской, но дома ее не застали, почему сестра и поручила мнѣ просить тебя потрудиться устроить съ нею къ первому воскресенью, т. е. къ послѣ-завтра (1-го Мая) вечеромъ пѣніе твоей музыки. Съ своей стороны я тоже прошу тебя о томъ же, тѣмъ болѣе, что сестра думаетъ уѣхать ранѣе предположеннаго времени.

Весь твой отъ души
М. Глинка.

[На оборотѣ:] Его Высокоблагородію
Александру Сергѣевичу
Даргомыжскому.

Въ Моховой, въ домѣ Есакова.

Отъ Глинки—нужное.

11.

30 Августа [1855].

Любезнѣйшій другъ,
Александръ Сергѣевичъ,

Если не ошибаюсь, сегодня день твоего ангела, поздравляю тебя и искренно желаю тебѣ успѣха во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ. Я же все хвораю и сижу дома—что нельзя сказать чтобы было особенно весело.

1 Сентября (въ четвергъ) мы съ сестрой будемъ жить по новому, сирѣчь у сестры и у меня будутъ отдѣльныя обиталища. На первыхъ порахъ естественно, несмотря на выгоды, сопряженныя съ совершенной другъ отъ друга независимостію, мнѣ будетъ неловко, можетъ быть, и скучновато. Увѣренный въ твоей пріязни, надѣюсь, что ты навѣстишь меня въ первыхъ числахъ Сентября, чѣмъ весьма обяжешь искренне любящаго тебя

М. Глинку

Когда Степанову [Степановы?] переѣзжаютъ въ городъ?

Приходи къ 6 часамъ пополудни, т. е. l'avant soirée, что для меня всего удобнѣе.

12.

Любезнѣйшій другъ,
Николай Александровичъ,

Я хвораю, а потому пишу мало. Посылаю 8 колецъ колбасъ

домашнихъ, 4 оставь для себя, а 4 отправь поскорѣй къ твоему брату, Петру Александровичу.

Весь твой

М. Глинка.

[Внизу жирная цифра:] 28

[На оборотѣ другою рукою:] Его Высокоблагородію
Николаю Александровичу
Степанову
отъ М. И. Глинки.

Примѣчанія.

1. Письмо это имѣетъ отношеніе къ первой частичной репетиціи „Жизни за Царя“ въ домѣ князя Юсупова. На этой репетиціи исполненъ былъ 1-й актъ оперы. Игралъ оркестръ князя Юсупова. Дирижировалъ Іоханнисъ Мемель, о которомъ упоминаетъ Глинка,—контрабасистъ Императорской Оперы. Le prince Galitzin—князь Николай Борисовичъ Голицынъ (1794—1866), музыкантъ-любитель, хорошій віолончелистъ; ему посвящены 3 послѣднихъ квартета Бетховена. Ср. письмо Глинки къ Даргомыжскому подъ № 10 въ „Полномъ собраніи писемъ Михаила Ивановича Глинки“, изданномъ Николаемъ Финдейзéномъ въ 1908 г.; см. также „Записки Михаила Ивановича Глинки“, СПб. 1887, изд. А. С. Суворина, стр. 106—107.

2. Гр. Вельегорскій — графъ Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій; фамилію его Глинка нерѣдко писалъ неправильно (см. „Записки М. И. Глинки“, стр, 46). — Штабенъ—фортепіанная фирма.—Скептическое отношеніе къ лѣкарствамъ возникло у Глинки подъ вліяніемъ собственныхъ очень частыхъ обращеній къ медицинской помощи, которыя, однако, въ большинствѣ случаевъ нисколько не помогали противъ многочисленныхъ глинковыхъ недуговъ, а иногда даже существенно вредили здоровью.—Если „проба“ оперы Глинки состоялась дѣйствительно во вторникъ, какъ было назначено, то проба эта, представлявшая собою 2-ую частную репетицію 1-го акта „Жизни за Царя“, очевидно, происходила 10 марта 1836 г. (ср. „Записки“, стр. 107).

3. Въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ о подготовкѣ концерта, затѣяннаго Глинкой и княземъ Михаиломъ Волконскимъ въ пользу пѣвца Артемовскаго. Изъ письма явствуетъ, что и Даргомыжскій принималъ, видимо, дѣятельное участіе въ устройствѣ концерта. Въ концертѣ выступали Билибина, княжны Лобановы, теноръ Андреевъ, для котораго Глинка сдѣлалъ аранжировку аріи изъ оперы „Guido e Ginevra“ („Чума во Флоренціи“), Артемовскій, жена Глинки и др.—Бродъ, Генри (1801—1839)—отличный гобоистъ, профессоръ Парижской Консерваторіи; пріѣхалъ въ столицу во время послѣднихъ репетицій „Жизни за Царя“ на Императорской сценѣ.—Матушка Даргомыжскаго—Марія Борисовна Даргомыжская, урожд. княжна Козловская, † 1846 г.—Ср. „Записки“, стр. 146.

4. Письмо аналогичнаго содержанія съ предыдущимъ.

5. Содержаніе этой краткой записки стоитъ въ очевидной связи съ все болѣе ухудшавшимися отношеніями между Глинкой и его женой.

6. Въ августѣ 1839 г. скончался отъ воспаленія кишекъ братъ Глинки, Андрей Ивановичъ Глинка. Послѣ его кончины Глинка взялъ мѣсячный отпускъ и уѣхалъ въ Новоспасское.—Братъ Н. А. Степанова—Петръ Александровичъ Степановъ, офицеръ, закадычный пріятель Глинки. Послѣ разрыва съ женой Глинка временно жилъ у него.—Марья Васильевна,—можетъ-быть, пѣвица Вердеревская-Шиловская (см. примѣчаніе къ письмамъ 9 и 10).

7. Письмо это писано передъ отъѣздомъ Глинки изъ столицы въ концѣ лѣта 1840 года.

Въ тотъ же день Глинкой послано письмо В. Ѳ. Ширкову (№ 35 въ изд. Финдейзена), гдѣ Глинка также назначаетъ свой отъѣздъ на „завтра“. Соотвѣтственно датѣ писемъ къ Ширкову и Степанову Глинка долженъ былъ выѣхать 10 августа, но въ „Запискахъ М. И. Глинки“, говорится, что отъѣздъ состоялся 11 августа. Вѣроятно, Глинку задержали на лишній день хлопоты по полученію денегъ для поѣздки на югъ захворавшей Екатерины Ермолаевны Керинъ (часть дороги, отъ Гатчины до Катежны, Глинка ѣхалъ вмѣстѣ съ Керинъ). Подвигающаяся впередъ

опера—„Русланъ и Людмила“. Заказанные романсы—вѣроятно, циклъ, извѣстный подъ названіемъ „Прощаніе съ Петербургомъ“. Романсы эти вскорѣ были изданы фирмой „Одеонъ“, причемъ въ коммерческой сторонѣ этого изданія принимали участіе, кромѣ Глинки, братья Кукольники; здѣсь имѣла мѣсто какая-то сомнительной чистоты финансовая сдѣлка, подробности которой донынѣ не выяснены. (Ср. „Русская Музыкальная газета“, 1909 г., № 48, статья „Три современника Глинки“).

8. Plexus—раздраженіе plexus solaris (солнечное сплетеніе), которымъ часто страдалъ Глинка. На одной изъ каррикатуръ Н. А. Степанова за столомъ, уставленнымъ бутылками, изображены Брюлловъ и Глинка. Брюлловъ спрашиваетъ: „Объясни, по крайней мѣрѣ, чѣмъ ты страдаешь?“ Отвѣтъ Глинки: „Plexus solaris шалитъ“. Кромѣ рисунковъ-каррикатуръ Степановъ выпустилъ однажды и серію статуэтокъ-каррикатуръ, копіи которыхъ продавались въ старомъ столичномъ художественномъ магазинѣ Беггрова. Въ коллекціи статуэтокъ были пластическіе шаржи на Глинку, Даргомыжскаго, Брюлова, Щепкина, Каратыгина, кн. Одоевскаго, кн. Вяземскаго, Бенедиктова, Булгарина и мн. др. Существуетъ автопортретъ-шаржъ—„Степановъ, раскрашивающій статуэтку-карриктуру“ (воспроизведенъ въ вышеупомянутомъ № „Русской Музыкальной Газеты“). Вопросъ о мѣстопребываніи Петра касается брата художника. (См. примѣчаніе къ письму № 6).

9 и 10. Марья Васильевна Вердеревская, по мужу Шиловская, ученица Даргомыжскаго, талантливая пѣвица. Въ послѣдніе годы жизни Глинки она часто бывала у него. Въ подмосковномъ имѣніи Шиловской, Глѣбовѣ, впослѣдствіи не разъ гостилъ М. П. Мусоргскій.

11. Съ весны 1854 г. до послѣдней поѣздки въ Берлинъ весной 1856 г. Глинка жилъ вмѣстѣ съ сестрой, Л. И. Шестаковой. Въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ о внезапно возникшемъ у Глинки проектѣ—задѣлать наглухо дверь, отдѣлявшую комнаты, имъ занимаемыя, отъ части квартиры, занятой сестрой его, Л. И. Шестаковой. Черезъ двѣ недѣли по установленіи новаго порядка вещей Глинкѣ сдѣлалось такъ „неловко“ и „скучновато“, что онъ пожелалъ возвращенія къ прежнему modus vivendi.

12. Въ письмѣ—полное отсутствіе какихъ-либо данныхъ, позволяющихъ опредѣлить время его написанія. Судя по почерку, можно предполагать, что эта краткая записка относится къ послѣднимъ годамъ жизни Глинки.

В. Каратыгинъ.

I.

23 Іюля/56.

Александръ Сергѣевичъ,

За пріятный вечеръ субботы я поплатился вчера очень—непріятно. Пролежалъ весь день въ постели, съ страшной головной болью.—Сегодня почти здоровъ, и, разумѣется, за работой. Принялся за подробный разборъ Вашей оперы, по №№. Но... съ первыхъ же шаговъ убѣдился, что, кромѣ всѣхъ нотныхъ матеріаловъ, Вами мнѣ сообщенныхъ, я не могу писать разбора безъ—главнаго матеріала,—т. е. партитуры; тамъ все какъ-то „иначе смотритъ“, чѣмъ въ переложеніи для ф. п. Притомъ же у меня нѣтъ Увертюры,—и я объ ней ничего не могу сказать иначе какъ вскользь—а не забудьте, что меня тотчасъ „поймаютъ“ на каждомъ промахѣ или недомолвкѣ. Если есть возможность, пришлите мнѣ 1-й актъ въ партитурѣ хоть на самое короткое время, на день или на два. Сообразно тому, какъ я „задался“ въ своей критикѣ—мнѣ рѣшительно невозможно обойтись безъ партитуры. А редакція ждетъ продолженія разбора Русалки.

Раппопортъ пріѣхалъ.

Какъ Вамъ показалось письмецо изъ-за границы?—Очень мило—по мысли, и мнѣ все кажется, что это—Бѣленицына.

Типографія наша во вчерашнемъ №—подгуляла. Въ этомъ

письмѣ одна строка напечатана внизъ головой, а въ моей статьѣ объ Ленцѣ перебиты четыре строчки, такъ что смыслу нельзя догадаться!—Я еще журилъ Стоюнина, зачѣмъ онъ въ заголовкѣ содержанія №, не велѣлъ напечатать подробнѣе о письмѣ изъ-за границы. Теперь многіе могутъ пропустить его безъ вниманія.

Все это дѣлается такъ „неопрятно“ (по выраженію Глинки).—Удружите партитурой. Все будетъ въ цѣлости.

Вашъ А. Сѣровъ.

2.

12 Августа 1856.

Радуюсь душевно, что авторъ Русалки доволенъ критикою. Вотъ Ленцъ (который недавно возвратился изъ Ревеля), тотъ—обидѣлся—немножко, и хотя и старается выказать мнѣ еще больше прежняго вниманія и расположенія, все же я вижу, что ему „больно“ отъ моихъ „царапинокъ“.

Но—полагаю—что самая лучшая система въ моемъ трудномъ положеніи „судьи“ надъ людьми близко-знакомыми—правда. Всегда буду держаться одной ея и, надѣюсь, что отъ того въ проигрышѣ не буду.

Въ слѣдующей статьѣ о Рус. будетъ конецъ 1-го акта и весь второй. Изъ этого Вы видите, что партитуру 1-го дѣйствія возвратить Вамъ еще не могу.

Сегодня и завтра, по вечерамъ, я не свободенъ,—а потому избираю слѣдующій вечеръ за этими двумя, т.-е.—Вторникъ 14 Августа. Если сведете меня съ Владим. Иван. Морковымъ, очень—обяжете. Кто любитъ искусство и занимается имъ много, съ тѣмъ „потолковать“ для меня всегда большая отрада. Бесѣды о музыкѣ—это для меня такой кранъ, который только-что открывать опасно—и конца не будетъ „словотеченію“.

Помните:

Тутъ риторъ мой...

Догадываюсь, что пунктъ разнорѣчія со мной для Васъ—„Querstand“ не такъ ли? Ну, да потолкуемъ, и все объяснится. Вы, по крайней мѣрѣ, видите, что я трудился надъ разборомъ по мѣрѣ силъ моихъ и разумѣнія.

Жалѣю самъ, что нынѣшній № вышелъ совсѣмъ—серьезенъ,—позабавить публику никогда не мѣшаетъ. Зато въ слѣдующій разъ будетъ маленькій „пряничекъ“ Ростиславу чуть не съ первыхъ строчекъ статьи.

Итакъ—до Вторника, часамъ къ 7.

Вашъ А. Сѣровъ.

3.

20 Августа / 56.

Каюсь въ невѣжливости, которую я сдѣлалъ противъ Васъ, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ! Въ пятницу я оставилъ

безъ отвѣта письмецо Ваше. Но пятница у меня—день корректуръ, да случились еще и другія „экстренныя“ занятія—такъ что я тогда рѣшительно не могъ написать Вамъ ни двухъ строчекъ.

Объ Вагнерѣ и его „творчествѣ“ музыкальномъ я точно такого же мнѣнія, какъ и Вы. Въ сущности—„музыкальная жилка“ въ немъ весьма не изъ сильныхъ,—но онъ большой поэтъ и геніальная голова артистическая вообще. Всё-таки его оперы я прослушалъ бы съ чрезвычайнымъ интересомъ, въ исполненіи. А когда это случится? Въ Петербургѣ мы еще надолго осуждены на Лучію & Comp:—повѣрите ли, меня тошнитъ отъ одной афиши съ Лучіей—а все благодаря этому мерзавцу С., котораго иногда—въ порывѣ „эстетическаго“ бѣшенства—я готовъ бы задавить собственными руками,—вмѣстѣ со всѣми и „меломанами“, которые видятъ въ немъ цвѣтъ и надежду русской оперы (!!) и апплодируютъ ему „à outrance“.—Осляче-ство, которое—для меня—превосходитъ всякую мѣру.

Будете ли дома завтра вечеркомъ? Зайду побесѣдовать.

Вашъ А. Сѣровъ.

4.

24 Сентября, понед. [1856].

Къ сожалѣнію, не могу исполнить просьбы Вашей насчетъ партитуры 4-го акта. Въ настоящую минуту я еще пишу послѣднюю статью о вашей оперѣ, и партитура—хотя я хорошо помню почти всѣ ея подробности—еще необходима мнѣ для кое-какихъ справочекъ.

Сегодня я намѣреваюсь зайти вечеромъ къ Вамъ, чтобы побесѣдовать. Хотѣлъ быть также и Донъ-Цезарь—(съ своимъ новымъ произведеніемъ).

При свиданіи скажу Вамъ, когда могу возвратить партитуру. Быть-можетъ, завтра же окончу статью—и тогда присылайте.

Извѣстіе, что русская опера остается при насъ, и про насъ, очень обрадовало меня. Значитъ, есть надежда услышать и Русалку, въ новомъ „исправленномъ“ изданіи. (Латышова во многомъ, конечно, будетъ лучше Булаховой).

Очень радъ также, что Вы нашли кое-что хорошее въ моемъ разборѣ Вашего „образцоваго“ дуэта. Я же съ своей стороны былъ недоволенъ строчками своими объ этой сценѣ. Мнѣ казалось—и до сихъ поръ кажется—что даже Ростиславу какъ-то удалось сказать объ ней весьма недурно,—а чтобы не „копировать его“—я долженъ былъ пожертвовать иными истолкованіями и написалъ какъ будто—„суховато“—(такъ на мой взглядъ,—впрочемъ, при „многописаніи“ самъ авторъ иногда и не судья). Да и что толковать тутъ! Дѣло сдѣлано—напечатаннаго не воротить.

Необыкновенно нравится мнѣ въ Васъ (простите за „наивность“)—что Вы принимаете замѣчанія мои о слабыхъ

сторонахъ Вашей оперы—такъ, какъ я пишу ихъ—отъ чистой души. „Авторское“ самолюбіе самое щекотливое изъ всей породы самолюбій человѣческихъ—и встрѣтить автора, который бы рѣшительно не обижался критикой—навѣрное рѣже случается, нежели дѣльную и добросовѣстную критику (хотя и она—ne court pas les rues).

Вѣдь въ статьяхъ своихъ не все же я васъ глажу по головкѣ—оборони Боже!—случаются „кокурочки“ и Вамъ—зная Васъ и Вашъ характеръ въ этомъ отношеніи, я пишу еще смѣлѣе и безпристрастнѣе. Хотѣлось бы мнѣ точно также подробно разобрать „Жизнь за Царя“ и „Руслана“—боюсь только, что Глинка приметъ мою критику иначе, нежели Вы. А сдѣлать себѣ изъ него „врага“—я никакъ бы не хотѣлъ.

Энгельгардтъ разсказывалъ мнѣ, что Вы просто „превозносили“ меня въ разговорѣ съ Одоевскимъ, въ театрѣ. Кланяюсь въ поясъ за добрыя рѣчи, но—убѣжденъ, что Вы преувеличиваете мои заслуги. Вотъ посмотрите—во вчерашнемъ объявленіи о подпискѣ на 1857 годъ редакторъ Вѣстника не только „не упоминаетъ“ о моемъ сотрудничествѣ (тогда какъ о Контскомъ... устричными буквами)—но еще „загнулъ уголокъ“, чтобы — по возможности — отстранить „учено-спеціальныя“ (сирѣчь мои) статьи...

Ему, а, быть-можетъ, и большинству читателей Вѣстника я не по вкусу — (Eine zu harte Nuss für ihre Zähne), и самъ я чувствую, что въ такомъ журналѣ, какимъ Раппопортъ старается сдѣлать свой Вѣстникъ, я никакъ не на мѣстѣ.

Желаю искренно, чтобы все это перемѣнилось. Между тѣмъ—все буду пописывать, по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія.

За присылку еще № изъ оперы искренно благодарю.

До свиданія—сегодня вечеромъ.

Вашъ А. Сѣровъ.

5.

24 Декабря/56.

Душевно благодаренъ Александру Сергѣевичу за добрую память насчетъ №№ изъ Русалки. Арія Князя была ожидаема съ нетерпѣніемъ моей старшей сестрой. Теперь это будетъ для нея лучшимъ подаркомъ къ праздникамъ.

О статьѣ Ленца—согласенъ съ Вами,—даже и въ томъ,что истинное желаніе мое было хоть сколько-нибудь поправить дѣло. А если бы Вы знали, какую бездну строчекъ я исключилъ изъ перевода по явной невозможности для русскихъ и здравомыслящихъ читателей.

Къ Новому Году я покончилъ съ Вѣстникомъ. Подробнѣе при свиданіи. Теперь только скажу Вамъ, что Раппопортъ такой... с. с., съ которымъ имѣть дѣло для порядочнаго человѣка нѣтъ никакого способа. Рѣшительная ссора наша вышла вчера и, разумѣется, нисколько не изъ-за денегъ, а изъ-за благородства намѣреній и статей.

Съ Стелловскимъ у меня тоже большая непріятность. Совершенно неожиданно для меня онъ мнѣ насолилъ и даже поступилъ со мною до невѣроятности дерзко. Если увидитесь съ Кюи, раньше чѣмъ со мною, пораспросите его.

Теперь переношу весь свой лагерь и всю свою артиллерію—въ Сынъ Отечества, а большія, серьезныя статьи (болѣе въ біографическомъ родѣ) буду помѣщать въ Библіотекѣ для чтенія, съ редакторомъ которой сошелся на дняхъ, и онъ очень радъ моему сотрудничеству.

Желаю знать, какая „анаѳема“ выйдетъ изъ Вѣстника въ 1858 году!

Впрочемъ, при такомъ жидовскомъ хозяйствѣ всего этого и съ самаго начала ожидать слѣдовало.

Вашъ А. Сѣровъ.

29 Декабря 1858.

Препровождаю къ Вамъ, многоуважаемый Александръ Сергѣевичъ, билетикъ на мою первую въ жизни лекцію (дай Богъ, чтобъ была не послѣдняя) и присовокупляю всепокорнѣйшую просьбу поощрить меня вашимъ присутствіемъ на моемъ дебютѣ.

Если успѣю заинтересовать Васъ сколько-нибудь—такъ что Вы посѣтите и нѣкоторыя изъ слѣдующихъ лекцій (билетъ вашъ—на всѣ)—буду считать себя счастливымъ. Ваше посѣщеніе будетъ лучшимъ для меня комплиментомъ.

— Что Вы пожелаете мнѣ успѣха искренно—въ этомъ я не сомнѣваюсь. Дѣло затѣялъ я доброе и, конечно, не заслужилъ того равнодушія или даже той враждебности, которую вдругъ стали питать ко мнѣ многіе изъ нашихъ общихъ съ Вами знакомыхъ. Все это, впрочемъ, такъ должно быть. Кто никогда не встрѣчаетъ препятствій и вражды—тотъ самъ—„nihil“.

Я хотѣлъ сегодня побывать у Васъ лично—да боюсь разсѣяться.

Il faut se recueillir un petit moment.

Шагъ довольно-смѣлый и важный.

Еще просьбица къ Вамъ:

прилагаемые два билета для Кюи съ супругой потрудитесь переслать по назначенію. Мои люди не знаютъ его адреса, и выйдетъ безтолковщина; а самому мнѣ рѣшительно некогда.

До свиданія!

Вашъ А. Сѣровъ.

7.

27 Декабря 1859.

Поздравляю многоуважаемаго мною Александра Сергѣевича съ праздникомъ и—кстати—препровождаю у сего мой Рождественскій кантъ (: для сопрановъ и альтовъ, съ духовыми инструментами).

Разумѣется, что я о ч е н ь желаю слышать эту партитуру въ ея осуществленіи—но не слишкомъ надѣюсь, чтобы о б щ е с т в о, мнѣ столько враждебное по тысячѣ причинъ, согласилось „уважить“ мое домогательство. Во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что Вы съ своей стороны сдѣлаете для меня все отъ Васъ зависящее.

Если Вамъ время позволитъ—окиньте глазкомъ эту партитуру и сообщите мнѣ, что Вы объ ней думаете. Какъ замѣтите тотчасъ, я—подъ вліяніемъ очень н а и в н а г о религіознаго чувства—скропалъ нѣчто въ родѣ старинныхъ итальянцевъ, писавшихъ для церкви. Гармонія устарѣлая—т: е: изъ XVI или начала XVII вѣка, для нашихъ ушей теперь с в ѣ ж ѣ е гораздо звучитъ, нежели гармонія изъ конца прошлаго и первой половины нынѣшняго столѣтія.

Трудностей для исполненія моя пьеска не представитъ ровно н и к а к и х ъ. Если, мѣстами, быть-можетъ, я не совсѣмъ ловко разсчиталъ на перемежку д ы х а н і я въ голосахъ, (—) эти маленькія бѣды (если случатся) можно легко исправить на пробахъ. Оркестръ въ обществѣ всегда п о л н ы й, слѣдовательно за партіями духовыхъ остановки не будетъ. Только я написалъ obligato для т р е х ъ флейтъ, и первый гобоистъ долженъ быть музикусъ д е л и к а т н а г о свойства. Остальное пойдетъ какъ по маслу.

Будьте, Александръ Сергѣевичъ, в о с п р і е м н и к о м ъ музыкальнаго моего дѣтища и устройте такъ, чтобы родительское мое сердце не слишкомъ опечалилось.

Глубоко преданный Вамъ
А. Сѣровъ.

P. S. Оффиціальную, написанную мною б у м а г у потрудитесь передать Обществу вмѣстѣ съ партитурой да воз[ь]мите на себя также трудъ увѣдомить меня хоть въ двухъ словахъ—„что и какъ“? Дома у меня не остается никакой, ни даже ч е р н о в о й рукописи этой пьесы, оттого желалъ бы получить ее обратно б е з ъ з а м е д л е н і я, если рѣшено будетъ, что ея не исполнятъ,—а въ случаѣ исполненія пусть возвратятъ мнѣ рукопись тотчасъ по списаніи съ нея копіи.

П р и м ѣ ч а н і я.

1. Обстоятельное штудированіе Сѣровымъ партитуры „Русалки“ имѣло своимъ послѣдствіемъ подробный литературно-музыкальный разборъ оперы Даргомыжскаго, который былъ помѣщенъ въ №№ 20—39 „Музыкальнаго и театральнаго Вѣстника“, журнала, редактировавшагося 1856—1860 Маврикіемъ Якимовичемъ Раппопортомъ (въ 1860 г.—Аполлономъ Григорьевымъ). Содержательный и солидный разборъ этотъ былъ впослѣдствіи перепечатанъ въ I томѣ „Критическихъ статей“ Сѣрова (СПб. 1892).—Бѣленицына, въ замужествѣ Кармалина, Любовь Ивановна,—пѣвица, ученица Даргомыжскаго. Василій (Вильгельмъ) Ѳедоровичъ фонъ-Ленцъ (1808—1883)—извѣстный музыкальный писатель средины прошлаго вѣка. О его произведеніи „Beethoven, eine Kunststudie“ Сѣровъ отозвался критической статьей, помѣщенной въ №№ 29—30 „Музык. и театр. Вѣстника“ подъ названіемъ „Новая книга Ленца о Бетховенѣ“. Въ этой статьѣ Сѣровъ высказалъ не мало укоровъ по поводу легковѣсности и сбивчивости многихъ сужденій Ленца.—В. Я. Стоюнинъ былъ однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ М. Я. Раппопорта по веденію журнала.

2. „Царапинки“—критическія нападки Сѣрова (въ вышеупомянутой статьѣ) на Ленца. „Querstand“ или „переченіе“ есть гармоническій пріемъ, состоящій въ бли-

жайшемъ сопоставленіи въ разныхъ голосахъ двухъ звуковъ, изъ коихъ одинъ получается путемъ хроматической альтераціи другого. Строгой теоріей употребленіе переченій запрещено. Однако, не говоря уже о новѣйшихъ композиторахъ, весьма свободно примѣняющихъ всевозможныя переченія, ими нерѣдко пользовались и классики (Моцартъ, Шубертъ), преслѣдуя особые звуковые эффекты. Весьма характерныя переченія встрѣчаются и въ увертюрѣ къ „Русалкѣ“. Сѣрову они показались непріятнымп.—„Пряничекъ“ Ростиславу—намекъ на одинъ изъ очередныхъ выпадовъ противъ реакціоннаго критика „Сѣверной Пчелы“, Ѳ. М. Толстого, писавшаго подъ псевдонимомъ Ростислава. Съ нимъ Сѣровъ полемизировалъ постоянно и неутомимо.—Владиміръ Ивановичъ Мо́рковъ, извѣстный гитаристъ середины 19 в., авторъ „Полной школы для семиструнной гитары“ и „Историческаго очерка русской оперы“ (СПб. 1862); въ этомъ очеркѣ — много интересныхъ, но плохо провѣренныхъ матеріаловъ.

3. Ограничительную оцѣнку Вагнеровской „музыкальной жилки“ любопытно сопоставить съ позднѣйшимъ безусловнымъ преклоненіемъ Сѣрова передъ творческимъ геніемъ Вагнера. — „Мерзавецъ С.“ — можетъ-быть, пѣвецъ-теноръ І. Я. Сѣтовъ (Сетовъ, настоящая фамилія Сетгоферъ), выступавшій въ 50-хъ г.г. въ „Лучіи“, „Пуританахъ“, и др. итальянскихъ операхъ. Некрасивый горловой тембръ голоса не мѣшалъ большой популярности Сѣтова среди тогдашнихъ меломановъ.

4. Донъ-Цезарь—Ц. А. Кюи. Ла́тышева, Бу́лахова—пѣвицы русской оперной сцены (сопрано и меццосопрано). Булахова исполняла партію Наташи на первомъ представленіи „Русалки“ 4-го мая 1856 г. въ театрѣ-циркѣ, послѣ пожара (1859) и перестройки переименованномъ впослѣдствіи въ Маріинскій театръ.—Василій Павловичъ Энгельгардтъ (1828—1915)—дальній родственникъ и близкій другъ Глинки, великій почитатель его таланта, собиратель его рукописей, впослѣдствіи принесенныхъ имъ въ даръ Имп. Публ. Библіотекѣ.—Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій (1803—1869) извѣстный писатель, кромѣ литературы интересовался также и музыкой. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ умныхъ и интересныхъ статей о творчествѣ Глинки, о русской пѣснѣ, о церковной музыкѣ и пр.—Антонъ Григорьевичъ Контскій (1816—1899) прославленный піанистъ, авторъ „Методы фортепіанной игры“ и ряда легковѣсныхъ, но виртуозно разработанныхъ композицій; сотрудничалъ въ „Музык. и театр. Вѣстникѣ“ Раппопорта. Объ отношеніяхъ между Сѣровымъ и Раппопортомъ см. любопытные очерки „Изъ переписки музыкальныхъ и театральныхъ дѣятелей“ (со множествомъ писемъ Сѣрова) Виктора Раппопорта, внука издателя „Муз. и Театр. Вѣстника“. Очерки эти были помѣщены въ „Библіотекѣ Театра и Искусства“ (при журналѣ „Театръ и Искусство“) за 1912 г., книги І—ІІ. (Въ Х-ой книгѣ того же года имѣется статья Раппопорта о Даргомыжскомъ, въ которой попутно упоминается о „Муз. и Театр. Вѣстникѣ“, его редакціонномъ составѣ и сотрудничествѣ Сѣрова).

5. Ссора Сѣрова съ Раппопортомъ была, повидимому, не слишкомъ серьезнаго характера. Уйдя изъ „Музык. и Театр. Вѣстника“ въ концѣ 1856 г., Сѣровъ вновь печатается въ этомъ журналѣ начиная съ № 36 слѣдующаго года. Въ „Сынѣ Отечества“ А. В. Старчевскаго Сѣровъ писалъ въ 1856, 1857 (во время разрыва съ „Вѣстникомъ“), въ 1860 и 1862 г.г. Въ „Музык. Библіотекѣ“ Смирдина (редакторомъ въ 1856 г. былъ А. В. Дружининъ) Сѣровъ писалъ мало и рѣдко.—Старшая сестра Сѣрова—Софья Николаевна, по мужу Дю-Туръ; съ ней композиторъ-критикъ былъ очень друженъ.—Ѳ. Стелловскій—музыкальный издатель 2-й половины XIX вѣка. Фирма Стелловскаго явилась наслѣдницей фирмы Гурскалина „Одеонъ“; въ 1885 изданія Стелловскаго (Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ) перешли къ Гутхейлю, послѣдній же въ 1915 передалъ все дѣло свое „Россійскому Музыкальному Издательству“.

6. Въ этомъ письмѣ Сѣровъ говоритъ о своихъ публичныхъ лекціяхъ о музыкѣ, затѣянныхъ имъ въ самомъ концѣ 1858 г. Въ матеріальномъ отношеніи эти лекціи были очень неудачны. Онѣ сильно подорвали денежные рессурсы Сѣрова, которые и безъ того находились въ 50-хъ годахъ въ самомъ печальномъ положеніи.

7. Рождественскій кантъ, или „Рождественская пѣснь“ (рукопись—въ Имп. Публ. Библ.), сочиненная Сѣровымъ въ 1859 г., не была принята „Русскимъ Музык. Обществомъ“. Она, вскорѣ послѣ сочиненія ея, была исполнена хоромъ гр. Шереметева. Клавираусцугъ съ голосами напечатанъ въ приложеніи къ № 4—5 „Русск. Музык. Газеты“ за 1906 г. На этомъ изданіи вмѣсто истинной даты сочиненія (1859 г.) ошибочно показанъ 1860 г.

В. Каратыгинъ.

Ж) СЦЕНЫ ИЗЪ ДРАМЫ

„РАСКОЛЬНИКЪ“

Ѳ. М. Рѣшетникова, съ примѣчаніями Глѣба Успенскаго [1]).

Примѣчаніе: Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ съ эпилогомъ „Раскольникъ“ написана Рѣшетниковымъ (1862 г.) частію стихами, частію прозой. Мы печатаемъ въ предлагаемомъ изданіи только сцены, отрывки изъ драмы, а не всю драму—на томъ основаніи, что, во-первыхъ, стихи Рѣшетникова, по отзыву людей свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ,—вполнѣ неудобны къ печати, и, во-вторыхъ, потому, что отсутствіе основательнаго знакомства съ ученіемъ и нравами раскольничьей среды заставляло Рѣшетникова въ изображеніи этой среды постоянно путаться въ басняхъ и небылицахъ, существующихъ объ этомъ предметѣ въ толпѣ, и стараться выяснить эти, не всегда основательные взгляды массы единственно помощью воображенія. Намъ показалось неудобнымъ и ненужнымъ знакомить публику съ слабыми попытками еще только начинавшаго писателя разрѣшить трудные вопросы вѣры безъ основательнаго изученія этого дѣла—послѣ того, что въ послѣдніе годы сдѣлано по этому же предмету писателями, спеціально занятыми разработкою темныхъ сторонъ русской жизни и мысли. Въ этихъ видахъ мы печатаемъ только тѣ сцены драмы, въ которыхъ Рѣшетниковъ является знатокомъ своего дѣла,—именно сцены, происходящія на горномъ заводѣ, въ средѣ горнозаводскихъ людей, а все остальное, неудобное къ печатанію вполнѣ, помѣщаемъ въ сокращенномъ изложеніи.

Всѣ нижепомѣщенныя сцены происходятъ на одномъ изъ горныхъ заводовъ.

Отрывокъ 1-й [2]).

Изба. Въ глубинѣ сцены, противъ зрителей, дверь; налѣво—два окна. Между дверью и окнами у стѣны стоитъ кровать; на кровати перина, двѣ подушки и поношенное платье. Около печи—палати.

---

[1]) Эти сцены были приготовлены къ печатанію Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ и имъ-же представлены въ Московскую цензуру, но ею дозволены къ напечатанію не были; рукопись сохранилась въ архивѣ Московскаго Цензурнаго Комитета, откуда получена Пушкинскимъ Домомъ, по его о томъ просьбѣ. Печатается съ разрѣшенія дочери Ѳ. М. Рѣшетникова—М. Ѳ. Евстратовой съ корректурнаго листа. *Б. Модзалевскій.*

[2]) Дѣйствіе 1-е.

Возлѣ стѣны—лавки. Въ углу стоитъ большой, бѣлый, деревянный столъ. У окна сидитъ и вяжетъ чулокъ **Таисья Кирилловна**, *заводская женщина 60 лѣтъ (старуха грубая и не очень умная), у стола сидитъ и обѣдаетъ* **Татьяна Федоровна**, *42 лѣтъ, дочь Таисьи—такого же нрава, какъ и мать.*

Таисья *(отмахиваясь чулкомъ отъ мухъ)*. Экое проклятое племя! Такъ и лѣзетъ прямо въ глаза... Ишь!

Татьяна. Молчи нѣтъ отъ этихъ мухъ! Вонъ въ щи упала! Экая срамнина! *(вынимаетъ муху ложкой)*. Ахъ, будь ты трижды проклятая!

Таисья. Молчи! Ѣшь да молчи! *(Обѣ молчатъ сердито)*. Вотъ только мухоморы поспѣютъ, обтрескаетесь, поганыя. *(Вяжетъ, скрывая раздраженіе)*. Ты, Татьяна, спрятала Кондратьевы вещи?

Татьяна. Какъ же, спрятала! *(Помолчавъ)*. Ачтò ни говори—плутъ этотъ Кондратій! [1]).

Таисья *(продолжая вязать)*. Нашей вѣры... Святой человѣкъ!

Татьяна. Да, много ненашихъ обпраетъ.

Таисья. Такъ ихъ и надо, еретиковъ! И намъ барышъ отъ этого, да и святые святы.

Татьяна. Зачѣмъ же онъ велитъ все больше къ Якушевой приставать, а не къ намъ? Да и вещей ей больше отдаетъ прятать? Однакожъ она хватилась кулька съ хлѣбомъ, что я-то ночью приволокла,—нашла его у насъ въ подпольѣ, да и подала приказчику на меня: „Она, говоритъ, украла“—обозвала меня всяко... Поди вотъ съ ней...

Таисья. Ну, а ты что?

Татьяна. Говорю: нѣтъ! не крала! Нѣтъ да нѣтъ, а на „нѣтъ“ и суда нѣтъ! Вотъ она и злится на меня! Ну, да ужъ и я ей, ехидной, не спущу. Нужды нѣтъ, что она въ союзѣ съ Кондратьемъ, что Кондратья приказчикъ любитъ,—я ей ужо! Ужъ не спущу! А еще Ѳомка вздумалъ жениться на ея Пелагеѣ! Ни за что не позволю! Ни за что! Вотъ те и сказъ! *(Встаетъ и убираетъ со стола)*.

Таисья. Гдѣ же Ѳома-то у насъ?

Татьяна. Вчера дома былъ, а сегодня и не показывался.

Таисья. Да что съ нимъ такое стало нынѣ?

Татьяна. Такой негодный соромникъ сталъ, совсѣмъ у меня изъ повиновенія вышелъ, нисколько не слушаетъ! Ужъ я ли ему не мать? Ужъ не учу ли его уму-разуму? Ну, нѣтъ! Не знаю, на кого онъ походитъ. На отца ли, на бабушку ли, на родныхъ ли кого-нибудь? Тѣ, ровно, всѣ были люди, какъ люди,—а онъ ужъ такой выродокъ.

Таисья. Чтожъ съ нимъ стало? Зачѣмъ онъ такой?

Татьяна. Все вотъ Палашка у него на умѣ; она, вишь, его присушила.

Таисья. Экая гаведа!

Татьяна. Ну, придетъ этакъ домой, угрюмый такой, словно въ горѣ какомъ-нибудь. Придетъ, сядетъ да и сидитъ, и нѣтъ,

---

[1]) Глава раскольничьей секты, живущей въ лѣсу.

чтобы со мной, съ матерью, какую-нибудь рѣчь завелъ... Я знаю ужъ, ѣсть хочетъ... Хлопочетъ у него въ брюхѣ-то... А не скажетъ, что ѣсть, молъ, хочу. Ну, долго ли сказать? Мать ли я ему, чертовка ли, прости Господи? Нѣтъ, сидитъ, молчитъ какъ пень... А поѣстъ и пойдетъ *ланъ шатать* [1]): въ кабакъ, да на вечерки, да къ Палашкѣ...

Таисья. Ты бы, Таня, поворожила?

Татьяна. Врутъ они, ворожеи эти... А намедни Домна сказала: „Женится Ѳома на Палагеѣ“, а я вотъ не позволяю... Ѳомка-то дурачится, говоритъ: „не отстану“...

Таисья. Ты бы побранила его хорошенько?

Татьяна. Побранила! Ты хоть колъ ему въ шею вколоти,—онъ все свое. Вечёръ что онъ бѣдъ доспѣлъ со мною? пришелъ домой, сидитъ, какъ прежде молчитъ. У меня былъ каравай испечёнъ.—„Хошь, говорю, трескать?“ Молчитъ. Я опять его спросила. Ни тпру, ни ну! Я ему оплеуху! Вотъ онъ на меня: да такъ кулакъ и поднялъ... Толкнулъ меня,—я чуть на мѣстѣ не повалилась... *(Плачетъ).*

Таисья. Охъ, бѣда какая! Неужто это Ѳомка такъ?.

Татьяна. Видитъ Богъ—Ѳомка! Такъ полѣномъ и хотѣлъ свиснуть. Чуть-чуть не зашибъ.

Таисья. Ну, ты-то что?

Татьяна. Надѣла чуньку, оболоклась, да и побѣжала въ полицію; а Ѳомка остался безъ меня, да и далъ тягу.

Таисья. Ты бы полѣно-то выхватила, да по немъ, да по немъ, такъ бы и хлестала.

Татьяна. Сробѣла, мать! Вѣдь эдакъ-то, пожалуй, убить не долго, а я вона какая жалостливая, Богъ со мной... У меня сердце такое... Характеръ, что-ли, вспыльчивый такой,—осержусь, а пальцемъ не трону... Пусть, что будетъ, то и будь. Буду ждать до поры до времени, авось узнаетъ Кузькину мать.

Таисья. Проучить бы его не мѣшало хорошенько!

Татьяна. Мало ихъ учатъ на работахъ-то, а все неймется... Тамъ, въ заводѣ-то, ихъ всѣхъ, какъ тварей, уродуютъ. Тоже пожалѣешь!..

Таисья. Ну, и будетъ онъ у тебя разбойникомъ. Дай-ка ему потачку! Узнаешь, каковъ онъ соколъ! Онъ сядетъ на тебя и поѣдетъ... Погляди-ко, какъ я съ нимъ расправлюсь, дай воротится. Погляди, какъ надо съ ними...

Татьяна. Ну ужъ! *(Садится съ пряжой къ другому окну, возлѣ Таисьи).*

Таисья. На меня смотри не смотри глазищами-то злыми, а я все-таки его такъ прижму—ой-ой. Погоди, соколикъ! Я сдѣлаюсь съ тобой! Я вѣдь не такая, какъ твоя мать! Вотъ ужъ разиня! Чистая разиня! *Ватаракша*, прости Господи! Ну, гоже ли это? Съ сыномъ справиться не можетъ? Да будь онъ мой, я бы съ нимъ безпремѣнно справилась. Такой бы толковый сталъ, любо-дорого!

---

[1]) Шататься.

Татьяна. Какъ бы ты, мать, это сдѣлала-то?

Таисья. А такъ... Ты ужъ только дай его на мою полную волю. И увидишь... бить не буду... Небось... И такъ сумѣю. Покуда я здѣсь жила, въ городъ не уходила въ кухарки, небось, былъ вонъ какой смирный, а уѣхала, вотъ и пошло. Кути-мути.

Татьяна. Ну, теперь врядъ онъ тебя послушаетъ...

Таисья. А вотъ погляди!

(Молчаніе)

(Въ избу входитъ заводскій надзиратель, человѣкъ грубый, сорока лѣтъ).

Надзир. *(входя).* Дома Ѳома?

Татьяна. Нѣту, батюшка!

Надзир. Гдѣ жъ онъ?

Татьяна. Не знаю, родименькій.

Надзир. Ты мать ему?

Татьяна. Мать, мать, вѣстимо!

Надзир. Ну, значитъ, спрятала его куда-нибудь, шельма. *(Смотритъ кругомъ).* Коли мать, должна знать, гдѣ онъ...

Татьяна. Почемъ-же знать-то мнѣ? Онъ вотъ цѣлыя ночи дома не бываетъ, а спросишь: „Гдѣ былъ?“—ругается, бьетъ меня, и опять уйдетъ. Охъ, Господи-Батюшка! Согрѣшили попы за наши грѣхи.

Надзир. Знаю, знаю эту пѣсню-то... Ты, баба, цѣломъ говори... *(Строго)* Гдѣ Ѳома? На работу его надо! Слышишь, что ль?

Таисья *(вступаясь).* Да что жъ ты, отецъ мой, пристали къ бабѣ? Какъ намъ знать, гдѣ онъ? И твой-то сынъ спрашиваетъ ли у тебя, куда идетъ? А нашъ Ѳома не таковскій: „на что мнѣ отецъ, самъ себѣ молодецъ“.

Надзир. Ну, ты молчи тутъ... Что суешь рыло въ чужое корыто? *(Садится).* Я тебя знаю... ты вѣдь изъ городскихъ... Обѣгала, знать, всѣ дома-то тамъ? Обворовалась кругомъ, матушка?..

Таисья *(вставая съ сердцемъ).* Ахъ ты нечестивецъ этакой! Какъ ты смѣешь меня безчестить? Ахъ ты чучело гороховое! Ну, какъ у тебя языкъ твой гнилой повернулся обзывать меня воровкой? Да я сейчасъ къ исправнику,—онъ те задастъ *перцу—яру съ горошкомъ.*

Надзир. *(смѣясь).* Постой, постой, не *ерестись* *). Прытка больно. *(Переходя въ начальническій тонъ)* Покажи-ко перво-наперво билетъ, вотъ что! А то зубы заговаривать, стращать! Гдѣ билетъ?

Таисья. Какой билетъ?

Надзир. *(вставая, грозно).* Билетъ кажи, шельма, бродяга! Я надзиратель! Я приказчику скажу. Ты бѣглая. Вотъ что!

Таисья. Какъ бѣглая?

Надзир. Подавай билетъ безъ разговору. *(Трясетъ ее за плечи).*

---

*) Не горячись.

Таисья. Потеряла я билетъ-то, кажись.... Да, такъ и есть, что потеряла.

Надзир. Такъ собирайся въ полицію, живо!

Таисья. Охъ! въ полицію! Можетъ и найду, погоди немного. Не спѣши.

Надзир. Мнѣ некогда языкъ съ тобой чесать!

Таисья. Да можетъ...

Надзир. Что мнѣ съ тобой попусту болтать? Я тебя вмѣсто Ѳомы запрячу. Поѣдомъ съѣли парня, бестіи, прощалыги этакіе!

Таисья. Охъ, Господи! Какъ тебя звать-то, величать не знаю... Не выхлопочешь ли ты мнѣ новый билетъ, чѣмъ въ часть-то волочь? Я и денегъ дамъ...

Надзир. *(какъ бы не слушая, тащитъ ее за руку къ двери).* На работу, не разговаривать.

Татьяна *(вставая).* Нельзя ли, Селифанъ Еремѣичъ, помиловать насъ?

Надзир. Али узнали меня? Нѣтъ, теперь нельзя. Поздно хватились прощенія просить... Нельзя теперь!

Таисья *(сквозь слезы).* И чего мнѣ въ этой полиціи вашей? Я вѣдь не воровка какая; слава те Господи! Исхлопочи, благословленный мой, билетъ мнѣ... И денегъ дамъ.

Надзир. Сказано разъ—нельзя.

Татьяна *(перебивая).* Да ты сядь, сядь... Чего стоять-то? Усталъ, чай, и такъ. Ты пивца не хочешь ли?

Надзир. *(про себя).* Ужъ и шельмы эти раскольницы. *(Вслухъ).* Какія такія ты деньги дашь? Много ли дашь-то? *(Выпускаетъ Таисью).*

Таисья. Да что тебѣ дать-то? Самой ѣсть нечего.

Надзир. Такъ-то? *(Серьезно).* Коли на то пошло,—гляди, старуха, не болтай пустова. Право, въ чижовку стащу, да и обѣихъ... Клади-ко три рублика.

Таисья *(даетъ ему бумажку въ рубль).* Не осуди... ей-ей, больше нѣтъ...

Надзир. *(недовѣрчиво).* Нѣтъ? *(Снова впадая въ начальническій тонъ).* Ну, такъ подавай сюда Ѳому. *(Прячетъ рубль въ карманъ).* Гдѣ Ѳома? Отвѣчай-ко.

Татьяна. А кто-же его знаетъ?

Надзир. Ты должна знать! Ты корень всему злу! Прошлый разъ,—какъ повелъ я его стегать за пьянство, за лѣнь,—небось онъ на тебя показывалъ: „отъ матери, говоритъ, пьянствую“. А ну, если онъ повѣсится съ горя-то? Кто въ отвѣтѣ?

Таисья и Татьяна *(вмѣстѣ).* Ишь, ишь, что говоритъ! Господи-Іисусе, оказія какая!

Надзир. Никакой оказіи тутъ нѣтъ. Сами накуралесили. *(Помолчавъ).* А что, есть освѣжительное?

Татьяна *(не понимая).* Это что же такое тебѣ?

Надзир. Ну, горячительное?

Татьяна *(стоя у печки).* Водочки, что ли?

Надзир. Экія дуры! Водка есть?

Татьяна. Мы не пьемъ; извини ужъ, родной!

Надзир. Ай врешь! Какъ, чай, не быть? А нѣтъ, такъ въ полицію возьму, въ чижовку...

Таисья *(сквозь слезы)*. Куда мнѣ, родной! Вишь, ни за что, ни про что бѣда навязалась... *(вынимая изъ стола деньги)*. На вотъ еще полтинникъ.

Надзир. *(про себя)*. Врешь, врешь... *(Вслухъ)*. Что мнѣ въ твоихъ деньгахъ... Ты все еще въ расколѣ живешь?

Татьяна. Мы-то?

Надзир. Вы-то, да!

Татьяна. Нѣтъ!

Надзир. А какъ молишься?

Татьяна. А тебѣ на что?

Надзир. Да я вѣдь надзиратель, значитъ, и вправѣ спрашивать.

Татьяна *(показывая сложенные пальцы)*. Такъ-же, какъ и ты.

Надзир. Вишь! Ну, какъ же ты не раскольница? Давай еще рубль! А не то, ей-ей, въ полицію сволоку...

Таисья *(доставая изъ стола деньги)*. На вотъ еще рублякъ. Эко дѣло-то бѣдовое наше!

Надзир. Ну, ладно. Деньги я возьму на то, что не скажу объ васъ. Ну, а билетъ ужъ хлопочите сами.

Таисья *(не понимая)*. Это что-то какъ будто не подходитъ!..

Надзир. *(идя къ двери)*. Толкуй еще! Не была, видно, въ чижовкѣ-то. Ѳома придетъ, прямо ко мнѣ ведите.

Татьяна *(вслѣдъ надзир.)*. Хоть ему-то задай баню!

Надзир. Ладно.

(Уходитъ).

Таисья. Ушелъ, пострѣлъ, живодеръ проклятый... Тьфу, ты, скареда! Пришелъ къ Ѳомѣ, и ни за что, ни про что стрясъ два рублика съ половиною, поди вотъ!.. Вотъ она, жизнь-то наша... Давай, давай имъ... а за что? Ээхъ маа!..

Татьяна. Тебѣ бы давать не надо было... Ну и пусть бы велъ въ полицію... а ты бы все тамъ и поразсказала... А то ни за что ни про что стала ему давать... Богата, видно, стала...

Таисья. Да будетъ тебѣ учить, ватаракща экая! О, Господи, Батюшка... Учила бы свое дитятко, а я еще сама поучу тебя. *(Входитъ Ѳома)*. Его вотъ учи. Ооохо-хо...

Ѳома *(сынъ Татьяны, 22 лѣтъ, заводскій мастеровой, смирный, но рѣшительный парень. Войдя въ избу, онъ вѣшаетъ шапку на гвоздь и, не поздоровавшись ни съ кѣмъ, садится на лавку и смотритъ въ задумчивости въ окно)*.

Таисья *(принимаясь за чулокъ и поглядывая на Ѳому)*. Что ѣхъ молчишь? Сказывалъ бы, гдѣ былъ-побывалъ...

Ѳома *(молчитъ)*.

Таисья. Али языкъ-то у тебя отсохнетъ слово сказать?...

Ѳома *(молчитъ)*.

Татьяна. Вотъ онъ всегда такой!

Таисья *(укоризненно качая головой)*. Смотри, Ѳома! Накажетъ тебя Богъ за это, накажетъ!

Ѳома *(задумчиво и грустно глядя на мать и на Таисью)*. За что меня-то? Васъ накажетъ!

Татьяна. Нѣтъ, тебя! Накажи тебя Царица Небесная. *(Вспыхнувъ)*. Чтòбъ тебѣ, прости Господи, издохнуть,—говори:—гдѣ ты былъ? Чтò ты затѣваешь?

Таисья. Опять, поди, съ Палашкой нюхался?

Ѳома *(огрызаясь)*. А тебѣ чтò Палашка мѣшаетъ?

Таисья. А то, что воровка она, поганая дѣвка!

Ѳома *(поднявшись съ лавки, съ сердцемъ)*. Врешь! Не твое дѣло! Судить Палагею не дозволю никому! Бѣлены вы, что ли, тутъ объѣлись? Чего вамъ тутъ?

Татьяна *(вскакивая)*. Какъ? Я бѣлены? *(бросается на него)*. Я бѣлены, мать?..

Таисья *(тоже бросается на Ѳому)*.

Ѳома *(отталкивая обѣихъ)*. Прочь! Убью!

Татьяна. Чтò? Чтò? Ахъ ты, окаянный ты этакой! Говори, окаянный, гдѣ былъ?

Ѳома *(грубо)*. Гдѣ былъ, тамъ нѣтъ!

Татьяна *(приставая къ нему)*. Говори, гдѣ былъ?

Ѳома. Да вотъ не охотникъ я сказывать тебѣ... ну?

Татьяна *(въ бѣшенствѣ)*. Ахъ ты, ахъ... *(схватываетъ ухватъ и бросаетъ въ него)*.

Ѳома Убьешь! *(Ловитъ ухватъ и бросаетъ его въ уголъ)*.

Татьяна. Гдѣ, гдѣ былъ, говори... разбойникъ...

Таисья. Ну, будетъ, будетъ, Танюша... баба ты, а словно по мужичьи поступаешь... Эхъ, Ѳома, Ѳома... И отчего ты такой?..

Ѳома *(указывая на мать)*. Все отъ нее!

Татьяна. Какъ? *(Снова бросается на него. Таисья ее удерживаетъ)*. Пусти, мать! Пусти... тебѣ тоже будетъ! Всю голову ему раскрою...

Ѳома *(угрожая)*. Мать, отойди! Гляди, не выведи... Мать называешься! Какая ты мать... *(Начинаетъ плакать и садится)*. Чтò я тебѣ сдѣлалъ?... Чтò ты мнѣ не даешь покою?.. Богъ съ тобой—коли такъ! Чувствія у тебя нѣту! вотъ чтò!

Татьяна. А-а! Заплакалъ *(Таисьѣ тихо)*. Въ чувствіе входитъ...

Ѳома *(плачетъ)*.

Таисья *(нравоучительно)*. Нѣтъ, Ѳома, не такъ ты поступаешь... Не такъ! не по-сыновнему...

Ѳома. Эхъ, бабушка!..

Таисья. Нѣтъ!.. Такой-ли ты былъ, такимъ ли я тебя оставила, когда въ городъ шла? А теперь ты...

Ѳома *(утирая рукавомъ глаза)*. Дадите, что ли, поѣсть то?

Татьяна. А! захотѣлъ! Впервой въ жизни, кажется, толкомъ спросилъ... Жри вонъ хлѣбъ на столѣ...

Ѳома. Чтòжъ мнѣ въ сухомятку-то... *(Беретъ хлѣбъ и ѣстъ)*. Щей нѣтъ ли?

Татьяна. Нѣту.

Ѳома *(ѣстъ молча)*.

Таисья *(продолжая нравоучительнымъ тономъ)*. Не такой, не такой былъ ты тогда, Ѳома!.. Теперь ты при мнѣ что творишь-то? Ну-ко, вспомни? Мать-то свою кто подзатыльниками кормитъ?.. а?..

Татьяна. Еще какъ...

Ѳома. Все изъ-за Палагеи...

Таисья. Вотъ и съ Палашкой съ этой связался... Что она тебѣ? И не стыдно тебѣ это? Съ этакой поганой вязаться? И не смѣй ты впередъ этого... И жениться тебѣ на ней мы не позволимъ... Знай.

Ѳома. Увидимъ!

Татьяна. Что-о?

Ѳома. То же. Женюсь и только!

Татьяна *(снова бросается на него).*

Ѳома *(вдругъ вскакивая въ бѣшенствѣ).* Ей-ей убью! Не тронь меня!.. *(Оставляетъ хлѣбъ на лавкѣ, идетъ на печь и ложится).*

Таисья. Господи, Іисусе Христе! Ужъ Ѳомка ли это?.. Ѳома!

Ѳома. Убирайся къ чорту! До чего меня довели.

Таисья *(разводя руками).* Вижу, вижу теперь... Что это такое въ самомъ дѣлѣ?.. Танюша! Одѣвайся, пойдемъ въ полицію.

Татьяна *(колотя въ столъ кулакомъ).* Ужъ я тебѣ задамъ порону! Ужъ какова ни будь,—да буду. Пойдемъ, мать! *(Идутъ).*

Ѳома. Идите хоть къ лѣшему! Хоть сквозь землю провалитесь!

Татьяна *(остановясь въ дверяхъ и топнувъ ногой).* Да замолчишь ли ты, окаянная сила!

(Уходятъ).

Ѳома *(одинъ, сидитъ задумавшись, на печи)*... Воно мать-то какая! Работать тутъ! Плакать хочется... Только и ладно, какъ въ питейномъ хватишь... Дери послѣ сколько влѣзетъ... По крайности не слышишь, какъ руки вяжутъ, въ чижовку бросаютъ... Утромъ въ чижовкѣ дерутъ, потомъ въ заводѣ дерутъ, хлѣбомъ накормятъ, что собака рыломъ воротитъ... А дома тоже покойно, дюже хорошо... Неужели ужъ мнѣ такъ и разстаться съ Палашкой? Маленькій я, что ли? *(Слѣзаетъ съ печи).* Нѣтъ! не изъ таковскихъ я, олухъ какой-нибудь!.. Пожалуй, что и на иного заводчика себя не промѣняю! вотъ что! *(Садится на лавку).* Придешь домой, начнетъ выкомуривать,—„не такъ, не туда... это у тебя отъ того“... Ровно булавкой тычетъ въ бока, въ сердце... Изругаться да убечь,—одно и есть!.. Пойдешь къ своей братьѣ, да и *хватишь на душу* *). Только всего... Женись на Соломонидѣ Матюшкиной! На-ка,—вотъ! Врешь! На Палагеѣ женюсь! Вотъ на комъ женюсь!.. Пошла въ полицію! Отдери, хвастайся... *(Утираетъ глаза; помолчавъ и успокоившись).* Уйду къ раскольникамъ... Правону! Давно меня зоветъ одинъ въ лѣсъ... Что мнѣ? Мнѣ все равно. Живутъ ладно, ишь жирные какіе. Буду раскольникъ. *(Рѣшительно).* Ей-Богу, уйти къ Кержакамъ. Поймаютъ? Въ Сибирь сошлютъ? Что жъ? и въ Сибирь пойду... Эко бѣда какая... А то что, живешь, — мучаешься... Покою нѣтъ... *(Волнуясь).* Сейчасъ вотъ и убѣгу... Съ Палашей прощусь... Ахъ, кабы и она пошла...

*) Выпьешь.

Ай какъ хорошо... Ай бы зажили... *(Идетъ къ двери).* Заперли, догадались! Вотъ те разъ... Ай да мать! Ну,—нѣтъ, я похитрѣй тебя буду. *(Отворяетъ окно).* А денекъ-то какой!.. Солнышко-то!.. Скоро сядетъ... Н-ну, прощай, мать! Была не была... *(Вылѣзаетъ въ окно).*

Скоро въ избу входятъ: **Таисья, Татьяна и 3 казака.**

Татьяна. Ахти мнѣ! Гдѣ Ѳомка-то?
Таисья *(осматриваясь кругомъ).* И то! Ахти-хти!

(Смотрятъ другъ на друга и разводятъ руками).

1-й казакъ. Гдѣ онъ?
2-й казакъ. Вишь нѣту!
3-й казакъ. Можетъ, гдѣ подальше? Поищите!
Татьяна. Да вишь, на печи нѣтъ, подъ лавкой нѣтъ...
2-й казакъ. Гдѣ же онъ?
3-й казакъ. Въ печкѣ нѣтъ ли?
1-й казакъ. Пойдетъ онъ въ печь, не такой дуракъ!..
Татьяна. Ужъ и не знаю... и ужъ гдѣ только...
Таисья *(съ сердцемъ, подходя къ окну).* Гдѣ? Вотъ гдѣ! въ окно ушелъ!
1-й казакъ. Ну, стало быть, и слѣдъ простылъ.
Таисья. Нѣтъ, ужъ вы разыщите его, родименькіе...
3-й казакъ. Давайте-ко водки, лучше будетъ.
2-й казакъ. Нечего разговаривать-то безъ толку...
Татьяна. Нѣту, родимые!

(Входитъ надзиратель).

Надзир. Вретъ она, есть!
Татьяна. Опять этотъ живодеръ пришелъ!
1-й казакъ *(кланяясь).* А! Мое почтеніе!
Надзир. Зачѣмъ здѣсь?
1-й казакъ. Вотъ эти бабы насъ привели... На штофъ обѣщали... Сынъ, вишь, Ѳомка, ихъ прибилъ!
1-й казакъ. А паренъ-то онъ добрый, я съ нимъ вчерась кутилъ.
2-й казакъ. Пришли, а его нѣтъ,—значитъ, обманули насъ?
3-й казакъ. Надули! И денегъ не даютъ!
Надзир. Дадутъ! Ну-ко, старуха, пошевеливайся! давай на штофъ каждому, а мнѣ три цѣлковыхъ.
Таисья. Что вы, отцы родные?
Надзир. Берите-ко ее въ полицію, что съ ней толковать-то! Она въ бѣгахъ находилась, деньги тамъ у купца украла.
2-й казакъ. Что вы?
1-й казакъ. Эта старушонка-то?
Таисья *(съ сердцемъ).* Врешь, еретикъ!
3-й казакъ. Давай добромъ!
Таисья. Нѣту! Пошли прочь!

Казаки *(берутъ ее подъ руки).* Пойдемъ! *(Таисья обороняется).* Вишь егоза какая! *(Уводятъ).*

Татьяна *(въ дверяхъ).* Селифонтъ Еремѣичъ! Ослобони старуху-то, куда ее поволокъ! Голубчикъ!

Надзир. Побреши у меня! *(Всѣ уходятъ).*

Отрывокъ 2-й. [1])

Ночь. Конецъ улицы. По обѣ стороны худенькіе, рѣдко построенные дома. На лѣвой сторонѣ стоитъ послѣдній домъ, покачнувшійся на бокъ. Вокругъ него невысокій заборъ; вдали видны кусты сельника. На правой сторонѣ у двухъ домовъ окна закрыты ставнями; кое-гдѣ свѣтится огонь. Вдалекѣ слышится пѣсня; гдѣ-то колотятъ въ доску. Изъ окна одного дома высовываетъ голову рабочій; онъ въ рубахѣ.

Ѳома *(идетъ посреди улицы).*

Рабочій. А-а! Отколь это, Ѳома, взялся? Здорово!

Ѳома *(останавливается на улицѣ).* Здорово! Ну, какъ у васъ тамъ? [2]).

Рабочій. Все въ благополучіи. Ты гдѣ шатался? Ужъ надзиратель бился, бился изъ-за тебя... бѣда, какъ сердитъ! Гдѣ ты, въ самомъ дѣлѣ, шлялся?

Ѳома. Въ заводѣ былъ. Третьяго-дня, помнишь, вѣдь вмѣстѣ пили... Я, было, потомъ пошелъ на рудникъ; да не дошелъ, страхъ взялъ...

Рабочій. Струсилъ... и назадъ?

Ѳома. Назадъ...

Рабочій. Ха-ха-ха! Экій шишкотрясъ!

Ѳома. Пошелъ домой и опять воротился... Выпилъ и ночевалъ у товарища... Утромъ опять не пошелъ на работу... Сегодня съ матерью побранился.

Рабочій. Что жъ, поди, отполосовали тебя!

Ѳома. Какъ же! Держи карманъ шире!

Рабочій. Ха-ха-ха! Чай, теперь сдается?

Ѳома. Нѣтъ, братъ! Не все коту масленица! Будетъ! А работать опять не пойду...

Рабочій. А на Богословскіе [3]) не хочешь? Попробуй-ко поработать тамъ!

Ѳома. Да ты и самъ-то не больше моего робишь! Въ пятницу-то насъ съ тобой, чай, вмѣстѣ драли?

Рабочій. А ну ихъ къ чертямъ! Вонъ жена меня и теперь дразнитъ... курва экая! *(Помолчавъ).* Неужто, въ самомъ дѣлѣ, не пойдешь работать?

Ѳома. Нѣтъ!

Рабочій. А теперь куда?

Ѳома. Такъ, шляюсь.

Рабочій. Зайди, поѣшь?

---

[1]) Дѣйствіе 1.
[2]) Т.-е. на заводѣ.
[3]) Заводы.

Ѳома. Спасибо.

Рабочій. Какъ хошь. А то зайди, право?

Ѳома. Нѣтъ.

Рабочій. Ну, завтра заходи, вмѣстѣ на работу пойдемъ.

Ѳома. Я на работу не пойду...

Рабочій. Ну, такъ уйдешь на Богословскіе. Жаль-жаль, а впрямь уйдешь.

Ѳома. Ну и уйду. *(Идетъ).*

Рабочій. Ну и дуракъ!

Ѳома *(остановившись).* Ты бы пожилъ съ моею матерью, такъ узналъ бы, какія дѣла дѣлаются на свѣтѣ. *(Идетъ).*

Рабочій *(показывая кулакъ).* Я бы ее вотъ этимъ кормилъ...

Ѳома *(идетъ молча).*

Рабочій *(смотритъ ему въ слѣдъ).* Ишь ты! Заладилъ—неохота на работу, и шабашъ! Диво, чѣмъ онъ только живъ... И какой парень славный. А ужъ мать—ужъ мерзавка, это вѣрно!

Женскій голосъ изъ избы. Чего еще глаза-то выпучилъ? Щи простыли.

Рабочій. Сейчасъ! *(Глядя вслѣдъ Ѳомѣ).* Ишь плутъ! Палагею поджидаетъ. Дѣвка славная! Любо дѣвка!

Женскій голосъ изъ избы. Чего еще бормочешь?

Рабочій. Иду, иду! *(Запираетъ окно).*

Изъ-за забора выходитъ **Палагея** *и идетъ къ Ѳомѣ.*

Палагея. Ѳома! ты здѣсь?

Ѳома. Здѣсь! *(Обнимаетъ ее и цѣлуетъ).* Душа ты моя!

Палагея *(вырываясь).* Да полно тебѣ. Всеё меня издавилъ... Опять отъ тебя винищемъ несетъ... Когда ты проспишься?

Ѳома. Не шуми... будетъ *(Обнимаетъ ее).* Не равно услышитъ кто.

Палагея. Да отвяжись, лѣшій, пьяница!..

Ѳома. Радъ бы я не пить, Палагеюшка, да пойми мою жизнь... На работѣ дерутъ, дома дерутъ... Мать, вишь, на тебѣ не велитъ жениться... Вотъ и выпьешь.

Палагея. Ежели пить будешь и сама не пойду.

Ѳома. Ну,—а ежели ребенокъ?...

Палагея. Молчи... *(Плачетъ).* Не пей ты, Бога ради... Пропадешь ты!..

Ѳома. Что-жъ мнѣ дѣлать?

Палагея. Богу молись.

Ѳома. Ой ли? А гдѣ бы молиться ты стала?

Палагея. Къ монахамъ бы ушла.

Ѳома. И не жаль тебѣ меня?

Палагея. Я вѣдь къ слову.

Ѳома. Умница ты моя!.. Я самъ иду къ монахамъ. Прощай! Дай мнѣ на прощанье тебя поцѣловать.

Палагея. Не ходи, Ѳома!

Ѳома. Нѣтъ! Прости! Пойду я. Проводи меня до лѣсу, я тебѣ подарокъ дамъ.

Палагея. Я-то, какъ же, я-то?

Ѳома. И ты молись. Терпи. Самъ приду за тобой, какъ обживусь.

Палагея. Я съ тобой пойду. Меня совсѣмъ съѣли дома. Ты посмотри, у меня вся спина въ синякахъ.

Ѳома. Потерпи, Палагеюшка. Погоди. Не ходи ни за кого замужъ, я приду за тобой самъ, насъ въ лѣсу обвѣнчаютъ.

Палагея. А какъ силой выдадутъ?

Ѳома. Не ходи! Съ постылымъ мужемъ какое ужъ житье! Проводи меня.

Палагея *(плачетъ)*. Ѳомушка! Не ходи, слушай... Если ты не придешь черезъ три мѣсяца—не видать тебѣ меня... Задавлюсь я...

Ѳома. Приду, приду. *(Цѣлуетъ)*. Вотъ те Богъ, что приду.

Палагея *(плачетъ)*. Ну, ступай!

Молча стоятъ и смотрятъ другъ на друга.

Ѳома *(поворачиваетъ къ лѣсу)*.
Палагея *(обнимая его)*. Ѳомушка!
Ѳома *(обнимая Палагею)*. Прощай!

(Уходятъ).

Отрывокъ 3-й *).

Бѣдная комната съ двумя окнами направо, постелью впереди съ старыми изодранными занавѣсками. Налѣво перегородка и двери въ избу. Между кроватью и перегородкой лежанка, на которой лежатъ кое-какія банки, ящички, чашки чайныя и въ углу стоитъ самоваръ; близъ лежанки повѣшены платки, платья.

Въ комнатѣ стоятъ два стула, столъ: на столѣ—неубранная чайная посуда и подушка для шитья,—камель, обшитый ситцемъ. У стола сидитъ **Палагея** *починиваетъ платье, приколовъ его къ подушкѣ.*

Палагея. Что жъ это тетки дома нѣтъ? Съ утра ушла и теперь нѣтъ... Какая скука, Господи! Вотъ при Ѳомѣ лучше было, веселѣе какъ-то. Онъ хоть и пилъ, да смирный такой, добрый, красивый... Ахъ, какой красивый! Ну и молвить съ нимъ что—таково хорошо. А теперь вотъ тетка день-деньской работать куда-то уходитъ, а я одна дома... Тоскливо таково!.. Ляжешь спать—Ѳома на умѣ... Думаешь, какъ женатые живутъ; какъ замужнимъ не о чемъ думать. Проснешься утромъ, Ѳома на умѣ! Старцы, кои ходятъ къ намъ, говорятъ, онъ живетъ у Кондратья, далеко гдѣ-то. Житье, говорятъ, ему хорошее теперь... Чудный это Кондратій! въ прошломъ годѣ говорилъ мнѣ; „Я, говоритъ, твой отецъ, Палагея!“ Да и тетка говоритъ, что онъ мнѣ отецъ. У матери, говоритъ, моей не было мужа... Не знаю, можетъ и правда...

*) Дѣйствіе 3-е.

Ахъ, Ѳома, Ѳома, покинулъ ты меня, сиротинушку! Зачѣмъ ты ушелъ къ нимъ, раскольникамъ?.. Укокошатъ ужо тебя, бѣднаго! Ужъ лучше бы слушаться матери-то! На добро учила, хоть и бой-баба, никому не спускаетъ, воруетъ со старухой у насъ... Да и моя тетка часто обираетъ этихъ раскольниковъ, а сама злая раскольница: въ церковь не ходитъ, меня ругаетъ. А бѣда, какъ любитъ она Кондратья. Ахъ, Ѳома! да скоро ли ты увезешь меня? Ужъ пожила бы я съ тобой! *(Плачетъ).* Не придешь...

Входитъ **Степанида Егоровна**, *тетка Палагеи.*

Степанида. Что̀ нюни-то распустила! Вытри, негодница, глаза-то, все платье измараешь! Не видишь развѣ, народъ идетъ... Смотри у меня! Смекай! Обидѣлъ, что ли, кто?

Палагея. Нѣтъ... такъ... А что̀, тетка, была у Татьяны?

Степанида. А тебѣ што тутъ?

Палагея. Я такъ...

Степанида *(уходитъ въ избу съ чашками, но тотчасъ возвращается).* Экая шельма проклятая! Ни дна бы ей ни покрышки, какъ издохнетъ! Слышь, Палагея, она меня платкомъ попрекнула, что̀ тебѣ дала за платье. Я, говоритъ, знала бы, вѣдала, какъ фигу, говоритъ, вамъ показала. Вѣдь это, говоритъ, все Палашка сына сгубила... Чтобы ей ни дна ни покрышки! Тьфу!.. Гадина экая!..

Палагея. А Ѳома пришелъ?

Степанида *(садясь на кровать).* Фигу онъ вамъ показалъ!.. Вотъ что̀. Молодецъ, небось, онъ. Да такъ ей и надо... Вотъ бы самое ее куда запрятать... въ острогъ бы ее!.. Добро бы я что сдѣлала, а то сказала только: „ты сама вѣдь, Татьяна, виновата: за что онамедни вытащила у меня изъ подполья полушубокъ? На тебѣ, говорю, сама своими глазами видѣла“... Ну, она и пошла, и пошла, да ну ты, какъ расходилась. „Въ острогъ, говоритъ, тебя запрячу!“ Нѣтъ, подожди! Я сама почище тебя... *(Ложится на кровать).*

Палагея. Ахъ, тетка, зачѣмъ тебѣ въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ ходить: ты знаешь, Ѳома мнѣ по сердцу.

Степанида. Чего?

Палагея. Ѳома-то... О немъ я все и плачу...

Степанида. Ась?

Палагея. Ѳома-то любитъ меня.

Степанида. Ну?

Палагея. Сердить бы Татьяну не надо.

Степанида. Плевать бы я на васъ на всѣхъ хотѣла! и думать не хочу!

Палагея. Ахъ, тетка, не жаль тебѣ Ѳому!

Степанида. Собакѣ собачья и смерть!

Палагея. Да вѣдь онъ у Кондратья живетъ и мнѣ во всякую пору шлетъ поклоны. Тебѣ, видно, меня не жаль...

Степанида. А тебѣ еще чего мало?

Палагея *(плачетъ).* Тетушка! я умру безъ Ѳомы!

Степанида. Великъ твой Ѳома! Плевать мнѣ на него! Вотъ что̀: Государева земля не клиномъ пришла. Конечно, онъ теперь монахомъ живетъ, ну и не женится, вотъ и весь сказъ... Монахи не женятся, рубахъ не носятъ, въ однихъ подрясникахъ шастаютъ [1])... Да я и не позволю еще теперь за него тебѣ выйти! Ни за что не позволю съ проклятымъ родомъ родниться...

Палагея *(плачетъ)*. Охъ, тетка, не говори такъ про Ѳому! Онъ смирный такой, добрый: хоть кому по сердцу будетъ...

Степанида. Еще чего скажешь! Не смѣй про него и говорить! Слышишь? Всеё исколочу, какъ шельму. Не слышишь, стучитъ въ двери кто-то! Пошла, отворяй... тебѣ говорятъ! Да на столъ сбирай!..

Палагея *(вставая)*. Тетушка, голубушка, родименькая!.. Не ругай Ѳому! Чего тебѣ до матери? У меня вѣдь нѣтъ ни отца ни матери...

Степанида *(съ сердцемъ)*. Я кто? Не мать разѣ? Ахъ ты... Смотри у меня, не опереди Николу Спасомъ!

(Палагея уходитъ).

Эдакая притча попритчилась! Все Ѳома ей дался! Ну, нѣтъ, не позволю, ни за что!.. Вотъ братъ Сумина Иванъ хочетъ на ней жениться... Вотъ и ладно. Парень, только въ каталашкѣ множество разъ былъ [2]). Дѣвчонка смирная, работящая... Отца только нѣтъ. Не знаю, Кондратъ съ чего называетъ ее дочерью, да и люди говорили тоже. Вѣдь притча какая: день и ночь по Ѳомѣ убивается. Вотъ оно что̀ значитъ, присушиваютъ-то какъ! а все Танька виновата!..

Идетъ въ избу и возвращается, утираясь полотенцемъ. Палагея приноситъ двѣ чашки щей, ложки, тарелки, ломти хлѣба, вилки и ставитъ на столъ. Ѣдятъ за однимъ столомъ. Палагея не ѣстъ.

Степанида. Чего еще не трескаешь? Смотри у меня! Такъ вотъ и свисну ложкой по лбу. *(Ѣдятъ).* Говорю, не бывать этому... Хоть и хорошъ Ѳома, да послѣ эдакого случая ужъ не видать тебѣ Ѳомы!..

Палагея. Тетка! Родименькая! Отпусти меня къ нему въ лѣса...

Степанида *(смотря на нее)*. Что̀?

Палагея. Въ лѣса къ Ѳомѣ... Тамъ ты благословишь меня, а старцы свѣнчаютъ... Ты будешь жить у насъ.

Степанида. Да что̀ ты въ самомъ-то дѣлѣ разводишь турусы на колесахъ? Смѣй еще что̀ сказать, такъ посмотришь: такъ ложкой и свисну. Ужъ я нашла тебѣ жениха... За брата Сумина Ивана пойдешь; вотъ и все тутъ...

Палагея. Не пойду.

Степанида *(смотря на нее)*. Чего?

Палагея *(съ сердцемъ)*. Ни за что, ни за кого не пойду. Я за Ѳому только пойду, онъ будетъ мой мужъ.

---

[1]) Ходятъ.
[2]) Въ полиціи сидѣлъ.

Степанида. Это что такое значитъ?

Палагея *(рѣшительно)*. Удавлюсь! Зарѣжусь! Ни за кого не пойду!

Степанида *(уноситъ посуду со стола и, возвращаясь, ворчитъ)*. Ты что же это—дурачишь, что ли, меня? Сказала я ужъ разъ: не-бывать по-твоему—и не бывать! За Сумина Ивана ты пойдешь,—вотъ тебѣ мое слово!

Палагея. Ну, увидишь!

Степанида. Посмотримъ, посмотримъ! *(Уходитъ и возвращается. Слѣдомъ за ней идетъ молодой заводскій рабочій, Иванъ Суминъ, чисто одѣтый въ чернорабочій сюртукъ)*.

Суминъ. Какъ поживаете, Степанида Егоровна?

Степанида. Ничего, какъ ты, дружочекъ, поживаешь?

Суминъ. Ничего *(Къ Палагеѣ)*. Здорова ли Палагея Петровна?

Палагея. Ничего...

Суминъ. Печальныя вы какія-то... *(Садится)*.

Степанида. Смотри ты на нее... На нее, слышь, блажь какая-то нашла... Вотъ что, Палагея: Иванъ Егорычъ твой женихъ, посиди съ нимъ, я въ лавочку только сбѣгаю.

(Уходитъ).

Суминъ *(садясь возлѣ Палагеи)*. О чемъ это вы, Палагея Петровна, грустите?

Палагея. Такъ.

Суминъ. Едва ли... Знать Ѳома васъ томитъ?

Палагея. Не знаю.

Суминъ. По всему видно, что вы того... *(Помолчавъ)*. Что говорить,—парень смазливый, да проку-то изъ него не вышло. Забудьте-ко думать о немъ, а? Вѣдь онъ въ бѣгахъ, а поймаютъ,—накажутъ, сошлютъ!.. Ну, пріятно ли это?

Палагея. А не знаете вы, гдѣ онъ?

Суминъ. Кто его знаетъ. Вѣдь ужъ мѣсяцъ прошелъ, а о немъ ни слуху ни духу,—какъ въ воду канулъ. Искали, не нашли. Палагея Петровна, бросьте его! Вѣдь вамъ не жить ужъ съ нимъ. *(Молчаніе)*. Палагея Петровна! вы мнѣ понравились... Выходите за меня замужъ? *(Молчаніе. Палагея утираетъ глаза)*. Палагея Петровна!

Палагея *(едва слышно)*. А?

Суминъ. Слышали, что я сказалъ? *(Встаетъ)*.

Палагея. Нѣтъ *(Встаетъ)*.

Суминъ. Меня назначаютъ частнымъ. Выйдите за меня замужъ... Я васъ какъ куколку буду водить... А? *(Молчаніе)*. Палагея Петровна!

Палагея *(идя къ двери)*. Отстань, пожалуйста. Я не пойду за тебя! Ни за кого не пойду... я задавлюсь лучше!..

Суминъ. Ха-ха-ха! ну полноте!

Палагея *(въ сторону)*. Господи, куда я дѣнусь отъ этой напасти!

Суминъ *(обнимая ее)*. Палашенька, душенька!

Палагея *(вырываясь)*. Уйди, безстыдникъ экой! безбожникъ!

Суминъ *(хватая ее и цѣлуя)*. Милашка!

Палагея *(вырываясь и толкнувъ его съ сердцемъ)*. Прочь, чучело! *(Убѣгаетъ)*.

Суминъ *(одинъ)*. Вотъ она, Палашка-то! Стерва эдакая!.. Привязалась какъ къ Ѳомѣ... Погоди, мошенникъ эдакой! Ужъ тебѣ не сдобровать въ лѣсу, да и ты не отвертишься отъ меня... Она и драться умѣетъ!.. Честь тебѣ и слава!.. А еще образованная: у повѣреннаго нянькой жила, людей видала!.. Старуха обворовала повѣреннаго, а то и теперь жила бы у него... Нѣтъ, я вѣдь служащій, урядника скоро получу, вѣдь значу же я что-нибудь.

Степанида Егоровна *входитъ съ косушкой, которую и ставитъ на столъ.*

Степанида. Я ужъ выпила чуточку тамъ. Покушай, родимый. Водка только дрянь, чихирь!.. Мошенники эти цаловальники да откупщики. Пей-ко-сь! *(Достаетъ рюмку изъ ящика, наливаетъ и подаетъ ее Сумину)*.

Суминъ. Что за праздникъ? Али денегъ много стало?

Степанида. Ну, пей, не раздобарывай!

Суминъ *(пьетъ)*. Хороша, хоть и чихирь. Ну-ко сама!

Степанида *(пьетъ)*. Ну что, Егорычъ, какъ Палагея?

Суминъ. Ну и Палагея твоя! Чортъ въ ней сидитъ!

Степанида. То-то и есть. Все Ѳомой бредитъ. А она гдѣ?

Суминъ. Убѣжала.

Степанида *(въ недоумѣніи)*. Куда?

Суминъ. Меня испугалась.

Степанида. Опять, чай, на улицѣ торчитъ да глаза продаетъ. *(Отворяя окно)*. Палашка, а Палашка! Нѣту пострѣлятины! Послушай-ко, почтенный! не видалъ ты нашей дѣвки?

Грубый голосъ. Смотри ихъ сколь! Ослѣпла, видно!

Степанида. Вижу, да моя-то выбѣжала отселева.

Грубый голосъ. А я почемъ знаю, гдѣ она?

Степанида. Чего? *(Молчаніе)*. Вотъ-те, бабушка, и Юрьевъ день! Палашка! Нѣту. *(Запирая окно, идетъ въ избу)*.

Суминъ *(одинъ)*. Спряталась, поди, гдѣ! Ужо я посержу ее, кержачку! *(Свертываетъ папироску, накладываетъ изъ кисета табаку, зажигаетъ ее и куритъ)*. Посержу!.. Пусть взбѣсится. Я для того вѣдь и хочу на ея племянницѣ жениться, что имѣнья у нихъ много: у нихъ вѣдь сборный пунктъ раскольниковъ.

Степанида *(вбѣгаетъ. Запыхавшись, Сумину)* Нѣту нигдѣ!

Суминъ *(таинственно)*. Конечно, не будетъ!

Степанида. Ужъ не ты ли, проказникъ, ее куда запряталъ? Брось сосульку-то, еретикъ! *(Выхватываетъ и топчетъ ногами; вытираетъ руки о платье)*. Ну, коли знаешь, такъ скажи; она вѣдь ужъ будетъ твоя жена.

Суминъ. Нѣтъ, ужъ теперь, старуха, мнѣ ея не надо! Коли домъ да имѣнье мнѣ отдашь, такъ пожалуй еще.

Степанида. Да я бы тебѣ тогда фигу показала. Женить бы только. Нѣтъ, братъ! За Палагеей не будетъ тебѣ приданаго. Что она мнѣ—родная, что-ли?

Суминъ. Полно! Погорячишься да остынешь. Погоди, вотъ какъ къ зимѣ будетъ у нея ребенокъ, такъ узнаешь... На что ты ее со мной оставляла, а? Ну, и погубила дѣвку! И не увидишь ее!

Степанида *(съ сердцемъ)*. Чего?

Суминъ. Прощай! вотъ чего.

Степанида. Нѣтъ, ты постой! Ты скажи, гдѣ она? Спряталъ ты ее, что ли?

Суминъ. Поищи въ подпольѣ-то, въ краденомъ-то имѣньи. Много вѣдь ты имѣнія наворовала.

Степанида *(съ сердцемъ)*. Чего? Ты говори дѣло... Ну, куда ты ее дѣвалъ, халуй эдакой?

Суминъ. Да на что мнѣ ее, старуха?

Степанида. Я те дамъ—старуха! Что ты съ ней сдѣлалъ? Пойдемъ-ко въ полицію! Я те покажу, какая я воровка!

Суминъ *(серьезно)*. Ты смѣешься надо мной, что ли?

Степанида *(горячится)*. Пойдемъ въ полицію...

Суминъ. Вотъ и видно—ты пьяна была; ты разбери, въ чемъ дѣло: я сидѣлъ съ ней, а она убѣжала.

Степанида *(зажимая уши, кричитъ)*. Врешь! Ты ее укокошилъ!.. Вотъ тожъ онамедни сдѣлалъ съ Дорониной дѣвкой,—въ подпольѣ нашли.

Суминъ. Съ дурой и говорить не стоитъ!

(Уходитъ).

Отрывокъ 4-й [1]).

Тѣсная улица. По обѣимъ сторонамъ маленькіе полуразвалившіеся дома. Впереди далеко видна церковь. Вечеръ. По улицѣ идутъ два **мастеровыхъ** *и* **крестьянинъ** *съ мѣшками на плечахъ.*

Крестьянинъ. Глянь, какъ баба-то стерелѣшиваетъ! [2]).

1-й мастеровой. Гдѣ?

2-й мастеровой. Вонъ, въ переулкѣ *(Всѣ смѣются)*.

Степанида *(набѣгая изъ переулка на мастеровыхъ)*. Охъ, родимые, пустите! Ловите Сумина!

1-й мастеровой. Чего ты горланишь! Сумасшедшая, что-ли?

2-й мастеровой. Чего ты тутъ? Проваливай!

Крестьянинъ. Што те надо?

Степанида. Сумина, Сумина ловите!

2-й мастеровой. Ну?

Степанида. Съ дѣвкой сидѣлъ, да...

1-й мастеровой. Хо-хо-хо! Опростоволосилась!

Степанида *(съ сердцемъ)*. Дѣвку погубилъ!

2-й мастеровой. Э? Право?

---

[1]) Дѣйствіе 3.

[2]) Бѣжитъ.

Степанида. Право! Отцы родные!.. Да поскорѣичe... далеко убѣжитъ!

Крестьянинъ. А пошто же онъ убилъ-то дѣвку?

Степанида. Да у меня былъ!..

Крестьянинъ. Пойдемъ, ребя!..

1-й и 2-й мастеровые. Куда?

2-й мастеровой. Проваливай знай! Еще послѣ въ судъ потянутъ. Вотъ что!..

Крестьянинъ. Ладно не то *(идутъ дальше)*.

(Четверо **мастеровыхъ** *выходятъ изъ переулка)*.

Степанида. Батеньки, отцы, голубчики! Дѣвку мою Суминъ погубилъ! Ловите его!

1-й мастеровой. Что такое?

Степанида. Съ ней сидѣлъ, какъ я изъ дому ушла... Пришла — ее и нѣтъ. Я, говоритъ, ее спровадилъ...

2-й мастеровой. Эдакой шишкотрясъ, чичелибука!

3-й мастеровой. Вотъ мы ему зададимъ! Въ прошлую среду, я двугривенный ему отдалъ... провіянту, вишь, мало выписалъ...

4-й мастеровой. Бить его. Гдѣ онъ?

(Является **полицейскій**).

Полицейскій. Чего вы тутъ шумите?

1-й мастеровой. Вишь Суминъ дѣвку ея убилъ!

Полицейскій. Что-о?

2-й мастеровой. То-то „о“! Ступай-ко-сь, лови его. Вотъ чего!

Степанида. Да, батюшки родименькіе! Ловите Сумина-то!

Полицейскій. Ну, подождешь! Какъ письмоводитель велитъ.

(Является **письмоводитель**).

Степанида. Батюшка, голубчикъ! Пособи хоть ты!

Письмоводит. *(идетъ дальше)*. Убирайся, некогда мнѣ!

Степанида. Пожалуйста!

1-й мастеровой. Павелъ Ивановичъ, куда вы! Дѣвку вонъ ея мошенникъ Суминъ сгубилъ!

Письмоводит. Ну васъ!.. *(Идетъ дальше)*.

2-й мастеровой. Да ты, братъ, постой!..

3-й мастеровой. А то вѣдь знаешь насъ?

Письмоводит. Пусть въ полицію идетъ!

Четверо мастеровыхъ *тащатъ* **Сумина** *и колотятъ*.

1-й мастеровой. Что, голубчикъ, бѣжать вздумалъ? Хорошенько его! вотъ такъ, такъ!

Степанида. Вотъ онъ самый и есть! Ахъ ты, ватаракша экая!

Письмоводит. *(подходя)*. Разступитесь, чего бьете! Ты дѣвку убилъ?

Суминъ. Слушайте ее, сумасшедшую! Она вамъ не то еще скажетъ...

Письмоводит. *(строго).* Ты убилъ ея дѣвку? Тебя спрашиваютъ.

Суминъ *(смѣясь).* Вы чего шумите! Выпили опять!

Письмоводит. Какъ ты смѣешь такъ говорить мнѣ! Ты знаешь, кто я?

Суминъ. Дураки, такъ дураки и есть!

Всѣ. Связать!.. Связать!..

2-й мастеровой. Тише, вонъ исправникъ идетъ!..

(Входитъ **исправникъ**).

Исправникъ. Что тутъ у васъ?

Письмоводит. Вотъ этотъ каналья дочь ея убилъ.

Исправникъ. Какую, чью дочь?

Степанида. Мою, мою, ваше высокоблагородіе!

Исправникъ. Гдѣ убилъ?.. Когда?

Степанида *(плачетъ).* У меня въ дому!

Исправникъ. Опять дѣла! Чортъ знаетъ, что такое здѣсь дѣлается! Нѣтъ ни дня ни ночи, чтобы не воровали да не убивали. Суминъ, что скажешь?

Суминъ *(смѣясь).* Да сказать-то нечего! Она вретъ, ваше высокоблагородіе!

Письмоводит. Вретъ онъ! Не слушайте его!

Суминъ. Да съ чего вы взяли? Дѣвка изъ дому убѣжала. Я вѣдь не къ ней приходилъ, а къ этой старухѣ.

Письмоводит. Вретъ! онъ пьянъ.

Степанида. Какъ же! А тамъ чего говорилъ?

Исправникъ. Да растолкуйте, въ чемъ дѣло! *(Къ Степанидѣ).* Ты чья, старуха?

Степанида. Я-то?

Исправникъ. Ну, да! Живѣе!

Степанида. Якушева.

Исправникъ. А дѣвка кто такая?

Степанида. Племянница моя, Палагея.

Исправникъ *(Сумину).* А ты къ нимъ какъ попалъ?

Суминъ. Я сватался, видите, за эту дѣвку. Старуха, значитъ, ушла куда-то, чтобы я поговорилъ съ дѣвкой. Ну, дѣвка и убѣжала. Приходитъ старуха, спрашиваетъ про нее. А я и подшутилъ надъ ней! Не найдете молъ ее!

Исправникъ *(письмоводителю).* Осмотръ въ дому дѣлали?

Письмоводит. Не знаю.

Исправникъ *(горячась).* Кто же знаетъ, какъ не вы?

Полицейскій. Нѣтъ еще, ваше высокоблагородіе.

Исправникъ *(съ сердцемъ).* Такъ что же вы, скоты, дѣлаете здѣсь? Водку только пьете? Ну, что вы стоите? Идите за мной. А Сумина съ собой ведите! Ну, старуха, веди насъ! Далеко ты живешь?

Степанида. Недалечко! вонъ домъ видать...

(На дорогѣ показывается полицейскій *съ* Палагеей*).*

Исправникъ. Тутъ еще что̀ такое?

Полицейскій. Да вотъ, ваше высокоблагородіе, дѣвку поймалъ въ лѣсу, давиться хотѣла...

Исправникъ *(съ сердцемъ).* Все ловите! Все дѣвокъ ловите! Гм! рады, канальи! А здѣсь убиваютъ да мошенничаютъ, вамъ и дѣла нѣтъ! Откуда ты?

Палагея. Здѣшняя.

Степанида. Моя, моя, голубчикъ! Вотъ она самая!

Исправникъ. Зачѣмъ въ лѣсъ ходила?

Палагея. Корову искала.

Полицейскій. Говоритъ, что искала, кто ее знаетъ!.. *(Про себя).* Денегъ дала дорогой! А красивая, ничего!

Исправникъ. Давно ты изъ дому ушла?

Палагея. Часа съ два.

Исправникъ. Кто былъ въ дому, какъ ты ушла?

Палагея. Вотъ этотъ Суминъ былъ. Цѣловать хотѣлъ, а я убѣжала корову искать...

Исправникъ *(смѣясь).* Ахъ, плуты, плуты! То слѣдствія, то романы! Вотъ и читай ихъ! Я ужъ много насмотрѣлся на эту заводскую жизнь. Ты любишь кого-нибудь? Ну чего же ты молчишь?

Палагея. Люблю, ваше высокоблагородіе.

Исправникъ. Кого же?

Палагея. Ѳому. Только его нѣтъ.

Письмоводит. Это бѣглый. Она, вѣрно, къ нему хотѣла убѣжать.

Исправникъ *(смѣясь).* Должно-быть. Ну, чего еще стоите?

Суминъ. Я не прощу обиды, ваше высокоблагородіе... Она меня обезчестила... Исколотили ни за что. Я правъ.

Исправникъ. Опять! Чего вамъ еще? Убирайтесь къ чорту! *(Письмоводителю).* А вы...

Письмоводит. *(перебивая).* Вотъ все эта баба виновата... да Суминъ...

Исправникъ. Свести бабу въ темную на двое сутокъ...

Полицейскій. Которую?

Исправникъ. Старуху, конечно.

Степанида. За что же?

Исправникъ. Будетъ болтать. *(Письмоводителю).* А теперь извольте отправляться въ полицію... Генералъ ѣдетъ на ревизію...

Голосъ изъ окна. Ваше высокоблагородіе! Мужъ задавился!

Исправникъ. Опять! Некогда: генералъ ѣдетъ!

(Всѣ уходятъ).

Мастеровой. Ну, ребята, генералъ ѣдетъ... Подадимъ прошеніе... Замучили!.. *(Уходятъ).*

Примѣчаніе. Вышеприведенныя сцены составляютъ первое и третье дѣйствіе драмы и помѣщены здѣсь вполнѣ и безъ измѣ-

неній; содержаніе дѣйствій второго, четвертаго и пятаго, написанныхъ большею частію стихами, къ печати положительно неудобными, по затруднительности чтенія ихъ,—мы передадимъ здѣсь въ краткомъ изложеніи. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ ихъ является раскольникъ-скитникъ Кондратъ, въ которомъ авторъ, повидимому, желалъ изобразить страстную, протестующую натуру; скрытая ненависть ко всему и всѣмъ на свѣтѣ, жажда мести—гложетъ его постоянно. Въ подземельяхъ у него скелеты, кости; попавъ къ нему въ скитъ, трудно выбраться на Божій свѣтъ,—приходится или умереть, или дѣлать то, что онъ прикажетъ: чеканить фальшивую монету, дѣлать оловянныя ложки, которыя потомъ единомышленники Кондратія сбываютъ довѣрчивымъ горнозаводскимъ жителямъ подъ видомъ серебряныхъ. Причины такой злобы на все окружающее,—злобы, прикрывающейся почему-то поученіями о смиреніи, постѣ и молитвѣ,—что вовсе не понятно, такъ какъ въ этой пустынѣ весьма достаточно одной грубой силы, сосредоточенной въ рукахъ Кондратія, чтобы дѣлалось такъ, какъ онъ хочетъ,—эти весьма важныя причины, интересующія читателя въ такомъ любопытномъ типѣ русскаго простонародья, разъяснены Рѣшетниковымъ весьма слабо... Повидимому, корень всего—любовь. Когда-то Кондратій былъ женатъ,—имѣлъ отъ жены сына Герасима,—но жены своей не любилъ и убилъ ее, влюбившись въ жену брата Панкрата; отъ этой любви произошла на свѣтъ извѣстная читателю Палагея, которая, какъ извѣстно, не помнитъ, кто ея отецъ. Любовница Кондрата, мать Палагеи, почему-то удавилась, Панкратъ ушелъ въ солдаты, а Кондратій послѣ острога, куда попалъ за убійство жены, удалился въ глушь лѣса, гдѣ и живетъ въ настоящее время. Сюда-то и убѣжалъ Ѳома. Предъ появленіемъ Ѳомы, въ началѣ второго дѣйствія, Кондратій одинъ на одинъ высказываетъ желаніе, грызущее его постоянно: заманить въ свой скитъ и истребить всю свою родню, оставшуюся въ заводѣ, т.-е. Степаниду Егоровну (тетку Палагеи), Таисью Кирилловну и Татьяну, такъ какъ всѣ онѣ причинили ему много зла въ ту пору, когда онъ любилъ мать Палагеи, жену Панкрата. Какого рода было это зло—въ драмѣ не упомянуто, тѣмъ не менѣе Кондратій пылаетъ жаждою мести и воспитываетъ въ этихъ взглядахъ живущаго съ нимъ мальчика Гришу, который есть не кто иной, какъ Герасимъ, не знающій однако ни своего происхожденія ни своего отца.

Какъ только въ скитъ явился Ѳома, влюбленный въ Палагею, на которой не позволяютъ ему жениться тѣ же самыя лица, которыхъ ненавидитъ Кондратій, послѣдній съ радостью принимаетъ его въ скитъ: при помощи Ѳомы Кондратію является возможность осуществить задуманный планъ,—завлечь ненавистную родню въ скитъ; Кондратій разсчитываетъ на то, что Ѳома, влюбленный въ Палагею, скоро соскучится по ней и пожелаетъ переманить ее въ скитъ, ибо воротиться къ ней, т.-е. въ заводъ, гдѣ его ожидаютъ наказанія, ему нѣтъ никакой возможности. Очевидно, что Ѳома долженъ сдѣлать все, что захочетъ Кондратій, который отъ своего имени дѣйствовать не можетъ, зная,

что родня боится его и не повѣритъ ни единому его слову. И вотъ, въ ожиданіи того времени, когда Ѳома будетъ готовъ броситься въ огонь и въ воду, лишь бы свидѣться съ Палагеей,—Кондратій заставляетъ его поститься, молиться, учитъ его дѣлать ложки, деньги... Ѳома скучаетъ, видитъ, что ничего святого въ этомъ скиту нѣтъ, раскаивается, что ушелъ съ завода, споритъ съ Гришей, доказывая ему, что архіерейская служба лучше той, какая идетъ у раскольниковъ, что надо писать Іисусъ, а не Исусъ, какъ утверждаетъ Гриша, и т. д. Споры эти довольно часто оканчиваются дракой, послѣ которой Ѳому доводятъ до раскаянія... Съ каждымъ днемъ ему становится скучнѣй и скучнѣй,—онъ плачетъ, проситъ послать за Палагеей, такъ какъ срокъ, послѣ котораго она обѣщалась не ждать Ѳому, истекаетъ. Наконецъ Кондратій сжалился надъ нимъ и обѣщаетъ его женить на Палагеѣ, если онъ, Ѳома, привезетъ вмѣстѣ съ нею въ скитъ всю родню.

Ѳома готовъ. Кондратій говоритъ, что Ѳома долженъ распустить слухъ, что онъ, Кондратій, умеръ, а наставникомъ и начальникомъ скита сталъ Ѳома, и что все богатство Кондратія теперь у него... Ѳома соглашается на все и уѣзжаетъ за Палагеей и родней, въ сопровожденіи одного изъ опытныхъ скитниковъ, назначеннаго слѣдить за Ѳомой и увезти все имущество родни послѣ того, какъ Ѳома уговоритъ эту родню съѣздить къ нему въ скитъ погостить.

Въ этомъ состоятъ 2-е и 4-е дѣйствія. Въ пятомъ дѣйствіи—всѣ планы Кондратія оказываются осуществленными. Палагея живетъ съ Ѳомой, а родня попалась въ западню. Изъ разсказовъ и разговоровъ скучающей Палагеи съ Гришей видно, что Кондратій засадилъ всю родню въ подземелье, изъ котораго по временамъ выводитъ Таисью Кирилловну и Степаниду Егоровну и, привязавъ ихъ къ дереву, сѣчетъ веревками, послѣ чего снова уводитъ въ подземелье. Скоро, къ ужасу Палагеи, въ это же подземелье попадаетъ и Ѳома: Кондратій не довольствуется всѣми этими злодѣяніями, но уже жаждетъ новыхъ, еще болѣе ужасныхъ: онъ хочетъ жить съ Палагеей, т.-е. съ родной дочерью, какъ съ женой, и вотъ почему онъ заточилъ Ѳому. Палагея неутѣшна; она ненавидитъ Кондратія, плачетъ, зоветъ Ѳому. Кондратій остается неумолимъ. Единственнымъ собесѣдникомъ Палагеи остается Гриша, который скоро узнаетъ отъ Палагеи свое происхожденіе, всю ложь, всѣ злодѣйства Кондратія и дѣлается его врагомъ. Палагея умоляетъ его бѣжать отсюда,—такъ какъ Гришѣ уже извѣстны тропинки, которыми можно выбраться изъ лѣса,—и объявить обо всемъ въ заводѣ. Гриша нѣкоторое время колеблется, но наконецъ бѣжитъ. Въ его отсутствіе неожиданно является давно пропавшій отставной солдатъ Панкратъ, отецъ Гриши. Панкратъ пришелъ въ скитъ съ очевиднымъ намѣреніемъ вывести Кондратія на свѣжую воду, но, къ ужасу Палагеи, Кондратій и его заточаетъ въ подземелье. Палагея беззащитна; Кондратій уже приступаетъ къ ней съ своими гнусными предложеніями, но въ это время является Гриша,

исправникъ, казаки, полицейскіе... Кондратій хочетъ удавиться, его схватываютъ полицейскіе; казаки выносятъ изъ подземелья трупы,—убиты всѣ, въ томъ числѣ и Ѳома; живъ только солдатъ Панкратъ, благодаря сухарямъ, которые были у него въ мѣшкѣ!.. Кондратія ведутъ въ острогъ. Всѣ богатства его, повидимому, достанутся Палагеѣ, и она выйдетъ замужъ за Гришу. Этимъ оканчивается драма, задуманная, какъ видитъ читатель, очень широко, затрогивающая множество самыхъ темныхъ, плохо разгаданныхъ сторонъ русской жизни. Къ несчастію, у автора не было никакой возможности выполнить задуманный планъ такъ, какъ бы онъ того хотѣлъ.

Г. Успенскій.

з) 1. Къ рисункамъ Степанова.

Давая въ „Невскомъ Альманахѣ“ снимки съ восьми карикатуръ Николая Александровича Степанова (род. 1807, ум. 1877), извѣстнаго и талантливаго карикатуриста, основателя, вмѣстѣ съ В. С. Курочкинымъ, литературно-сатирическаго журнала „Искра“ (1859—1864 гг.) и издателя журнала „Будильникъ“ (1865—1871 гг.), считаемъ нелишнимъ сообщить, что карикатуры эти, въ числѣ другихъ рисунковъ Степанова, перешли въ Пушкинскій Домъ съ остатками когда-то большого Степановскаго литературно-художественнаго архива, сохранившимися у внука художника, Александра Сергѣевича Степанова, въ г. Гроднѣ и вывезенными оттуда въ Петроградъ передъ самымъ занятіемъ этого города германцами,—слѣдовательно, едва не погибшими. Н. А. Степановъ, какъ карикатуристъ, пользовался очень большой популярностью въ 1840—1870-хъ годахъ и былъ весьма плодовитъ, какъ художникъ: количество его карикатуръ въ разныхъ изданіяхъ насчитывается не въ одну тысячу; но подлинные его рисунки теперь, конечно, уже довольно рѣдки и сохранились лишь въ общественныхъ и немногихъ частныхъ собраніяхъ. Степановскія карикатуры извѣстны главнѣйшимъ образомъ благодаря „Искрѣ“, въ которой самъ Степановъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ, завѣдуя художественною стороною журнала; эта широкая извѣстность подготовлена была болѣе ранними выступленіями Степанова въ „Ералашѣ“ Неваховича, „Иллюстрированномъ Альманахѣ“ Некрасова, въ „Музыкальномъ Альбомѣ“ и другихъ сборникахъ—съ карикатурами на общественныя и политическія темы и злобы дня; кромѣ того, его имени создали извѣстность исполненныя имъ карикатурныя статуэтки и бюсты многихъ современныхъ ему дѣятелей литературы и искусства, а именно: Глинки, Брюллова, Кукольника, Булгарина, Греча, Краевскаго, Панаева, Бѣлинскаго, Бенедиктова, Гончарова, Некрасова и многихъ другихъ,—всего до 80 персонажей.

Воспроизводимыя теперь въ „Невскомъ Альманахѣ“ карикатуры Степанова, любопытныя сами по себѣ, въ то же время чрезвычайно характерны, типичны для его своеобразнаго таланта, хорошо знакомя съ его особенностями и манерой работы; кромѣ того, онѣ изображаютъ лицъ, весьма популярныхъ въ свое время въ Невской столицѣ и чаще всего служившихъ Степанову мишенью для его остроумныхъ, но незлобивыхъ пріятельскихъ шу-

токъ; это—композиторъ Глинка, художникъ Брюлловъ, писатель Кукольникъ, живописецъ Яненко; далѣе—оригинальны портретныя каррикатуры поэтовъ Бенедиктова и Майкова; курьезны двѣ сцены изъ каррикатурной серіи „Похороны штофа“, имѣющей ближайшее отношеніе къ пріятельскому кружку Кукольника, Брюллова, Глинки, Яненко и другихъ. Даемъ здѣсь перечень и описаніе всѣхъ этихъ восьми каррикатуръ Степанова (оригиналы ихъ—всѣ въ краскахъ), которыя предваряются каррикатурою Брюллова на Степанова.

1) Николай Александровичъ Степановъ — каррикатура-рисунокъ К. П. Брюллова; сдѣланъ карандашомъ и слегка проденъ или покрытъ сепіей.

Каррикатуры Степанова.

2) Карлъ Павловичъ Брюлловъ за ужиномъ; у стола прислуживаетъ солдатъ-служитель Академіи Художествъ; портретное сходство Брюллова полное; утрированно уменьшенъ его ростъ и ноги, недостающія до полу; въ рукахъ Брюллова—знаменитый въ кружкѣ пріятелей фигурный штофъ.

3) Михаилъ Ивановичъ Глинка и его дневное времяпрепровожденіе. (См. ниже статью Финдейзена, каррикатуры Степанова на Глинку, стр. 111).

4) Несторъ Васильевичъ Кукольникъ,—въ мундирномъ фракѣ, съ форменной трехуголкой подъ мышкой, принимающій присягу по случаю поступленія на службу (воспроизведена только правая половина рисунка).

5) Яковъ Ѳедосѣевичъ Яненко (род. 1800, ум. 1852),—портретный живописецъ, пріятель Брюллова, Кукольника и Глинки; каррикатура представляетъ его „день“; подъ сценами—подписи Степанова: 1. „Ночь“; 2. „Утро“; 3. „До обѣда“; 4. „Послѣ обѣда“; 5. „Вечеръ“ и 6. Фигура Яненко сзади.

6) Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ,—извѣстный нѣкогда поэтъ, одно время считавшійся въ публикѣ даже какъ бы „кандидатомъ“ въ преемники Пушкина, скоро, впрочемъ, сошедшій съ незаслуженнаго пьедестала; лирическіе стихи его отличались дѣланной изысканностью, напыщенностью, вычурностью выраженій, столь мало шедшими къ его болѣе, чѣмъ прозаической, весьма непривлекательной наружности, вѣрно, хоть и нѣсколько утрированно, переданной Степановымъ.

7) Аполлонъ Николаевичъ Майковъ,—извѣстный, тогда только начинавшій свое литературное поприще поэтъ. Намъ кажется, что на рисункѣ этомъ Степановъ хотѣлъ подчеркнуть нѣсколько чрезмѣрную аккуратность, „прилизанность“ обстановки молодого поэта и внѣшности его самого.

8—9) Двѣ сцены изъ серіи „Похороны штофа“; на первомъ рисункѣ изображенъ штофъ въ гробу на катафалкѣ; у гроба—Брюлловъ, въ академическомъ мундирѣ, выражаетъ соболѣзнованіе вдовѣ „штофа“—пробкѣ, съ головой старухи, одѣтой въ трауръ съ плерезами; далѣе, вправо, въ профиль,—Яненко, а

рядомъ съ нимъ—какой-то офицеръ въ эполетахъ и архитекторъ-скульпторъ А. М. Тверской, держащіе атрибуты или регаліи „штофа“—штоперъ и пробку; справа—группа духовенства, а слѣва—друзей, среди которыхъ узнаемъ маленькаго Глинку и длиннаго Кукольника; на заднемъ планѣ и слѣва—знакомые,—дамы и мужчины, всѣ въ видѣ бутылокъ разнаго фасона и величины. На второмъ рисункѣ — край дрогъ съ гробомъ „штофа“ и грустно шествующіе за колесницей, въ парадной формѣ, Брюлловъ и Яненко, Тверской и, вѣроятно, квартальный въ трехуголкѣ со шпагой (тоже въ видѣ маленькаго штофа).

Въ архивѣ Степанова, какъ объясненіе къ этимъ сценамъ, сохранился листокъ почтовой бумаги съ литографированной, по рисунку Брюллова, на верху первой страницы, виньеткой, изображающей знаменитый фигурный „штофъ“, заткнутый пробкою съ головою старухи (какъ на сценѣ „похоронъ“), рюмку и закуску и двѣ руки, изъ коихъ въ одной—бокалъ, а въ другой—раскупоренная бутылка шампанскаго. Подъ виньеткой,—слѣдующій текстъ, писанный рукою одного изъ членовъ Брюлловскаго кружка; „Знаменитая пробка извѣстнаго Берлинскаго штофа, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщая о внезапной кончинѣ его, воспослѣдовавшей въ потьмахъ на прошлой недѣлѣ, въ часъ пополуночи, покорнѣйше проситъ пожаловать на поминовеніе его, въ квартиру Я. Ѳ. Яненко, у Семеновскаго моста, угловой домъ по Фонтанкѣ, Г. Пономарева, сего апрѣля 24 дня 1843 года, къ 3-мъ часамъ“; на оборотѣ—адресъ Н. А. Степанова. Дата эта, поставленная подъ приглашеніемъ, точно опредѣляетъ время, въ которое создавалась эпопея „похоронъ штофа“.

Б. Модзалевскій.

---

2. Каррикатуры Степанова на Глинку.

Извѣстный каррикатуристъ Н. А. Степановъ (1807—1877 гг.) оставилъ намъ большое собраніе каррикатуръ на Глинку, своего близкаго пріятеля. Ник. Алек. Степановъ еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ дружески сошелся съ нѣкоторыми литературными и музыкальными кружками стараго Петербурга. Въ квартирѣ Н. А. и его брата Павла Александровича поселился и Глинка, послѣ разрыва съ своей женой. Въ это время, а также впослѣдствіи, когда Глинка жилъ вмѣстѣ съ знаменитой кукольниковской „братіей“, Степановъ сблизился съ творцомъ „Руслана“ и имѣлъ возможность изучить характеръ , привычки, манеры и позы своего большого пріятеля. Признаніе Глинки—въ наиболѣе культурныхъ кругахъ столицы—геніальнымъ русскимъ художникомъ и личная симпатія къ нему Степанова, вѣроятно, побудили послѣдняго приняться за своеобразную біографію Глинки—въ каррикатурахъ. Изображая своего пріятеля,—

большей частью въ законченныхъ акварельныхъ рисункахъ,—Степановъ рѣдко впадалъ въ шаржъ, осмѣивая тѣ или иные поступки и привычки Глинки. Въ большинствѣ онъ иллюстрировалъ самый фактъ, интересный въ біографическомъ отношеніи, и, благодаря этому, собралъ цѣнный иконографическій матеріалъ, интересный не только для самого Глинки, но и многихъ его современниковъ.

Главный иллюстраціонный матеріалъ представляетъ спеціальный альбомъ каррикатуръ на Глинку, въ 51-й пьесѣ дающій интересную біографію композитора въ иллюстраціяхъ—почти за всю его музыкальную дѣятельность. Этотъ альбомъ, начатый, вѣроятно, въ концѣ тридцатыхъ годовъ и законченный около 1854 г., судя по сюжетамъ послѣднихъ каррикатуръ, принадлежалъ покойному В. П. Энгельгардту, и имъ принесенъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ, вмѣстѣ съ обширнымъ собраніемъ автографовъ Глинки [1]). Степановъ не ограничился только этимъ альбомомъ. Его каррикатуры украшаютъ также два другихъ альбома, въ которыхъ Глинка собиралъ „памятные листы“ своихъ друзей и пріятелей. И, быть-можетъ, эти два альбома, находящіеся нынѣ также въ Имп. Публичной Библіотекѣ, имѣютъ еще большій біографическій интересъ, такъ какъ нѣкоторые рисунки ихъ сохранили намъ Глинку и его пріятелей въ болѣе интимной обстановкѣ, тогда какъ извѣстный первый альбомъ могъ понравиться поклонникамъ композитора, какъ художественное изображеніе жизни его „музыкальнаго величества“, хотя и въ слегка окаррикатуренномъ видѣ.

Въ архивѣ журнала „Искра“ нашелся любопытный листокъ, на которомъ скомпанованы 6 каррикатуръ Степанова на Глинку, бо́льшая часть которыхъ взята изъ перваго—„біографическаго“ альбома. Двѣ каррикатуры („Утромъ“—„Дома“ и „Въ Русланѣ“) были напечатаны нѣсколько лѣтъ назадъ, остальныя появляются въ печати впервые.

На первой изъ нихъ—„Утромъ. Дома. Страдаетъ“.—Степановъ изобразилъ Глинку лежащимъ на кровати. Эта же каррикатура открываетъ и „біографическій альбомъ“, въ которомъ слѣдующая картинка представляетъ Глинку и Брюллова, спрашивающаго композитора—„Объясни, по крайней мѣрѣ, чѣмъ ты страдаешь?“—на что М. И. отвѣчалъ: „Plexus solaris шалитъ“.—Извѣстная мнительность Глинки, часто воображавшаго себя больнымъ, несомнѣнно и вызвала эту каррикатуру.

Рядомъ съ ней помѣщена картинка—Идетъ въ консисторію: Глинка своей обычной походкой, выпрямляя носокъ, съ рѣшительнымъ видомъ направляется въ Консисторію, гдѣ разбиралось его бракоразводное дѣло.

[1]) Альбомъ былъ описанъ біографомъ Степанова—С. С. Трубачевымъ въ „Истор. Вѣстникѣ“ за 1891 г. (февраль—апрѣль); здѣсь воспроизведены также многія каррикатуры Степанова, въ томъ числѣ изъ альбома на Глинку. См. также описаніе альбома въ „Каталогѣ нотныхъ рукописей, писемъ и портретовъ Глинки, хранящихся въ Рукописномъ Отдѣлѣ Императорской Публичной Библіотеки“, Ник. Финдейзена, СПБ., 1898 г. Около 20 каррикатуръ Степановскаго альбома разновременно были напечатаны въ „Русской Музык. Газетѣ“,

Третья каррикатура—„Digne et calme“, въ томъ же альбомѣ слѣдуетъ за „консисторской“ и изображаетъ Глинку передъ дамами. Возможно, что Степановъ намекалъ здѣсь на Е. Кернъ и ея мать, извѣстную по пріязни къ ней Пушкина. Въ Катеньку Кернъ Мих. Иван. въ первый періодъ послѣ разрыва съ женой былъ влюбленъ и собирался даже на ней жениться.

Слѣдующая каррикатура—„Въ Русланѣ“ намекаетъ на непопулярность этой оперы, музыка которой считалась ученой и которая вскорѣ была снята съ репертуара. Въ альбомѣ подпись подъ каррикатурой иная—„М. И. въ своей оперѣ вызываетъ автора“.

Внизу помѣщена каррикатура на Глинку съ туловищемъ зайца, изображающая любимый танецъ композитора, въ минуту веселья. Въ альбомѣ эта картинка такъ и озаглавлена: „Любимый танецъ М. И.—Заинька“, при чемъ сверху, рукою Глинки, приписана строчка нотъ—8 тактовъ мелодіи пѣсни, внизу текста: „Заинька, поскачи, рѣзвушка, попляши! Ай люли, люли! Ай люли, люли, люли!“

Самая любопытная изъ этой серіи—послѣдняя каррикатура, слѣва отъ „Заиньки“. Она не находится въ „альбомѣ“ и очевидно была нарисована Степановымъ именно для этого листка. Картинка изображаетъ собутыльниковъ Глинки—художника-спиртуоза Яненко и, повидимому, двухъ братьевъ Кукольниковъ, Нестора (направо, противъ Глинки) и Платона (рядомъ съ нимъ). Степановъ характерно зарисовалъ здѣсь наиболѣе интимный кружокъ бражничавшей „кукольниковской братіи“.

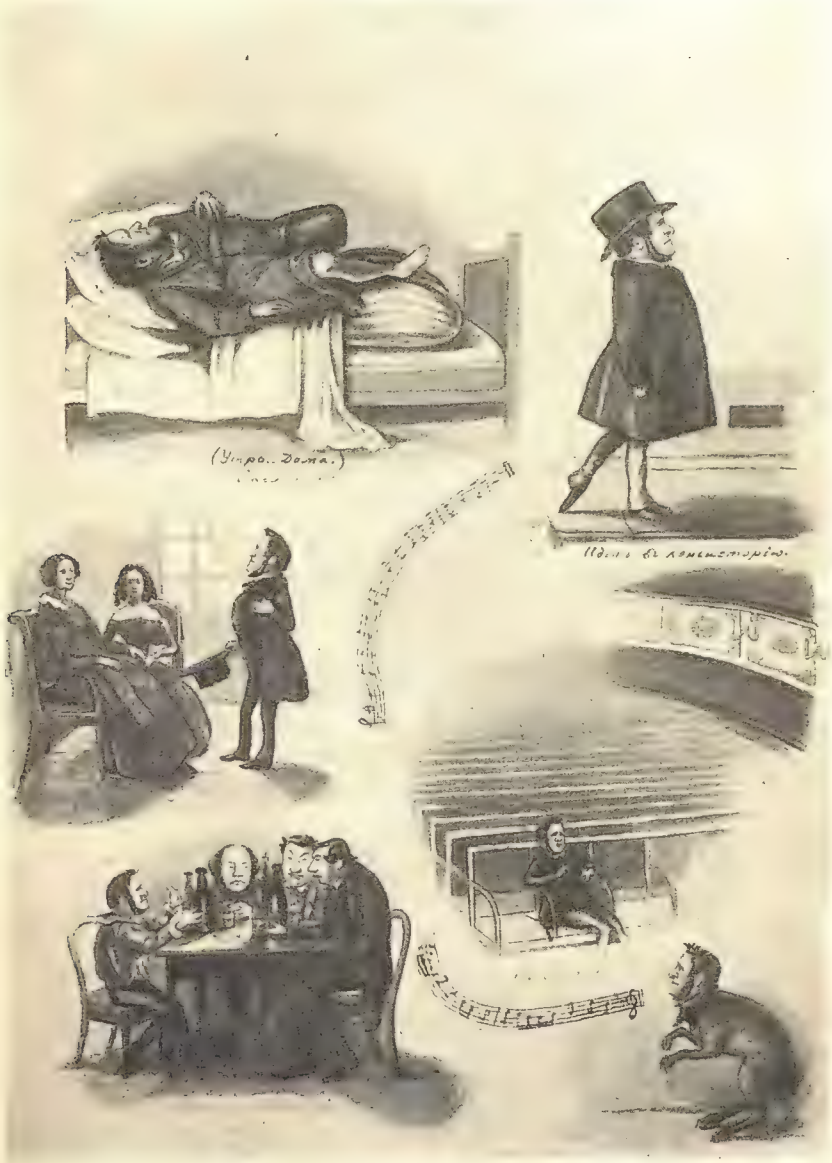
На всѣхъ этихъ каррикатурахъ Глинка представленъ въ разныхъ позахъ, но неизмѣнно Степановъ изображаетъ его по портрету 40-хъ годовъ, т.-е. въ періодъ творческой зрѣлости композитора; онъ и долженъ быть признанъ наиболѣе вѣрнымъ и характернымъ для Глинки, а не тотъ портретъ облѣнившагося и обрюзгшаго Глинки въ сюртукѣ купеческой складки, который пользуется наибольшимъ распространеніемъ и сдѣланъ по позднѣйшей фотографіи Левицкаго, послужившей—вполнѣ напрасно—прототипомъ для обоихъ памятниковъ геніальнаго мастера—въ Смоленскѣ и Петроградѣ.

Ник. Финдейзенъ.

Каррикатура К. П. Брюллова Н. А. СТЕПАНОВЪ.

Рисунокъ ***Н. А. Степанова.***

К. П. БРЮЛЛОВЪ.



Рисунки Н. А. Степанова.

День М. И. ГЛИНКИ.

Каррикатура Н. А. Степанови. Н. В. КУКОЛЬНИКЪ.

Рисунки Н. А. Степанова.

День Я. Ѳ. ЯНЕНКО

Каррикатура И. А. Степанова.

В. Г. БЕНЕДИКТОВЪ.

Рисунокъ Н. А. Степанова.

А. Н. МАЙКОВЪ.

Рисунокъ И. А. Степанова.

Похороны „штофа“, 1.

Рисунок Н. А. Степанова.

Похороны „штофа“, 2.

Изъ архива М. В. Ватсонъ.

II.

Изъ писемъ А. Н. Плещеева, В. М. Гаршина и В. А. Фаусека къ С. Я. Надсону.

А. Н. Плещеевъ относился съ величайшей симпатіей и дружбой къ С. Я. Надсону, съ которымъ познакомился осенью 1881 г. И С. Я. платилъ ему въ свою очередь тоже самымъ искреннимъ и горячимъ чувствомъ. Вотъ какъ молодой поэтъ разсказываетъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ А. Н. Плещеевымъ. Онъ возвращался отъ него въ училище (Павловское) въ дождливый, осенній вечеръ. „Темно и скверно было кругомъ“,—пишетъ Надсонъ.—„а на душѣ у меня цвѣла и горѣла радужнымъ блескомъ самая нарядная, самая благоуханная весна: вечеръ, о которомъ я вспоминаю, былъ вечеромъ перваго моего вступленія въ литературный міръ, перваго знакомства съ извѣстнымъ поэтомъ Плещеевымъ, обратившимъ вниманіе на мои стихи, напечатанные въ журналѣ „Слово“, и письменно пригласившимъ меня къ себѣ „потолковать и познакомиться“. Я былъ какъ въ чаду“. Въ своей автобіографіи Надсонъ тоже говоритъ о томъ, „что безконечно обязанъ теплотѣ, вкусу и образованію А. Н. Плещеева, воспитавшаго его музу“. И до самаго конца своей жизни онъ вспоминалъ съ благодарностью и любовью ласковый привѣтъ и сердечное участіе къ нему стараго поэта.

Что же касается В. А. Фаусека, Надсонъ познакомился съ нимъ въ 1883 г. у В. М. Гаршина, къ которому Надсонъ чувствовалъ величайшую симпатію, при чемъ Гаршинъ платилъ ему той же монетой. В. А. Фаусекъ былъ въ то время еще студентомъ. Свое доброе чувство къ Надсону онъ доказалъ уже тѣмъ, что поѣхалъ къ нему въ Ниццу и пробылъ тамъ цѣлыхъ шесть недѣль, именно съ 1-го Декабря 1884 г. по 15-е Января 1885 г.

М. Ватсонъ.

а) Письма А. Н. Плещеева къ С. Я. Надсону.

Сентябрь 1882. Понедѣльникъ вечеромъ.

Сердитесь на меня, ругайте, голубчикъ Семенъ Яковлевичъ, но я распорядился „Геростратомъ“, безъ вашего полномочія. Сообщу все по порядку.

Въ пятницу я послалъ „Герострата“, при письмѣ, къ Салтыкову и просилъ его прочесть стихотвореніе къ понедѣльнику и сказать свое мнѣніе; при чемъ высказалъ ему свое,.. Въ понедѣльникъ онъ принесъ „Герострата“ въ редакцію съ нѣкоторыми помѣтками, сдѣланными карандашомъ на поляхъ. Мнѣніе высказалъ „не одобрительное“. Это, молъ, тема очень ужъ громадная,—байроновская... надо болѣе пожить, накопить болѣе внутренняго матеріала для того, чтобы браться за такія темы, а не касаться ихъ слегка, такъ внезапно, и проч. и проч. Образъ Герострата, по его

мнѣнію, не ясенъ, не довольно опредѣленъ. Затѣмъ, нѣкоторые отдѣльные стихи, выраженія нашелъ рутинными; на поляхъ—не пропустилъ, конечно, и шумныхъ столовъ. Спорить съ нимъ и возражать ему я счелъ совершенно излишнимъ и безполезнымъ, заявивъ только, что остаюсь при своемъ мнѣніи, что стихотвореніе очень хорошее. Сужденія его о формѣ стихотворенія меня, признаюсь вамъ, взбѣсили. Я положительно вижу въ нихъ отсутствіе поэтическаго чутья и чувства красоты. И потомъ это преслѣдованіе всего мало-мальски смѣлаго, оригинальнаго, нешаблоннаго, это кастрированіе поэтическаго произведенія—просто можетъ вывести изъ терпѣнія. Изъ редакціи я только зашелъ домой пообѣдать и сейчасъ же отправился къ Михайловскому, съ которымъ повелъ рѣчь о „Геростратѣ“ и вообще о васъ и о сужденіяхъ Салтыкова, и прочелъ ему все стихотвореніе. Михайловскій съ большей частью сужденій Салтыкова не согласился, нашелъ стихи прекрасными, и хотя замѣтилъ также, что Геростратъ самъ не довольно ярокъ, но приписалъ это обилію прекрасныхъ картинъ, заслоняющихъ его; нѣкоторыя выраженія нашелъ превосходными, особенно „жить, чтобъ потомъ не жить“. Это выраженіе онъ назвалъ даже глубокимъ. Вообще отнесся съ большимъ участіемъ и къ стихамъ и къ личности автора, и когда я сказалъ ему, какой вы еще молодой,—онъ не хотѣлъ вѣрить. Ему понравилось стихотвореніе уже тѣмъ, что оно обличаетъ, что „въ авторѣ работаетъ мысль“. Онъ желаетъ ближе съ вами познакомиться. „Шумные столы“ его вовсе не шокировали; онъ нашелъ, что если говорятъ „шумныя улицы“, то почему же не сказать шумные столы? Красота формы его положительно восхитила. Ободренный этимъ, я отъ него прямо пустился къ Станюковичу; разсказалъ всю эту исторію и прочелъ ему, въ присутствіи жены его (прекрасной музыкантши и обладающей поэтическимъ чутьемъ женщины), „Геростратa“ (прочелъ, могу сказать, не дурно, съ увлеченіемъ, горячо. Очень ужъ меня мнѣніе Салтыкова подзадорило), и послѣ моего чтенія Станюковичъ пришелъ въ такой неописанный восторгъ, что сталъ умолять, чтобъ я отдалъ ему стихотвореніе для октябрьской книжки, гдѣ хочетъ пустить его на первомъ мѣстѣ. Я, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, имѣвшихъ источникомъ то, что я вами на это не уполномоченъ,—рѣшился однако на свой рискъ отдать ему; и онъ обѣщалъ вамъ вскорѣ же выслать деньги, если вы сами не зайдете къ нему. Онъ ужасно сочувственно относился къ вашей личности. Вы ему, повидимому, ужасно понравились. Стихами, помѣщенными въ „Дѣлѣ“, онъ очень доволенъ; я ихъ также прочелъ Михайловскому, которому они понравились не менѣе, чѣмъ ему и мнѣ. Вотъ вамъ отчетъ о моихъ дѣяніяхъ. Присоединяю къ нему мою покорную просьбу—не брать изъ „Дѣла“ „Геростратa“; и оставить безъ вниманія Салтыковскіе отзывы, иначе вы меня сильно огорчите. Скажу вамъ, что, прочитавъ Геростратa три раза, я каждый разъ находилъ его все лучше и лучше. Ну теперь скажите вы мнѣ—какъ вы устроились, какъ приняло васъ начальство и какъ отнеслись офицеры? Вѣрно, васъ ужъ запрягли на службу, если

вы не пріѣхали сюда до сихъ поръ. Нашли ли въ Кронштадтѣ хоть одну живую душу? — Иванъ Леонтьевичъ [1]) потерпѣлъ фіаско въ „Наблюдателѣ“; пьесу возвратили ему съ глупѣйшей и пошлѣйшей резолюціей редактора, и онъ рѣшился не отдавать ее въ другіе журналы, а сдѣлать изъ нея иное употребленіе—а именно пустить ее на премію Вучины, что̀ я одобряю вполнѣ. Онъ у меня какъ-то сидѣлъ вечеромъ, и мы долго и интимно съ нимъ бесѣдовали. Въ разговорѣ я коснулся его сестеръ; и онъ мнѣ кое-что поразсказалъ о своихъ семейныхъ отношеніяхъ. Вы, мнѣ кажется, не совсѣмъ къ нему справедливы. Онъ, въ сущности,—человѣкъ очень хорошаго сердца, и если есть у него,—какъ и у каждаго изъ насъ,—свои слабости, то нужно отнестись къ нимъ снисходительно, ради хорошихъ сторонъ его натуры... Онъ, вѣроятно, и самъ сознаетъ свои недостатки и мучится ими. Въ Лаурѣ кажется онъ окончательно разочаровался. Нельзя винить его за то, что онъ старается въ самыхъ пошлыхъ людяхъ отыскать хоть какую-нибудь человѣческую черту, чтобъ на ней примириться съ ними нѣсколько. Это показываетъ только большую человѣчность и доброту. Въ Лаурѣ онъ, кажется, теперь отчаялся что-либо найти, кромѣ „практичности“. Онъ выразился такъ, что, хотя и считалъ его пошлымъ человѣкомъ, но все же не ждалъ такой глубины пошлости,—и притомъ возведенной въ систему,—и безъ сомнѣнія унаслѣдованной отъ папаши. Ваша холодность съ нимъ въ послѣднее время, повидимому, его огорчаетъ очень.

Не довольно ли? Письмо вышло что-то очень длинно. Надо еще успѣть бросить его сегодня же въ ящикъ, что̀ мнѣ обѣщаетъ сдѣлать сидящій у насъ Растеряевъ, такъ какъ ящикъ около самаго его дома. До свиданья, милый другъ. Пріѣзжайте, какъ только будете имѣть возможность. Я намѣренъ въ непродолжительномъ времени собрать у себя небольшую литературную компанію, и вы непремѣнно должны будете присутствовать; мнѣ хочется васъ кое съ кѣмъ познакомить. Крѣпко жму вашу руку. Не написалось ли еще чего-нибудь? Присылайте, если не можете привезти сами. Мои вамъ усердно кланяются. Искренно васъ любящій и уважающій

А. Плещеевъ.

Пожалуйста, отвѣчайте на это письмо, чтобъ я зналъ, что оно дошло до васъ.

Троицкій пер. 27 кв. 25.

2.

Четвергъ, 7-го Октября 1882 г.

Сожалѣю душевно, милѣйшій поэтъ, что „силища и талантище“ ставятъ васъ въ невозможность пріѣхать сюда въ воскресенье. Это съ его стороны свинство, потому что деньги не Богъ вѣсть какія, и дать ихъ недѣлей раньше, недѣлей позже не мо-

[1]) И. Л. Леонтьевъ (Щегловъ)

жетъ составить важности для журнала. Ужъ нѣтъ ли здѣсь подвоха какого, т.-е. не отложилъ ли онъ печатанія „Герострата“ до другой книжки, послѣдовавъ чьему-нибудь внушенію? Я вчера видѣлъ Шелгунова, который мнѣ сказалъ, что книжку „кажется, не удастся выпустить раньше 14-го“, но вѣдь 14-е въ будущую субботу—почему жъ бы не дать денегъ теперь же. Развѣ боится, что цензура не пропуститъ? Постараюсь его убѣдить, или, какъ вы выражаетесь, „повліять на него“.

Въ Пушкинскій кружокъ васъ выбрали единогласно, даже и баллотировать не хотѣли-было. Въ воскресенье опять общее собраніе. Жаль, что вы не будете 19-го Октября: въ день „лицейской годовщины“ хотимъ устроить опять торжественное собраніе изъ однихъ Пушкинскихъ вещей въ отдѣлѣ чтенія и пушкинскихъ темъ—въ музыкальномъ отдѣлѣ. Но я однакожъ не знаю, долго ли я останусь предсѣдателемъ этого кружка. Я вижу, что это отнимаетъ черезчуръ много времени. Предложилъ я еще въ члены Скабичевскаго, Кривенко и Гаршина. Послѣдній доставилъ въ „О. З.“ повѣсть, которая пойдетъ въ Январѣ. Вейнбергъ затѣялъ журналъ съ Января: „Европейскіе беллетристы“. (Переводы романовъ, повѣстей, драмъ и проч.). Прочелъ я въ „Р. Мысли“ разсказы Максима Бѣлинскаго и просто руками развелъ.

. . . . . .

Бранятъ „Курсовыхъ“ Леонтьева, да „Курсовые“ передъ этимъ—перлъ художественности! Больше никакихъ литературныхъ новостей не знаю. Вы спрашиваете, что я дѣлаю? Къ великому моему стыду—пока ничего, если не считать дѣломъ чтенія книгъ. Не лѣзетъ ничего въ голову. Намѣренъ приняться за какой-нибудь хоть переводный или компилятивный трудъ, а то мое бездѣйствіе очень тяжело отзовется на моемъ бюджетѣ. Голова занята разными вещами, не имѣющими ничего общаго съ литературой и относящимися больше къ области практической жизни. Тяжело живется и скучно. Тоску испытываю часто большую. Что же касается до стиховъ, то, кажется, мое творчество совсѣмъ оскудѣло—и едва ли я уже что-нибудь напишу. Моя пѣсня спѣта.

И. Л. [1]) пріѣхалъ отъ васъ въ хорошемъ настроеніи; на него произвела, повидимому, отрадное впечатлѣніе ваша обстановка и вашъ кружокъ. Я соберусь къ вамъ на будущей недѣлѣ. Не собрался до сихъ поръ также по причинѣ совершеннаго безденежья. Хочется повидать васъ, да проѣхаться радъ буду. Но пріѣду ужъ, вѣроятно, не ночевать.

Въ ту минуту какъ я дочитывалъ ваше письмо, именно тѣ строки, гдѣ говорится объ Аннѣ Ник., раздался звонокъ, и появилась она сама. Я ей тотчасъ же сообщилъ, что ея глаза и голосъ васъ плѣнили; она, конечно, выразила на лицѣ своемъ нѣкоторое смущеніе, но, въ сущности, была, вѣроятно, очень довольна этимъ, по свойственному всѣмъ женщинамъ тщеславію. Вы однако совсѣмъ не комплиментъ мнѣ сказали, назвавъ меня

---

[1]) Леонтьевъ (Щегловъ).

„могучимъ и суровымъ сыномъ поэзіи таинственныхъ скорбей“, ибо это у Баратынскаго относится къ дубамъ. Значитъ, я по вашему — дубъ, въ просторѣчіи — дубина? Прошу васъ взять назадъ эти слова, если не хотите, чтобъ я прислалъ къ вамъ секундантовъ. Я вовсе не желаю васъ убивать, чтобъ потомъ про меня написали:

Не могъ щадить онъ нашей славы —
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что онъ руку подымалъ.

Предпочитаю мировую—и стаканъ „добраго Кипрскаго вина“, которымъ вы обяжетесь меня угостить, если „силища и талантище“ пришлетъ вамъ нѣсколько фунтовъ стерлинговъ.

До свиданія. Жму благородную руку, написавшую „Геростратa“!

Вашъ А. П.

3.

Петерб., 9-го Ноября 1882 г.

Милый другъ Семенъ Яковлевичъ.

Завтра, въ среду 10-го, я думаю отправиться въ „сердце Россіи“, гдѣ пробуду, вѣроятно, до 16-го числа. Такъ какъ 18-го числа рожденіе Леночки, то вы бы сдѣлали ей большое удовольствіе, пріѣхавъ сюда въ этотъ день. Но вы мнѣ говорили, что у васъ тоже какой-то балъ 18-го, и, можетъ-быть, вы уже ранѣе дали тамъ слово. Въ такомъ случаѣ вы обязательно уже должны прибыть сюда 22-го (въ Понедѣльникъ). Это день моего рожденья. У меня соберется компанія литературная; (познакомлю васъ съ Гаршинымъ), а у Леночки—легкомысленные: барышни и офицеры разнаго рода оружія. Если не пріѣдете 22-го, то буду на васъ злобствовать.

Новаго пока не имѣю ничего сказать вамъ. Слышалъ сегодня неутѣшительныя вѣсти, говорятъ, всѣ университеты, кромѣ здѣшняго и Московскаго, закрыты, по причинѣ волненій и безпорядковъ. Пріѣхалъ сюда редакторъ „Р. Мысли“, Юрьевъ, у него книжку опять остановили. Хлопочетъ и ждетъ аудіенціи у министра. Сегодня приходилъ ко мнѣ Щедровъ (sic), и мы съ нимъ прочли его стихи, которые онъ, по выслушаніи массы замѣчаній, взялъ поправлять. Онъ показался мнѣ скромнымъ, не пропитаннымъ мелкимъ самолюбіемъ парнемъ. Но... какъ-то,—не знаю самъ почему,—не внушаетъ онъ мнѣ особеннаго довѣрія... какъ и многіе пушкинцы... Впрочемъ,—я всегда былъ плохимъ физіономистомъ.

Крѣпко жму вашу руку. Если вамъ для пріѣзда сюда понадобится какой-нибудь „фунтъ стерлинговъ“, то могу ссудить покамѣстъ... Пользуйтесь моментомъ. А то—рать кредиторовъ моихъ велика...

„Сталъ считать поэтъ угрюмый
И не счелъ... долговъ!“

Будьте здоровы, дай вамъ Богъ всего лучшаго.

Вашъ А. Плещеевъ.

4.

Петерб., 30-го 1882 г. Ноября.

Дорогой Семенъ Яковлевичъ.

Очень я посѣтовалъ на васъ, что вы не пріѣхали ко мнѣ ни на Леночкино, ни на мое рожденье. Что бы вамъ тогда же мнѣ написать, что причиной тому—недостатокъ въ долларахъ. Я бы могъ, не стѣсняя себя нисколько, прислать вамъ малую толику. Можетъ-быть, я найду возможность и теперь какъ-нибудь это устроить въ самомъ непродолжительномъ времени. Потомъ сочтемся, когда у васъ что-нибудь побольше напишется. Но этого стихотворенія, [1]) которое вы мнѣ прислали, я не даю вамъ „санкціи“ печатать въ настоящемъ его видѣ. Оно прекрасно,—въ сущности,—за исключеніемъ первыхъ четырехъ стиховъ второй строфы, по-моему неловкихъ, и которые нужно передѣлать. („Но странно... собратья“ и т. д.). Но главное 5-й и 6-й стихи съ конца необходимо смягчить... а смягчивъ, пожалуй, обезцвѣтишь, между тѣмъ, какъ въ нихъ-то заключается вся суть стихотворенія; все, что ему даетъ извѣстную окраску. Я еще никому не успѣлъ прочесть этого стихотворенія, но увѣренъ заранѣе, что всѣмъ оно понравится чрезвычайно. И все-таки я не совѣтовалъ бы его печатать, т.-е. въ его настоящемъ видѣ. При свиданіи поговоримъ обстоятельнѣе. Писать пришлось бы слишкомъ долго. На меня стихотвореніе произвело большое впечатлѣніе. Мнѣ особенно нравится оно съ того мѣста, гдѣ появляется женщина. Все это ужасно красиво, и, кромѣ того, прочувствовано, нервно,—захватываетъ... словомъ, поэтично, хорошо.

Какъ мнѣ жаль, что все это время васъ здѣсь не было. На рожденьѣ моемъ собралось у меня много литературы... а въ Леночкино рожденье случайно забрелъ Я. П. Полонскій, которому я читалъ ваши стихи. Ему очень хотѣлось прочесть „Изъ тьмы временъ“, и я далъ ему лежавшій у меня № „Дѣла“. Ему уже говорили объ этихъ стихахъ; они ему чрезвычайно понравились, хотя онъ сдѣлалъ одно или два замѣчанія, касавшіяся нѣкоторыхъ отдѣльныхъ стиховъ. Безусловно прекраснымъ нашелъ онъ стихотвореніе: „Съ Кавказа“. Вообще онъ находитъ у васъ выдающееся дарованіе и желаетъ съ вами познакомиться. Когда будете здѣсь—можно, если захотите, къ нему пойти. Меня затаскали съ чтеньями. Читалъ въ пользу фонда („Бога Сна“, экземпляръ котораго ожидаетъ васъ), читалъ для курсистокъ, устроившихъ вечеръ на славу. Пѣли итальянцы, читала Стрепетова, сборъ былъ огромный. Въ воскресенье опять надо читать въ пользу студентовъ... У пушкинцевъ въ послѣднее время народу было масса, человѣкъ до 300. Читали все юные поэты, и съ успѣхомъ. Я не былъ у нихъ недѣли двѣ. Ѣздилъ въ Москву, какъ вы знаете, а потомъ полѣнился итти къ нимъ. Пальмъ и Вейнбергъ пустили объявленія о своихъ изданіяхъ, какъ вы уже,

[1]) „Мы спорили долго“.

вѣроятно, видѣли въ газетахъ. Ждутъ отъ васъ стиховъ. Напишите, какъ вамъ живется въ Кронштадтѣ? Есть ли тамъ—главное—женщины, съ которыми можно душу отвести? У васъ тамъ теперь театры начались, клубные вечера и проч. Посѣщаете ли вы ихъ? Не знаю, удастся ли мнѣ собраться къ вамъ. Теперь работа накопилась. Всего лучше, если бы вы пріѣхали. Хотѣлось бы съ вами провести вечерокъ. Начались литературные обѣды,—по средамъ, но я еще не былъ ни на одномъ, скучно. По правдѣ сказать вамъ—литературный міръ съ его „исключительно" литературными интересами и полемикой, всѣ эти „силищи и талантищи", надоѣдаетъ, когда только въ немъ и вращаешься. И въ этомъ отношеніи я былъ радъ провести недѣльку въ Москвѣ, гдѣ никого почти изъ литераторовъ не видалъ, петербургскихъ газетъ не читалъ, и даже—чему не хотятъ вѣрить—не былъ ни разу въ трактирахъ! Быть въ Москвѣ и не пообѣдать въ трактирѣ! Бо́льшую часть времени проводилъ въ одномъ знакомомъ семейномъ домѣ, гдѣ есть женщина, которую я глубоко люблю и уважаю; одна изъ симпатичнѣйшихъ женщинъ, какихъ мнѣ приходилось встрѣчать въ жизни, и съ которой я постоянно переписываюсь, хотя вообще на корреспонденцію столь же лѣнивъ теперь—какъ во время оно, напротивъ, былъ рьянъ. Словомъ, въ Москвѣ я отдохнулъ сердцемъ,—и все меня тянетъ туда опять. Какъ ни много у меня здѣсь знакомыхъ всякаго рода—но настоящихъ друзей, искреннихъ, задушевныхъ, къ кому бы пошелъ въ трудную минуту,—нѣтъ. Изъ литературнаго міра—хорошо, если человѣка два-три найдется поближе, но интимныхъ, симпатичныхъ и относящихся къ тебѣ дѣйствительно дружелюбно, безъ заднихъ мыслей. Всего больше—„пріятныхъ собесѣдниковъ" или личностей въ родѣ . . . . . т.-е. эгоистовъ, завистливыхъ, но популярничающихъ съ молодежью; эта порода мнѣ положительно противна. Въ сущности для нихъ фраза всего дороже, а потомъ и карманъ отчасти, какъ они ни разыгрываютъ изъ себя безкорыстныхъ служителей идеи.

Но не довольно ли... расписался я что-то. Стихъ такой нашелъ. Крѣпко жму вашу руку. Дай вамъ Богъ всего хорошаго. Получилъ письмо отъ Ив. Леонт., но еще не успѣлъ ему отвѣтить. Пишетъ онъ ужасно скверно—половину не разберешь. Интереснаго въ письмѣ пока мало. Старается характеризовать общество—но какъ-то не выходитъ. Еще не осмотрѣлся, очевидно. Особенно дурного впечатлѣнія, кажется, это захолустье на него не произвело, и онъ не покидаетъ своей рѣшимости провести тамъ года. Лауръ—кончилъ курсъ, и я уже разъ призывалъ его въ качествѣ врача. При чемъ онъ оказался очень внимательнымъ и очень быстро помогъ Аришиной матери, которая было сильно расхворалась. Онъ ужъ имѣетъ практику и остается здѣсь. Вообще онъ свою карьеру сдѣлаетъ,—собирается уже держать экзаменъ на доктора медицины.

Всѣ мои вамъ просятъ очень кланяться.

Весь вашъ А. Плещеевъ.

5.

Петербургъ, 20 Янв. 1883 г.

Дорогой Семенъ Яковлевичъ. Сейчасъ получилъ ваше письмо и сейчасъ сажусь отвѣчать вамъ. Прежде всего крѣпкое спасибо и сердечное рукопожатіе за стихотвореніе [1]). Вы напрасно думаете, что оно можетъ не заслужить моихъ симпатій. Я его очень цѣню, какъ искреннее и поэтическое выраженіе переживаемаго вашей мыслью момента. Я знаю, что вы дѣйствительно задаетесь непрестанно этого рода вопросами, что они занимаютъ большое мѣсто въ вашей внутренней жизни и что поэтому вы имѣете полное право повѣдать о томъ людямъ. Стихотвореніе это хотя субъективное, но принадлежитъ къ тѣмъ, которыя по серьезности темы выходятъ изъ ряду узко-субъективныхъ, такъ сказать, и къ которымъ можно бы примѣнить слова Лермонтова: „Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ. На что намъ знать твои мученья“. Слишкомъ много людей переживало этотъ моментъ, переживаетъ и будетъ переживать—пока не найдетъ въ жизни того или другого примирительнаго исхода. Оно такъ „общечеловѣчно“, что должно встрѣтить отзывъ въ безконечномъ множествѣ людей. И относясь къ нему „объективно“, я не могу не признать его очень хорошимъ, хотя по формѣ оно менѣе красиво, нежели другіе ваши стихи. Въ этомъ отношеніи лучшая строфа—вторая. Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть его въ „Отеч. Зап.“ но какъ отнесется къ нему „генералъ отъ сатиры“, не знаю. Съ своей стороны, я, конечно, употреблю всѣ усилія, чтобы провести его. Во всякомъ случаѣ, оно должно быть напечатано въ хорошемъ, большомъ журналѣ. Я боюсь, что у Станюковича цензура опять подгадитъ. Первая строфа ее непремѣнно смутитъ: „вѣрьте вы—а я не хочу вѣрить, я хочу знать“... Какъ это можно въ цензурномъ журналѣ такія вольнодумства пропускать! Вотъ и изволь тутъ требовать развитія отъ поэтическаго таланта—при такихъ благопріятныхъ условіяхъ. Либо редакторъ самъ въ поэзіи ни уха ни рыла не смыслитъ и смотритъ на стихи, какъ на „затычку“ для оставшейся лишней страницы, либо цензура карнаетъ. Что̀ смыслятъ въ поэзіи всѣ наши редакторы: Стасюлевичъ, напримѣръ, или тотъ же Станюковичъ? Вѣрьте, что Салтыковъ еще больше другихъ одаренъ поэтическимъ чутьемъ, но у него есть предвзятые мысли и взгляды, мѣшающіе ему безпристрастно относиться къ поэтическимъ произведеніямъ. Не свободно, не достаточно широко онъ къ нимъ относится. Я попробую, въ крайнемъ случаѣ, знаете куда направить ваше стихотвореніе? Въ „Русскую Мысль“. Что̀ вы объ этомъ скажете? И еще лучше, если бы послать туда не одно, а два. Юрьева я знаю, и онъ будетъ очень радъ. У него къ поэзіи большая любовь, и онъ въ состояніи понять и оцѣнить хорошую вещь. Журналъ идетъ, какъ слышно, отлично, и платятъ безъ задержки. Вообразите, что Салтыковъ

[1]) „Вѣрь,—говорятъ они,—мучительны сомнѣнья...“

пришелъ въ восхищеніе отъ стиховъ Миши [1]) „изъ Деруледа“. Прелесть!—говоритъ,—просто прелесть, и въ Февралѣ печатаетъ ихъ. Вѣдь стихотвореніе дѣйствительно прелестное. Стихи Боровиковскаго, напечатанные въ „О. З.“, мѣстами очень хороши, прочувствованы, трогательны, но мѣстами только. Мѣстами же тяжеловаты и вообще растянуты. Почему они до такой степени понравились Салтыкову, отзывавшемуся о нихъ восторженно, я не понимаю. Они соотвѣтствуютъ его личному настроенію. Онъ горячо любитъ дѣтей своихъ, и, вѣроятно, тѣ же мысли не разъ посѣщали его.

Я деньги за ваши стихи изъ „О. З.“ получилъ, и жду только еще сегодня денегъ отъ Станюковича за то стихотвореніе, которое я отвезъ ему. Я былъ у него, но не засталъ, и написалъ записку. Съ нимъ все невзгоды. У него ребенокъ захворалъ скарлатиной, и докторъ велѣлъ отдѣлить отъ него другихъ дѣтей. Это заставило его переѣхать съ ними въ гостиницу Бель-вю, что̀ сто̀итъ, конечно, дорого. Я еще недѣли двѣ тому назадъ поѣхалъ было къ нему съ вашими стихами, вечеромъ, когда у него „фиксы“, и тамъ узналъ объ этомъ обстоятельствѣ. Вотъ почему и замедлилось дѣло съ вашимъ стихотвореніемъ. Если онъ сегодня денегъ мнѣ не доставитъ—вышлю завтра только 26, взятыя изъ „О. З.“ Кстати о вашихъ стихахъ. Дочь моя была какъ-то у Варравъ—на вечерѣ. Тамъ же была и м-мъ А . . . . , выразившая такое мнѣніе, что „изъ васъ ничего ровно не выйдетъ“. Это ей говорили компетентные люди (вѣрно изъ „Р. Вѣстника“). Еще первые стихи были не дурны, а послѣдніе никуда не годятся. Дочь моя этимъ приговоромъ, разумѣется, очень возмущалась. Но кузина ваша, Морева, вступилась и возразила, что это неправда. Думаю, что приговоръ этой дурищи А... не можетъ васъ огорчить и потому сообщаю вамъ его ради курьеза. Ну, ей ли соваться въ поэзію? Вашему стихотворенію, напечатанному въ „Театрѣ“, слышалъ отъ многихъ хвалы. Между прочимъ, Гайдебуровъ, редакторъ „Недѣли“, выразилъ мнѣ, что, вообще, у васъ есть нѣчто „лермонтовское“ и при этомъ соболѣзновалъ, что у васъ не „русская фамилія“. То, что̀ вы говорите о „Театрѣ“, справедливо. Вообще Пальмъ не умѣетъ вести дѣло настоящимъ образомъ. Кажется, средства его стѣсняютъ нѣсколько. У него былъ разсказъ Атавы, но цензура не пропустила. Цензоръ попался несговорчивый и задерживаетъ статьи. Я мало у него работаю. Перевожу теперь для Вейнберга „Евангелистку“ Доде. Прелестнѣйшій романъ. Засѣдаю въ Театр. комитетѣ. Въ пушкинскомъ кружкѣ былъ „мой“ вечеръ. Публика отнеслась ко мнѣ такъ горячо, что я, признаюся—не могъ и ждать ничего подобнаго. Даже сконфуженъ былъ. Никогда въ жизни я не удостоивался и, вѣроятно, не удостоюсь такой оваціи. Это рѣшительно не по заслугамъ. Вейнбергъ прочелъ обо мнѣ этюдъ, написанный очень сочувственно, тепло—и хорошо. Особенно хорошо было вступленіе... Отлично онъ „подошелъ“ къ темѣ, соединивъ меня въ своей

[1]) Россійскій.

характеристикѣ съ Огаревымъ. Народу было видимо-невидимо. До 500 человѣкъ. Въ „Новостяхъ“ похвалы себѣ не читалъ. Изъ предсѣдателей и членовъ комитета кружка я вышелъ окончательно и остаюсь простымъ членомъ, чему очень радъ.

Относительно своего пріѣзда, голубчикъ Семенъ Яковлевичъ, право, не могу вамъ ничего положительнаго обѣщать. И радъ бы я—съ одной стороны—къ вамъ пріѣхать, но съ другой—тутъ есть столько разныхъ обстоятельствъ,—и работа, и финансы... а главное, не терплю я облекаться во фракъ, который, къ тому же, такъ у меня плохъ, что въ немъ показаться стыдно. Если бъ я могъ быть въ Собраніи и посмотрѣть спектакль, не принимая самъ участія въ чтеніи, то я бы готовъ пріѣхать. Мнѣ, собственно, васъ повидать бы хотѣлось, а то вы Богъ знаетъ когда опять пріѣдете,—посмотрѣть бы не прочь „извѣстную особу“,—къ которой, сказать мимоходомъ, я сомнѣваюсь, чтобъ у васъ было „серьезное“ чувство... Изъ тона вашихъ писемъ мнѣ кажется, что это больше такъ—отъ скуки, что она васъ нѣсколько интересуетъ, нравится вамъ до извѣстной степени,—но не болѣе. Леночку брать съ собой не хотѣлось бы. Свяжетъ она меня тамъ. Куда съ ней дѣнешься. А посмотрѣть васъ въ „Искоркѣ“ было бы желательно. Я думаю, голосъ у васъ слишкомъ тихъ, не будетъ васъ хорошо слышно. Кстати: по какому экземпляру разучиваютъ пьесу—по печатному или литографированному? Въ послѣднемъ есть ошибки. Какой-то дуракъ поставилъ въ роли Сашеньки вмѣсто „я буду становихой“—„я буду „становая“,—находя это, вѣроятно, приличнѣй. Вы это поправьте. Непремѣнно становиха.

Гаршина прочелъ. Хорошо, правдиво, хотя нѣсколько эскизно, это напоминаетъ „Первое Сраженіе“ Леонтьева, но только безъ всякой идеализаціи, чѣмъ грѣшитъ Леонтьевъ. У Гаршина меньше сочиненнаго. Но я ждалъ отъ него гораздо большаго. А самъ онъ премилый. Недавно мнѣ съ нимъ пришлось бесѣдовать—именно о „Кларѣ Милличъ“. (Читали ли вы ее?) Ему не нравится—и одно замѣчаніе его было довольно вѣрно. А нашъ Леонтьевъ не отвѣчаетъ на мое длинное письмо. Вѣрно, обидѣлся, что я молчалъ такъ долго. Жму вашу руку.

Вашъ А. П.

6.

Петербургъ, 28 Января 1883 г.

Во-первыхъ, голубчикъ мой Семенъ Яковлевичъ, я передъ вами жестоко виноватъ. Я не прислалъ вамъ и теперь не посылаю денегъ, потому что эти 7 рублей ваши я въ минуту величайшаго „зарѣза“ истратилъ. Мнѣ не дали гонорара ни въ „Заграничномъ Вѣстникѣ“, ни въ „Театрѣ“, и я всѣ эти дни бьюсь какъ рыба объ ледъ, нуждаясь даже „въ предметахъ первой необходимости“... Передъ другимъ я бы сталъ разсыпаться въ извиненіяхъ, но передъ вами нахожу это излишнимъ, зная, что вы это поймете и не осудите. Какъ только получу откуда нибудь, такъ вамъ вышлю или привезу,—если будетъ денегъ достаточно,

то въ свой чередъ опять вамъ готовъ ссудить. Вообще я нахожусь въ періодѣ „бѣдственномъ“. 2-го Февраля у меня срокъ векселя на большую сумму, не уплатить по немъ никакъ невозможно, а уплатить нечѣмъ. Я ждалъ каждый день денегъ изъ Ярославля, гдѣ у меня есть одно дѣло—самое безспорное, дѣло о возвратѣ мнѣ 800 рублей, составляющихъ мою неотъемлемую собственность, и удержанныхъ у моей покойной матери,—при выкупѣ ея имѣнья,—но которые теперь уже, вслѣдствіе позднѣйшихъ правительственныхъ распоряженій, давно бы должны быть мнѣ возвращены, а я вотъ ужъ годъ не могу ихъ добиться отъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія благодаря разнымъ канцелярскимъ проволочкамъ. Обѣщали еще въ Декабрѣ, потомъ въ Январѣ на 25-ое—все покончить и до сихъ поръ ничего! И я поставленъ въ такое положеніе, что хоть полѣзай въ петлю! Благословишь въ душѣ такіе порядки! Можете судить поэтому, каково теперь мое настроеніе, и какъ мнѣ легко работать, а я долженъ къ сроку поставить, во что бы то ни стало, переводъ романа Вейнбергу. Да вотъ еще въ Февралѣ безъ сомнѣнія послѣдуетъ закрытіе „Отеч. Зап.“, которымъ дано второе предостереженіе, мотивированное такъ, что всѣмъ ясно, что съ журналомъ намѣрены покончить, о чемъ давно уже ходили слухи. Тогда послѣднихъ средствъ къ жизни лишишься. И, кажется, безъ того не доживешь вѣка своего, чтобъ не облечься въ вицмундиръ, а эти чиновничьи занятія для меня до такой степени противны, что положительно отравятъ мою остальную жизнь и сократятъ ее наполовину. Ужъ я это ярмо-то носилъ, знаю, что̀ это такое... И не столько сами занятія, сколько отношенія эти подчиненныя, эта среда чиновничья—вотъ что̀ ужасно, убійственно. Вообще—скверно и въ мои лѣта просто невыносимо такое существованіе. Но будетъ обо всемъ этомъ, отвѣчаю на ваше письмо. Вы говорите—не сто̀итъ читать газетъ—это все шумиха дня, мелочи, закрывающія просторъ другихъ вопросовъ, мучительныхъ и жгучихъ. Нѣтъ, это далеко не мелочи... это вопросы о жизни и смерти милліоновъ людей, которыхъ положеніе заслуживаетъ того, чтобы о немъ поразмыслить..! Они не задаются міровыми вопросами: зачѣмъ жить? а живутъ, и какъ имъ ни скверно жить, терпятъ, утѣшая себя только пословицей: не такъ живи какъ хочется, а какъ Богъ велитъ, и считая себя не въ правѣ покончить съ своей жизнью. Не потому ли эти „міровые“ вопросы занимаютъ у насъ такъ много мѣста, что мы ужъ очень большіе эгоисты и, непрестанно копошась въ самихъ себѣ,—забываемъ о другихъ; никого не любимъ—никого не находимъ, для кого бы стоило намъ жить... Ничего бы я такъ не желалъ, какъ чтобы вы женились и обзавелись семьей... Ахъ! какъ эти вопросы „зачѣмъ, да сто̀итъ ли жить“ отодвинутся тогда на второй планъ... Толстой, котораго эти міровые вопросы доводили до отчаянія, тѣмъ не менѣе жилъ и живетъ, работалъ и продолжаетъ работать. Сперва онъ лично занимался воспитаніемъ своихъ дѣтей, подготовилъ ихъ къ университету, поставилъ на ноги, теперь изучаетъ народную жизнь, не по книгамъ, а сближаясь съ народомъ, вра-

щаясь въ его средѣ,—и стоитъ на самой практической почвѣ, найдя примиреніе съ жизнью въ христіанствѣ, но не въ догматѣ, а въ нравственной сторонѣ ученія, въ „братской любви“, нисколько не симпатизируя никакому мистицизму, равно какъ и спиритизму. Даже то, что писалъ въ послѣднее время Достоевскій въ своемъ дневникѣ, для него крайне антипатично, это я слышалъ отъ людей, которымъ онъ самъ говорилъ это... Онъ, вѣроятно, тоже не читаетъ или мало читаетъ газеты, но не потому, чтобы считалъ „мелочами“, шумихой дня всѣ вопросы, о которыхъ въ нихъ пишется... (многое несомнѣнно считаетъ), а потому что пишется-то объ этихъ вопросахъ не то, что слѣдуетъ, и людьми, которые легкомысленно къ нимъ относятся или вовсе ничего въ нихъ не смыслятъ. Впрочемъ, милый другъ,—не заводите со мной разговора на эту тему... я чувствую вполнѣ свою несостоятельность удовлетворить васъ. Я не діалектикъ, отвлеченными, метафизическими вопросами никогда не занимался, философской подготовки никакой не имѣю (не такъ жизнь моя сложилась). Какъ ни ужасна мысль о „ничтожествѣ“, о небытіи—о томъ, что съ этой жизнью в с е кончается, но въ загробную жизнь я не вѣрю—не могу вѣрить. Да и если въ этой загробной жизни мое личное Я—со всѣмъ, что его теперь волнуетъ,—не будетъ существовать, то такая жизнь не имѣетъ для меня никакого значенія. Будемъ же говорить о житейскомъ.

Во-первыхъ,—спасибо вамъ большое за ваши теплыя слова, за сердечное отношеніе ко мнѣ, хотя я, право, не знаю, чѣмъ я все это заслужилъ. Я самъ васъ очень люблю, вѣрьте мнѣ, но это не заслуга. Желалъ бы душевно чѣмъ-нибудь на дѣлѣ доказать вамъ это. Но что я могу,—я, который не сумѣлъ устроить порядочно свою собственную жизнь и отъ котораго никому изъ близкихъ мнѣ—какъ отъ козла—ни шерсти ни молока! Я собственно такой же „сочувственникъ“, какъ И. И. Горбуновъ,—и ничего болѣе.

Недавно былъ я на одномъ вечерѣ, гдѣ одна знакомая мнѣ дѣвушка стала меня разспрашивать о васъ довольно подробно и съ участіемъ. (Она изъ семейства, очень близко стоявшаго къ Некрасову, и въ которомъ жила и умерла сестра его). Я высказалъ ей свое мнѣніе о васъ, какъ о поэтѣ, и спросилъ, почему, собственно, она такъ вами интересуется, дарованіе ли ваше только причиной тому или что-нибудь еще другое. Оказывается,—что ея замужняя сестра, теперь умершая, была близкой подругой вашей покойной матушки, едва ли даже не вмѣстѣ съ ней воспитывалась и очень ее любила. Можетъ-быть, вы пожелали бы съ ними познакомиться—то я съ радостью могъ бы васъ повезти туда. Семейство очень хорошее и радушное. Двѣ дѣвушки—уже не особенно молодыя, одной лѣтъ 25, другая годами двумя-тремя старше, обѣ превосходныя музыкантши. Братъ—профессоръ въ Институтѣ Путей Сообщенія, человѣкъ въ полномъ смыслѣ прекраснѣйшій. Отецъ старикъ веселый и добродушный, острякъ и анекдотистъ. У нихъ же живетъ и дочь той сестры, которая была подругой вашей матушки, только-что кончившая курсъ въ гимназіи и теперь слушающая педагогическіе курсы.

О какихъ „нелѣпостяхъ“, встрѣчающихся въ вашихъ письмахъ, вы мнѣ говорите? До сихъ поръ я ничего еще такого не встрѣчалъ.

Очень радъ, что „Искорка“ [1]) была отложена, не теряю надежды увидѣть васъ въ ней. То, что̀ вы пишете мнѣ объ отношеніяхъ къ Т., подтверждаетъ мое мнѣніе, что серьезнаго чувства тутъ нѣтъ. Скучно безъ нея, потому что это единственная, можетъ-быть, симпатичная женщина въ Кронштадтѣ, а для васъ женское общество необходимо, и вы привыкли до извѣстной степени къ ея обществу. Но что вы ее почти не замѣчаете, когда она тутъ... этого не бываетъ при серьезной привязанности... такъ я думаю, по крайней мѣрѣ. Говорю это, впрочемъ, не a priori... Со мной никогда этого не бывало... и я не замѣчалъ, чтобъ бывало и съ другими. Но вѣдь любовь очень разнообразна въ своихъ проявленіяхъ.

Пушкинцы еще не дрались. Это вы напрасно. А что, можетъ-быть, подерутся—я не ручаюсь. Прочелъ я въ „Новостяхъ“ себѣ похвалу—и даже пришелъ въ смущеніе. Не черезчуръ ли хватилъ ужъ добрѣйшій Михневичъ? Даже шиллеровскую физіономію нашелъ у меня. Откуда мнѣ сіе? И что враговъ у меня литературныхъ даже—нѣтъ. Онъ ошибается. Есть всяческіе—и литературные и не литературные... Про то я знаю.

Салтыку ваши стихи покажу. Но о Боровиковскомъ я не совсѣмъ вашего мнѣнія: простоты нѣтъ, это, пожалуй, но это собственно не отъ недостатка искренности, правдивости, а отъ недостатка таланта. Но нѣкоторыя строфы прочувствованы и задушевны (въ 1-мъ стихотв.). Что̀ вы мнѣ такое о зависти говорите?.. Это даже смѣшно, воля ваша. „Къ Свѣту“ не видалъ, но слышалъ, что этотъ романъ давно написанъ и путешествовалъ по разнымъ редакціямъ. Не знаю, хватитъ ли у Вагнера на романъ. Что̀ вы скажете о концѣ „Клары Миличъ“?

Въ воскресенье въ Большомъ театрѣ наиторжественнѣйшій юбилей. Вейнбергъ собираетъ всю литературную братію на сцену—вѣнчать бюстъ поэта. Самъ написалъ стихи очень недурные. Билеты всѣ разобраны—до райка включительно. Сборъ въ пользу Фонда. Дирекція все дала даромъ: театръ, актеровъ, освѣщеніе... всѣ расходы приняла на себя. Это достойно хвалы.

Каково я вамъ, дорогой вы мой, накаталъ письмище? Только я думаю, послѣ того, какъ я вамъ сознался, что не вѣрю въ загробную жизнь, и „распекъ“ васъ за индифферентизмъ къ „шумихѣ дня“, я долженъ понизиться въ вашемъ мнѣніи на 90% по крайней мѣрѣ. Сознайтесь. А?

Не могу ли я искупить хоть сколько-нибудь вину свою, подѣлившись съ вами стихотвореніемъ, писаннымъ не для печати и адресованнымъ къ женщинѣ, (не изъ петербургскихъ. Вы ее не видали и не знаете), которое кромѣ той, кому оно написано, да васъ никто не прочтетъ, ибо оно такъ субъективно, что никого интересовать не можетъ. Но такъ какъ вы

---

[1]) Пьеса А. Н. Плещеева.

мнѣ показываете все свое, то и я плачу вамъ тѣмъ же, да притомъ же и вашимъ отзывомъ дорожу. Вотъ стихи:

Къ тебѣ и радость и печали
Привыкъ нести я, добрый другъ.
И ласки дружбы врачевали
Не разъ душевный мой недугъ.

Какъ золотитъ прощальнымъ свѣтомъ
Лучъ солнца блеклые листы,
Своей улыбкой и привѣтомъ
Закатъ мой озаряешь ты.

И шлю тебѣ благословенье
Изъ глубины души моей,
За всѣ я свѣтлыя [1]) мгновенья
Среди осеннихъ, грустныхъ дней...

Крѣпко васъ обнимаю и жму вашу руку, мой милый поэтъ. Вѣрю, что кронштадтское болото начинаетъ претить вамъ. Надо бы вамъ чаще сюда наѣзжать, и хоть къ веснѣ постараться бы выбраться оттуда. Въ Маѣ коронація. Нельзя ли какъ этимъ моментомъ воспользоваться для вашего перевода? Пожалуй, и сына моего теперь раньше произведутъ въ офицеры.

Искренно васъ любящій А. П.

Въ то время, когда вы праздновали именины Терновской, мы у Вейнберга справляли таковыя же М. В. Ватсонъ, которая вамъ кланяется. Мои всѣ также—и жаждутъ васъ видѣть.

7.

Января 21. Петерб. 1884 г.

Любезный другъ Семенъ Яковлевичъ. Вчера видѣлъ я въ театрѣ Скворца [2]), съ которымъ Мережковскій за день передъ тѣмъ, или въ тотъ же день утромъ, велъ безуспѣшно переговоры о вашемъ стихотвореніи. Онъ, кажется, не желаетъ положительно выпускать ихъ изъ своего Скворешника, и говорилъ со мной объ этомъ нѣсколько обиженнымъ тономъ: „Конечно, говоритъ, всякій воленъ распоряжаться своимъ добромъ“ и проч. Я ему на это замѣтилъ что добро это теперь уже не ваше, а его, такъ какъ онъ вамъ деньги за него отдалъ, но дѣло въ томъ, что четыре строки, которыя вы ради Скворешника передѣлали, измѣняютъ внутренній смыслъ всей пьесы, и вамъ это непріятно. Тогда онъ обѣщался показать цензору стихи въ первоначальной редакціи и, если они не пройдутъ,—то возвратить мнѣ ихъ. Но однако же сегодня не былъ у меня и не прислалъ ихъ. Въ качествѣ семинариста онъ не щеголяетъ деликатностью. Могъ бы понять, что хорошему стихотворенію не слѣдъ пропадать въ его Скворешникѣ,

[1]) Этотъ стихъ долженъ возмутить ваше эстетическое чувство. Можно поставить вмѣсто: „за всѣ я свѣтлыя“, „за всѣ отрадныя“.

[2]) Прозвище редактора-издателя „Еженедѣльнаго Обозрѣнія“.

который здѣсь никто не читаетъ, а въ провинціи читаетъ неизвѣстно кто (судя по корреспонденціи его съ подписчиками—должно-быть, все больше народъ такой, которому не столько нужны стихи, сколько портреты архіереевъ и полководцевъ), и что если ему возвращаютъ за него деньги, да еще другое стихотвореніе посылаютъ и статью даютъ, то простое приличіе требовало бы возвратить желаемое. Но, повторяю, это человѣкъ не совсѣмъ „культурный“, это „бурса“ (Вамъ передалъ его брошюрку Мережковскій; это положительно сочинялъ гоголевскій философъ: Хома Брутъ). Я очень понимаю, что ему пріятно украсить свой скворешникъ „цвѣтами“ — настоящими, благоухающими, тогда какъ до сихъ поръ онъ былъ только украшенъ цвѣтами его собственнаго краснорѣчія, да Бердяевской и Кругловской крапивой. А Салтыковъ пристаетъ ко мнѣ—подай, да подай къ Февральской книжкѣ стиховъ. Онъ бы, пожалуй, Мережковскаго напечатать не прочь—да неловко въ каждой книжкѣ все одного и того же поэта помѣщать. Не напишется ли у васъ чего? Пожалуйста, пришлите, или, еще лучше, привезите сами. Вчера Марья Валентиновна заходила ко мнѣ узнать отъ имени м-мъ Граве, когда вы будете. Она васъ къ Л. . . . ву везти собирается. Берите по крайней мѣрѣ у Скворца еще денегъ. Онъ и другое ваше стихотвореніе принялъ. А если не хотите, то, пожалуй, я вамъ вышлю нѣсколько рублей подъемныхъ и прогоны на двѣ лошади. (По чину вамъ большаго не полагается). Не засиживайтесь въ Кронштадтѣ. Вамъ, пожалуй, всучатъ какую-нибудь роль въ домашнемъ спектаклѣ: вотъ вы и застрянете. Опять же сердечныя дѣла... Охъ! Ужъ эти мнѣ поэты!

Пушкинцы открыли свои дѣйствія довольно неудачнымъ, какъ говорятъ, вечеромъ. Назначили 1 р. за входъ, и зала была наполовину пуста. Да къ тому же градоначальникъ почему-то танцевъ не разрѣшилъ. (Лейкинъ потомъ ѣздилъ къ нему и теперь выпросилъ разрѣшеніе). Пѣвица итальянская не пріѣхала. Гаршинъ читалъ безуспѣшно. Словомъ, не выгорѣло. Леонтьевъ разсказываетъ, что Лауръ, заплативши съ женой по рублю, долго потомъ не могъ успокоиться,—или, говоря словами трактирнаго лакея у Островскаго: „даже внѣ себя пришелъ“. Мнѣ еще одинъ поэтъ прислалъ стихи изъ Кіева, по совѣту Миши [1]), какъ онъ говоритъ, при письмѣ довольно искренномъ. Но увы! тоже плохъ. Все рефлексія... гамлетствованіе, и форма далеко не выработана. Жду вашего пріѣзда, чтобъ сочинить купно отвѣтъ. Вы на это мастеръ; а я и лѣнивъ имъ отвѣчать, и не умѣю такъ сдѣлать, чтобъ оно и не обидно для поэта было, но чтобъ въ то же время и поощренія никакого къ дальнѣйшему стихотворству. Положительно взялъ бы васъ къ себѣ домашнимъ секретаремъ, если бъ могъ предложить вамъ 2400 р. жалованья и квартиру съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, столомъ и прислугой. Жму вашу руку. Кланяйтесь Абрамушкѣ. До свиданья. Надѣюсь до скораго.

Вашъ А. Псевдонимовъ.

---

[1]) Россійскій.

8.

Ноября 23. 1885 г. Петербургъ.

Какъ живется милѣйшій Семенъ Яковлевичъ? Ни къ кому вы не пишете,—даже не отвѣчаете тѣмъ, кто пишетъ. Вчера былъ у меня Россійскій; спрашивалъ, не знаю ли я чего о васъ. Говоритъ, писалъ и не получилъ отвѣта. О вашемъ здоровьѣ кос-что знаю отъ Марьи Валентиновны; но желалъ бы знать подробнѣе о житьѣ-бытьѣ. На людей вы, какъ кажется, попали хорошихъ, что однакоже не мѣшаетъ вамъ иногда хандрить. Александра Аркадіевна [1]) замышляетъ васъ перетащить опять въ Питеръ. Но я этого проекта—въ настоящій моментъ именно—не одобряю. Хуже той зимы, какая стоитъ здѣсь,—нельзя ничего себѣ вообразить. Это гнилая, типическая-петербургская погода. Сегодня на колесахъ, а завтра въ саняхъ, послѣ завтра опять на колесахъ. Утромъ встанешь, и нельзя газеты прочесть—надо огонь зажигать. Весна петербургская тоже извѣстна. А на югѣ, по крайней мѣрѣ, вы настоящей весной насладитесь, и начинается-то она тамъ рано. Если пріѣзжать сюда, такъ развѣ лѣтомъ. Вы, конечно, не подозрѣваете, что вчера, въ день моего рожденья (мнѣ исполнилось 60 лѣтъ. Невеселый возрастъ!) вы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми юными поэтами, преподнесли мнѣ адресъ, съ выраженіемъ сочувствія, за то, что я на старости лѣтъ не исподлился. Инціатива шла отъ милѣйшаго Всеволода Михайловича Гаршина, который не только сочинилъ и собственноручно написалъ этотъ задушевный и очень меня тронувшій адресъ, но и подписался за васъ, да такъ удачно, что не отличишь его подписи отъ вашей. Вы можете протестовать въ газетахъ, и даже къ суду притянуть за подлогъ! Вообразите, что подписался также—Минскій! „И откуда мнѣ сіе“? говоря словами Св. Писанія.

Читаете ли вы „Сѣверн. Вѣстникъ“? Если читаете—то, пожалуйста, не ругайте меня за Вагнеровскую Инегильду. Я эту мерзость даже и не видѣлъ до напечатанія. А также не ругайте и за стихи, которые прочтете тамъ въ ближайшемъ будущемъ, и которые А. М.[2]) все желаетъ напечатать изъ какихъ-то „политическихъ“ соображеній. Любопытенъ я знать, пойдетъ ли у насъ повѣсть Якова? [3]) Я уклонился отъ чтенія оной—и предоставилъ Михайловскому. Знаю только, что тамъ все дѣло зиждется на паническомъ страхѣ, который произвела въ обществѣ катастрофа 1-го Марта. Вышелъ такой казусъ: А. М. сказала ему, что этотъ мотивъ повѣсти—нецензуренъ. Яковъ отправился къ цензорамъ, прочелъ имъ, и они подписали, что повѣсть можетъ быть пропущена. Если теперь она окажется плохой, въ чемъ я ни мало не сомнѣваюсь, то подъ какимъ соусомъ ему откажутъ?

---

[1]) А. А. Давыдова, основавшая журналъ „Міръ Божій“.

[2]) Анна Михайловна Евреинова, издательница и редакторъ „Сѣвернаго Вѣстника“ до 1890 г.

[3]) Якова Петровича Полонскаго.

М . . . издалъ еще романъ: „Мракъ“. Началъ я его читать. Скучновато — и Б-скіе пріемы у него явились. Онъ теперь, говорятъ, сталъ вообще прихвостнемъ Б., считаетъ его своимъ вторымъ учителемъ послѣ Шеллера, и даже исполняетъ его разныя порученія, нанимаетъ квартиру для него и т. д., словомъ, поклоняется ему! съ чѣмъ я не поздравляю г. М . . . а. Хорошо кабы его Михайловскій немножко пробралъ за эти его пріемы; а то онъ свое дарованіе изгадитъ, а оно у него есть несомнѣнно. А въ ожиданіи у насъ, кажется, будетъ обруганъ Фругъ, книжку котораго послали Протопопову, просившему работы. Полагаю, что онъ его хвалить не будетъ, и если обругаетъ, то обругаетъ хлестко, чѣмъ я буду очень доволенъ. Даже Вейнбергъ—покровитель—говоритъ, что Фругъ возомнилъ о себѣ теперь, что онъ второй Лермонтовъ.

Александра Аркадіевна находится теперь въ періодѣ восхищенія Михайловскимъ, который сначала, было, произвелъ на нее отталкивающее впечатлѣніе. Надо отдать ему честь, что человѣкъ онъ ужасно умный и держитъ себя съ большимъ тактомъ. Арсеній Введенскій перебрался съ своимъ критическимъ багажомъ въ „Р. Мысль“, откуда, вѣроятно, будетъ палить картечью въ „Сѣв. Вѣстникъ“. Евгенія Гарш. послѣ катастрофы или краха со статьей его объ Яковѣ нигдѣ не встрѣчалъ. А стихи Якова такъ и остались неразобранными!

Жму крѣпко вашу руку и желаю вамъ здоровья и вдохновенья. Ваша „страничка прошлаго“ въ печати вышла очень хорошо; вы въ ней много исправили. Въ Гайдебуріи начались воскресенья... столь же скучныя, какъ и прежде, и съ тою только разницей, что прелестная м-мъ К . . . —во-первыхъ, оказалась не столь прелестной и превратилась изъ Качки въ м-мъ С . . . .

Но не разгонятъ тамъ ни Качка ни Семека
Унынія, царящаго отъ вѣка!
И только, можетъ-быть, вступленье Фаусека
Въ секретари газеты грустной сей,
Развеселитъ редакторскихъ гостей!

А какъ зло сострилъ недавно Арсеній Введенскій надъ Кигномъ... „Кто-то, говоритъ, справедливо поставилъ ему за статью единицу“? И Аристарховъ умѣетъ острить.

Лена посылаетъ вамъ конфетъ. Леонтьевъ кошку. Люба собачку. Катер. Мих., кажется, абажуръ—а я ничего, кромѣ душевнаго привѣта.

Вашъ весь

А. Плещеевъ.

На-дняхъ залеталъ ко мнѣ Скворецъ... все такъ же тупъ и все такъ же восхищается Вогуличами. Хорошо, говоритъ, пишутъ Вогуличи! Лучше не надо. А главное, гонораръ берутъ умѣренный. Хочетъ вскорѣ приложить портретъ Симоновой.

б) Письмо Вс. М. Гаршина С. Я. Надсону.

1883 года.

Дорогой Семенъ Яковлевичъ!

Къ большому моему горю я занятъ въ Субботу и никакъ не могу пріѣхать къ Вамъ въ Кронштадтъ. Повѣрьте, что тутъ причина не нежеланіе, а невозможность; мнѣ уже давно хотѣлось побывать у Васъ и, по всей вѣроятности, скоро я и соберусь и упаду къ вамъ на голову, яко снѣгъ. Чтеніе для меня прошло весьма благополучно: къ величайшему моему изумленію у меня оказался голосъ, совершенно достаточный для большой роли.

До свиданья, надѣюсь, скораго. Въ самомъ дѣлѣ, пріѣзжайте сюда почаще. Кстати, Минскій читалъ мнѣ свою трагедію, вѣдь и мнѣ она, за весьма малыми исключеніями, очень понравилась.

Искренно Вашъ В. Гаршинъ.

Зачѣмъ вы дѣлаете изъ себя андерсеновскаго „Гадкаго Утенка“? Право, Семенъ Яковлевичъ. къ Вамъ оно вовсе не идетъ; позвольте увѣрить Васъ, Милостивый Государь, что Вы лебедь, самый подлиннѣйшій лебедь.

в) Письма В. А. Фаусека С. Я. Надсону.

1.

Сентябрь, 1885 г.

Дорогой Семенъ Яковлевичъ!

Я получилъ одновременно два письма, повѣствующія о Вашемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, отъ Марьи Валентиновны и отъ Евгенія Михайл. Гаршина, письма, хотя и расходящіяся въ частностяхъ, но оба настолько подробныя, что я знаю, напримѣръ, что Вы ѣздили на Невскій покупать себѣ новую шляпу. Хороша шляпа, сэръ?

Но, несмотря на такое обиліе подробностей, я, собственно говоря, не знаю хорошенько, что̀ Васъ побудило такъ неожиданно вернуться на родину и какъ Вы пришли къ этому рѣшенію (предыдущія письма Марьи Валент. пропали на почтѣ и не дошли до меня); не знаю я поэтому, радоваться ли мнѣ Вашему возвращенію, и не лучше ли было бы еще одну зиму проскучать Вамъ за границей.

Но такъ или иначе, долго ли коротко ли пробудете вы въ Петербургѣ, все-таки я отъ души поздравляю Васъ съ возвращеніемъ, вспоминая какъ неистово тосковали Вы въ Ниццѣ по ро-

динѣ и по своимъ старымъ петербургскимъ друзьямъ. Теперь Вы, вѣроятно, перевидали ихъ всѣхъ уже; къ Вамъ сбѣжались, вѣроятно, всѣ интересующіеся Вами въ Петербургѣ—

И Минскій, и Гаршинъ, и даже
Свирѣпый дикарь Готтентотъ.

(Подъ послѣднимъ подразумѣвай... ну, хоть Б . . . . а...). Что Минскій и Гаршинъ были у Васъ, это я уже знаю; побывалъ, конечно, и Алексѣй Николаевичъ. Вотъ къ кому я вполнѣ раздѣляю Вашу симпатію. Послѣдніе мѣсяцы въ Петербургѣ я бывалъ у него и могъ узнать ближе, какой милый и симпатичный человѣкъ этотъ сановитый старикъ, этотъ „падре“, какъ Вы его называете; и какой это молодой старикъ. Увидите его, кляняйтесь ему отъ меня.

Но сознайтесь, Семенъ Яковлевичъ, что Ницца лучше Сиверской, сознайтесь хоть теперь; въ Ниццѣ Вы не хотѣли этого признавать, и помню, много говорили о привлекательности „блѣдныхъ цвѣтовъ“ сѣвера, объ унылой и печальной прелести петербургской природы. Петербургская природа! Эти два слова звучатъ нелѣпо, какъ какіе то non sens, поставленные рядомъ. Я всегда сомнѣвался, существуютъ ли даже въ Петербургѣ какія-либо „явленія природы“, и помню, былъ очень удивленъ, и даже нѣсколько шокированъ, когда въ прошломъ Маѣ въ Пет. выпалъ такой градъ, какого я никогда не видалъ даже на югѣ — съ грецкій орѣхъ величиной. Нѣтъ, я —поклонникъ юга. Если бы Вы знали, съ какимъ вкусомъ мнѣ иногда вспоминается Ницца! Помните отдаленную снѣговую вершинку, которую видно было изъ окна коридора пансіона Java и на которую Вы смотрѣли, когда еще не могли выходить изъ дома?..

Сентябрь, 1885 г.

2.

15 Декабря, 1885 г.

Я сейчасъ только вспомнилъ, дорогой Семенъ Яковлевичъ, что вчера былъ день Вашего рожденія; и хотя мнѣ и досадно, что я не вспомнилъ этого вчера, но я думаю, что и сегодня можно, придравшись къ этому случаю, написать Вамъ нѣсколько строчекъ и поздравить Васъ. Два года тому назадъ мы провели съ Вами вмѣстѣ этотъ день подъ благословеннымъ небомъ Ниццы, два цѣлые года!

Я давно не имѣю о Васъ никакихъ почти извѣстій, главнымъ образомъ, потому, что послѣднее время я какъ-то рѣшительно отрѣшился отъ міра и отъ дѣлъ его. У Ватсоновъ мнѣ даже стыдно сказать, сколько времени я не былъ, и не встрѣчалъ нигдѣ ни Лики, ни Эрнеста Карловича; отъ нихъ, конечно, я могъ бы узнать что-нибудь про Васъ и про Марью Валентиновну. У Давыдовыхъ я тоже не былъ сто лѣтъ, а у Плещеева двѣсти. Повѣрите ль, даже у Г . . . —me comprenez vous?—я за

всю эту осень—слѣдите Вы за моей мыслью?—былъ всего два раза. А они объявили у себя Среды, разъ въ двѣ недѣли, на которыхъ показываютъ свою дочку въ великолѣпномъ видѣ—наряжаютъ ее очень великолѣпно, я хочу сказать, а сестрицы Ольг. Конст. при этомъ упражняютъ свои умственныя и діалектическія способности въ обличительномъ родѣ, съ неумолимою тщательностью предаваясь анализу душевныхъ свойствъ, добродѣтелей и пороковъ своихъ родныхъ, друзей, знакомыхъ и ближнихъ вообще.

Не знаю, дѣйствіе ли это именно подобныхъ психологическихъ упражненій, или что-либо другое влечетъ меня къ анахоретическому образу жизни, но меня нигдѣ почти не тянетъ бывать, и я все больше сижу дома. Хотя не смѣю утверждать, чтобы и изъ этого выходилъ особенный прокъ для ума и сердца.

Всев. Мих., напротивъ, попрежнему порхаетъ, какъ папильонъ. Когда М. В. уѣзжала изъ Пет., онъ былъ въ угнетенномъ настроеніи, плохъ былъ. Теперь онъ опять здоровъ, или вѣрнѣе, болѣе чѣмъ здоровъ—въ возбужденномъ состояніи духа: веселъ, безпеченъ, бѣгаетъ по всему городу, хотя и отзывается про Александру Аркадьевну, цитируя Вашъ стихъ: „не влечетъ меня красота этой чудной природы“. Работаетъ онъ, къ сожалѣнію, очень мало, и ничего не пишетъ — или почти ничего. Жалко мнѣ его.

Евг. Михайл.—Евг. Мих., какимъ Вы его знаете.

Прощайте, дорогой мой. Крѣпко жму руку Вамъ и Марьѣ Валентиновнѣ.

Вашъ В. Фаусекъ.

Загородный пр., д. 26, кв. 18.

3.

Дорогой Семенъ Яковлевичъ! Никакъ не могъ собраться отвѣтить Вамъ на Ваше письмо, потому что странствованія мои частью не давали мнѣ достаточно удобнаго вигвама и болѣе удобнаго для писанія инструмента, чѣмъ томагаукъ, частью же приводили меня къ вечеру въ такое изнеможенное состояніе, что я писать уже никакъ не могъ. Но и скверные вигвамы, и вечерняя усталость, Вы согласитесь, представляютъ, конечно, привлекательную сторону путешествія, и будь это лѣтъ 40 тому назадъ, когда было принято писать друзьямъ „умныя письма“, я бы написалъ Вамъ что-нибудь въ родѣ „Писемъ изъ Испаніи“ Боткина; при нехваткѣ таланта можно было бы и прямо перемахнуть, подставивши вмѣсто испанокъ калмычекъ. Но умныя письма не въ модѣ болѣе; это старо, это сохранилось еще развѣ только у Вогуличей и ихъ литературной школы. Я возьму себѣ другой образецъ, не Боткина и не Карамзина; буду писать Вамъ въ томъ тонѣ, въ какомъ написаны надписи на памятникахъ Ассирійскихъ царей; въ древней исторіи Зайцева, Зайчихина мужа, Вы

ихъ читали и, вѣроятно, помните. Они сочинены приблизительно такъ-то:

„Я, Фаусекъ I, знаменитый путешественникъ, совершилъ большіе подвиги. Я посѣтилъ народы Агикулапо-Джембойлуковскіе, Эдишкульскіе, Эдисайскіе, Кара-Ногайскіе и Трухменскіе; но ни съ кого не содралъ кожи. Я проѣхалъ въ бричкѣ Кара-Ногайскіе пески и ужасные солончаковыя степи до берега моря Каспійскаго. Я катался въ лодкѣ по Каспійскому морю и посѣтилъ рыбные промыслы. Я былъ въ Черномъ-Рынкѣ, гдѣ неистовыя блохи хотѣли съѣсть меня заживо; но Ассирійскіе Боги защитили меня и предали блохъ лютой казни. Я былъ въ дельтѣ Терека и смотрѣлъ, какъ ловятъ красную рыбу. Я проѣхалъ обратно черезъ Кара-Ногайскія степи. Я истребилъ саранчу на рѣкѣ Кумѣ. Я обѣдалъ съ двумя могущественными губернаторами: губернаторомъ Ставропольскимъ и губернаторомъ Астраханскимъ. Я велъ умные разговоры съ этими мудрыми владыками. Я обогатилъ умъ мой познаніемъ и сердце веселіемъ. И въ заключеніе я живъ, цѣлъ и невредимъ".

Все это правда, включая сюда даже губернаторовъ; они носятъ, впрочемъ, оба не ассирійскій, а высоко-щедринскій характеръ. Къ сожалѣнію, я вчера обѣдалъ съ ними, а сегодня проблуждалъ по Кумѣ, опоздалъ къ обѣду и чуть-чуть не пообѣдалъ съ губернаторскимъ лакеемъ. Но я демократъ, Вы знаете. Губернаторы же здѣсь дѣйствительно при саранчѣ, и по ея поводу пьютъ въ глухой степи шампанское и говорятъ другъ другу комплименты.

Кромѣ губернаторовъ, пересмотрѣлъ я, конечно, много и другого народа, ужъ не говоря о татарахъ. Татары мнѣ, кстати сказать, нравятся, въ массѣ очень добродушные, а въ отдѣльныхъ единицахъ шельмоватые, но очень интеллигентные люди. Дамы ихъ безобразны; у нихъ рваныя ноздри и въ ноздрѣ продѣто кольцо. Впрочемъ, безобразіе это относительное; въ петербургскихъ гостиныхъ встрѣчаются особы хуже. Встрѣчаются ли въ петербургскихъ гостиныхъ дамы съ рваными ноздрями—я не примѣчалъ, по близорукости.

Здѣсь ѣздятъ на верблюдахъ и пьютъ калмыцкій чай. На первое я не рискнулъ, а послѣдняго отвѣдалъ: мерзость преестественная. Его варятъ съ масломъ или бараньимъ саломъ, съ солью и перцемъ.

Я встрѣтилъ здѣсь казака, который въ молодости хорошо зналъ Льва Толстого. Онъ родомъ изъ той станицы, гдѣ прожилъ Толстой годы, давшіе ему матеріалъ для „Казаковъ". Мой казакъ его отчетливо помнитъ и можетъ много о немъ разсказать, исключительно съ своей казачьей точки зрѣнія. При одномъ имени его онъ щурится, посмѣивается и покачиваетъ головой; Толстому было тогда 19—20 лѣтъ, и онъ жилъ далеко не такимъ скромницей, какъ разсказываетъ въ „Казакахъ", а „открытымъ фронтомъ", шумно и бойко. Здѣсь было наполовину Руссо, на половину Sturm und Drang Periode. Службу онъ игнорировалъ совсѣмъ, и начальство смотрѣло сквозь пальцы на это. Время

свое всецѣло посвящалъ охотѣ и держалъ огромную свору собакъ. Съ этими собаками, со своими людьми и казаками-охотниками онъ дни и ночи проводилъ въ Терскихъ лѣсахъ. Казаки его любили; онъ чуждался общества офицеровъ и вращался исключительно въ казацкой средѣ, не дѣлалъ никакого между ними различія. У него былъ для нихъ открытый домъ; кто хотѣлъ ѣлъ, пилъ, спалъ. Деньги онъ сыпалъ направо и налѣво; должниковъ у него было много, а передъ отъѣздомъ онъ простилъ всѣ свои долги. Казакъ-старикъ Ерошка (помните?),—живое лицо и описанъ у Толстого „какъ живой“; мой собесѣдникъ-казакъ—грамотный, служитъ теперь писцомъ, знаетъ про литературную славу Толстого и читалъ „Казаковъ“. Настоящее имя Ерошки было Епишка; Толстой былъ съ нимъ друженъ чрезвычайно, неразлученъ, а „уѣзжая“ звалъ его съ собой въ Россію. Епишка не поѣхалъ и послѣ очень жалѣлъ объ этомъ. Кутилъ и пилъ Толстой, какъ никто, но никогда не напивался пьянъ. Всѣ эти черты, вмѣстѣ взятыя, внушали казакамъ уваженіе къ нему; они смотрѣли на него, какъ на мальчика, но „уже и тогда видно было, что битокъ будетъ“. Старики его до сихъ поръ вспоминаютъ.

Но когда я въ короткихъ словахъ разсказалъ моему собесѣднику, что̀ такое Толстой теперь, чѣмъ онъ занимается и что̀ пишетъ, ему это показалось очень смѣшно. Вотъ бы,—сказалъ онъ,—сказать ему на ушко: „Левъ Николаевичъ, а Старо-Гзадковскую станицу помните?“

Тороплюсь кончить письмо, чтобъ сегодня же послать его на почту. Надѣюсь, что оно застанетъ Васъ въ Носковцахъ. Надѣюсь также, что если Вы и уѣхали куда-нибудь, то развѣ за границу—единственная поѣздка Ваша, которая была бы мнѣ по душѣ, а Вамъ на пользу. А то Кіевъ—проходи мимо, Петербургъ—наплевать, Ментона, Флоренція—подай его сюда, Швейцарія—намъ ее и надо. Лучше всего просидите лѣто въ Подоліи и топите себя въ кефирѣ. Я знаю, что Вамъ таковыя мнѣнья несносны, но въ нихъ правда.

Гдѣ теперь М. В., у Васъ или въ Петербургѣ? Я бы ей написалъ, да не знаю куда. Если она въ Носковцахъ, попросите ее черкнуть мнѣ слова два о Васъ и о себѣ.

Прощайте. Вашъ Викторъ Фаусекъ.

15 Мая 1886 г. Трухменская степь.

4.

Дорогой мой Семенъ Яковлевичъ! Сегодня я былъ съ Ликой въ академіи на присужденіи Пушкинской преміи. На эстрадѣ, передъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣли два сѣдые старца со звѣздами на мундирахъ, а между ними какой-то *** съ двумя звѣздами. *** прочиталъ отчетъ, изъ котораго явствовало, что въ нынѣшнемъ году академія была такъ счастлива, что могла выдать Пушкинскія преміи въ полномъ размѣрѣ тремъ

авторамъ. Представлено было на конкурсъ пять сочиненій; но два изъ нихъ были отклонены, какъ неудовлетворяющія правиламъ конкурса (не позднѣе трехъ лѣтъ по напечатаніи), а три удостоены преміи. Это были: переводъ „Макбета“, сдѣланный Юрьевымъ (Московскимъ), переводъ Мицкевича („Конрадъ Валленродъ“, „Панъ Тадеушъ“, лирическія пьесы) Н. П. Семенова, старичка-сенатора, и Ваша книжка. Рецензія „Макбета“ была поручена Веселовскому, Мицкевича—Вербовскому, приватъ-доценту польской литературы въ Варшавскомъ университетѣ, а стихотворенія г. Надсона—„одному изъ нашихъ поэтовъ“ [1]). Но такъ какъ „одинъ изъ нашихъ поэтовъ“, читалъ далѣе *** съ звѣздами, не представилъ къ сроку своего отзыва, то разборъ книги былъ представленъ ему ***. Разборъ этотъ, прочитанный тутъ же, нѣсколько смѣшонъ по своему устарѣлому слогу и манерѣ выражаться, но, на мой взглядъ, точенъ и справедливъ. Упоминалось о „почти безукоризненномъ изяществѣ формы“, о звучности и легкости стиха, о чувствѣ, о поэтичности и пониманіи поэзіи. Однообразіе нравственныхъ мотивовъ пьесы ставилось въ связь съ неудачной молодостью, съ учебными годами, проведенными въ неудовлетворительной обстановкѣ, съ тяжкой болѣзнью и физическими страданіями. Этими причинами, какъ чисто внѣшними, объяснялась печать отчаянія и пессимистическаго настроенія. Упоминалось даже, что молодой поэтъ былъ задѣтъ болѣзнью молодого поколѣнія нашего времени—отрицаніями. Но указывался цѣлый рядъ пьесъ и отрывковъ, изъ которыхъ видно, что поэтъ способенъ на совершенно другое, болѣе глубокое и художественное творчество, на болѣе полное и спокойное пониманіе и воспроизведеніе жизни. Онъ прочиталъ цѣликомъ „Сбылося все, о чемъ за школьными стѣнами“, и „Да, хороши онѣ, кавказскія вершины“—какъ образцы мягкаго и теплаго, глубокаго поэтическаго чувства. Выразилъ сожалѣніе о преобладаніи лирическихъ мотивовъ, въ ущербъ эпическимъ пьесамъ, изъ которыхъ имѣющіяся онъ очень одобрялъ. Закончилъ свой отчетъ ***, оказавшійся впослѣдствіи Я. К. Гротомъ, пожеланіемъ, чтобы академія и впредь могла въ такомъ же количествѣ выдавать свои преміи. Въ комиссіи, рѣшавшей выдачу премій, кромѣ рецензентовъ, участвовали: Полонскій, Гаевскій, Галаховъ и Страховъ.

В. Фаусекъ.

Октябрь 1886 г.

---

[1]) Гр. А. А. Голенищеву-Кутузову.

г) Стихотвореніе А. Н. Плещеева.

Послѣдняя среда 18-го апрѣля 1883 г.

(П. И. Вейнбергу).

Всю зиму нашъ амфитріонъ
Насъ созывалъ въ свои палаты...
Они не пышны, не богаты,
И гостя взоръ не ослѣпленъ
Въ нихъ бѣлымъ мраморомъ колоннъ,
Или амфоръ массивнымъ златомъ..
Зато здѣсь книгами полны
Стоятъ шкапы. Глядятъ портреты
Героевъ мысли со стѣны
Всѣхъ, чьи созданья спасены
Отъ волнъ неумолимой Леты...
Но мнѣ сдается—началъ я
Писать высокимъ слогомъ... Лета,
Амфитріонъ, амфоры—это
Наскучить можетъ вамъ, друзья.
Увы! всему виною лѣта,—
Знать муза старится моя!
Боюсь ужасно, чтобъ не сбиться
Совсѣмъ на майковскій шаблонъ...
Мнѣ былъ всегда противенъ онъ,
И съ нимъ искусство не мирится,
А потому спѣшу спуститься
Съ Олимпа, взявъ попроще тонъ.
Мы обходились превосходно
Безъ позолоченныхъ амфоръ,
Хоть оживлялся часто споръ
Вина струею благородной;
Непринужденный разговоръ
Лили здѣсь весело, свободно,
Сюда газетная вражда
И сплетня носу не совала,
Здѣсь нашъ кружокъ людей труда
Могъ отдохнуть душой усталой,
И дверь была къ намъ заперта
Для идіота и нахала...
Но скоро насъ лучи весны
Разгонятъ изъ столицы душной
По всѣмъ концамъ родной страны,
И мы съ хозяиномъ радушнымъ
Пока проститься всѣ должны.

И вотъ въ послѣдній разъ пришли мы
Чтобъ благодарственный привѣтъ
Сказать вамъ, искренно любимый,
Нашъ педагогъ неутомимый
И симпатичнѣйшій поэтъ!

Дай Богъ, чтобъ будущей зимою
У васъ мы снова, милый другъ,
Сошлись свободною семьею,
Чтобъ не рѣдѣлъ нашъ тѣсный кругъ,
Чтобъ вновь вечернею порою
Дѣлили вмѣстѣ нашъ досугъ.

Чтобъ рѣчью образной и ѣдкой
Насъ Григоровичъ услаждалъ,
Чтобъ намъ Давыдовъ такъ же мѣтко
Міръ закулисный рисовалъ,
И чтобъ не такъ являлся рѣдко
Сюда Дитятинъ генералъ [1]).

Чтобъ протестантъ нашъ вѣчно пылкій
И обладающій притомъ
Юмористическою жилкой,
Нашъ Острогорскій, за бутылкой
Все былъ веселымъ острякомъ.

Чтобъ, наконецъ, насъ вдохновляли
Своимъ присутствіемъ опять
И такъ же чай намъ разливали
Двѣ дамы милыя... Едва ли,
Мнѣ нужно вамъ ихъ называть?

Простите мнѣ, что пожеланья
Плохимъ я выразилъ стихомъ,
И въ даръ отъ насъ, въ воспоминанье
О нашихъ дружескихъ собраньяхъ
Примите скромный нашъ альбомъ.

---

[1]) И. Ѳ. Горбуновъ.

III.

„ОСКОРБЛЕННАЯ НЕТЭТА".

историческая повѣсть **Н. С. Лѣскова.**

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

(На основаніи переписки Н. С. Лѣскова съ Елиз. М. Бемъ).

Вторая половина 80-хъ годовъ для Н. С. Лѣскова была порою горячихъ увлеченій областью стилизаціи. Очарованный стильной красотою легендъ Пролога, въ это время онъ создалъ свои сказы о „Львѣ старца Герасима", о „Прекрасной Азѣ", „Аскалонскомъ злодѣѣ", „Ѳеодорѣ христіанинѣ и Абрамѣ жидовинѣ", завершивъ эту полосу художественныхъ увлеченій повѣстью о „Богоугодномъ древоколѣ" и великолѣпной легендой „Гора" (1890).

Уже въ слѣдующемъ 1891 г. воображеніе художника оказалось всецѣло занято новою повѣстью того же легендарно-героическаго стиля — „Оскорбленная Нетэта", которая осталась незаконченною въ его черновыхъ бумагахъ. Исключительный любитель книги, Лѣсковъ едва ли не случайно наткнулся на благодарнѣйшій сюжетъ новой повѣсти, читая знаменитую книгу Іосифа Флавія—„Древности іудейскія".

Болѣе или менѣе извѣстный эпизодъ о продѣлкѣ жрецовъ храма Изиды въ Римѣ, во времена Тиберія, жертвою которой явилась благородная матрона, ставшая наложницей распущеннаго патриція, вошедшаго къ ней подъ маскою бога Анубиса, — плѣняетъ темпераментнаго и страстнаго художника всѣмъ обаяніемъ трагическаго мотива. Самъ человѣкъ страстей, видѣвшій и высшую прелесть искусства въ этихъ вѣчныхъ загадкахъ человѣческой психологіи, Лѣсковъ, повидимому, весь захваченъ нѣсколькими страницами превосходнаго въ своей сжатости разсказа далекаго историка.

Лѣсковъ закрываетъ книгу, но не можетъ отойти отъ образовъ прекрасной, наивно вѣрующей римлянки, страстнаго ея обожателя, корыстныхъ жрецовъ, патриціанскаго разгула, пышныхъ ужиновъ, наконецъ, отъ картины казни молодого красавца,

расплачивающагося жизнью за мигъ дерзкаго обладанія. Онъ уходитъ въ изученіе матеріаловъ съ тѣмъ захватывающимъ увлеченіемъ, высшіе образцы котораго явилъ Флоберъ. Онъ читаетъ и перечитываетъ Катулла, Тибулла, Горація, Марціала, выписываетъ изъ старыхъ классическихъ книгъ отдѣльныя изреченія, звучные гекзаметры, эпиграфы, имена и характеристики, уже явно комбинируя въ художественныхъ сочетаніяхъ будущій матеріалъ захватившей его повѣсти. Онъ не хочетъ скрыть источника своего вдохновенія и въ одномъ изъ первыхъ варіантовъ опредѣленно отсылаетъ читателя къ „Древностямъ іудейскимъ“—къ 101-й страницѣ 3-й части русскаго изданія, появившагося при Екатеринѣ (1783, Тип. Акад. Наукъ).

Сцены слагаются въ его воображеніи, обгоняютъ его мысль, рисуютъ ему конецъ, когда еще на бумагу не занесено и начало. Темпераментъ увлекаетъ его на варіанты красивой смерти патриція. Душа его, видимо, всецѣло отдана великолѣпной психологической загадкѣ,—какъ молодая чистая женщина, въ сущности, преданная своему мужу, могла полюбить своего недавняго оскорбителя, обожженная пламенемъ его почти сверхземного чувства. Свою Нетэту, которую мѣстами онъ еще называетъ именемъ Паулины, онъ то бросаетъ съ башни въ костеръ горящаго любовника, то приводитъ въ объятія его, пока еще не разгорѣлся огонь.

Лѣсковъ носится съ зажегшей его темой, какъ носятся только художникъ съ творческимъ замысломъ, или ребенокъ съ новой игрушкой. Судьба не всегда враждебна художнику, и на этотъ разъ она посылаетъ русскому писателю мастера карандаша въ друзья и товарищи замысла. Этотъ второй—извѣстная художница Елиз. М. Бемъ.

На какой почвѣ, гдѣ и когда происходитъ знакомство, мы не знаемъ,но пятьдесятъ четыре дошедшіе до насъ письма Лѣскова (1891—93) воскрешаютъ передъ нами уже установившееся знакомство на чистомъ фонѣ общей работы надъ будущимъ замысломъ. Повѣсть еще не написана. Писатель хочетъ вести ее одновременно съ художницей, рисуя ей положенія, характеры, сцены. Увлекающійся, разгорѣвшійся, восторгающійся и колеблющійся, Лѣсковъ въ этихъ письмахъ весь налицо, и образъ его прекрасенъ. Онъ строитъ, мѣняетъ, совѣтуется, ободряетъ сотрудницу, рекомендуетъ ей альбомы и атласы,—словомъ, весь горитъ и зажигаетъ ее очарованіемъ творчества. А. Ф. Марксъ изъявляетъ готовность печатать новую повѣсть съ ея рисунками, и оба, писатель и художница, съ увлеченіемъ приступаютъ къ дѣлу. Переписка Н. С. съ Бемъ представляетъ вообще значительный біографическій интересъ, но мы беремъ изъ нея только то, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ „Оскорбленной Нетэтѣ“.

Уже первое письмо Н. С., отъ 17-го Февраля 1891 г., говоритъ о томъ, какъ горячо писатель ухватился за избранную имъ самимъ сотрудницу по работѣ.

„Мнѣ не излишнимъ было бы знать о томъ,—пишетъ онъ г-жѣ Бемъ,—что было результатомъ переговоровъ Вашихъ съ Марксомъ? Я непремѣнно желаю исполнить эту легенду съ В а ш е ю помощью и другого художника не хочу. На

этомъ я и буду стоять твердо, подъ условіемъ легендѣ „быть или не быть“. Я надѣюсь, что мои умѣренныя и справедливыя желанія издателемъ „Нивы“ будутъ уважены. Равно и число картинокъ я буду требовать то, какое намѣтилъ въ данномъ Вамъ спискѣ.

На Васъ я полагаюсь съ безграничною увѣренностью, ибо чувствую, что Вы можете понять, вообразить, почувствовать и изобразить „Оскорбленную Нетэту“. Имѣйте къ ней материнское отношеніе, и дайте ей сколько возможно болѣе чистой дѣтственности *), чтобы ея обидчивость и ея похвальбы Анубисомъ, и ея жалобы на „оскорбленіе“—все дышало бы довѣрчивою дѣтскостію и въ то же время пластическою прелестію классически красивой женщины... Вы это можете сдѣлать. Главное, чтобы въ ней было какъ можно болѣе „оскорбленной“ и довѣрчивой.

На Вашемъ мѣстѣ, мнѣ кажется, я бы первый этюдъ сдѣлалъ: Нетэту съ плутомъ-жрецомъ, который объявляетъ ей приглашеніе въ храмъ, отъ бога Анубиса. Тутъ всего только два лица, изъ которыхъ одно (жреца) очень легко, а въ Нетэтѣ удобно показать ея довѣрчивость, женскую стыдливость и радость отъ вниманія бога—радость наивную съ живымъ движеніемъ бѣжать скорѣе похвалиться этимъ мужу своему и всѣмъ роднымъ. Она (мнѣ кажется) уже въ полуоборотѣ, насилу сдерживаетъ себя, держа палецъ у губъ, и сейчасъ убѣжитъ объявлять мужу объ ожидающей ихъ почести.

Въ текстѣ это должно отвѣчать словамъ:

— Я сейчасъ скажу объ этомъ Сатурнину! (т.-е. мужу). Пусть онъ идетъ и возвѣститъ объ этомъ моей матери!

Не попробуете ли это набросать?

Если Нетэты нѣтъ, то сдѣлайте ея головку въ медальонѣ. Она у Васъ прекрасна въ томъ этюдѣ, что у меня (съ Хремомъ, жрецомъ).

Посмотрите въ кабинетныхъ фотографіяхъ Габріэля Макса мученицу на аренѣ, съ подписью „Ein Gruss“. (№ 44). Въ лицѣ этомъ есть дѣтственность, нужная Нетэтѣ, но если станете повторять въ ней то лицо, которое въ этюдѣ у меня, то и это превосходно. Но непремѣнно дайте читателямъ образъ Нетэты не силуэтомъ. Насъ съ Вами объявили—будемъ стараться“.

Н. Л.

За мѣсяцъ художница вошла въ работу, и Лѣсковъ имѣлъ всю возможность убѣдиться, насколько эта работа соотвѣтствуетъ его планамъ.

Достоуважаемая Лизавета Меркуріевна,—пишетъ онъ 12-го Марта, весь день до ночи сегодня я провелъ подъ впечатлѣніемъ того, какъ Вы чувствуете типы и характеры въ изображеніи литературномъ, и какъ передаете ихъ въ пластическомъ искусствѣ... Я давно зналъ Ваши работы, но получилъ сегодня усиленное и уясненное понятіе о воспріимчивости и творческой силѣ Вашего прекраснаго таланта.

„Нетэта“ вездѣ хороша, но на обрывочкѣ, вдвоемъ съ жрецомъ, проложенная красками, она сама вдохновляетъ меня чертами, Вами ей данными, и, если только я не дѣлаю большой грубости,—я прошу Васъ: дайте мнѣ этотъ клочокъ на нѣкоторое время, чтобы я могъ видѣть передъ собою это дѣтственное лицо „оскорбленной“ римлянки. Мнѣ это принесетъ и самое чистое удовольствіе и пользу: я буду писать, имѣя передъ собою лицо этой „Нетэты“.

Въ остальномъ поступите, какъ говорили. 4—5 картинокъ Вы нарисуете обыкновеннымъ способомъ, и это все-таки будетъ хорошо. Карандашный рисунокъ очень меня удовлетворяетъ. Силуэта Нетэты въ рамкѣ буду ждать со всѣмъ свойственнымъ мнѣ нетерпѣніемъ. Это будетъ самый милый предметъ на моемъ рабочемъ столѣ.

Прочитайте, пожалуйста, сказку „Часъ воли Божіей“. Какъ Вамъ почувствуется на пластикѣ: Размоляй-гудешникъ передъ непорочною дѣвицейп-ростушкой? И журавль, Коза-драный-бокъ и вся эта сцена... Я думаю, что Вы эту сказку, какъ чисто русскую, легче бы иллюстрировали, и ее, кажется, очень хорошо можно издать. Подумайте о ней и сами подчеркните, гдѣ выберете мѣста для картинокъ.

Пожалуйста, помогайте мнѣ „Нетэтою!“ Я буду поспѣшать за Вами. Да дайте мнѣ ея головку на этомъ подкрашенномъ кусочкѣ, который я такъ мало видѣлъ.

Искренно преданный Вамъ Н. Л.

*) Не ошибка. Лѣсковъ любитъ это слово и не разъ повторяетъ его въ перепискѣ.

Художница, повидимому, не вѣритъ въ свое проникновеніе, ей хотѣлось бы полагаться не только на устныя поясненія писателя, а на текстъ, и онъ ее успокаиваетъ.

Такъ нельзя думать о себѣ, какъ думаете (или—какъ пишете мнѣ), Лизавета Меркуріевна. Напомнилъ бы Вамъ я, что почувствовалъ Гёте, когда Рамбергъ „началъ рисовать, едва тотъ кончилъ ему разсказывать“, но мнѣ неудобно объ этомъ говорить, п. ч. сравненіе несоизмѣримо для меня, а для Васъ — нѣтъ. Художникъ, который такъ быстро, такъ живо усвояетъ образъ, какъ Вы, достоинъ благоговѣнія къ его таланту и проникновенію. Это не равнять съ тѣми, кто дѣлаетъ аккомпанементъ для пѣвца, а это то, что сценическій дѣятель для драматурга: они другъ друга восполняютъ и поясняютъ, дѣлая каждый самъ свое дѣло.

Есть ли у Васъ мои „Праведники“? Почему бы намъ не издать ихъ въ абрисахъ? Къ намъ въ публикѣ есть благосклонность.

Картинки получилъ. Пріѣду благодарить Васъ лично, а пока благодарю заочно.

Вашъ Н. Лѣсковъ.

Время отъ времени онъ даетъ художницѣ свой подсказъ,— въ особенности интересуясь центральной фигурой обольщенной и оскорбленной героини.

21-го Мая 91, Спб.

Знаете сами, какъ я хотѣлъ быть у Васъ, чтобы поблагодарить Васъ за Ваше ко мнѣ вниманіе. Лѣтомъ только и думаю писать одну „Нетэту“, и къ 15 августа, должно-быть, буду имѣть ее готовою. Пожалуйста, нарисуйте картинокъ побольше. Все, что Вы сдѣлали, прекрасно, но жду еще „Нетэту“ „обольщенную мечтой“ (о любви бога), Нѣтэту оскорбленную и потомъ „уязвленную“ подкравшеюся любовью человѣка, котораго за нее жгутъ на кострѣ. Какія тутъ перемѣны въ распредѣленіи пропорцій остраго и сладкаго? Вы это, вѣрно, все преодолѣете.

Искренно Вамъ преданный Н. Лѣсковъ.

Отношенія изъ внѣшнихъ переливаются въ чистую и высокую дружественность двухъ талантовъ. Лѣсковъ шлетъ Бемъ полное собраніе своихъ сочиненій и признается, что —

Очень счастливъ, что они приняты (ею) съ такимъ дружествомъ и радушіемъ. Пусть онѣ напоминаютъ Вамъ въ Вашемъ домѣ объ авторѣ, который не только любитъ и высоко цѣнитъ Вашъ прекрасный талантъ, но и самъ находитъ въ Вашихъ рисункахъ вдохновеніе и помощь для усвоенія очень многихъ художественныхъ типовъ.

О „расплатѣ“ говоритъ нечего: Вы мнѣ все съ лихвой заплатили тѣмъ милымъ рисункомъ „Нетэты“, который стоитъ у меня на столѣ, всегда передъ глазами и вдохновляетъ меня и стыдитъ въ лѣности и уговариваетъ: „читай же! пиши же“! Это самая милая вещь у меня на моемъ столѣ, и нѣтъ дня, когда я на нее не смотрю и не благодарю Васъ за нее.

Въ письмахъ иногда сквозятъ цѣнныя автобіографическія детали, вскрывающія работу надъ источниками.

20-го Іюня, 91.

Для „Нетэты“ я прочелъ здѣсь Тибулла, Катулла, Горація и Марціала со всѣми ихъ адюльтерами и амурами. Соблазнители были „спеціалисты“ по части развращенія недоступныхъ чужихъ женъ. Это былъ родъ спорта. Это былъ мерзавецъ, но сильный своимъ самолюбіемъ Это ему и надо дать. Жрецы Изиды были часто скопцы. Сожженіе могло имѣть мѣсто, ибо (по Горацію) цезарь, самъ развратный, отдавалъ соблазнителя „на волю мужа“ оскорбленной, а тотъ могъ „хоть сжечь, хоть засѣчь розгами“.

Рядъ писемъ опредѣляетъ весь постепенно выясняющійся планъ совмѣстнаго труда.

Мнѣ немножко нездоровилось,—читаемъ въ письмѣ отъ 4-го Октября,—и я вчера въ день написалъ весь конспектъ „Нетэты“. Вышло 16 главъ. Такъ укладывается сюжетъ. Сообразно этому нужно 16 силуэтовъ для инициаловъ. Всѣ они мною намѣчены т.-е. помѣчено, к о г о рисовать и въ к а к о й с ц е н ѣ; но форму буквъ я не стану писать. Зачѣмъ, это будетъ стѣснять Васъ! Мнѣ легче подобрать слово съ А или Б, чѣмъ Вамъ вырабатывать рядомъ съ типомъ еще фигуру буквы! Намъ съ Вами было бы полезно теперь повидаться и прочесть конспектъ вмѣстѣ. Я желаю имѣть н е п р е м ѣ н н о 16 инициаловъ. По-моему Вамъ бы надо списать себѣ конспектъ. Это почтовый листъ вокругъ. Я бы его Вамъ списалъ, да, можетъ-быть, сочиненныя мною позиціи неудобны въ исполненіи рисунками силуэтовъ. Пожалуйста, навѣстите меня.

Преданный Вамъ Н. Л ѣ с к о в ъ.

22-го Окт. 91. Спб.

Получилъ ваше письмо, Елизавета Меркуріевна, и не понимаю, за какія именно „указанія“ Вы меня благодарите? Что я Вамъ могу сказать, когда Вы такъ хорошо владѣете техникою своего искусства и удивительно чутко чувствуете характеръ изображаемаго лица. Нетэта—пушкинская барышня, съ вѣрою въ свою „Казанскую Божію Матерь“. И на это-то ее и поймали!.. Тутъ все оскорблено, и вдругъ святость-то куда-то запропастилась, и „грѣхъ невѣдѣнія“ сталъ вмѣсто бога. Дѣтственности ей побольше, при граціи развитой физически женщины. А вотъ Вамъ кстати эпиграфъ къ „Нетэтѣ“, подобранный и собранный изъ „Катулла“. Изъ него Вы увидите, какъ во время Катулла въ Римѣ смотрѣли на обхожденіе съ женщинами, и каковы были эти женщины, которымъ нипочемъ было измѣнять и нипочемъ то, что ихъ дразнятъ и н е м н о ж к о бьютъ.

23-го Нбр. 91.

Уважаемая Лизавета Меркуріевна.

И по-моему оттиски передаютъ рисунокъ довольно изрядно. Оригинальный рисунокъ, конечно, въ точности не воспроизводится этимъ способомъ, да, можетъ-быть, и никакимъ другимъ. Золотая Вы у насъ мастерица, и какое удовольствіе съ Вами вмѣстѣ работать! Рисуночки пришли при одной француженкѣ, которой я ихъ и показалъ и попросилъ сказать: въ чемъ этихъ трехъ лицъ дѣло? Она сейчасъ же отгадала.

Сцена, о которой спрашиваете, очень интересна, и я радъ, что Вы сами за нее взялись. Обстановка, — я думаю, — небольшой садъ римскаго дома, при лунѣ. Это садъ дома военноначальника, друга Мунда, который поблажаетъ арестанту и держитъ его на свободѣ. Стало-быть, о н ъ не въ тогѣ, а въ одной туникѣ, а она пришла въ простомъ платьѣ (туника на столѣ) подъ длиннымъ покрываломъ, которое во время бесѣды, разумѣется, сбросила. А что у нихъ тутъ происходило?—разумѣется „жертвоприношеніе Венерѣ и Амуру“. Позабыты были всѣ горести и обиды, и страхъ завтрашней казни, и Мундъ получилъ отъ нея здѣсь безъ обмана то, чего добился въ первый разъ обманомъ. Онъ сначала говоритъ ей: „я счастливъ, я не боюсь костра и мукъ за то, что было“. Это ее поражаетъ, и ея женское чувство наполняется гордостью и забвеніемъ, въ чаду котораго, утѣшая ее, онъ безъ наглости, а безотчетно чувствуетъ ее въ своемъ обладаніи и шепчетъ ей:

— Прости меня... я человѣкъ... я смертный... я тебя люблю!

А она, цѣлуя и обнимая его, между поцѣлуевъ лепечетъ:

— Нѣтъ! ты богъ!.. ты богъ!.. Держи меня... я вырваться не смѣю.

Надо, кажется, двѣ картинки:

1) они сидятъ вдвоемъ и говорятъ на мраморной скамейкѣ. Она его сначала укоряла: зачѣмъ онъ погубилъ ее и себя.

и 2) Она бросается ему на шею и, цѣлуя, шепчетъ: „богъ!.. я вырваться не смѣю“!

Сцену эту, я думаю, надо изобразить с т о я. Они могутъ быть прекрасны. Иначе (напр., сидя) это можетъ напоминать Париса и Елену, чего намъ не нужно.

Н. Л ѣ с к о в ъ.

30-го Нбр. 91.

Я кое-какъ пишу и написалъ 6 главъ, а въ антрактахъ все читаю Флавія. Случаевъ такихъ, какъ съ Нетэтой, было нѣсколько, и замѣчательно, что кто такимъ

образомъ обманывалъ другихъ,—тѣ же и себя такъ позволяли обманывать. Цезарь Кай хвастался, что къ его супругѣ „нисходилъ богъ“, и дитя свое не считалъ столько своимъ, сколько дитёмъ сдѣлавшаго имъ честь „бога“.—И узналъ я еще вотъ что— какъ тогдашнія молоденькія дамы при этихъ дѣлахъ были обманываемы и не могли разобрать, кому онѣ попали въ лапы? Это очень просто, онѣ бывали въ это время пьяны... Это отлично умѣли дѣлать жрецы. Жертву угощали чѣмъ-то въ ожиданіи „бога“: это „что-то“ было будто бы „божественное“ въ родѣ „бѣлой, медвяной манны“ и сладко, съ пріятнымъ, но сильнымъ запахомъ. И ѣли это „щепоткой“, и отъ одной-двухъ щепотокъ женщиною овладѣвало состояніе, подобное „веселому опьяненію, иногда со страстнымъ безстыдствомъ“ и затѣмъ продолжительная тупость и сонливость, продолжавшаяся 2—3 сутокъ,—иногда съ значительнымъ ущербомъ памяти навсегда.

Намъ это важно: Нетэта, значитъ, была пьяна. Это разъ. Въ ожиданіи бога—она его сама уже ищетъ безъ застѣнчивости, какъ вакханка. И во-вторыхъ, она больна потомъ трое сутокъ, и то ничего не можетъ вспомнить, то вдругъ воспоминанія молніями прорѣзываютъ тьму ея забвенія. Непремѣнно нужно двѣ картинки:

1) „Гдѣ ты мой богъ?“

2) „Что это было?.. Я ничего не помню... Ахъ! Неужто это я говорила! я дѣлала! Я... Это не можетъ быть, чтобы это была я! Но откуда же я это вспоминаю?.. Я это вижу... Это было! было!.. О, боги, испепелите мою память!“

Прибавляйте картинокъ,—я пишу маленькими главками, и ихъ будетъ числомъ около 20—23.

Преданный Вамъ Н. Лѣсковъ.

. . . (сбоку). Бертенсонъ глядѣлъ на Вашъ рисунокъ Нетэты и пришелъ въ восторгъ!

Лѣсковъ почти всегда доволенъ, только изрѣдка онъ видитъ, что какъ будто полное сліяніе художника и иллюстратора не достигается.

Шмецкъ, 4.

Уважаемая Лизавета Меркуріевна!

Кажется это не то,—пишетъ онъ отъ 10-го Іюля,—Давайте еще подумаемте. Не лучше ли сдѣлать двѣ фигуры: она добѣжала и его обняла, и падаетъ въ обморокъ. Это будетъ полнѣе выражать мысль и это будетъ „point sur les i“.

Фотографія превосходна. Нельзя ли мнѣ походатайствовать еще пару штучекъ?

Иногда онъ спѣшитъ самъ помочь, чѣмъ можетъ, своей истолковательницѣ:

Возьмите „Мученицу“ Маркса и вдохновитесь ею. Головка Нетэты совершенно необходима. Потомъ она такъ и пойдетъ представляться и дополнять силуэтъ. Ее можно было потрепать, порвать на ней тунику, волосы ей вспутать и заставить ее поплакать... „Кто же не любитъ смотрѣть на слезы красивой?“ Но что съ ней сдѣлали и притомъ, когда она „была у Казанской“... вотъ это ужасно! А между тѣмъ... „клянусь Юпитеромъ — онъ богъ! Люди такъ разсчетливы и мелки, что не отдали бы себя за это... Хоть это и гнусно... Но это... отъ бога“! Вотъ каковы ея мысли и ея мотивы!

Художница повинуется его голосу, и иногда эффектъ этого послушанія превышаетъ самыя горячія надежды писателя.

16-го Окт. 1892.

Я получилъ головку римлянки. Это превосходно! Воистину Вы прекрасный мастеръ и милый, находчивый другъ, который любитъ утѣшить и знаетъ, чѣмъ утѣшить пріятеля. Очень Васъ благодарю. У меня нашелся и пальмовый мольбертъ, на которомъ головка сейчасъ же и водворилась на моемъ столѣ, какъ „камень, которымъ пренебрегали“ пока онъ (не) побывалъ въ творящей рукѣ и сейчасъ же

сталъ во главу угла". Очень Васъ благодарю и не знаю—какъ это Вамъ выразить. Это самая милая вещь для моихъ глазъ.

. . . . . .

Теперь Нетэта освобождена отъ стѣсненій опеки дѣтской и старушечьей, и я ею занимаюсь два дня съ большимъ удовольствіемъ. Фотографъ Чесноковъ прислалъ мнѣ очень большой портретъ. Не заѣдете ли посмотрѣть.

Вашъ Н. Лѣсковъ.

Но надъ дружною работою двухъ талантовъ уже виситъ Дамокловъ мечъ. Мы не знаемъ въ точности, что̀ вынудило Лѣскова положить перо и оставить незаконченною рукопись, писанную съ такимъ живымъ воодушевленіемъ. Можно лишь догадываться, что бурность и страстность его письма, его пламенное и зажигающее сочувствіе молодой страсти, грѣховной съ точки зрѣнія ходячей морали, — возбудили опасенія А. Ф. Маркса, задавшаго себѣ вопросъ, соотвѣтствуетъ ли такой сюжетъ повѣсти настроенію господствующей аудиторіи „Нивы"?

Повѣсть могла показаться слишкомъ „свободной" и вызвать, можетъ-быть, стѣсненія цензуры для семейнаго органа, можетъ-быть, протесты наиболѣе консервативной части читателей. Какъ бы то ни было, очевидно, при личной встрѣчѣ руководитель „Нивы" далъ это понять Лѣскову. Характеръ рѣзкій и независимый, Лѣсковъ круто повернулъ дѣло, не принимая никакихъ компромиссовъ, и отказался печатать вещь въ „Нивѣ", отнюдь не отказываясь отъ желанія кончить увлекшую его повѣсть и использовать въ другомъ мѣстѣ столь понравившіеся ему рисунки талантливой художницы.

Что̀ помѣшало все-таки кончить „Оскорбленную Нетэту," мы не знаемъ, но въ рукописяхъ Лѣскова, сохранившихся въ идеальномъ порядкѣ и полностью поступившихъ отъ его ближайшихъ родственниковъ въ собственность Т-ва Марксъ, „Нетэта" имѣется только въ черновыхъ наброскахъ. Не исключена возможность, что повѣсть и была окончена, и гдѣ либо существуетъ ея бѣловой экземпляръ. Но онъ никому не извѣстенъ.

Въ сохранившихся черновикахъ начало повѣсти дано въ трехъ варіантахъ, изъ коихъ мы избираемъ наиболѣе законченный. Изъ повѣсти взято все, кромѣ боковыхъ варіантовъ и набросковъ, явно отпавшихъ въ послѣдней редакціи. Только въ рѣдчайшихъ случаяхъ необработанность текста или явный lapsus вынуждали на возстановленіе того теченія рѣчи, какое требовалось логикою и грамматикою. Всѣ редакціонныя вставки въ текстъ повѣсти, набранныя мелкимъ шрифтомъ, явно отличимы отъ подлиннаго текста, напечатаннаго корпусомъ.

А. Измайловъ.

НЕТЭТА и жрецъ ХРЕМЪ.

НЕТЭТА, преслѣдуемая ДЕЦІЕМЪ МУНДОМЪ.

Казнь ДЕЦІЯ МУНДА.

Эскизы къ силуэтамъ ***Елиз. М. Бемъ*** *для иллюстраціи „Оскорбленной Нетэты" Н. Лѣскова.*

Оскорбленная Нетэта.

Историческая повѣсть.

„Потрясенный духъ склоненъ къ суевѣрію".
Тацитъ, I, 28.

Грѣхъ не великъ, если ей на тѣлѣ, и стройномъ и гибкомъ,
Дерзкой рукой изомнешь туника воздушныя складки,
Спутаешь волны кудрей, и вмигъ на чело молодое
Тучку досады нагонишь съ зарницами быстрыми гнѣва!
Кто же не любитъ смотрѣть на то, какъ съ досады мгновенной
Слезы красавица льетъ?! Но знай: непристойно, преступно
Вызвать изъ груди ея потокъ безутѣшныхъ рыданій,
Чтобы, бѣснуясь, она металась, кричала отъ горя:
Чтобы ногтями своими себѣ же царапала щеки!
Скиѳъ необузданный тотъ, преступный и гнусный, безумный
Извергъ,—кто милой своей такое нанесъ оскорбленье!
Боги состунятъ съ небесъ и тяжко его покарaютъ.

Катуллъ.

I.

При Императорѣ Тиверіи произошло въ Римѣ одно чрезвычайно возмутительное событіе, отмѣченное Флавіемъ въ его „Древностяхъ Іудейскихъ".

Старая религія доживала свой вѣкъ. По внѣшности ея держались всѣ, но по внутреннему убѣжденію уже очень немногіе вѣрили въ ея святость и въ ея спасительное значеніе для человѣка. Сомнѣніе въ истинахъ этой отживавшей свое время вѣры не было чуждо и самимъ жрецамъ. Напротивъ, въ нихъ даже болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ людяхъ, давно поселилось невѣ-

ріе ко всему, во что они учили вѣрить другихъ, но такъ какъ для нихъ было выгодно, чтобы люди почитали ихъ способными руководить велѣніями боговъ, то они поддерживали народныя суевѣрія и извлекали изъ нихъ для себя выгоды.

Съ этой цѣлью жрецы отъ времени до времени сочиняли и распускали въ народѣ удивительные разсказы про разныя неимовѣрныя дѣла, которыя будто бы происходили въ ихъ храмахъ, и это всегда имѣло двоякія послѣдствія. Такіе разсказы одновременно возбуждали негодованіе образованныхъ людей, которые видѣли въ этихъ разсказахъ богохульство и ложь, разсчитанныя на то, чтобы обмануть людей необразованныхъ и легковѣрныхъ, и зато собрать съ нихъ приношенія на молитвы; а въ необразованныхъ и легковѣрныхъ людяхъ это будило склонность къ суевѣрію и предавало ихъ въ руки жрецовъ, между которыми были люди, умѣвшіе хорошо притворяться и прославлявшіеся за свое благочестіе, котораго, въ сущности, они не имѣли.

Однимъ изъ такихъ жрецовъ былъ главный жрецъ капища Изиды въ Римѣ, по имени Хремъ.

Онъ пользовался въ разныхъ слояхъ римскаго населенія славою священнослужителя, котораго особенно любитъ всеблагопомощная богиня Изида и всякое его моленіе исполняетъ сама или черезъ посредство Анубиса, златокудраго бога.

Хремъ съ большою для себя выгодою пользовался славою, и все это сходило ему благополучно, пока не пришло время, и черезъ него произошло въ Римѣ „невѣроятное и ужасное“ событіе.

Событіе это, вызванное безумною любовью богатаго молодого человѣка къ молодой замужней красавицѣ строгихъ нравственныхъ правилъ, имѣло послѣдствіями обнаруженіе страшныхъ злоупотребленій въ римскомъ храмѣ богини Изиды, открывшихъ обманы въ ея таинствахъ,—за чѣмъ послѣдовали казни жрецовъ и другихъ обманщиковъ и уничтоженіе самого храма.

И все это произошло черезъ весьма скромную и благонравную женщину, цѣломудрію которой была нанесена несносная обида, содѣлавшаяся причиной удивительнаго конца ея страданій.

Вотъ въ чемъ было дѣло.

Жилъ въ Римѣ достаточный гражданинъ, по имени Сатурнинъ. Онъ былъ прославленный своею храбростью мечебоецъ и, когда достигъ уже пожилыхъ лѣтъ, то въ консульство Квинта Плавтія и Секста Папилія, получилъ почетную должность въ отрядѣ императорскихъ тѣлохранителей и, появляясь часто передъ Тиверіемъ, имѣлъ рѣдкое счастье понравиться этому мрачному и подозрительному государю и внушилъ ему къ себѣ безъ особеннаго старанія такое довѣріе, что Тиверій выразилъ особенное удовольствіе видѣть его на стражѣ у своего жилища. А какъ скоро такое благоволеніе императора было замѣчено высшими военными властями, то лица эти и сами поспѣшили оказывать Сатурнину всякія милости и такъ расположили его службу, что онъ почти постоянно находился во дворцѣ цезаря. Это же сдѣлало Сатурнина извѣстнымъ и во всемъ Римѣ, и многіе стали

передъ нимъ ласкательствовать и искать съ нимъ сближенія. А когда онъ овдовѣлъ, неожиданно потерявъ свою первую жену Ауфилену, причинявшую ему въ теченіе десяти лѣтъ супружеской жизни много досажденій и покрывшую имя его безславіемъ своего поведенія,—то нашлось много достаточныхъ людей, которые обнаружили горячія и спѣшныя заботы, чтобы породниться съ Сатурниномъ, посредствомъ вовлеченія его въ новый брачный союзъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ дочерей или другихъ близкихъ родственницъ.

Но какъ для осуществленія этихъ заботъ нужно было согласіе тѣхъ лицъ, которыя должны были вступить во второй бракъ съ Сатурниномъ, то дѣло это представляло нѣкоторую трудность, такъ какъ храбрый мечебоецъ имѣлъ наружность, которая не могла быть во вкусѣ молодыхъ римскихъ дѣвушекъ, любившихъ видѣть въ мужчинѣ красоту и изящную статность. Сатурнинъ хотя былъ и высокъ ростомъ и силенъ, но былъ очень длиннорукъ, и въ его фигурѣ не было никакой гибкости и благородства, а его незлое и даже можно сказать доброе лицо носило слѣды легковѣрія и тупости. При томъ оно было обезображено сильно заросшимъ лбомъ и отвислыми апатическими губами, въ которыхъ не было видно никакой энергіи.

Знакомые, знавшіе жизнь его съ первою женою Ауфиленою, которая утонула, катаясь на лодкѣ съ молодымъ другомъ Сатурнина, мечебойцемъ Бибуломъ, хотя и жалѣли о томъ, что Ауфилена не хранила покой Сатурнина, но тутъ же признавали между собою, что хранить вѣрность къ нему для такой живой женщины, какова была бѣлокудрая Ауфилена,—было бъ и трудно.

Дурнымъ находили только то, что она безъ сожалѣнія тратила на своихъ часто смѣняемыхъ избранниковъ достояніе своего довѣрчиваго и простоватаго мужа, за что, какъ думали, Ауфилену и покарали боги: такъ какъ послѣдній ея избранникъ и ложный другъ Сатурнина, богошественный [?] Бибулъ, погубилъ ее, наскучивъ ея нѣжностью, которая, при неравенствѣ ихъ лѣтъ, казалась ему тягостною. За это онъ не только изнурялъ ея средства, которыя она въ свою очередь брала у мужа, но обращался съ ней не иначе, какъ съ видимою для всѣхъ презрительностью и, наконецъ, однажды заманилъ ее притворною ласкою въ загородную корчму, и оттуда Ауфилена уже не возвращалась, такъ какъ они съ Бибуломъ поѣхали вдвоемъ кататься на лодкѣ въ морѣ, и тамъ произошло нѣчто такое, при чемъ лодка ихъ опрокинулась. Юный Бибулъ спасся, держась въ водѣ за бортъ лодки, а болѣе слабая и нѣжная Ауфилена не успѣла схватиться за край лодки и потонула.

Молва же народная прямо утверждала, что Бибулъ, неспосно наскучивъ Ауфиленою, рѣшился отъ нея избавиться и, сломавъ ей руки, столкнулъ ее въ воду.

Объ этомъ и говорили простолюдины, которые толклись при тавернѣ, откуда отплыли Бибулъ съ женою Сатурнина, и всѣ знакомцы Бибула, роскошникъ Фуфидій, извѣстный щеголь Руфилъ, философъ Булацій, весельчакъ Фунданій и другіе празд-

ные люди большого достатка, проводившіе веселыя ночи въ загородномъ домѣ богатой вдовы Фаволіи, не желавшей стѣснять себя узами новаго брака и проводившей веселую жизнь безъ вниманія къ общественнымъ толкамъ.

Вообще Сатурнинъ, пріятный императору, не имѣлъ тѣхъ качествъ, которыми онъ могъ нравиться женщинамъ, а между тѣмъ самъ онъ этого не замѣчалъ и, будучи очень женолюбивъ, не хотѣлъ оставаться вдовцомъ послѣ смерти Ауфилены и простеръ свои виды насчетъ одной изъ дѣвицъ, отличавшейся превосходною красотою и благонравіемъ, а при томъ имѣвшей и хорошій достатокъ.

II.

Дѣвица, къ которой почувствовалъ расположеніе пожилой Сатурнинъ и пожелалъ взять ее за себя замужъ, называлась Нетэта. Ей въ это время едва лишь исполнилось четырнадцать лѣтъ, и она обращала на себя вниманіе всѣхъ своею необыкновенною милотою. Она не принадлежала къ именитому и знатному роду, но однако имѣла свое родословіе: отецъ ея, суровый римлянинъ по имени Пакувій, былъ въ числѣ мечебойцевъ въ египетскихъ войскахъ Антонія. Онъ служилъ при дворѣ Клеопатры и, можетъ-быть, участвовалъ въ послѣднемъ предательствѣ ея побѣдителю, отъ котораго зато и получилъ жизнь и дозволеніе возвратиться на родину, въ Римъ.

Пакувій былъ женатъ на египтянкѣ, которая была родственницею одного изъ приближенныхъ жрецовъ Клеопатры, раздѣлившихъ до конца ея послѣднюю судьбу. Жену Пакувія звали Атисъ.

Атисъ была молода и красива, любила утѣхи жизни и считала въ правѣ желать ихъ и любоваться ими, такъ какъ она принесла своему мужу приданое, которое, по тогдашнему невысокому положенію Пакувія при дворѣ Клеопатры, слѣдовало считать весьма значительнымъ. Пакувій былъ много старше своей жены и не имѣлъ склонности къ тому, что влекло къ себѣ его избалованную жену. Вслѣдствіе этого въ союзѣ ихъ не было согласія, и бракъ ихъ долго оставался бездѣтнымъ, но Атисъ стала просить богиню Изиду, чтобы та дала ей дѣтей, и когда пребыла три ночи въ моленьяхъ объ этомъ въ храмѣ богини, прошеніе ея было услышано, и у Атисъ родился прекрасный ребенокъ, дѣвочка, которую назвали Нетисъ, а въ родственномъ кругѣ называли Нетэтой.

Дитя это почиталось обязаннымъ своимъ происхожденіемъ не однимъ простымъ причинамъ союза ея родителей, но также и божественному участію бога Анубиса или Діониса, вѣчно присутствующаго въ храмахъ Изиды и восполняющаго все, что угодно облагодѣтельствовать богинѣ.

Замѣчательная красота дѣвочки еще болѣе закрѣпила за нею всеобщую увѣренность, что въ происхожденіи ея на свѣтъ божество оказало особенное участіе. Нетэту почитали также бого-

рожденной, какъ Бибула, виновника смерти первой жены Сатурнина, пышной Ауфилены, и это никого не удивляло и не казалось особенно страннымъ, такъ какъ такое участіе боговъ въ семейныхъ радостяхъ людей въ это время почиталось за возможное и весьма вожделѣнное и входило въ предѣлы благовѣрія. А дѣти, въ рожденіи которыхъ признавалось особенное участіе того или другого бога, у правовѣрныхъ людей пользовались высшимъ вниманіемъ, и, если они обладали какими-либо счастливыми качествами или дарованіями, то все это относилось къ ихъ божественному происхожденію. И съ ними не наблюдали условій общественнаго равенства, а напротивъ, почитали ихъ за превосходнѣйшихъ и достойныхъ самаго лучшаго съ ними обхожденія.

Если же и были вольномыслители, которые находили такое участіе боговъ въ дѣлахъ людей какъ бы неумѣстнымъ и подверженнымъ сомнѣнію, то они хранили это про себя и не высказывали своихъ мнѣній иначе, какъ въ кружкѣ людей имъ единомысленныхъ, ибо иначе боялись, что невѣріе ихъ можетъ послужить имъ къ пагубѣ.

Нетэта была дочь очень красивой матери, но затмевала ее своей красотой, и Атисъ очень радовалась, что дочь ея была столь прекрасна, что о ней знали въ Римѣ, какъ объ одной изъ красивѣйшихъ женщинъ.

Пакувій и Атисъ съ Нетэтою жили въ небольшомъ собственномъ домѣ у Тибра, недалеко отъ густо населенной части города, гдѣ среди большихъ зданій прятался храмъ богини Изиды,— съ виду весьма небольшой, но въ сущности очень помѣстительный и имѣвшій много пристроекъ на землѣ и подъ землею.

Атисъ была близка къ храму Изиды, какъ потому, что имѣла крѣпкую вѣру въ заступленіе этой богини, даровавшей ей превосходную дочь, такъ и потому, что во дни, когда она въ слезахъ уѣзжала съ мужемъ изъ Александріи, египетскій жрецъ Изиды, молившійся съ Атисъ о дарованіи ей ребенка, утѣшилъ ее тѣмъ, что она не будетъ одна и на чужбинѣ, и что въ Римѣ и вездѣ съ нею пребудетъ милость Изиды. А чтобы Атисъ вѣрила въ это еще тверже, египетскій жрецъ наказалъ ей явить себя въ Римѣ тамошнему старшему врачу (sic) Изиды, престарѣлому Хрему. И печальная Атисъ, какъ только достигла Рима послѣ скучнаго плаванія черезъ море, такъ сейчасъ же побѣжала къ храму святѣйшей богини и была утѣшена тѣмъ, что увидала, сколь правъ былъ египетскій жрецъ, обѣщавшій ей повсемѣстную защиту Изиды.

Хремъ сразу узналъ Атисъ и, встрѣтивъ ее съ улыбкой, прямо назвалъ ее по имени. Онъ сказалъ ей, чтобы она открыла ему лицо лежавшаго на рукахъ ея ребенка, и точно также произнесъ вслухъ имя Нетэты, коснулся до ея дѣтскаго лба своими перстами и вдобавокъ сказалъ имъ обѣимъ:

— Дверь милосердой богини будетъ открыта всегда для обѣихъ васъ вмѣстѣ. И каждая порознь, которой что нужно, тоже можетъ себѣ попросить предъ святыми изваяніями благопо-

мощной! Всегда притекайте къ Изидѣ, и съ вами вѣчно пребудетъ Изида!

И Атисъ не страшно сдѣлалось въ Римѣ, и она здѣсь устроилась и прожила столько лѣтъ, что ея Нетэта выросла и стала изъ многихъ отличаться замѣчательною красотою. Ей шелъ уже пятнадцатый годъ, и по тогдашнимъ обычаямъ въ Римѣ—ее уже пора было устраивать замужъ.

III.

Несмотря на то, что мать Нетэты выросла при дворѣ Клеопатры, гдѣ не ярко цвѣла добродѣтель, и собственно прошлое Атисъ не было безупречно, она вела свою дочь очень просто, содержала ее въ тишинѣ домашняго круга и пріучала къ хозяйству и женскимъ рукодѣліямъ, а отъ событій общественной жизни ее устраняла, и потому Нетэта выросла въ невѣдѣніи о всемъ разнообразіи жизни.

Воспитанная въ семьѣ, державшейся старинной набожности, при которой люди желали вѣрить въ постоянное вмѣшательство божества во всѣ житейскія дѣла и поступки, Нетэта удерживала въ себѣ это настроеніе и для того часто ходила молиться въ храмъ Изиды и Анубиса, гдѣ была извѣстна всѣмъ жрецамъ и и старшему первосвященнику Хрему, у котораго она и была нѣсколько разъ въ его прекрасномъ помѣщеніи, въ сокрытомъ подземельи храма.

Храмъ же Изиды въ Римѣ былъ не великъ, и какъ императоръ Тиверій не благоволилъ къ культу этого исповѣданія, то жрецы Изидины старались какъ можно меньше себя оказывать, и для того молельщики къ нимъ собирались безъ скликанія,—въ сумеречное время, а жрецы не выходили безъ крайней нужды изъ храма, въ которомъ они, несмотря на неособенно большіе размѣры храма, имѣли все необходимое для ихъ не только достаточной, но даже и пріятной жизни. Всѣхъ жрецовъ при римскомъ храмѣ Изиды было четырнадцать, и при нихъ значительное число низшихъ прислужниковъ, особенно ловкихъ для исполненія самыхъ разнообразныхъ порученій. Старшій же былъ Хремъ, о которомъ сказано выше, и отъ него все зависѣло въ храмѣ. А самъ онъ только по самымъ важнымъ дѣламъ спрашивалъ себѣ распорядка изъ Египта.

Съ этимъ-то старымъ жрецомъ и были знакомы особенно именитые прихожане храма, и въ числѣ таковыхъ были оба дома, какъ тотъ, изъ котораго шла родомъ Нетэта, такъ и домъ Сатурнина.

Когда красивая дочь суроваго Пакувія и Атисъ стала блистать своей красотою въ Римѣ, многіе искали знакомствъ съ этимъ семействомъ, и, хотя домъ Пакувія не выходилъ изъ разряда домовъ людей средняго достатка, и старикъ Пакувій былъ нелюдимъ и суровъ, а жена его Атисъ не имѣла надлежащей привычки къ хорошему обхожденію,—въ домъ ихъ сдѣлались вхожи: роскошный Фуфидій, сенаторъ Помпедій, молодой щеголь

Руфилъ, обладатель огромныхъ богатствъ, по имени Персій, извѣстнѣйшій лакомка Фускъ, проѣдавшій второе наслѣдство, Лелій поэтъ, историкъ Фунданій и двусмысленный Зетъ, Мена глашатай, весельчакъ, всѣхъ смѣшившій—Фунданій, Фурній, пѣвецъ Амфіона, свѣтской жизни знатокъ, Булацій, скучающій философъ, и еще много другихъ одинокихъ людей, имѣющихъ видное положеніе.

Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ и овдовѣвшій Сатурнинъ. Всѣ они имѣли неодинаковыя цѣли для посѣщенія дома Пакувія, и большинство изъ нихъ льнуло сюда съ видами, которыхъ не смѣли бы обнаружить явно. Но зато юный Фунданій вдругъ утратилъ всю свою веселость и прямо сталъ искать руки юной Нетэты, и, можетъ-быть, получилъ бы ее, если бы ему вдругъ не объявился соперникъ въ лицѣ скучающаго Булація, который, наскучивъ своею философскою скукою, искалъ обновленія жизни въ союзѣ съ прелестнымъ ребенкомъ.

Тогда, прежде чѣмъ Пакувій съ Атисъ могли взвѣсить соотвѣтственныя выгоды одного и другого предложенія, у Нетэты неожиданно объявился еще третій женихъ. Это былъ Сатурнинъ, который, казалось, будто даже мало на нее и смотрѣлъ изъ-подъ своего волосатаго лба, но ему-то и суждено было получить себѣ въ супружество юную Нетэту.

Успѣхъ его былъ основанъ на недоразумѣніи и обманѣ глашатаго Мены, который, часто видаясь съ Сатурниномъ, умѣлъ подсмотрѣть его никѣмъ другимъ не замѣченную склонность къ Нетэтѣ и, выпытавъ у него признаніе въ этомъ, узналъ также, что онъ не имѣетъ смѣлости обнаружить свое намѣреніе, потому что боится множества бывающихъ въ домѣ Пакувія особъ, которымъ, вѣроятно, будетъ оказано предпочтеніе, а онъ будетъ отвергнутъ и сдѣлается предметомъ издѣвательства со стороны шалуна Фунданія и другихъ молодыхъ насмѣшниковъ.

Тогда Мена глашатай сказалъ ему, не хочетъ ли онъ ему прозакладывать всего одну тысячу аттическихъ драхмъ за то, что онъ сдѣлаетъ всѣхъ посѣщающихъ домъ Пакувія безопасными Сатурнину и высватаетъ ему Нетэту. А какъ Сатурнинъ страстно влюбился въ тихую и изящную Нетэту и имѣлъ у себя состоянія около тридцати тысячъ драхмъ, то онъ не пожалѣлъ обречь изъ нихъ одну тысячу глашатому Менѣ, если только онъ уладитъ дѣло, на которое вызвался. Мена же не взялъ безъ пользы тысячу аттическихъ драхмъ у Сатурнина, а дѣйствительно, обойдя всѣхъ, ласково взиравшихъ на Нетэту, быстро и благополучно высваталъ ее для Сатурнина.

Всѣ пути, которыми шелъ къ этой цѣли Мена глашатай, въ подробностяхъ оставилъ неизвѣстными, но говорили, будто онъ употребилъ при этомъ имя Тиверія, на что не имѣлъ будто никакого права. Встрѣтивъ Пакувія, Мена будто бы сталъ говорить ему подъ великимъ секретомъ, до чего страненъ характеръ мрачнаго Тиверія, который не отличаетъ многихъ истинныхъ заслугъ и, напротивъ, удостаиваетъ случайно самыхъ мелочныхъ заботъ такихъ грубыхъ и маловажныхъ людей, какъ Сатурнинъ.

И, заинтересовавъ такимъ вступленіемъ Пакувія, который сталъ его внимательно слушать, вдругъ какъ бы спохватился и воскликнулъ:

— Ахъ, что я дѣлаю! Я говорю тебѣ объ этомъ тогда, какъ это тебя же ближе всѣхъ и касается!

И, когда отъ этого Пакувіемъ овладѣло еще болѣе страстное любопытство и онъ позвалъ Мену въ домъ и сталъ угощать его,— тогда этотъ открылъ ему, будто равнодушный ко всѣмъ заслугамъ Тиверій, ко всеобщему удивленію, сталъ до того отличать преданность ему Сатурнина, что обращаетъ вниманіе на унылость, не сходящую съ лица Сатурнина съ тѣхъ поръ, какъ тотъ лишился Ауфилены и нынче угнетаемъ безнадежной любовью къ дѣвушкѣ, которая нравится ему своимъ добронравіемъ и съ которою онъ надѣялся быть счастливымъ и уврачевать въ своемъ сердцѣ раны, нанесенныя другими поступками его первой невоздержанной жены, за поведеніе которой ему надоѣло переносить злыя шутки римскихъ насмѣшниковъ.

Пакувій сейчасъ же пожелалъ узнать, что же мѣшаетъ Сатурнину въ достиженіи его счастья.

А глашатай ему отвѣчалъ:

— Сатурнинъ опасается, что ты и жена твоя не отдадите ему вашу дочь въ супруги, и тогда люди надъ нимъ станутъ еще болѣе смѣяться, всѣ, — которые завидуютъ милостямъ, являемымъ ему цезаремъ.

— Какъ! — воскликнулъ Пакувій: — такъ преданный слуга нашего цезаря, Сатурнинъ, желаетъ жениться на нашей Нетэтѣ?

— Ну, да!—отвѣчалъ ему Мена глашатай:—храбрый и вѣрный Сатурнинъ, который имѣетъ счастье усугубить покой цезаря своимъ нахожденіемъ при его особѣ, полюбилъ твою кроткую дочь, Нетэту.

— Такъ для чего же онъ давно не сказалъ мнѣ объ этомъ?

— Я тебѣ говорю, что онъ боялся быть отвергнутымъ и за то подвергнуть себя еще большимъ насмѣшкамъ.

— Онъ напрасно этого боялся!

Тогда Мена увидѣлъ, что Пакувій не будетъ противиться исканіямъ Сатурнина, и тысяча драхмъ, полученныхъ за успѣшное сватовство, останется его заработкомъ, и онъ сталъ смѣло хвалить разумъ Пакувія и представлять ему многочисленныя выгоды отъ родственнаго сближенія съ Сатурниномъ, обратившимъ на себя вниманіе цезаря, вообще равнодушнаго ко всѣмъ заслугамъ.

Пакувій же, какъ человѣкъ, проведшій жизнь въ грубыхъ условіяхъ военной среды, въ самомъ дѣлѣ былъ согласенъ выдать Нетэту за Сатурнина, какъ потому, что карьера Сатурнина при дворцѣ Тиверія напоминала Пакувію его собственную солдатскую вѣрность, которою онъ снискалъ расположеніе египетской царицы и Антонія; такъ и потому, что слишкомъ красивая и кроткая дочь не возбуждала въ сердцѣ Пакувія особенной нѣжности, а напротивъ, была для него причиною безпокойствъ отъ посѣщенія дома его множествомъ лицъ, которыя навѣрно

смѣялись между собою надъ его солдатскою необразованностью и во всякомъ случаѣ изрядно ему надоѣли.

Притомъ же онъ преимущества всѣхъ сенаторовъ, пѣвцовъ и поэтовъ считалъ гораздо менѣе высокими и прочными, чѣмъ преимущества воина, отличаемаго вниманіемъ цезаря, который вѣритъ въ его преданность себѣ и на него полагается.

А потому Пакувій съ перваго же раза былъ согласенъ выдать Нетэту за Сатурнина и немедленно позвалъ къ себѣ Атисъ и тутъ же сообщилъ ей при Менѣ о своемъ рѣшеніи...

Но Атисъ не была такъ скороспѣшна. Она понимала въ сердечныхъ дѣлахъ больше, чѣмъ Пакувій, и, хотя не противилась желанію мужа выдать Нетэту за пожилого Сатурнина, но вспомнила, какъ сама она, выдаваемая такимъ же образомъ за Пакувія,—по расчетамъ Харміоны,—терзалась и покушалась задушить себя, набивъ ротъ и носъ глиною, и потому она предостерегала мужа, чтобы не говорить объ этомъ сразу Нетэтѣ, а прежде приготовить ее къ этому, для чего и предложила самый практическій способъ.

Жена Пакувія была женщина очень набожная и особенно почитала богиню Изиду, въ темныхъ притворахъ великолѣпнаго храма которой въ Александріи съ нею свершилося чудо, даровавшее ей дочь съ чертами божественной красоты и душевнаго благородства. Получивъ такой залогъ благодатнаго вниманія богини, Атисъ еще болѣе усилила въ себѣ почтеніе къ Изидѣ и вѣру въ ея скорую помощь во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни. И потому отвѣчала мужу, что прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ Сатурнину черезъ глашатая Мену, она считаетъ благочестивымъ и должнымъ пойти въ храмъ Изиды, помѣщавшійся въ то время за Тибромъ, и, помолясь тамъ передъ своей заступницей, просить совѣта и помощи у жреца святилища, досточтимаго Хрема, который еще благословлялъ ея бракъ съ Пакувіемъ въ Египтѣ и осѣнилъ своимъ благословеніемъ приходъ въ міръ Нетэты.

IV.

Выслушавъ такой отвѣтъ отъ жены, Пакувій, который тоже отличался набожностью и не любилъ вольнодумцевъ, нашелъ разсужденіе Атисъ прекраснымъ и достойнымъ того, чтобы быть исполненнымъ, а потому, указавъ рукою на жену, сказалъ:

— Я одобряю ея намѣреніе: пусть она и Нетэта въ самомъ дѣлѣ сходятъ къ владычицѣ Изидѣ и, укрѣпивъ умъ свой молитвой, откроютъ все дѣло достопочтенному Хрему. Это опытный и мудрый совѣтникъ. Когда мы соединились узами брака съ Атисъ въ Египтѣ, Хремъ не былъ такъ старъ, какъ нынче, и не имѣлъ еще важнаго положенія между жрецами Александрійскаго Изидина храма, но и тогда онъ умѣлъ дать добрый совѣтъ Атисъ, и мы сдѣлали дѣло, за которое насъ не оставляли вниманіемъ ни Харміона, ни сама Клеопатра, ни даже Антоній. Теперь же Хремъ въ здѣшнемъ храмѣ Изиды имѣетъ главное мѣсто, и Кронидъ, убѣливъ его голову сверху, исполнилъ ее

внутри свѣтомъ всякой мудрости. А потому мы можемъ считать, что, благодаря разсудительности Атисъ, дѣло это поставлено на самый надежный путь. Если бы я сталъ настаивать самъ, я бы, конечно, настоялъ на своемъ, но мы могли бы имѣть какія-нибудь непредвидѣнныя хлопоты и непріятности съ ребячьими малосмыслями Нетэты... Ты знаешь... Сатурнинъ вѣдь годами, я думаю, немногимъ чѣмъ будетъ моложе меня и собой не красавецъ, и притомъ она съ нимъ вѣдь никогда ни о чемъ не говорила, и можетъ его дичиться, такъ какъ всѣ онѣ, дѣвочки, глупы, и въ головахъ у нихъ, какъ у всѣхъ женщинъ, много пустого. Къ счастію нашему, есть еще то, что покуда наши женщины набожны и послушны къ тому, что получаютъ какъ велѣніе свыше. Вотъ... Я надѣюсь, что ты теперь меня понялъ.

И, когда Мена ему въ знакъ согласія качнулъ головою, то Пакувій всталъ съ мѣста и, положивъ на плечо кисть руки, сказалъ:

— Будь же покоенъ за все, добрый Мена, и, хотя мнѣ пріятно бы дольше имѣть тебя милымъ гостемъ, но не надобно все о себѣ только думать. Иди и успокой скорѣй Сатурнина. Пусть взоры цезаря не читаютъ болѣе напрасной тоски въ лицѣ его вѣрнаго охранителя. А черезъ три дня ты приходи къ намъ за отвѣтомъ, и я надѣюсь, что отвѣтъ будетъ добрый... О, непремѣнно онъ всѣмъ будетъ въ пользу! Сегодня уже поздно. Завтра Атисъ изготовитъ по-египетски свиную голову и еще возьметъ кое-что и пойдетъ съ дочерью къ храму... Хе-хе-хе! Достопочтенный Хремъ, да, достопочтенный,—прекрасно служитъ тѣмъ, кто прибѣгаетъ подъ покровъ и защиту великой богини...

И Пакувій медленно и потихоньку подвигалъ Мену къ выходной двери и прошепталъ ему у порога на ухо:

— Но не забудь, что люди на всѣхъ ступеняхъ величія остаются людьми, и досточтимый отецъ нашъ Хремъ, нынѣшній главный жрецъ святѣйшей Изиды, и нынче, какъ встарь, когда я приходилъ къ нему влюбленнымъ вертопрахомъ, чтобы попросить его предстательства за меня у богини,—терпѣть не можетъ, чтобы люди приходили его безпокоить съ пустыми руками. Да и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это глупо. Жрецы тоже имѣютъ свои надобности, и, если кто хочетъ черезъ нихъ получить помощь и выгоды свыше, тотъ долженъ быть вѣжливъ, мой добрый Мена, онъ долженъ не затруднять служителя безсмертной дарами... Не правда ли? Кто хочетъ имѣть помощника, тотъ долженъ, Мена, съ нимъ по-товарищески дѣлиться. Прощай, добрый Мена!

— Прощай, многоопытный Пакувій!—отвѣтилъ Мена и прямо изъ этого дома отправился за Тибръ къ удаленному и отчасти сокрытому за другими постройками, темному и какъ бы томительному храму Изиды.

Тамъ глашатай послѣ немалыхъ поисковъ нашелъ совсѣмъ безволосаго старика, который молча его выслушалъ и удалился, выславъ къ нему черезъ нѣкоторое время другого человѣка, а этотъ взялъ его за руку и повелъ совершенно темнымъ переходомъ къ свѣтозарному храму.

И здѣсь Мена открылъ жрецу свою надобность и положилъ передъ нимъ триста аттическихъ драхмъ на молитвы передъ изображеніемъ святѣйшей Изиды, получилъ утѣшительную надежду, что владычица, вѣроятно, изберетъ лучшее, что̀ нужно для пользы къ ней прибѣгающихъ, и не укоснитъ завтра же изъявить чрезъ него свою волю Атисъ и Нетэтѣ.

И сталось все такъ, какъ подалъ надежду жрецъ Хремъ, принявшій отъ Мены свою долю драхмъ на молитвы передъ святѣйшей Изидой. Едва лишь Атисъ съ юной Нетэтой на другой день только пришли и стали со своими дарами подъ портикомъ храма, какъ ихъ поманилъ къ себѣ въ закрытое мѣсто таинственно Хремъ и сказалъ имъ:

— Здравствуйте, богомъ любимыя, мать и невѣста, обреченная богиней для утѣшенія достойнаго Сатурнина! Привѣтъ вамъ и радость! Богиня избавила преданнаго ей Сатурнина отъ коварной Ауфилены и желаетъ излить свои щедроты на тебя, Нетэта! Иди и поклонись Матери нашей Изидѣ и получи отъ нея полноту бытія [1]).

Этимъ словомъ и особенно своею рѣшительною поспѣшностью жрецъ до того связалъ волю набожно воспитанной Нетэты, что она ничего не возражала и безропотно подчинилась тому, что̀ приняла за волю богини Изиды.

Сатурнинъ вступилъ въ бракъ съ Нетэтой, и свадьба ихъ была отпразднована нѣсколько скупо, такъ какъ Пакувій былъ скупъ, а Сатурнинъ ненаходчивъ, да и оба они притомъ были рады развязаться съ обширнымъ знакомствомъ, образовавшимся въ ту пору, когда милая Нетэта расцвѣтала въ отеческомъ домѣ.

Женясь, Сатурнинъ сталъ вести самую тихую жизнь и избѣгалъ всякихъ знакомствъ,—что̀ всѣ приписывали его ревности, но что̀ на самомъ дѣлѣ происходило просто оттого, что̀ супруги были совершенно счастливы въ своемъ тихомъ домѣ. Добрый Сатурнинъ нѣжилъ и баловалъ свою юную красавицу жену, какъ нѣжное дитя, а Нетэта не желала ничего болѣе, какъ неизмѣняемости этой спокойной жизни, оставлявшей ее въ сторонѣ отъ всѣхъ треволненій жизни, о которой ей разсказывалъ ужасныя страсти, возвращаясь изъ царскаго дворца, Сатурнинъ.

Такъ прошло четыре года, и во все это время Нетэта не показывалась нигдѣ въ общественныхъ мѣстахъ, кромѣ храма Изиды, куда ходила въ тихія сумерки благодарить богиню за свое счастіе. Теперь ей уже исполнилось восемнадцать лѣтъ, и изящная красота ея, дававшая ей смѣшанный видъ „богини и пастушки“, расцвѣла и сдѣлалась еще поразительнѣе. А дѣтей у нея не было, и всѣ полагали, что о нихъ она особенно и припадаетъ съ молитвой къ „Подательницѣ полноты бытія“.

Да это такъ именно и было, потому что дѣти въ одинокомъ положеніи Нетэты, при безпрестанныхъ отлучкахъ мужа во

[1]) Изида имѣла много наименованій; изъ „Исторіи религій“ еп. Хрисанфа (т. II, стр. 59) видно, что эту богиню называли „тысячеименною“, но самыя употребительнѣйшія названія были: „Полнота“, „Владычица“, „Мать“ и „Заступница“. Н. Л.

дворецъ цезаря, могли составить ей лучшее утѣшеніе. Объ этой тайнѣ прошеній Нетэты навѣрное зналъ одинъ Хремъ, но онъ томилъ ее, не подавая ей никакого иного утѣшенія, а только возводилъ глаза вверхъ и повторялъ:

— Терпѣніе, дитя мое,—терпѣніе, и добро тебѣ будетъ!

Но добро не приходило, а зато скоро и совсѣмъ изъ далекихъ странъ налетѣло сколько внезапное и дикое, столько же и неотразимое по своей наглости зло.

V.

Къ тому времени, когда истекалъ четвертый годъ замужеству Нетэты за Сатурниномъ, прибылъ изъ Галліи въ Римъ молодой римскій всадникъ, по имени Децій Мундъ. Онъ происходилъ изъ знатнаго рода, былъ холостъ и красивъ собою и имѣлъ въ своемъ владѣніи обширныя и богатыя имѣнія. Характеръ онъ имѣлъ своевольный, смѣлый и страстный и настоящее римское, себялюбивое и холодное сердце.

Свойства эти отпечатлѣвались и въ его наружности, красивой и дерзкой. Децій Мундъ былъ статенъ, высокъ и могучъ. Ловко и неустрашимо онъ оказалъ подвиги отваги и мужества въ бояхъ и усмиреніяхъ людей, тяготившихся тираніею Рима, и былъ посланъ отъ намѣстника Галліи къ императору Тиверію для того, чтобы тотъ обратилъ свое вниманіе на вѣстника побѣдъ и удостоилъ бы Деція всемилостивѣйшихъ наградъ.

Въ числѣ этихъ наградъ едва ли не самою желательною для молодого воина было то, что цезарь далъ ему почетное положеніе при себѣ и оставилъ его въ Римѣ, гдѣ Децій Мундъ могъ жить въ одномъ изъ своихъ роскошныхъ домовъ и вознаградить себя въ роскоши и общеніяхъ съ людьми знатнаго положенія,—чего онъ былъ лишенъ во время пяти лѣтъ пребыванія въ полудикой Галліи.

Объ этомъ заботился самъ Децій Мундъ и его многочисленные родственники, имѣвшіе видное положеніе въ обществѣ, и старый другъ Деціева отца, знатный и богатый сенаторъ Требатій, человѣкъ съ очень большими связями. Онъ особенно озабочивался этимъ потому, что имѣлъ единственную дочь, по имени Цинару, которой въ то время шелъ девятнадцатый годъ и которая съ самаго дѣтства считалась невѣстою Деція.

Теперь она находилась какъ разъ въ такомъ возрастѣ, когда пора была осуществить долгое намѣреніе ея родителей и родителей Деція—соединить молодыхъ людей узами брака, а Требатій не хотѣлъ ни отпускать отъ себя Цинару съ мужемъ въ далекую Галлію, ни оставлять ее въ одиночествѣ тотчасъ послѣ брака,—что̀ неминуемо пришлось бы сдѣлать, если бы кесарь не соблаговолилъ на переводъ Деція въ Римъ, на достойное его мѣсто въ когортахъ отборнаго войска.

Но при медлительномъ характерѣ Тиверія уладить то было не легко, и Децій оставался въ Римѣ въ ожиданіи, чѣмъ обрадуетъ его цезарь, а въ это время самъ спѣшилъ вознаграждать себя

всѣми возможными удовольствіями, которыхъ долго лишенъ былъ, живя въ Галліи. Болѣе же всего влекла его къ себѣ игра, въ которой онъ хотѣлъ отличаться, какъ значительностью своихъ проигрышей, такъ и совершеннымъ къ нимъ равнодушіемъ. А еще болѣе искалъ онъ побѣды надъ женщинами, къ чему неудержимо и алчно стремился, какъ бы совсѣмъ забывая, что скоро долженъ вступить въ бракъ съ дочерью именитаго Требатія, богатой и блистательной Цинарой, обрученной ему съ самаго дѣтства.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ Децій Мундъ старался превзойти всѣхъ, чтобы заставить себѣ завидовать и удивляться. Въ погонѣ за суетной славою перваго мота и повѣсы онъ готовъ былъ на самыя большія безразсудства и жилъ какъ бы въ напряженномъ опьяненіи, которое ему надо было завершить самыми отчаянными актами высшаго безумства... За городомъ у богатой вдовы Фаволіи, которой нравилось презирать мнѣніями свѣта, скоро былъ данъ Децію предметъ, достойный одушевлявшаго его настроенія. У нея онъ сдѣлалъ съ удивившимъ всѣхъ невозмутимымъ спокойствіемъ два такихъ крупныхъ проигрыша, какіе едва ли снесъ бы спокойно самый большой богачъ этого круга, Персій, или три состоянія прожившій Фуфидій, и тамъ же сплетникъ Мульвій и двусмысленный Зетъ разгласили вразъ двѣ побѣды Деція надъ двумя извѣстными всѣмъ своей красотою римлянками—Феророй, по которой напрасно и долго томились, ничего не достигнувъ, Персій, Руфилъ и сенаторъ Помпедій, и надъ подругой Ферры—Фелидой, свѣтлыя кудри которой воспѣвали въ стихахъ своихъ Лолій и Фурій, и получали за то вознагражденіе отъ мужа ея, Педомія, и отъ ухаживавшаго за нею вѣжливаго Амфіона.

Этимъ успѣхомъ Деція Мунда, разсказаннымъ вечеромъ всѣмъ по секрету сплетникомъ Мульвіемъ и двусмысленнымъ Зетомъ, было заинтересовано все общество, собравшееся у Фаволіи, и историкъ Фунданій уже записалъ это на дощечки, которыя всегда имѣлъ при себѣ въ складкахъ тоги. Но бывшій тутъ грубый и дерзкій Орбилій, человѣкъ, котораго лучше было бы не пускать ни въ какое общество, но который между тѣмъ втирался повсюду и вездѣ былъ способенъ затѣять споры и ссору,—не снеся этого, чтобы не дать Децію Мунду славы большого успѣха у женщинъ, и, забывъ все, чѣмъ могъ рисковать, произнесъ вслухъ, ковыряя въ зубахъ:

— Экая важность Ферора съ Фелидой! Важно лишь то, что у нихъ есть мужья, которые вѣрятъ въ ихъ добродѣтель, да признаться, и это не важно. Кто изъ людей именитыхъ не любитъ себя обольщать, что жена его одного его любитъ!.. Эхъ, про Ферору не ты одинъ кое-что зналъ и знаешь.

— Ей всегда нужны деньги,—подсказалъ Орбелію Мульвій.

— Да, да, это правда,—поддержалъ Мульвія двусмысленный Зетъ, и тутъ же добавилъ, что Ферора на-дняхъ призывала къ себѣ процентщика Авла и напрасно старалась заслужить у него тысячу драхмъ.

— Вѣрно,—отвѣтилъ Орбелій:—я видѣлъ чужеземныхъ купцовъ, которые предлагаютъ привезенныя имъ драгоцѣнныя ткани, и сказалъ себѣ: ну, теперь держитесь на стражѣ, почтенные мужи священнаго Рима: жены васъ потрясутъ и заставятъ податься казною, или вашею супружеской честью.

Тутъ сплетникъ Мульвій сейчасъ и припомнилъ, что Ферора на-дняхъ приказала рабынямъ шить ей тунику изъ голубой тонкой ткани съ серебряной нитью.

— Ну, и конечно,—воскликнулъ Орбелій,—она себѣ собрала, какъ и прежде сбирала, а Фелида... Она молодая подруга Фероры, но она не впервые ужъ ей соревнуетъ, и я опасаюсь,что она слишкомъ поспѣшно уронитъ цѣну добродѣтели въ Римѣ, такъ что Фурію скоро придется размѣчать противъ многихъ именъ ничтожныя цифры, а Лелій и Фурній пѣвецъ станутъ пѣть про тѣхъ, которыя сами о себѣ предпочитали бы всѣмъ разговорамъ молчанье.

И разговоръ, вступивъ на эту стезю, продолжался дотолѣ, что Орбелій съ наглостью сказалъ, что для того, кто хочетъ и можетъ тратить много денегъ,—нѣтъ ничего удивительнаго пріобрѣсть въ Римѣ ласки каждой римлячки.

Тогда одни гости отвернулись отъ Орбелія, а Фаволія сухо замѣтила ему, что онъ вѣрно забываетъ, что и она тоже женщина и что онъ сидитъ въ ея домѣ.

— Нѣтъ, я это помню!—отвѣтилъ Орбелій.

— Ты тоже не дѣлаешь для меня никакого исключенія?

— Зачѣмъ же ты напрашиваешься на мою дерзость или хочешь вынудить у меня любезность?

— Ни то ни другое, но я желала бы знать: чѣмъ меня можно купить?

— О, я думаю, можно!

— Чѣмъ же?

— Ну, напримѣръ, хоть той цѣной, какой покупали любовь Клеопатры.

И это сравненіе съ египетской царицей не только не оскорбило Фаволію, но, напротивъ, такъ ей польстило, что она разсмѣялась и не стала опровергать циническихъ заключеній Орбелія о всеобщей продажности въ Римѣ. Но за честь римскихъ женщинъ заступился скучный философъ Булацій, который замѣтилъ, что кто чего ищетъ, тотъ то и находитъ. А какъ его вмѣшательство было изрядною рѣдкостью, то и тутъ на слова его обратили вниманіе и стали къ нему приступать съ шутливыми вопросами:

— Чего же самъ ты ищешь и что ты нашелъ, велемудрый Булацій?

А хозяйка сказала:

— Не докучайте ему, пусть онъ дремлетъ, или размышляетъ самъ съ собою о вещахъ, намъ недоступныхъ. Всякому и безъ отвѣта его не трудно отгадать, что Булацій ищетъ встрѣтить въ Римѣ такую красавицу, которая влюблена въ своего мужа и настолько ему вѣрна, что не удѣлитъ своей ласки никакому

побѣдителю и ни за какія сокровища. Мудрый Булацій встрѣтитъ такую красавицу... во снѣ.

Надъ этими словами Фаволій всѣ засмѣялись, но Булацій спокойно перенесъ общій хохотъ и, скучливо зѣвнувъ, протянулъ:

— Да. Я встрѣтилъ такую женщину, и это было не во снѣ, а наяву, и притомъ эта женщина, о которой я говорю, вѣрна своему мужу, и за добродѣтель ея можно ручаться, хотя она вовсе и не влюблена въ своего мужа.

— Въ такомъ случаѣ она, вѣрно, дурна собой?

— Она прекрасна такъ, что съ нею немногія въ мірѣ могутъ поспорить.

— Въ такомъ разѣ назови намъ ея имя!

Булацій назвалъ Нетэту.

VI.

И едва было произнесено это имя, какъ всѣ заговорили о Нетэтѣ и выражали общее удивленіе, что они до сихъ поръ позабыли объ этой женщинѣ, красота которой удивительна не менѣе, чѣмъ ея честность. При этомъ, хотя были выражены различныя мнѣнія о ея красотѣ, но всѣ сходились въ одномъ, что Нетэту надо считать не только одною изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Римѣ, но что она, кромѣ того, представляетъ собою рѣдкостнѣйшій феноменъ, такъ какъ она никогда не отвѣчала ни на чьи искательства и остается вѣрною мужу, который годами ровесникъ ея отцу и притомъ имѣетъ волосатый лобъ, напоминающій сиѳа.

На Децій Мунда восторженныя рѣчи о Нетэтѣ производятъ дѣйствіе искры, зажигающей порохъ. Промежуточныя главы, которыя или не были написаны или не сохранились до насъ, должны были показать исторію молодой бурной страсти воспламенившагося патриція. Очевидно, увидѣвъ красавицу при первой же возможности, Мундъ исполняется непреодолимымъ къ ней влеченіемъ, ищетъ ея, совершенно потерявъ душевное спокойствіе. Мы располагаемъ только отрывками страстныхъ поэтическихъ воззваній, звучащихъ, какъ пѣсня, какія, видимо, обращаетъ влюбленный къ своей плѣнительницѣ въ минуты кратковременныхъ встрѣчъ. Въ этихъ любовныхъ репликахъ Лѣсковъ, очевидно, вдохновляется подлинниками римскихъ поэтовъ [1]).

Какъ я увидѣлъ тебя такой нѣжной, Тибуллъ закричалъ мнѣ: вотъ то копье, что̀ увязнуть должно въ твоемъ сердцѣ! И что̀ онъ сказалъ, то и случилось: я уязвленъ тобой, я жить безъ тэбя не могу, исцѣли или убей меня скорѣй, Нетэта!

Пробовалъ я пить вино, чтобы виномъ разсѣять томленіе страсти, но въ слезы мнѣ страсть моя превращала вино.

---

[1]) Какъ здѣсь, такъ и всюду далѣе всѣ мѣста, набранныя петитомъ, принадлежатъ А. А. Измайлову, руководствовавшемуся отрывочными записями Н. С. Лѣскова, сохранившимися въ архивѣ „Нивы“ (см. предисловіе).

Нынче горекъ мой день, и тѣнь еще горьче ночная. Время все скорбью объято. Не помогаютъ элегіи мнѣ и даже всѣхъ вмѣстѣ музъ съ самимъ Аполлономъ я выгналъ бы вонъ, чтобы они не мѣшали мнѣ скорбѣть о разлукѣ съ Нетэтой.

Купидонъ меня ранилъ на-смерть, я страдаю жестоко и питаю болѣзнь мою горемъ моимъ,—такъ эта боль мила мнѣ. Смолкни, Прохита, чтобы ко мнѣ опять не ворвались рыданья.

Я весь въ огнѣ, въ груди торжествуетъ свою побѣду Амуръ. Постель жестка мнѣ. Всю длинную ночь я напрасно стараюсь уснуть, и болитъ мое утомленное тѣло.

Развѣ чрезмѣрны мои желанія? Я прошу только того, чтобы меня полюбила женщина, красота которой возбудила во мнѣ неукротимыя желанія ея любви. Я не выпрашиваю ее себѣ навсегда... Это много, но пусть она любитъ меня хотя отъ одной зари до другой... О, Богиня, услышь же хоть эту молитву.

Мундъ томится въ нераздѣленной любви и подсылаетъ къ Нетэтѣ довѣренныхъ женщинъ.

Было жарко. Солнце перешло за полдень. Онъ лежалъ на постели, согнувшись. Одна половина окна была открыта. Въ комнатѣ былъ полумракъ, какъ въ тѣнистомъ лѣсу на разсвѣтѣ, когда ночь проходитъ, а день еще не насталъ. Нылъ египетскій голубь...

Отнеси эти дощечки (Нетэтѣ). Пусть она напишетъ на нихъ свой отвѣтъ... Только, чтобы не былъ онъ кратокъ... Я хочу услыхать отъ нея много словъ... Нѣтъ!.. лучше пусть она скажетъ одно только слово „приду“.

Дерево протягиваетъ мнѣ сучья, чтобы я повѣсился; въ лѣсу я слышу жалобный голосъ совы, и на опушкѣ рощи палачъ готовитъ кресты для чьей-то будущей казни.

Я безъ ума отъ ея красивой походки, ея суровость мила мнѣ... Какъ она пьетъ, и каждый глотокъ бѣжитъ въ ея горлѣ!.. Что за дивные пальцы у ней на рукахъ, и какой гибкій голосъ! Какъ воздымается грудь у нея, и что говорятъ ея брови! Я хочу умереть отъ этой женщины, рожденной для моего мученья!

Безъ сомнѣнія, между любовниками происходитъ не одна встрѣча, не одно объясненіе. По крайней мѣрѣ, одинъ разъ пылкій любовникъ заявляетъ настойчиво свои права любящаго, но встрѣчаетъ отпоръ въ цѣломудріи чистой женщины.

— Такъ вотъ это кто, безстыдный и наглый, кто каждую ночь къ притолкамъ двери моей воровски прикрѣпляетъ цвѣты!

— Да, это я... я этотъ воръ и могу быть хуже, чѣмъ воромъ! Я готовъ унижать себя всячески передъ тобою, я не смущусь

на колѣняхъ средь дня ползти къ твоему порогу, лежать у него, простершись въ пыли, или биться до смерти головою о твою дверь!..

Ты краснѣешь... Тебѣ, можетъ-быть, жарко? Ты, быть-можетъ, позволишь мнѣ навѣвать на тебя прохладу твоимъ вѣеромъ.

Обнимаетъ, она его бьетъ по лицу и царапаетъ щеку.

— О, ты подняла руки... ты меня бьешь и царапаешь. Этимъ ты на пожаръ приносишь огонь, и не я виноватъ, что твое платье пришло въ безпорядокъ и скользитъ съ плечъ твоихъ ниже... Я пользуюсь тѣмъ, что̀ открыто теперь взорамъ моимъ.

И онъ взялъ ее за плечи такъ, что она вся откинулась назадъ отъ боли и, поцѣловавъ ее много разъ кряду, бросилъ ее на помостѣ.

На плечахъ ея были знаки всѣхъ пальцевъ, и тамъ, гдѣ приходилися ногти, выступала кровь.

Убѣдясь, что все тщетно, Децій прибѣгаетъ къ послѣдней мѣрѣ. Зная религіозность Нетэты, онъ подкупаетъ жреца храма Изиды Хрема съ тѣмъ, чтобы тотъ подстроилъ ему обладаніе Нетэтой цѣною золота. Прекрасную патриціанку надо только убѣдить, чтобы она согласилась провести ночь въ храмѣ Изиды, можетъ-быть, отдавъ себя неземнымъ ласкамъ бога Анубиса. Хремъ исполняетъ обѣщаніе и внушаетъ Сатурнину и Нетэтѣ, что именно Нетэта избранница бога. Наивно вѣрующая, цѣломудренная женщина покорно принимаетъ волю неба и добровольно подчиняется всему ритуалу, какой долженъ предшествовать раздѣленію ею ложа небожителя. Быть жрецовъ, храмъ, народныя повѣрья, картина подготовленій и самаго привода ея коварнымъ жрецомъ къ святилищу Изиды воскресаетъ изъ сохранившихся отрывковъ.

На широкихъ и довольно грязныхъ ступеняхъ закрытаго всхода сидѣли нагіе мальчики и предлагали входящимъ женщинамъ покрытыя воскомъ гадательныя таблички, которыя получали для продажи отъ жрецовъ храма и платили денежный взносъ за право продавать таблички у входа. Женщины, купившія табличку, писали на ней вопросъ, на который желали получить отвѣтъ отъ прорицающаго оракула, и, положивъ на дощечкѣ свою мѣту, подавали ее храмовому служителю, который уносилъ ее въ святилище, гдѣ табличку принималъ жрецъ, имѣвшій непосредственный доступъ къ богинѣ. И табличка цѣлую ночь оставалась у „святѣйшей матери“, а на другой день служители возвращали ихъ приносительницамъ, изъ которыхъ каждая узнавала свою табличку по замѣткѣ, которая была ею сдѣлана.

Нетэта купила себѣ табличку и, получивъ съ нею вмѣстѣ отъ продавца рыбій зубокъ, вставленный въ тростинку, написала на воскѣ—не вопросъ, а одну свою мѣтку, и въ отвѣтъ получила стихи:

Пусть не дерзаетъ никто уходить изъ-подъ власти Амура,
Или пусть знаетъ, что онъ—Богу живетъ вопреки.

Поклоненіе египетской богинѣ Изидѣ было очень распространено въ Римѣ. Несмотря на то, что при Тиверіи правительство не одобряло этого культа, женщины всѣхъ сословій напол-

няли капище „Великой Матери“ и именовали ее „исцѣлительницей“ и „всеблагопомощной“. Жрецы ея казались очень простодушными, но были очень коварны: они распускали подъ рукою слухъ о чудесахъ и имѣли преданныхъ и подкупныхъ людей, которые разглашали о ихъ благодѣяніяхъ, всегда умалчивая о ихъ сборахъ, которые во много разъ превосходили раздачи. Жрецы другихъ капищъ негодовали на изидино капище, но должны были молчать, такъ какъ и у нихъ дѣла шли по тому же самому плану, хотя не съ такимъ совершеннымъ успѣхомъ. Успѣхъ этотъ приписывали старшему жрецу „всеблагопомощной.“

Жрецъ сказалъ (Нетэтѣ), что она, какъ избранница бога, должна теперь соблюсти себя въ сугубой чистотѣ, неприкосновенно отъ мужа: онъ повелѣлъ ей сказать объ избраньѣ своемъ Сатурнину и три вечера брать ароматныя ванны и проводить ночь одной въ своей спальнѣ съ размышленіемъ о сынѣ великой богини, а дни затѣмъ проводить въ храмѣ у трона Изиды... И она такъ и жила, соблюдая тѣло свое въ неприкосновенной чистотѣ, а мыслью воспламеняяся къ богу. И такъ прошло два дня, и когда она ушла на третій утромъ, то уже не должна была въ этотъ день возвратиться, ибо въ ночь, слѣдовавшую за этимъ днемъ, ей надлежало принять въ свои объятія бога Анубиса.

И она ушла въ этотъ день такъ же, какъ и въ два первые дня рано утромъ, принявъ ароматную ванну, и провела весь день одна въ уютномъ покоѣ за статуей святѣйшей богини, въ непрестанномъ ожиданіи бога, но Анубисъ не приходилъ до вечера, и Нетэта должна была остаться въ храмѣ и видѣла здѣсь первыя сумерки, и ужасалась, и стыдилась своей слишкомъ легкой льняной одежды.

Не безъ трепета и не безъ смутнаго непреодолимаго безпокойства выходитъ Нетэта въ роковой день изъ дома.

...Вотъ она готова покинуть свою тихую спальню и домашнихъ пенатовъ и выступаетъ на опасный путь. Зачѣмъ ты исторгаешь отсюда меня, лучезарный Анубисъ? До сихъ поръ я ничего не боялась, а теперь я въ смятеніи,—сердце мое ноетъ, духъ занимается, млѣютъ руки, истома въ плечахъ и гнутся колѣни... Я хочу вся укрыться, потому что боюсь Зефира и Эвра, Борея и Нота... И все это изъ-за тебя. Изъ-за тебя мнѣ должно бояться, потому что мнѣ страшно... потому что... я боюсь... ты мнѣ сдѣлаешь вредъ...

Она оглядывается на домъ.

Поздно оглядываться на землю, когда отвязанъ канатъ и волны помчали корабль въ открытое море...

И вотъ она наконецъ у святилища таинственной богини.

Хремъ поднялся на ступени къ истукану Изиды и, взявъ систръ у ея ногъ, воззвалъ къ женщинамъ, державшимъ въ рукахъ свои приношенія:

— Благочестивыя женщины! Въ волѣ святѣйшей богини есть то, чтобы сегодня и завтра алтарей ея не касалась жена, которой минувшей ночью были даны отъ Венеры восторги... Сложите свои приношенія тамъ, на руки благочестиваго брата Фаона, и пусть только та подойдетъ къ алтарю святѣйшей, которая провела ночь одиноко!

Всѣ отошли къ Фаону, а осталась съ дарами на рукахъ только одна Нетэта...

Онъ ее осѣнилъ воскрыліями своей широкой одежды и, потрясая надъ ея склоненной головою мелодическій систръ, похвалилъ ея цѣломудріе и сказалъ ей, чтобы она хранила себя въ чистотѣ и вторую завѣтную ночь и далъ ей небольшое изображеніе Изиды, лежавшее долго у ногъ великой статуи, и завѣщалъ не касаться его иначе, какъ чистой рукою, въ одной только льняной одеждѣ и съ помышленіемъ о богѣ Анубисѣ въ сердцѣ.

— Онъ тебя, дочь моя, за все наградитъ.

Въ присутствіи ея старый Хремъ возноситъ за нее моленья богинѣ.

— Прими, о богиня, сей ладонъ и мирру и устрой, о, святая, да приметъ изъ смертныхъ чистѣйшую—сынъ твой, Анубисъ, въ свои божественныя объятія. Дай ей силу снести его божественное приближеніе къ ней, и да не опалитъ ее огонь его избранія... О, Анубисъ, услышь!.. Покройся желтой одеждой блаженства и нисходи, она ужѣ готова... Она тебя ждетъ въ легкой льняной туникѣ... и стынетъ отъ страха... Не утомляй ее больше... Сходи къ ней съ высотъ, она жаждетъ огня и сама запылаетъ, какъ пышащій камень алтарный.

Онъ входитъ; она молится, Хремъ отходитъ. Благовонья трещатъ,—туманъ и головокруженіе. Она чувствуетъ, что она пьяна...

А когда стало темно, завѣса ея дверей всколыхалась, и она думала, что это Анубисъ, и въ страхѣ упала на колѣни и закрыла руками лицо. Но это былъ Хремъ, который принесъ ей питье въ глиняномъ жбанѣ, и, когда она напилась, онъ покрылъ ее своею широкой одеждой и потрясъ надъ ея головою мѣдный систръ, издавшій при этомъ потрясеніи пріятные и отуманивающіе звуки. Затѣмъ она не замѣтила, какъ Хремъ удалился, и пришла въ себя, казалось ей, очень не скоро и въ чьихъ-то объятіяхъ.

VII.

Отъ центральной и весьма отвѣтственной сцены схожденія бога на ложе женщины уцѣлѣлъ только малый отрывокъ, гдѣ Децій умоляетъ красавицу Нетэту помедлить съ уходомъ съ наступленіемъ утра.

...И Анубисъ ей прошепталъ:

— Смертная! къ мужу ты должна возвратиться!..

— О, не говори мнѣ!... Я знаю!—отвѣчала громко и съ негодованіемъ Нетэта.

— Но ты должна мнѣ сдѣлать одно.

— Все, что ты хочешь!

— Поцѣлуевъ такихъ, какими меня цѣловала, не расточай Сатурнину!

— О!

— Обѣщай мнѣ!.. И помни!.. Я вѣдь сольюся со тьмою и буду слѣдить за тобой!

— Ты будешь возлѣ меня?

— Да, и если... ты его такъ поцѣлуешь, я тогда закричу: „это мой поцѣлуй!“.

— Ты меня губишь: я нарочно могу это сдѣлать, чтобы услыхать близъ себя голосъ твой... Что?.. Ты смущенъ... Не смущайся же!.. Нѣтъ... Я и въ шутку такъ шутить не хочу и... бери же скорѣй отъ меня всѣ мои силы и вынь изъ меня весь огонь поцѣлуевъ!

Тутъ опять на темныхъ крылахъ опустился надъ нею сонъ молчаливый.

И не боялась овца безотвѣтная хищнаго волка... Встала впотьмахъ и, боязни исполнена, щупаетъ путь босыми ногами, а обнаженныя руки межъ тѣмъ простираетъ въ пространство и вдругъ снова въ объятіяхъ, и снова объемлетъ сама и шепчетъ въ перерывахъ лобзаній:

— Помедли!.. Останься со мною, пока взглянетъ Аврора!.. Я не могу тебя отпустить... Я тебя видѣть желаю и... если за это я должна заплатить моей жизнью, то возьми мою жизнь, какъ ты взялъ мой стыдъ и... то, что я до объятій твоихъ называла любовію къ мужу!..

Женщина ушла счастливая, въ сладкомъ незнаніи, изъ храма, отъ объятій Анубиса. Что вскрыло передъ нею тайну ея позора? Самъ влюбленный, очевидно, продолжавшій искать ее вновь съ повышенною страстной тоской. Въ одну изъ встрѣчъ съ нею онъ выдаетъ ея тайну, повторивъ нѣсколько ея словъ изъ ночной бесѣды съ мнимымъ Анубисомъ.

— О велемощная Изида! Молюсь тебѣ и твоему высокочтимому сыну, сладчайшему Анубису! Помоги мнѣ, богиня, въ моихъ предпріятіяхъ! Смягчи сердце моей новой повелительницы! Сдѣлай такъ, чтобы она мнѣ позволила любить ее.

И когда я это сказалъ и упалъ ницъ предъ изваяніемъ богини Изиды, она движеніемъ головы сдѣлала знакъ, что молитвы мои ею услышаны, и жена Сатурнина будетъ любить меня.

— Никогда!—закричала Нетэта.

— Будетъ любить и теперь уже любитъ меня!—повторилъ Децій Мундъ.

— Ты—нахальный безумецъ!

— Ахъ, нѣтъ,—я не безумецъ, хотя, по правдѣ сказать, кто не сошелъ бы съ ума, услыхавши изъ устъ милой Нетэты въ концѣ съ нею проведенной ночи: „не уходи... Зачѣмъ тебѣ стыдно вмѣстѣ со мною встрѣтить Аврору?“

— Что?.. что говоришь ты!—вскричала, смутившись, Нетэта.

— О, Аврора! Аврора!.. Пусть твоя колесница опрокинется

въ густомъ туманѣ!.. О, тише, медленнѣй, тише идите кони ночи!..

— Что это?.. что?..—отступила отъ него въ ужасѣ Нетэта, а онъ становился все наглѣе и дерзче и наступалъ на нее, дерзко глядя ей въ глаза и повторяя:

— О, свѣтлый Анубисъ!.. Анубисъ!.. ты богъ!.. я вѣрю... я знаю!.. Я всѣмъ существомъ моимъ ощущаю твое божество, но для чего такъ безсовѣстны твои поцѣлуи!

Этого больше не могла снесть Нетэта и, закрывъ уши руками, вскричала:

— Измѣна! измѣна!.. Ты былъ въ засадѣ!.. Подлый, презрѣнный, дрянной человѣкъ! Ты таился во тьмѣ, какъ шакалъ, и считалъ поцѣлуи, которыхъ тебѣ самому не пришлось получить...

— Оставь, оставь это!—остановилъ ее съ насмѣшкою Мундъ. Я получилъ все, что хотѣлъ, и притомъ съ хорошей уступкой!

— О, я убита!..

Чистая патриціанка дѣйствительно убита и потрясена. Она сама не своя, она не находитъ нигдѣ покоя, готова наложить на себя руки. Она не можетъ скрыть ничего отъ своего мужа, и сама сообщаетъ ему о своемъ безысходномъ позорѣ, и тотъ въ своей сухой безпощадности готовъ отвергнуть ее и удручаетъ ее педантическими упреками.

— Кто хочетъ имѣть вѣрную жену, тотъ прежде всего долженъ позаботиться, чтобы она не была красива. Я боялся всякаго на тебя устремленнаго глаза, и, когда кто-нибудь на тебя прилежно смотрѣлъ, я плевалъ себѣ за пазуху, чтобы взглядъ этотъ не былъ причиною страданій для моего сердца. Когда ты была больна, я тебя спасъ для себя силою своихъ обѣтовъ пречистой. Я обходилъ твою постель на колѣняхъ и въ ладоняхъ своихъ сожигалъ за тебя ароматныя смолы. Я молился о тебѣ и ходилъ девять дней въ распоясанной туникѣ, чтобы ты осталась жива для меня... И вотъ для кого ты осталась моими мольбами!..

Сатурнинъ, очевидно, доводитъ жалобу до цезаря. Децій Мундъ схваченъ и заключенъ въ темницу. Его ждетъ казнь. Но не легче и тѣмъ, кто живетъ въ домѣ Сатурнина. Можетъ-быть, впервые теперь Нетэта видитъ, что въ отношеніи къ ней мужа было больше эгоизма и самолюбиваго довольства, чѣмъ истинной любви. Если не истинная любовь, то истинная страсть была тамъ, когда она была въ чужихъ объятіяхъ, и она уже примиреннѣе готова взглянуть даже на своего оскорбителя.

... Нетэта все слушала мужа въ раздумьи, уронивъ голову на одну руку, а другой шевеля волосами головы Сатурнина, а когда онъ окончилъ свои жалобы, она вдругъ схватила обѣ свои руки и громко вскричала:

— О, боги! о, боги!.. Если вы есть и если небо не пусто!..

— Нетэта!.. Ты богохульствуешь!—остановилъ жену Сатурнинъ.

— Да, я говорю то, что я думаю,—отвѣчала Нетэта.—Ты плевалъ себѣ на грудь за тунику, чтобы у тебя не украли любви моей. Ты молился за меня и жегъ ладонъ и еще что-то дѣлалъ все для того, чтобы я служила для твоихъ радостей... И если бы

я не была обманута Деціемъ Мундомъ, если бы безстыдно цѣловалъ меня ночью въ храмѣ не онъ, а Анубисъ, то какъ бы было всѣмъ хорошо черезъ меня!

— Да!

— И тебѣ, и моему отцу, и матери, и достопочтенному Хрему!

— Ахъ, да...

— Да... О, будьте всѣ вы далеки отъ моего сердца, и знайте, что всѣ вы мнѣ даже противнѣй того, кто все это сдѣлалъ... потому что для него одного я сама по себѣ всего дороже...

На дальнѣйшемъ протяженіи повѣсти у Нетэты является наперсница. Кто-то утѣшаетъ ее,—надо думать, Поливія, сестра начальника казней, сочувствующая Децію Мунду въ его страсти, даетъ ей совѣты—не бѣжать чувства, сжалиться и свидѣться съ несчастнымъ влюбленнымъ, осужденнымъ за нее на казнь,—но и эти совѣты не воскрешаютъ Нетэты.

Видимо, сама растроганная, Поливія шепчетъ ей:

— Зачѣмъ ты такъ печально бродишь по скучному берегу? Для чего ты одна и одежда твоя до того въ безпорядкѣ, что даже и простая, бѣлая повязка не сдерживаетъ твоихъ распущенныхъ волосъ? Зачѣмъ ты такъ вздыхаешь и слезами портишь свои превосходные глазки? Камень и желѣзо въ груди у того, кто, это видя, можетъ сносить безъ страданья.

Нетэта три раза хотѣла убѣжать, и три раза ее остановила Поливія, и она отвѣчала:

— О, для чего тѣло мое не сожгли, когда я была чистой дѣвушкой. Зачѣмъ меня отдали замужъ. Зачѣмъ я вѣрила богамъ, у которыхъ нѣтъ рукъ, чтобы защитить свои храмы. Зачѣмъ я живу послѣ того, что̀ со мной было, за что я отвержена мужемъ и медлю разстаться съ презрѣнною жизнью, когда толпа указываетъ пальцемъ на мой позоръ!

— Ты хочешь умертвить себя?

— О, да!

— И для чего?

— Чтобъ погасить тотъ стыдъ, которымъ отмѣчено мое лицо!

Отъ намековъ и обиняковъ Поливія переходитъ къ прямымъ уговорамъ повидаться съ Деціемъ,—все равно его ждетъ казнь, о встрѣчѣ никто не узнаетъ, а онъ, отдавшій за нее жизнь,—не стоитъ ли этой послѣдней ласки! Нетэта колеблется.

Нетэта была смущена послѣ разговора съ Поливіей и въ этотъ же вечеръ, когда возвратился домой Сатурнинъ, она имѣла болѣе тяжкій для нея разговоръ съ нимъ.

Грубый и малопонятливый Сатурнинъ, послѣ дней смятенія, пришелъ, утѣшенный, и объявилъ Нетэтѣ, что Децій Мундъ черезъ день будетъ сожженъ, а онъ, Сатурнинъ, получилъ теперь полную увѣренность въ томъ, что Нетэта находилась подъ вліяніемъ злого очарованія, и сама нисколько не участвовала въ томъ, что̀ надъ нею случилось, при коварствѣ безстыднаго Хрема, котораго за это повѣсятъ на крестѣ. Но теперь зато духъ Сатурнина облегченъ разрѣшеніемъ другого жреца, съ которымъ

онъ, Сатурнинъ, долго молился и принесъ въ храмѣ чистой Діаны жертву богамъ. И сейчасъ еще сожжетъ благовонья домашнимъ пенатамъ и потомъ, когда все это сдѣлаетъ, онъ войдетъ къ Нетэтѣ съ вѣткою мира и возвратитъ ей всѣ права его жены, какими она владѣла до этой поры. И при этомъ онъ прошепталъ ей, что, если она послѣ этого будетъ матерью, то дитя ея будетъ считать за дитя Анубиса-бога.

Нетэта, выслушавъ это, стояла какъ бы окаменѣлая и была неподвижна. И когда Сатурнинъ пошелъ перемѣнить свои одежды и сжечь богамъ ладонъ, то внутри въ душѣ Нетэты въ эти мгновенія произошелъ очень большой переломъ.

Все глубже и глубже уходитъ Нетэта въ анализъ своихъ чувствъ къ мужу и тому другому, обжегшему ее пламенемъ своей страсти.

...Нетэта, выданная замужъ въ возрастѣ дѣтскомъ, не знала любовныхъ влеченій къ своему суровому мужу и хранила къ своимъ супружескимъ обѣтамъ ненарушимую вѣрность потому, что имѣла гордый нравъ, не позволявшій ей унижать себя до лжи и притворства и до раздѣленія любви своей между двоими. Но случай съ ней, бывшій въ храмѣ Изиды, гдѣ она съ чистотою своей дѣвственной вѣры была предана безпощадному пылу страстныхъ объятій бога Анубиса, познакомилъ ее съ ощущеніями, которыя были ей до сей поры чужды. И душа ея, искавшая отмщенія обиды, когда теряла это настроеніе, не знала къ чему устремляться: все въ ея жизни стало не тѣмъ, чѣмъ было прежде. Ее не только не огорчалъ гнѣвъ ея родителей, Пакувія и Атисъ, но и самая скорбь мужа ея, Сатурнина. И негодованіе и ужасъ цѣлаго Рима, стремившагося разрушить алтари Изиды и избить Хрема и другихъ жрецовъ, казались Нетэтѣ чѣмъ-то чрезвычайно малымъ и едва стоящимъ какого-нибудь вниманія. Не все ли равно было или не было это позорное дѣло? Мало ли ихъ происходитъ и будетъ происходить на свѣтѣ, пока онъ стоитъ, и живущіе въ немъ люди будутъ жадно перебивать другъ у друга все, что кому изъ нихъ захочется,—не разбирая, какою это имъ придется цѣною!..

И къ собственному своему униженію, которое она перенесла и разсказами о которомъ возбудила негодованіе цезаря и цѣлаго Рима, Нетэта теперь относилась такъ, что это могло бы быть вмѣнено въ вину ея цѣломудрію: это ее уже не гнѣвило и не угнетало и не побуждало къ мщенію, а только томило, какъ стыдъ, заставлявшій ее скрываться и избѣгать встрѣчъ и разговоровъ. По всего болѣе... ей было жаль этого человѣка... этого злодѣя... несчастнаго, котораго сожгутъ за нее живого.

Она не знаетъ до сихъ поръ, можно ли его простить, но она не разъ уже думала о томъ, что виною его погибели будетъ она, и что, если онъ страшно оскорбилъ ея цѣломудріе и отнялъ у нея удовольствіе уважать свою чистоту, то она отнимаетъ у него безъ сравненія бо́льшую цѣнность,—самую жизнь, безъ которой уже нельзя сдѣлаться лучшимъ. И Нетэта находила, что и Поливія и Ферора, надъ которыми произошли такія же бѣды

въ храмѣ всеблагопомощной Изиды, поступили лучше, чѣмъ она, тѣмъ, что снесли въ себѣ свое оскорбленіе и не вызвали гнѣва цезаря и общаго негодованія...

Конечно, можетъ-быть, если бы не молчали Поливія и Ферора и другія женщины, съ которыми случилось то же... то, можетъ-быть, зло это давно было бы пресѣчено, и Нетэтѣ не пришлось бы страдать, какъ она нынче страдаетъ, но тѣмъ не менѣе, если бы все это ей пришлось пережить наново,—она не бѣжала бы по улицамъ Рима, не рвала бы на себѣ одеждъ и волосъ, не царапала бы ногтями свои плечи и щеки и не вымаливала бы у цезаря мщенія, которое не возвратитъ уже ей утраченный покой въ домѣ, а только прибавитъ ей муку на муку оттого, что Децій Мундъ будетъ замученъ... Поэтому слова Поливіи о томъ, что можно извинить его преступленіе жестокостью его страсти, и можно о немъ пожалѣть,—нашли отзывъ въ сердцѣ Нетэты, а отсюда уже становился открытымъ путь къ дальнѣйшему состраданію, доходившему до готовности уронить каплю милосердія на пылающій костеръ, который долженъ задушить своимъ дымомъ дыханіе Деція и испепелить огнемъ его тѣло...

И вотъ теперь это все опять пронеслось, какъ прошумѣвшая буря, передъ Нетэтою и представило ей супружескія ласки Сатурнина такими, какими онѣ до сей поры ей никогда не казались... Въ нихъ она уже не видѣла радостнаго возвращенія ей правъ жены и словно не вѣрила въ благословеніе боговъ, которымъ Сатурнинъ пошелъ сжечь щепоть благовонной смолы. Но ее охватывалъ страхъ, и въ ушахъ ея раздавался запретъ: „Смотри... или я въ темнотѣ закричу: это мои... это мои поцѣлуи!..“

Потрясенная Нетэта бѣжитъ изъ мужняго дома, сама еще не зная, куда.

...Теперь она яснѣе всего сознавала, что самое тягостное въ эту минуту было бы исполненіе долга супруги, а самое желательное избѣжать свиданія съ Сатурниномъ, если онъ пожелаетъ возвратиться въ запертую спальню. Чтобы избѣжать возможныхъ послѣдствій этого свиданія, которыя вдругъ представились ей несносными и превосходящими возможность всякаго надъ собою насилія, Нетэта, не задумываясь вдаль, бросилась къ открытому окну и вышла изъ него на дворъ, гдѣ въ одной изъ нишъ стѣны догорала еще позабытая лампада, и огонь ея, вздрагивая отъ набѣгавшаго вѣтерка, освѣтилъ ей выходную дверь на улицу. Дверь эта была полуоткрыта, потому что рабы, посланные за Исменой, поспѣшая исполнить какъ можно скорѣе данное имъ порученіе, опережая одинъ другого и другъ на друга надѣясь, позабыли запереть эту дверь. А, когда возвратились съ Исменой, то, хотя и увидали свою оплошность, однако никому о ней не сказали, и при извѣстіи о пропажѣ ихъ госпожи еще тверже рѣшились никому не говорить о томъ, что оставляли отпертою дверь.

Нетэта же именно пользовалась этой оплошностью слугъ Сатурнина и вышла на улицу черезъ открытую дверь, и это не

было ею предумышлено, а случилось такъ, какъ бы волею рока, подъ силою котораго она себя чувствовала и который будто руководилъ ею на самомъ дѣлѣ.

Едва она вышла, не зная сама, куда направить хочетъ свои шаги, какъ къ ней устремились изъ темноты двѣ фигуры мужчинъ, искавшихъ сообщества уличныхъ встрѣчницъ, и стали хватать ее за одежды и приглашать ее итти съ ними подъ портики храмовъ, и Нетэта узнала по голосу обоихъ людей, которые ей заступили дорогу. Это были—Лелій поэтъ и сенаторъ Помперій, а за ними еще выступалъ двусмысленный Зетъ, и, чтобы скрыться отъ нихъ, Нетэта быстро вырвалась изъ ихъ рукъ и бросилась бѣжать въ первую встрѣчную улицу и бѣжала, поворачивая изъ одного переулка въ другой, лишь бы скорѣе скрыться съ глазъ ихъ, что̀ ей и удалось. Но зато она и сама теперь не знала, въ какой части Рима она находится, и какою дорогою ей надлежало итти, чтобы возвратиться въ домъ мужа. Кромѣ того, она нисколько не думала о томъ, чтобы спѣшить возвращеніемъ домой, и въ своей роковой растерянности и мечтательности шла до тѣхъ поръ, пока почувствовала сильное утомленіе и пожелала отдохнуть.

По разсѣянности и волненію, которыя оба имѣли свое мѣсто въ потрясенной душѣ Нетэты, она не узнавала мѣста, въ какомъ находилась, и ни мало объ этомъ не тревожилась, а сѣла подъ дерево и задремала, и тотчасъ же увидѣла, что подъ другимъ деревомъ, которое представилось ей невдалекѣ, сталъ весь обвитый молочнымъ туманомъ богъ Панъ, и онъ сталъ къ ней приближаться и обнялъ ее и успокоилъ въ своихъ объятіяхъ, въ которыхъ ей было и стыдно и пріятно. И Нетэта проспала здѣсь подъ деревомъ, пока взошло солнце, и когда она проснулась, то увидала себя на прекрасномъ полѣ, покрытомъ сочною травою и немногими, очень красивыми деревьями. Она легко узнавала теперь то дерево, подъ которымъ видѣла Пана, берегшаго ее въ своихъ объятіяхъ во время ея сна и наводившаго на нее пріятныя сновидѣнія своею игрой на цѣвницѣ.

Нетэта была укрѣплена этимъ сномъ и смущена имъ, такъ какъ богъ Панъ былъ отцомъ многихъ сатировъ, и ей было досадно, для чего такъ съ той поры, какъ она сдѣлалась предметомъ исканій Деція Мунда, ее со всѣхъ сторонъ наяву и во снѣ окружаютъ соблазны, и міръ человѣческій весь показался ей исполненнымъ безстыдства, отъ котораго она хотѣла бы скрыться. А какъ она была въ такомъ состояніи, что не давала себѣ яснаго отчета въ томъ, что̀ ей представлялось, и подчинялась первому влеченію, которое ее охватывало и получало господство надъ ея мыслями, то она встала изъ-подъ дерева, гдѣ спала, воображая себя въ объятіяхъ Пана, и, пройдя среди стадъ, пасшихся теперь на лужайкѣ, пошла берегомъ Тибра и все шла, не давая себѣ отчета, куда идетъ, и пришла въ полдень къ незнакомому пыльному гроту, гдѣ и сѣла въ темномъ углу, чтобы укрыться отъ полдневнаго жара.

Тутъ она пробыла въ полузабытьи довольно долгое время,

и все опять была не въ сознаніи того, что хочетъ сдѣлать и что съ ней происходитъ, и опять видѣла въ знойномъ воздухѣ Пана, который, улыбаясь, дремалъ подъ стѣною пыльныхъ развалинъ и свирѣль уронилъ на косматыя ляжки. Въ этотъ разъ Панъ привидѣлся Нетэтѣ передъ тѣмъ, какъ она пробуждалась, и тотчасъ же исчезъ при ея пробужденіи, а въ это же время она услыхала, что въ другой сторонѣ грота, противоположной той, откуда она вошла, раздавались людскіе голоса и удары мотыкъ и сѣкиръ, посему слѣдовало догадаться, что тамъ шла какая-то спѣшная работа.

Не желая выходить снова на ту же мѣстность, гдѣ сторожилъ ее неотступно преслѣдовавшій ее Панъ, Нетэта предпочла выйти изъ грота черезъ ту сторону, откуда слышались стуки инструментовъ и голоса рабочихъ. Она встала и пошла на эти звуки и шла довольно долго въ совершенной темнотѣ, при чемъ ей не разъ казалось, что работа происходитъ то съ боковъ коридора, которымъ она проходила, то сверху надъ ея головою, и даже своды трещали и сыпалась плѣсень и пыль. Наконецъ въ глаза Нетэтѣ мелькнулъ свѣтъ, она приблизилась къ выходу и увидала, что множество рабочихъ разрушаютъ остатки какого-то большого зданія, и тутъ она узнала мѣстность и поняла, что разрушенное зданіе, отъ котораго уцѣлѣлъ только одинъ уголъ портика, есть именно тотъ самый храмъ богини Изиды, гдѣ совершено поругательство надъ бѣдной Нетэтой.

По повелѣнію Тиверія онъ былъ разрушенъ неимовѣрно скоро,—всего въ восемь дней,—и теперь отъ него оставался одинъ только уголъ портика, къ колоннадѣ котораго прямо велъ тотъ проходъ, которымъ дошла сюда Нетэта, и, идучи далѣе, она поднялась этимъ же ходомъ на верхъ просторнаго фриза и тутъ увидала опять много людей, трудившихся надъ какою-то непонятною для нея работою, и опять сошла внизъ, никѣмъ не замѣченная, и тутъ неожиданно встрѣтила Поливію.

Это уже былъ вечеръ, и Поливія вышла, чтобы подышать вечерней прохладой. Она была грустна и задумчива и удивилась, увидавъ Нетэту, о которой уже знала, что она скрылась изъ дому мужа.

Поливія обратила вниманіе на внѣшность ея убора, который былъ въ безпорядкѣ, и на замученный видъ и сказала ей:

— Такъ какъ мы возлѣ дома, гдѣ я живу, и тебѣ нѣтъ надобности попадаться всѣмъ на глаза, то войди ко мнѣ, отдохни и подумаемъ вмѣстѣ, что тебѣ предпринять далѣе.

Разсѣянная Нетэта послѣдовала за Поливіей и вступила за нею въ домъ, не зная, что это былъ домъ брата Поливіи, роскошнаго Фурнія, который, проживъ четыре наслѣдства, служилъ теперь начальникомъ всѣхъ тюремъ и распоряжался устройствомъ казней. По этой должности своей Фурній теперь былъ занятъ приготовленіемъ казней для виновныхъ въ оскорбленіи Нетэты. Подъ надзоромъ Фурнія происходило спѣшное разрушеніе капища Изиды, и онъ же долженъ былъ приготовить сложную операцію казни, которую предначертано было совершить такимъ образомъ,

что мѣсто, гдѣ стоялъ храмъ Изиды, должно быть расчищено и отъ всего зданія на время будетъ оставлено только нѣсколько колоннъ съ кускомъ фриза. Посреди площади, на которой стоялъ храмъ, долженъ лежать сброшенный съ подставы кумиръ богини Изиды, а кругомъ его надлежитъ поставить восемь деревянныхъ крестовъ, для жрецовъ Хрема, Кадема, Балласа, Фунданія и Фуфиція, для Пеона прислужника, для Менекрата, возжигателя куреній, и для старой Иды. А наверху, въ фризѣ колоннады, долженъ быть сложенъ костеръ, на которомъ будетъ сожженъ Децій Мундъ. И когда будутъ распяты жрецы и служители храма и старая Ида, тогда у всѣхъ на виду загорится высоко на фризѣ костеръ, посреди котораго у столба будетъ прикованъ Децій Мундъ. И когда всѣ казненные будутъ терзаться при назначенныхъ имъ орудіяхъ казни, тогда потащутъ канатомъ къ берегу Тибра старую Иду и сбросятъ ее въ воду, [а потомъ подшибутъ колонны, на которыхъ до времени держится фризъ, и этотъ остатокъ храма Изиды обрушится и смѣшается съ остаткомъ виновныхъ. Все это вмѣстѣ, безъ разбора, тоже будетъ брошено въ воду и снесется волнами Тибра въ море.

Поливія разсказала Нетэтѣ объ этихъ приготовленіяхъ, думая, что ей будетъ пріятно узнать, какъ строго будетъ отомщено поруганіе ея супружеской чести, но Нетэта выслушала это сообщеніе равнодушно и потомъ сказала, что она себя не понимаетъ, потому что ранѣе, когда она только-что узнала о совершенномъ надъ нею обманѣ, она испытывала ненасытимую жажду мщенія, и потому такъ настоятельно требовала кары виновнымъ у цезаря. Но съ тѣхъ поръ, какъ она знаетъ, что они всѣ погибнутъ, она находитъ въ своемъ сердцѣ къ нимъ даже сожалѣніе.

Поливія же ей отвѣтила удивленіемъ и спросила:

— Ты не видала ли Грецины или Юліи, или другихъ пустомелей изъ родныхъ или изъ пріятелей Друза?

И тутъ разсказала, что Грецина и Юлія наслушались какихъ-то чужеземныхъ пустяковъ отъ присланныхъ изъ Палестины бродягъ, у которыхъ нѣтъ гордости своими предками и нѣтъ желанія мстить за себя, а напротивъ, они не почитаютъ за стыдъ снесть обиду и даже спѣшатъ сдѣлать добро тѣмъ, кто имъ дѣлаетъ зло.

— Я не знаю никого изъ этой семьи,—отвѣчала Нетэта,—но я чувствую, что, если бы кого-нибудь изъ нихъ встрѣтила,— я бы ихъ полюбила и...

— Можетъ-быть, сама сдѣлалась бы точно такою же, какъ они?—перебила Поливія.

— Можетъ-быть,—отвѣчала Нетэта,—но во всякомъ случаѣ я не пошла бы просить цезаря о томъ, чтобы моя обида стоила жизни людямъ, для которыхъ братъ твой готовитъ кресты и костры, и теперь я чувствую, что я должна итти къ цезарю и просить для нихъ пощады.

VIII.

И, сказавъ это, она быстро повернулась и ушла отъ Поливіи такъ скоро, что та не могла ее удержать. Но вскорѣ Нетэта воз-

вратилась, и Поливіи показалось, что въ это недолгое время, пока она была въ отлучкѣ, съ нею произошла очень большая и страшная перемѣна. И до той поры сильно возбужденная и измученная безпрестанною смѣною душевныхъ волненій, она теперь воротилась еще болѣе разстроенною и, хотя падала отъ усталости, но обнаруживала огромную энергію и волю.

Она объяснила Поливіи, что ее не допустили къ императору, и что всѣ даже смѣялись надъ ея намѣреніемъ измѣнить приговоръ, исполненіе котораго назначено на завтра, и теперь этого зрѣлища ждетъ цѣлый Римъ

— Это такъ и должно быть!—сказала Поливія.

— А я думаю именно, что это такъ не должно быть! Я ненавижу себя за то, что все это надѣлала, и, если бы это было можно, я сама умерла бы вмѣсто этихъ людей, которыхъ будутъ распинать на крестахъ или сожигать на кострѣ.

— Вотъ именно, я думаю, вмѣсто того, кто будетъ горѣть на кострѣ?—пошутила Поливія.

— Да, это ты не ошиблась. Тѣ, другіе, жалки, но они дѣлали дурное дѣло за деньги, и потому мнѣ ихъ меньше жалко, но Децій Мундъ несчастливецъ... Онъ сдѣлалъ все, отуманенный страстью, которой не долженъ былъ дать въ себѣ разгорѣться, но онъ вѣдь римлянинъ,—гдѣ ему было взять стыдливаго цѣломудрія?.. Моя красота погубила его, и я ее ненавижу и никогда не буду ею радоваться, потому что всегда буду помнить, какъ тяжко страдаетъ за нее человѣкъ, который знаетъ, что завтра его сожгутъ за меня.

А Поливія отвѣчала Нетэтѣ, что она напрасно думаетъ будто Децій Мундъ очень страдаетъ въ ожиданіи завтрашней казни.

— Напротивъ,—сказала она,—онъ счастливъ!

— Ты говоришь невозможное!—отвѣчала Нетэта.

— Нѣтъ, я говорю именно то, что̀ и есть. Децій Мундъ вѣдь здѣсь, въ этомъ домѣ, и я брала ключъ отъ его помѣщенья у брата и входила къ нему послѣ того, какъ ему объявили рѣшенье...

— Ну, и что̀ же съ нимъ было?

— Онъ улыбнулся и сказалъ очень ласково: „Что̀ ни придумаете,—это все будетъ мало за то, что̀ я сдѣлалъ, и я хотѣлъ бы еще разъ горѣть, если бы могъ, задыхаясь въ дыму, крикнуть Нетэтѣ: „я любилъ тебя, Нетэта!“

Нетэта ощутила на себѣ странное впечатлѣніе отъ этихъ словъ и, окинувъ Поливію взглядомъ, исполненнымъ страданія, простонала:

— Это жестоко!.. Зачѣмъ ты мнѣ это сказала!

И когда Поливія захотѣла узнать, почему эти слова произвели на Нетэту такое впечатлѣніе, она сказала ей:

— Боги слишкомъ немилосердны ко мнѣ, потому что я сама не въ состояніи опредѣлить моихъ чувствъ!—и вслѣдъ затѣмъ разсказала, что она не рада тому, что̀ должно бы ее радовать, и мало теперь сокрушается о томъ, что̀ должно быть для нея всегдашнимъ сокрушеніемъ.

— Словомъ,—сказала ей Поливія,—твой гнѣвъ за оскорбленіе, которое нанесъ тебѣ Децій Мундъ, утихаетъ, и ты не радуешься его казни, которою онъ долженъ пострадать за твою честь?

— Я позабыла уже о себѣ и ужасаюсь того, что̀ опредѣлено сдѣлать надъ этимъ несчастнымъ!

Поливія обняла ее и сказала ей:

— Вотъ ты теперь больше женщина, чѣмъ римлянка, и за то ты можешь получить такую радость, какая недоступна жестокому сердцу.

— Ахъ, я рада бы сдѣлать все и даже готова пожертвовать собою, чтобы только спасти его отъ жестокихъ мученій.

Поливія же ей отвѣчала, что освободить Деція Мунда отъ назначенной ему казни уже никто не можетъ, такъ какъ это рѣшилъ императоръ, и весь Римъ ожидаетъ зрѣлища, но что отъ Нетэты зависитъ облегчить Мунду муки казни и, можетъ-быть, даже сдѣлать ему ихъ отрадными.

Нетэта захотѣла знать, какъ это можетъ быть. Поливія сказала, что Децій Мундъ не обнаруживаетъ никакого страха передъ ожидающей его казнью, но выражаетъ сожалѣніе только о томъ, что умретъ, оставляя гнѣвъ на себя въ сердцѣ Нетэты.

— Если ты можешь сказать ему правду, то передай ему, что я его прощаю!—проговорила Нетэта.

А Поливія ей отвѣчала, что она, надѣясь на добросердечіе Нетэты, уже говорила объ этомъ Децію, но онъ ей не повѣрилъ.

— Почему же?

— Потому,—отвѣчала Поливія,—что онъ считаетъ себя слишкомъ много передъ тобою виноватымъ, и жизнь свою почитаетъ слишкомъ ничтожною цѣною за твой гнѣвъ...

— Несчастный!—прошептала Нетэта, и, подумавъ немало, добавила:

— Если бы я могла его видѣть, я бы сама ему сказала, что въ моемъ сердцѣ нѣтъ къ нему гнѣва.

— О, тебѣ бы самой онъ, конечно, повѣрилъ!—отвѣчала Поливія,—и я на твоемъ мѣстѣ не отказала бы ему въ этомъ утѣшеньи.

— Но гдѣ же я могу сказать ему это слово?

— Тебѣ это стоитъ захотѣть. Децій Мундъ вѣдь заключенъ въ томъ самомъ домѣ, гдѣ живемъ мы,—я и братъ мой, промотавшійся Фурній, отъ котораго зависятъ тюрьмы и казни, палачи и вся тюремная стража. Братъ былъ близко знакомъ съ Децiемъ Мундомъ въ прошедшее время, когда проживалъ свои богатства, и теперь онъ сожалѣетъ Мунда и, какъ можетъ, облегчаетъ для него жизнь въ заключеньи. Осужденный свободно приходитъ въ наше помѣщеніе и гуляетъ въ нашемъ саду, связанный однимъ честнымъ словомъ, которое взялъ съ него Фурній. Братъ цѣлый день сегодня имѣлъ много хлопотъ, и вечеромъ онъ хочетъ дать себѣ отдыхъ—поиграть въ кости и побесѣдовать съ друзьями, и потомъ, конечно, у нихъ будетъ долгій ужинъ. Къ этому ужину, признаться, званъ былъ и Мундъ, но онъ отка-

зался. Онъ сказалъ имъ, что не расположенъ веселиться передъ смертью, и братъ посмѣялся надъ нимъ, что онъ, можетъ-быть, хочетъ „побыть съ Юпитеромъ“, а Децій, чтобы отвязаться отъ этихъ разговоровъ, молча пожалъ руку Фурнія и послѣ сказалъ мнѣ тихо, со вздохомъ: „Пойми хоть ты меня, добрая Поливія, что я нуждаюсь не въ забвеньи, и не въ Юпитерѣ, а въ томъ, чтобы побыть въ душѣ моей съ...“

— Не договаривай! — перебила, отстраняя ее отъ себя, Нетэта.

— Ты догадалась, о комъ онъ хочетъ думать?

— Оставь!.. Оставь это!.. Я догадалась!..

— Это ты... Нетэта!

Нетэта взялась за сердце и сказала:

— Ты таки-договорила!.. Ну, и что же дальше?

— Дальше?

Поливія обняла Нетэту и стала говорить ей на ухо, что братъ ея, Фурній, и его безпечные гости теперь уже начинаютъ собираться и будутъ пировать, пока упьются, и настанетъ время ихъ разносить по домамъ. А Децій, который отказался отъ пира, теперь, конечно, находится одинъ въ саду. Онъ такъ сказалъ Поливіи, что въ эту послѣднюю ночь не станетъ томиться подъ кровлей, а проведетъ ее въ уединеніи на дерновой скамьѣ, подъ большимъ старымъ дубомъ, чтобы окинуть быстро летящей памятью всю свою протекшую жизнь, которую онъ отдаетъ за свою любовь къ Нетэтѣ.

— И вотъ,—заключила Поливія,—зайди ко мнѣ, и изъ моей комнаты ты можешь его видѣть... А если желаешь оказать ему еще болѣе участія, то можешь сойти къ нему туда и сказать ему утѣшительное слово, послѣ котораго ему будетъ не страшно взойти на ожидающій его костеръ.

Говорили же онѣ все это на ходу, подвигаясь шагъ за шагомъ къ дому, гдѣ жила Поливія со своимъ братомъ и гдѣ былъ теперь Децій, для котораго наступала послѣдняя ночь передъ опредѣленной ему, мучительной казнію.

IX.

Пропускаемъ, очевидно, первый варіантъ, который диссонировалъ бы съ общимъ строемъ разсказа—о томъ, какъ Поливія уговаривала Нетэту поддаться искушенію новой встрѣчи.

Нетэта, выслушавъ приглашеніе Поливіи, ничего ей не отвѣчала, но тихо слѣдовала за нею, не освобождая себя отъ руки, которою Поливія обнимала ея станъ, а другою рукою держала въ ладони ея похолодѣвшую руку.

Такъ онѣ обѣ подошли къ дому, и Поливія переступила завѣтный порогъ, а Нетэта остановилась и въ молчаніи бросила на нее взглядъ, полный мучительной тоски и невѣдѣнія, на что ей рѣшиться.

Поливія освободила ея руку и сказала:

— Я тебя не склоняю на злое... Но если ты хочешь оказать милосердіе тому, кто завтра долженъ сгорѣть...

Нетэта затрепетала и твердо вошла за Поливіей. И послѣ этого произошло нѣчто такое, на что, кажется, отнюдь не разсчитывала сострадательная и кроткая Поливія, которая была тронута страданіями Деція Мунда и ввела Нетэту въ домъ свой въ такой надеждѣ, что она облегчитъ нравственное мученіе Деція, высказавъ ему прощеніе и примиреніе. Но на дѣлѣ случилось иначе. Находившаяся въ крайнемъ возбужденіи Нетэта, какъ только вошла въ домъ Поливіи, казалась какъ бы потерянной и горестно говорила: „Я погибла, погибла!“ А потомъ, когда Поливія стала ее ободрять и подвела ее къ окну, изъ котораго было видно большое, старое дерево, а подъ нимъ стоялъ въ задумчивости Децій Мундъ, то Нетэта задрожала и начала жалостно плакать, причитая:

— Не жестоки ли боги къ несчастной!.. Для чего опять вижу Пана!..

И какъ при этомъ Нетэта дрожала, и все существо ея выражало страшное потрясеніе, заставившее Поливію встревожиться за ея разсудокъ, то она сказала ей:

— Это вовсе не Панъ, а Децій Мундъ, который, къ несчастію, долженъ доказать, что онъ смертенъ. Не падай духомъ и не плачь, а поди къ нему и скажи, что ты прощаешь ему свою обиду, и скорбь его будетъ облегчена, и онъ умретъ спокойно, не обнаруживъ страха.

И, когда Поливія это сказала, къ ней подошелъ одинъ изъ довѣренныхъ рабовъ ея брата и сталъ испрашивать у нея распоряженій для подаваемаго ужина, а Поливія отвѣчала ему, что она тотчасъ придетъ, когда ее зовутъ, и подала Нетэтѣ ключъ, сказавъ, что этимъ ключомъ она можетъ отпереть дверь, выходящую въ садъ, и снова запереть ее послѣ свиданія съ Децiемъ и удалиться, оставя ключъ на столѣ въ покоѣ Поливіи.

Затѣмъ Поливія вышла, а Нетэта колебалась, итти ли ей или не итти, чтобы сказать свое прощеніе Децію Мунду, и, наконецъ, сдѣлала то, что было для нея всего опаснѣе, то-есть, взяла ключъ и вышла.

Децій же Мундъ ничего объ этомъ не зналъ и, конечно, не ожидалъ видѣть Нетэту, но видѣлъ ее въ очахъ своей души, которая была полна ею. Ибо съ Децiемъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ имѣлъ успѣхъ въ храмѣ Изиды, дѣйствительно произошелъ большой и рѣзкій переломъ. Децій не ощущалъ страха смерти, но, разставаясь съ жизнію, сталъ понимать ей цѣну и назначеніе не въ томъ, чѣмъ наполнялъ ее до сего времени, ища одной славы и удовольствій, которыя могъ пріобрѣтать при своемъ богатствѣ и безсердечіи. Онъ не сожалѣлъ, что жизнь его будетъ прервана на кострѣ, но сожалѣлъ, что не испыталъ въ ней тѣхъ лучшихъ удовольствій, которыхъ нельзя купить золотомъ, а можно было получить только улучшеніемъ самого себя до той степени чистоты, чтобы привлекать къ себѣ любовь другого существа. И, доходя до такихъ размышленій, онъ сейчасъ же вспоминалъ

о Нетэтѣ—и тогда сразу ощущалъ въ себѣ два теченія разностороннихъ терзаній. Съ одной стороны, это было незнакомое ему до сей поры сожалѣніе къ женщинѣ, для обмана которой онъ сдѣлалъ такъ много злыхъ дѣлъ и явился виновникомъ погибели многихъ людей и для ней самой тяжелаго стыда и осмѣянія; съ другой же ея дѣтская довѣрчивость и чистота, благодаря которымъ и суевѣрію среды она сдѣлалась жертвою его обмана,—наводила Мунда на мысль о томъ, что нѣжный поэтъ Катуллъ понималъ жизнь, и что нѣтъ ничего смѣшного въ его желаніи предпочесть тихую жизнь съ доброю и цѣломудренною женщиною всѣмъ оргіямъ шумнаго Рима. И какъ скоро появлялась въ немъ эта мысль, такъ сейчасъ же въ то время онъ вспоминалъ оскорбленную имъ Нетэту и начиналъ тосковать не такъ, какъ было ранѣе, когда онъ томился желаніемъ побѣдить ея цѣломудріе низкимъ обманомъ, а теперь онъ вспоминалъ стихи Катулла, которые читалъ на память нѣжной Леліи, и самъ повторялъ ихъ шопотомъ...

Грѣхъ не великъ, если ей на тѣлѣ, и стройномъ и гибкомъ
Дерзкой рукой изомнешь туники воздушныя складки,
Спутаешь волны кудрей и вмигъ на чело молодое
Тучку досады нагонишь съ зарницами быстрыми гнѣва.
Кто же не любитъ смотрѣть на то, какъ съ досады мгновенной
Слезы красавица льетъ?.. Но знай, что преступно и подло
Вызвать изъ груди ея потокъ безутѣшныхъ рыданій,
Чтобы, бѣснуясь, она металась, кричала отъ горя,
Чтобы ногтями своими себѣ же царапала щеки.
Скиѳъ необузданный тотъ—преступный и гнусный, безумный
Извергъ, кто милой своей такое нанесъ оскорбленіе.
Боги соступятъ съ небесъ и тяжко его покараютъ.

X.

Такъ настроенная, Нетэта становится свидѣтельницей дружескаго засѣданія въ домѣ Сатурнина, гдѣ онъ въ обществѣ близкихъ обсуждаетъ казнь преступнику, и слышитъ совѣты гостей, безпощадныхъ къ несчастному.

Надъ Деціемъ Мундомъ совершилась такая судьба, какую ему незадолго предъ этимъ событіемъ предсказывалъ расточительный Персій, т.-е.—Тиверій не захотѣлъ самъ изречь приговора Мунду, а повелѣлъ отдать его во власть оскорбленнаго мужа обманутой Нетэты. И тогда, польщенный этимъ, Сатурнинъ нашелъ для себя достаточное утѣшеніе въ такой милости кесаря и обнаружилъ большую заботливость, чтобы изобрѣсть виновному казнь, достойную милостиваго довѣрія императора.

А какъ Сатурнинъ самъ былъ человѣкъ очень тяжелаго ума и не надѣялся найти подъ своимъ косматымъ лбомъ пристойныхъ необыкновенному случаю соображеній, то, чтобы изречь Децію Мунду казнь, которая понравилась бы кесарю и представила пріятное зрѣлище народу, а также была бы и достойна званія

казнимаго всадника и строго карала его безнравственное злодѣйство,—Сатурнинъ созвалъ къ себѣ на совѣтъ всѣхъ своихъ друзей, на чей разумъ и познанія онъ полагался.

Объ этомъ Сатурнинъ сообщилъ тестю своему Пакувію, тещѣ и самой Нетэтѣ, о которой онъ сожалѣлъ, и думалъ доставить ей утѣшеніе тѣмъ, что оскорбленіе ея будетъ наказано строго и оскорбитель поплатится за свое злое торжество жестокою казнью.

По зову Сатурнина, сдѣланному по всему Риму черезъ разосланныхъ невольниковъ, вечеромъ къ нему собрались Горгоній богачъ, Амфіонъ, знатокъ свѣтской жизни, Фускъ, знатный мимъ Лелій поэтъ, Фурній художникъ, Помпедій сенаторъ, Булацій философъ и Мена глашатай, и другіе, между которыми было не мало людей, видѣнныхъ нами въ первый вечеръ у Фаволіи.

Всѣ пришедшіе къ Сатурнину возлегли у столовъ, и только что начали-было ужинъ, какъ у дверей послышался стукъ, и пришелъ никѣмъ неприглашенный сюда двусмысленный Зетъ. Онъ былъ по обыкновенію веселъ и шутя сталъ извиняться слегка, что пришель запоздавши, а самъ межъ тѣмъ, отодвигая встрѣтившаго его Сатурнина, прошелъ впереди его въ столовую и оставилъ за собою незапертыя двери, къ занавѣсѣ которыхъ вскорѣ подкралась и стала Нетэта.

Ее привело сюда любопытство, такъ какъ послѣ разговора съ Поливіей сердце ея было безпокойно, и она страстно желала знать, какой конецъ придумаютъ умные люди тому безсовѣстному человѣку, который положилъ начало ея ничѣмъ не облегчаемому стыду и страданію.

Нетэта тихо стала у этой двери за густой занавѣсой, которая ее скрывала и отъ которой она могла отступить во внутреннія покои жилища; если бы кто-нибудь захотѣлъ подойти къ этой завѣсѣ, то онъ бы не могъ предупредить Нетэту такъ, чтобы она не могла скрыться. А потому она слушала сколько жадно, столько же и съ увѣренностью за свою безопасность.

Но разсужденія шли очень продолжительно, и одно мнѣніе, сказанное въ одномъ родѣ, безпрестанно встрѣчалось съ другимъ, совершенно противоположнымъ, а иногда все это пересыпалось шутками, которыя обиженному сердцу Нетэты были несносны, и она приходила въ негодованіе оттого: какъ люди могутъ впадать въ такой тонъ, говоря объ оскорбленіи женщины и о винѣ человѣка, подлежащаго за это тягостной карѣ. А присутствующіе за столомъ Сатурнина все ѣли и пили и говорили то такъ, то иначе, какъ будто всякій не хотѣлъ первый высказать ясно то, что онъ думалъ, и всѣ тяготились скрытностью другого. И такъ тянулось долго, пока двусмысленный Зетъ поглядѣлъ вверхъ сквозь окно, открывавшее часть неба, и замѣтилъ, что времени уже ушло много, и скоро горластый пѣтухъ станетъ будить бѣдныхъ людей на работу.

При семъ Зетъ окинулъ своими прищуренными глазами всѣхъ и сказалъ, что, если бы кесарь такъ же неспѣшно рѣшалъ всѣ подлежащія ему дѣла, какъ рѣшаютъ это дѣло Сатурниновы

гости, то въ имперіи царилъ бы хаосъ, и тогда всѣ стали чувствовать себя обязанными высказывать свои мнѣнія какъ можно скорѣе

Первый изрекъ свое слово сенаторъ Помпедій. Рѣчь его была такова, что не надо выдумывать ничего новаго для Деція Мунда, а слѣдуетъ держаться того самаго, какъ кесарь велѣлъ поступить съ виновными въ обманѣ жрецами и наперсницей Идой, т.-е. повѣсить Децію на крестъ такъ же точно, какъ будутъ повѣшены его сообщники: Хремъ, Кадемъ и Фунданій, и Балласъ тайностроитель, и тщедушный Фуфицій и Менократъ, возжигатель куреній, и прислужникъ Пеонъ, и сама трижды коварная наперсница Ида.

Но Амфіонъ, знатокъ свѣтской жизни, замѣтилъ, что такое рѣшеніе едва ли будетъ угодно Тиверію, такъ какъ, если бы онъ желалъ, чтобы Мундъ умиралъ, вися на крестѣ, то онъ и не сдѣлалъ бы для него исключенія, въ которомъ семья Сатурнина должна видѣть себѣ образцовую милость, что потому для Деція Мунда надо придумать казнь въ другомъ родѣ.

— Казнь Деція Мунда,—сказалъ Амфіонъ,—должна быть не крестъ, что было бы унизительно для него, какъ для римскаго всадника, но должно быть что-нибудь пожесточе креста, а что такое именно способно замѣнить въ такой степени крестную смерть, объ этомъ,—сказалъ Амфіонъ,—я бы спросилъ совѣта у Фуска, который родился въ жестокомъ германскомъ народѣ и навѣрно видалъ у себя что-нибудь такое, чего ты не знаешь.

Мена же Фускъ отвѣчалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ знаетъ такую казнь, которой казнятъ у дикихъ германцевъ. Это дѣлаютъ такъ, что собьютъ ящикъ такой величины, чтобы можно было всунуть въ него человѣка, согнувъ его вдвое, и высунуть наружу въ прорѣзъ его голову вмѣстѣ съ ногами и такъ оставить его умирать у всѣхъ на глазахъ голодною смертью. Но этотъ совѣтъ всѣмъ показался неудобнымъ по его продолжительности. Художникъ Булацій замѣтилъ, что народу, вѣроятно, больше бы понравилось, если бы Децію Мунда засѣчь гибкими лозами у дверей храма Изиды и въ это же самое время начать разрушеніе храма. Предложеніе художника нравилось болѣе, чѣмъ предложеніе Фуска. На его слова отозвался Лелій поэтъ и сказалъ, что засѣчь гибкими лозами хорошо,—что, конечно, пока будутъ сѣчь, во все это время будутъ слышны свистящіе взмахи лозы, и, можетъ-быть, вырвутся и стоны, а этого не надо. И потому лучше просто Децію сжечь живого на кострѣ. Это тоже чужеземная казнь, какой еще не видали въ Римѣ, и это непремѣнно всѣмъ понравится.

И за этимъ пошли собирать, кто изъ остальныхъ къ которому изъ этихъ трехъ мнѣній былъ склоненъ, и вышло всеобщее разномысліе, дошедшее до того, что, когда спросили красавца Руфила, что думаетъ онъ, то Руфилъ отвѣчалъ:

— Я не могу разсуждать о прекращеніи жизни, которая не нами дана человѣку, и мнѣ кажется, что честь супруги хозяина дома, благородной Нетэты, не поругана тѣмъ, что ее обманули

безчестно, а если она поругана, то ее нельзя возстановить тѣмъ, что убьютъ человѣка.

Ему закричали:

— Ты слишкомъ молодъ, Руфилъ, и это въ тебѣ бродятъ пустыя идеи. Это знакомство съ Поливіей, которая вхожа въ домъ Друза, гдѣ Грецина и Юлія привѣчаютъ полоумныхъ бродягъ Палестины. Зло должно принять казнь, и вопросъ только въ томъ, что̀ приличнѣй, или лучше сказать, что̀ будетъ угоднѣе кесарю: забить Мунда въ ящикъ съ головою, притянутой къ пяткамъ, или засѣчь его лозами у храма, гдѣ онъ совершилъ свое преступленіе, или сжечь его на кострѣ.

Руфилъ отвѣчалъ на это, что въ такомъ разѣ его напрасно объ этомъ и спрашивали: что, по его мнѣнію, Децій Мунда надо бы было изгнать къ кимврамъ или къ скиѳамъ,—пусть бы тамъ онъ обдумалъ свое преступленіе и исправилъ свое похотливое сердце, а если идетъ о томъ дѣло, чтобы его уничтожить, то всего лучше представить выборъ одного изъ трехъ предложенныхъ средствъ...

— Кесарю!—воскликнули всѣ, кромѣ Амфіона и Руфила, который отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не ему, но той, которой всѣхъ больше коснулась обида. Я бы совѣтовалъ предложить это все на рѣшеніе самой Нетэты.

X.

Услыхавъ это, Нетэта вздрогнула и сдѣлала движеніе, которое заставило занавѣску заколебаться, но этого, къ счастью ея, никто не замѣтилъ, и она осталась попрежнему на своемъ мѣстѣ и на мгновеніе позабыла слушать, что̀ говорили по ту сторону завѣшенной двери.

Такъ поразили ее слова молодого Руфила, во многомъ согласныя съ тѣмъ, что̀ сама она чувствовала и о чемъ думала послѣ разговора съ Поливіей, и ей показалось, что здѣсь одинъ только юный Руфилъ говорилъ лучше всѣхъ, такъ какъ все дѣло и вправду касалось ближе всѣхъ только самой Нетэты. Казнить или миловать могла бы она, но... если бы теперь ей предложить такое право, то... она бы присоединилась къ мнѣнію Руфила и... она не знаетъ, что̀ бы такое она рѣшила.

Во всякомъ случаѣ... мысли ея находятся съ мыслями Помпоніи и Грецины, женщинъ изъ дома Друза, и ей нѣтъ никакого дѣла, что тѣ научились всему этому отъ какихъ-то бродягъ,—Нетэта не послушала Поливіи,—она не простила своего обидчика, но и не подастъ голоса за то, чтобы отдать его палачу,—чтобы его скорчили и забили въ ящикъ, или чтобы его повѣсили на крестъ, или зажарили живого на кострѣ.

Нѣтъ, нѣтъ!.. Это не сниметъ позора съ Нетэты, и ее не утѣшитъ... Обида и гнѣвъ и даже снѣдающій стыдъ цѣломудренной Нетэты вдругъ отступили отъ нея, и сердце ея сдѣлалось

доступно состраданію къ врагу, у котораго былъ свой еще большій врагъ,—его животная натура, омрачавшая въ немъ всѣ добрыя чувства и разумъ.

Если бы жизнь Деція Мунда была теперь въ рукѣ оскорбленной имъ Нетэты, она бы вывела его своею рукою за двери тюрьмы и сказала бы ему:

— Иди... туда... далеко... и думай о томъ, что́ ты сдѣлалъ, пока поймешь, какъ это дурно, и потомъ... будь другимъ человѣкомъ.

Это казалось Нетэтѣ самымъ лучшимъ и справедливымъ рѣшеніемъ, которому бы она была рада, хотя послѣ такого рѣшенія ей бы нельзя было оставаться въ Римѣ. Было много позорныхъ, но ее стали бы почитать самою позорною, и отъ нея отступились бы и отецъ, и мать, и самъ ея мужъ,—словомъ, всѣ тѣ, которые думали, что вмѣсто бога Анубиса къ ней снизойдетъ не всадникъ, а повелитель полмі

И ей отъ этого было не страшно, но дѣло рѣшалось безъ участія Нетэты, и, когда голова ея освободилась отъ пробѣжавшихъ въ ней мыслей и вниманіе устремилось опять къ тому, что́ говорили совѣтники Сатурнина, она услыхала сладкую рѣчь Амфіона, знатока свѣтской жизни.

Онъ говорилъ, что Руфилъ очень молодъ и что этою молодостью и близкой пріязнью съ Поливіей, вхожей въ домъ Друза, гдѣ принимаютъ нищихъ бродягъ палестинскихъ, въ самомъ дѣлѣ объясняется вся его ни къ чему не пригодная мягкость. Но что и ящикъ, и лозы, и крестъ тоже жестоко, и трудно сказать, что́ бы изъ нихъ было лучше другого, и однако цезаря, всеконечно, объ этомъ спрашивать нечего. Цезарь не даромъ себя устранилъ отъ этого дѣла и предоставилъ всю власть оскорбленному мужу. А вотъ что́ пришло теперь въ голову ему, знатоку свѣтской жизни. Пусть Сатурнинъ предложитъ самому Децію Мунду на выборъ всѣ три рода казни: голодъ въ скорченномъ ящикѣ, сѣченіе до смерти или пылающій костеръ,—вотъ пусть это будетъ имѣть интересъ для всего народонаселенія Рима, и кесаря тоже навѣрно займетъ, что́ изберетъ себѣ Децій? И что́ онъ для себя изберетъ, то пусть для него и устроитъ какъ можно торжественнѣй новоизбранный распорядитель всѣхъ казней, братъ Поливіи, расточительный Фурній, проѣвшій четыре наслѣдства.

Во мнѣніи всѣхъ это предложеніе Амфіона, знатока свѣтской жизни, было всѣхъ совершеннѣе, такъ какъ оно давало все, что̀ нужно для наказанія зла, для любящей зрѣлище толпы и для удовлетворенія всѣхъ презирающаго Тиверія.

Нетэта дослушала эту рѣчь до конца и тихо отступила отъ занавѣски и ушла въ свою спальню и стала въ раздумьи передъ открытымъ окномъ, въ которое лился воздухъ тихой ночи и съ неба смотрѣли звѣзды... И какъ разъ надъ нею стояло теперь то же созвѣздье Пса, которое она увидала тамъ... когда на мгновенье прояснилось-было ея сознаніе, чтобы опять снова померкнуть, и опять еще разъ пробудиться отъ „безсовѣстныхъ поцѣлуевъ“, и опять помраченье, и лепетъ, и ея просьбы помед-

лить, и его заклятье не цѣловать такъ никого, или онъ закричитъ: „это мой поцѣлуй!“

Ей показалося страшно... Чего же? Все вѣдь это разрушено: больше нечему вѣрить. Тотъ, кто такъ безсовѣстно ее цѣловалъ, держа ея уши въ своихъ нѣжныхъ ладоняхъ, былъ вѣдь не богъ, не Анубисъ... простой смертный, котораго властенъ казнить Сатурнинъ, одинъ—кто имѣетъ право взять въ ладони лицо Нетэты и цѣловать ея губы, и вотъ онъ идетъ къ ней...

Сатурнинъ въ самомъ дѣлѣ проводилъ своихъ гостей, вымылъ руки и, одѣвъ ночную одежду, входилъ въ спальню... Онъ сѣлъ и началъ сообщать Нетэтѣ, чего онъ будетъ просить у кесаря, и она слушала все это, что̀ уже знала, и Сатурнинъ былъ радъ спокойствію, которое въ ней видѣлъ. Но когда онъ окончилъ о Деціи Мундѣ, онъ сказалъ, что затѣмъ признаетъ ее передъ собою чистою и, какъ ни въ чемъ неповинной, возвращаетъ ей свое расположеніе.

Но эти слова Сатурнина вмѣсто того, чтобы принести Нетэтѣ радость, поразили ее тревогою, подъ вліяніемъ которой она начала закрывать свои уши и, метаясь изъ стороны въ сторону, уклонялась отъ объятій мужа, а напослѣдокъ впала въ безуміе и стала кричать:

— Нѣтъ, я слышу голосъ, который мнѣ запрещаетъ быть твоею женою.

И при этомъ тѣло ея трепетало и корчилось и на блѣдныхъ устахъ показалася пѣна.

Сатурнинъ же, какъ не разъ о немъ сказано, былъ суевѣренъ и понялъ это состояніе жены за вліяніе напущенной на нее порчи и вышелъ изъ спальни, заперевъ за собою двери, и послалъ двухъ рабовъ за старухой Исменой, которая умѣла отводить силу очарованія. Посланные же рабы отыскали Исмену не скоро и привели ее только на разсвѣтѣ. Сатурнинъ осмѣлѣлъ въ присутствіи Исмены и, открывъ двери спальни, вошелъ туда вмѣстѣ съ старухой, которая брызгала передъ собою съ ногтя водою. Но приходъ ихъ сюда былъ однако напрасенъ, такъ какъ они не отыскали Нетэты ни въ томъ углу, гдѣ она, скорчившись, билась, избѣгая супружескихъ ласкъ Сатурнина, но и нигдѣ ее не нашли, ни въ спальнѣ, ни въ другихъ помѣщеніяхъ дома, и это неожиданное исчезновеніе исполнило тревоги всѣхъ ея родныхъ и дало новый и обильный матеріалъ для толковъ въ Римѣ, которые немедленно же дошли и до слуха Тиверія.

XIV.

Поливія, передавая Нетэтѣ о чувствахъ Деція Мунда, говорила неправду. Осужденный на казнь всадникъ дѣйствительно показывалъ себя римляниномъ и не обнаруживалъ страха, но онъ далекъ былъ и отъ того идиллическаго настроенія, въ какомъ представляла его Поливія, и тѣмъ такъ взволновала подвижное сердце Нетэты, что та бѣжала изъ дома мужа, и къ од-

ному проступку, въ которомъ можно было не находить ея сознательной вины, прибавляла теперь другой, для котораго уже не могло быть извиненій.

Децій же Мундъ хотѣлъ увидѣть Нетэту еще разъ прежде, чѣмъ настанетъ часъ его казни, и испытывалъ нѣжность отъ ожиданія возможности этого свиданія, которое взялась устроить ему Поливія. Но въ чувствахъ его не было той почтительности и тѣхъ высоко поставляющихъ Нетэту размышленій, о которыхъ ей говорила Поливія, а потому въ словахъ Поливіи было не мало предательства, которое и повело къ большимъ, даже для самой Поливіи неожиданнымъ, послѣдствіямъ.

Когда Поливія высказала Нетэтѣ то, что̀ выше изложено, и привела ее въ колебаніе, въ которомъ та не могла уже устоять противъ соблазна подойти къ Децію Мунду и говорить съ нимъ,—Поливія обняла станъ Нетэты рукою и повлекла ее съ каменныхъ ступеней на дорожку сада, въ концѣ которой все въ томъ же задумчивомъ положеніи сидѣлъ подъ дубомъ на дерновой скамьѣ Децій Мундъ, издали принятый Нетэтою за Пана.

Нетэта, хотя и ощущала большое смущеніе, но сопротивлялась Поливіи слабо и какъ бы только для вида, а вслѣдъ затѣмъ и вовсе потеряла власть надъ своими поступками и подпала волѣ жестокаго рока.

Это случилось оттого, что едва обѣ женщины успѣли пройти половину разстоянія, отдѣлявшаго домъ отъ дерновой скамейки, какъ Поливія услыхала, будто ее позвалъ братъ, и она, сказавъ объ этомъ Нетэтѣ, которая зова этого не слыхала, быстро отняла свою руку отъ ея стана и убѣжала назадъ къ дому, откуда ей слышался голосъ брата, а Нетэта осталась на томъ мѣстѣ, до котораго была доведена, и въ потерянности своей не знала, что̀ сдѣлать.

Тогда изъ этого затрудненія ее и вывелъ Децій Мундъ, который какъ разъ въ эту минуту замѣтилъ Нетэту, покинутую коварной подругой, и, подбѣжавъ къ ней и схвативъ ее за руки, сталъ быстро и нѣжно говорить изъ Овидія:

— Когда раздается призывъ приближающейся смерти,—лебедь выплываетъ на чистую воду и начинаетъ свою послѣднюю пѣснь,—и скользитъ, удаляясь въ чащу влажнаго тростника у мелей Менандра... И мнѣ звучитъ труба смерти, и я имѣю блаженство видѣть тебя и говорить съ тобою, не смѣя надѣяться на то, чтобы тронуть твое сердце моими слезами, но не избѣгай меня,—я завтра умираю.

Она не знала, что̀ ему отвѣчать, а онъ началъ благословлять боговъ, которые позволяютъ ему еще разъ видѣть ее, и благодарилъ ее за то, что она согласилась простить ему его дерзкое оскорбленіе, за которое онъ умереть долженъ завтра. И, не давая ей опомниться и сказать что-либо въ отвѣтъ, Децій продолжалъ говорить, какъ актеръ:

— О, если бы ты знала, какъ я теперь счастливъ! Если бы ты знала, какимъ я блаженствомъ считаю, что сгорю за мою любовь, которая сжигала меня страшнѣе всякаго другого огня.

— Мнѣ противны эти безбожныя рѣчи!—не удержавшись, сказала Нетэта и хотѣла освободить свои руки, но Децій Мундъ отвѣчалъ ей, что хорошо говорить тому, у кого подъ ногами земля, а не страстное пламя, на которомъ онъ весь и сгорѣлъ отъ нестерпимой любви, и, когда она ему отвѣчала, что ей это не нужно знать и она не хочетъ объ этомъ слушать, и опять вырвалась, онъ ее не пускалъ и продолжалъ говорить ей одурманивающія слова.

— Что̀ касается до моей завтрашней казни, то у меня есть къ тебѣ просьба. Я ее не боюсь, и, если бы ты захотѣла, чтобы я совсѣмъ не страдалъ, то стань такъ, чтобы я могъ видѣть тебя съ моего костра, и при тебѣ я отъ этого не буду страдать, и не пожелаю сойти оттуда, все равно какъ если бы теперь меня провозгласили цезаремъ или дали на небѣ мѣсто между Кастором̀ъ и Поллуксомъ,—я не принялъ бы ни трона ни неба и не отошелъ бы на шагъ отъ моей Нетэты.

Слово „моя“ уязвило Нетэту, и она хотѣла его остановить, что-то отвѣтить Децію, или скорѣе бѣжать отъ него, но у ней уже не было для этого силы, и она его сожалѣла, а онъ это видѣлъ и продолжалъ говорить ей:

— Не сожалѣй обо мнѣ!.. Это меня обижаетъ! Знай, что я умираю счастливымъ, и ты для меня дороже, чѣмъ жизнь и чѣмъ всякіе боги... Не пугайся, дитя,—я въ боговъ вѣдь не вѣрю, и ноготь съ мизинца Нетэты мнѣ святѣй и дороже всего Олимпа. Что̀ мнѣ вѣкъ цѣлый было бы жить безъ тебя и томиться!.. Неужели лучше тому, кто умретъ за славу въ сраженьи, или утонетъ въ соленой пучинѣ, добывая торговлей богатство... Нѣтъ, кто знаетъ толкъ въ жизни, тотъ не скажетъ, что я безуменъ, а скажетъ: ему хорошо... отрадно ему умирать, его смерть отвѣчаетъ цѣнѣ имъ владѣвшаго счастья... О, какъ я счастливъ! Не хочу я быть цезаремъ, не хочу быть и Зевсомъ, только прости меня, Нетэта, ради Овидія, словомъ котораго я молился тебѣ, не смѣя надѣяться тронуть твое сердце... а теперь повели, и я удалюся на мели Менандра.

Но Нетэта не имѣла твердости, которая была потребна, чтобы отослать Деція къ мелямъ Менандра. На нее опять нашли чудные сны, и она слышала, какъ онъ говорилъ ей шопотомъ о какомъ то кимврѣ, который взошелъ на костеръ съ женою и сказалъ ей: „наша пѣсня кончается!.. улетаютъ часы нашей жизни!.. Постараемся улыбаться другъ другу, встрѣчая смерть“.

И Нетэтѣ казалось, что она ничего не отвѣтила, но она улыбнулась; и опять слушала, какъ повѣствуетъ Овидій о сожженіи Катулла, какъ къ нему пришли съ поцѣлуемъ Немезида и Делія, и Делія сказала ему: „въ моей любви было твое счастье, и ты могъ жить до той поры, пока я была твоимъ огнемъ“.

Нетэта спросила:

— Что̀ же сдѣлала потомъ Делія?

— Катуллъ ее обнялъ, и она ушла...

— Ушла?—вскричала Нетэта и не говорила болѣе, уста ея закрылись, и память померкла.

Явь ей представилась только тогда, когда ее отлучила отъ Децiя рука Поливiи, а въ это время былъ уже разсвѣтъ, и ей снова казалось, что вокругъ нея все было будто нескромно, будто всѣ позабыли стыдливость; будто Децiй Мундъ былъ то Анубисъ, то Панъ, а она ему говорила: „Зачѣмъ ты подкрадываешься ко мнѣ во всѣхъ видахъ?.. Отрава моей жизни! Зачѣмъ ты спалилъ мою чистоту и все добро изъ души моей ты похитилъ!“

И Поливiя будто шутила надъ нею и уговаривала ее скорѣй встать и уходить отсюда, чтобы тутъ не засталъ ее день, а между тѣмъ солнце уже бросало свои лучи изъ-за горизонта, и лицо Нетэты горѣло, и она хотѣла остаться тамъ, гдѣ сидѣла, на дерновой скамьѣ, когда подошла къ ней Поливiя, и она говорила Поливiи:

— Я не знаю, зачѣмъ и куда мнѣ итти!..

— Неужто же ты хочешь, чтобъ тебя здѣсь увидѣли?—спросила Поливiя.

А Нетэта ей отвѣчала:

— Мнѣ все равно!

— Но для чего же ты будешь здѣсь оставаться?

— Я хочу быть ближе къ тому, для кого я была дороже всѣхъ радостей жизни.

— Но вѣдь это будетъ твой явный позоръ!

— Мнѣ больше не страшенъ позоръ мой... Не хочу я носить личину...

— А ты, значитъ, хочешь навести и на насъ такое несчастiе, какое навела на почтеннаго Хрема, и на бѣдную Иду, и на всѣхъ, кого ты изгубила, притворствомъ своимъ закрывая свою развращенную душу.

Услыхавъ эти слова отъ Поливiи, Нетэта быстро встала, потянула на себя свое покрывало и сказала Поливiи:

— Замолчи и выведи меня за дверь!

И, когда она шла за Поливiей къ выходу, она слышала изъ столовой голоса не разошедшихся еще друзей Фудонiя и различала среди ихъ голосъ Лелiя поэта, который говорилъ съ сожалѣнiемъ:

— Бѣдняжка... хотѣла его исцѣлить, а теперь и сама исцѣленья не хочетъ!

А философъ Булацiй зѣвнулъ и отвѣчалъ ему:

— Не все ли равно—что̀ даетъ наслажденiе?

И сенаторъ Помпедiй, смѣясь, закончилъ:

— Теперь вѣкъ Юпитера, а онъ, самъ-то святѣйшiй, тоже вѣдь большой грѣховодникъ!..

И съ этимъ всѣ встали, и это испугало Нетэту, которая поняла, что секретъ ея всѣмъ извѣстенъ, и она бросилась бѣжать въ открытыя ею двери.

XV.

Когда Нетэта вышла изъ дома Фурнiя, она поняла все, что̀ съ нею случилось, и знала, что ей послѣ этого некуда возвращаться и не для чего было жить...

Она подошла къ берегу Тибра, посмотрѣла вдаль, потомъ закрыла ладонью глаза и, пошатнувшись, упала... Плескъ веселъ плывшей близъ берега лодки пробудилъ ее. Она встала съ земли, оглянулась и, увидавъ яркое солнце, рванула свои волосы и бросилась отъ берега къ тому скрытному мѣсту, черезъ которое вчера попала въ пещеру...

Здѣсь она и скрылась, вѣроятно, не имѣя никакого дальнѣйшаго плана. Всего вѣроятнѣе, она прежде хотѣла утопить себя въ водахъ Тибра и сначала не нашла въ себѣ силы это исполнить, а потомъ не хотѣла, чтобы ее видѣли съ лодки, и скрылась въ пустое мѣсто, о которомъ могла вспомнить и которое было къ ней близко. Куда она выйдетъ отсюда? Это ее не занимало въ то время, когда она прибѣжала въ пещеру и пошла все дальше и дальше узкимъ подземнымъ коридоромъ, пока ей стали слышаться шумъ и голоса съ противоположной стороны.

Это ее опять испугало, и она стала и стояла впотьмахъ, держась руками за сырыя стѣны и не двигаясь ни взадъ ни впередъ.

Состояніе ея было, вѣроятно, близко къ помѣшательству разсудка, или даже могло быть названо такимъ вполнѣ, но какъ бы тамъ ни было, оно помогло Нетэтѣ очень скоро и чрезвычайно трагически пересѣчь нить своей жизни.

Въ то время, какъ она, полумертвая отъ всѣхъ потрясеній, ничего не знала и не хотѣла, до нея донесся запахъ гари, и ей вспомнилось, что теперь именно, можетъ-быть, казнятъ за нее жрецовъ и лампадчицъ и всѣхъ, кто помогалъ Децію Мунду, и сожигаютъ самого Деція Мунда,—что̀ ни во что цѣнилъ свою жизнь предъ цѣной ея ласки.

И Нетэта почувствовала, что она никакъ не можетъ перенесть это и остаться жить...

Нетэта побѣжала впередъ по тому ходу, по которому вышла неожиданно вчера вечеромъ на верхъ колоннады, гдѣ приготовляли костеръ, и вдругъ увидѣла яркій свѣтъ солнца и на землѣ несмѣтную толпу людей и полукружіемъ расположенные кресты, на которыхъ были пригвождены всѣ жрецы Изиды,—престарѣлый Хремъ и Кадемъ, Баллассъ, Фунданій и Фуфицій, и прислужникъ храма Пеонъ и Менекратъ, возжигатель куреній, и старая Ида, а вокругъ ея лампадчицы Ацема и Дамо...

Они всѣ терзались, но ихъ стоновъ не было слышно за ревомъ толпы и трескомъ костра, курево котораго сокрывало то, что̀ истребляло его пламя...

И въ это пламя стремительно кинулась Нетэта и сгорѣла въ немъ вмѣстѣ съ своимъ оскорбителемъ, Децiемъ Мундомъ.

Это видѣли всѣ, и никто не могъ ее вырвать и спасти, да и незачѣмъ было спасать ее, такъ какъ жизнь ея была сожжена...

Въ видѣ эпитафіи на послѣднихъ листкахъ рукописи приведенъ отрывокъ молитвеннаго обращенія Нетэты къ кому-то близкому передъ тѣмъ, какъ она бросилась въ костеръ.

...Ты, которая знаешь, какъ я страдала и какъ къ обману прибавила сама грѣхъ добровольно! Окажи ты послѣднія почести моему бѣдному праху, и, когда я сгорю на кострѣ, сбери пепелъ мой въ урну и на ней надпиши: „Нетэта, которой безсмертные боги дали для смерти и поводъ и мечъ, и она умерла оттого, что сдѣлалась причиною смерти того, кого полюбила“.

Н. Лѣсковъ.

Изъ архива Л. М. Эндауровой.

IV.

Къ наброскамъ иллюстрацій Ел. М. Бемъ къ повѣсти Н. С. Лѣскова.

Воспроизводимые въ настоящемъ сборникѣ наброски Ел. М. Бемъ къ повѣсти Лѣскова „Оскорбленная Нетэта“ и приведенныя выше въ предисловіи А. А. Измайлова двѣнадцать писемъ Лѣскова, 1891—92 гг., къ Ел. М. Бемъ сообщены изъ архива сестры Елизаветы Меркурьевны—Л. М. Эндауровой, любезно предоставившей ихъ для настоящаго сборника. Собственно, благодаря этимъ письмамъ и уцѣлѣвшимъ наброскамъ къ силуэтамъ Е. М. Бемъ, мы и напали на слѣдъ повѣсти Лѣскова „Оскорбленная Нетэта“, происхожденіе которой разсказано въ предисловіи А. А. Измайлова. Содѣйствію А. Е. Розинера и любезности вдовы Маркса, Л. Ѳ. Всеволожской редакція обязана возможностью обнародовать теперь эти отрывки—плодъ двухлѣтней, настойчивой и почти законченной работы. Лѣсковъ обратился, по словамъ Л. М. Эндауровой, къ Елиз. М. Бемъ, не будучи съ нею лично знакомъ, зная только ея художественныя произведенія, особенно увлеченный ея иллюстраціями въ силуэтахъ къ произведеніямъ Тургенева, Короленко, къ народнымъ сказкамъ и т. д. Ему запала мысль дать—при содѣйствіи той же художницы—читателямъ „Нивы“ новый разсказъ съ заранѣе приготовленными къ нему иллюстраціями; поэтому онъ и обусловилъ помѣщеніе его въ журналѣ, въ которомъ Ел. М. Бемъ была болѣе или менѣе постоянной сотрудницей, заказомъ впередъ самихъ иллюстрацій. Послѣднія были сданы и пріобрѣтены редакціей „Нивы“, но, къ сожалѣнію, еще по признанію покойнаго Маркса, оригиналы гдѣ-то затерялись. Сохранились лишь отпечатки нѣкоторыхъ изъ нихъ. Послѣ того, какъ Лѣсковъ разошелся съ Марксомъ (см. предисловіе А. А. Измайлова), ему предстояло печатать въ другомъ мѣстѣ свою повѣсть уже безъ иллюстрацій. Повидимому, это нѣсколько охладило его рвеніе окончить разсказъ, хотя онъ продолжалъ его отдѣлывать и тогда, когда, въ силу обстоятельствъ, долженъ былъ дать ему другое назначеніе. Не уцѣлѣли, къ крайнему сожалѣнію, и тѣ рисунки, которые Лѣсковъ попросилъ у художницы лично для себя, придавая имъ особенную цѣнность. Изъ оставшихся въ собраніи Л. М. Эндауровой набросковъ къ силуэтамъ лишь нѣкоторые, болѣе законченные, помѣщены выше, служа одновременно иллюстраціями и къ письмамъ Лѣскова.

Ѳ. Б.

Ел. М. Бемъ и М. Г. Савина.

Акварельные рисунки Е. М. Бемъ—М. Г. Савиной, В. М. Стрѣльской и Вл. Н. Давыдова, въ роляхъ—Акулины, Матрены и Акима изъ „Власти Тьмы“, были напечатаны сангвиной въ одномъ изъ изданій драмы Толстого, но здѣсь впервые воспроизводятся въ краскахъ. Художница сумѣла возсоздать по памяти, послѣ спектакля въ Александринскомъ театрѣ, очень точные и схожіе наброски—почти портреты первыхъ исполнителей „Власти Тьмы“ на сценѣ названнаго театра, постановка которой состоялась, какъ извѣстно, послѣ снятія запрещенія съ этой пьесы, лишь зимой 1895—96 г. Къ передачѣ трудно уловимаго облика М. Г. Савиной, въ силу его чрезвычайной подвижности, благодаря необыкновенной мимикѣ знаменитой артистки, Ел. М. Бемъ была отчасти подготовлена по слѣдующимъ об-

стоятельствамъ: лѣто 1895 года она провела въ м. Друскеникахъ, Гродненской губ., куда пріѣхала для лѣченія и М. Г. Савина. Состоялось ихъ знакомство, и М. Г. Савина, очень цѣнившая работы Е. М. Бемъ, выразила готовность ей позировать для портрета. Сохранилось два наброска, переданные нынѣ въ музей М. Г. Савиной, но портретъ не былъ написанъ. По словамъ самой Ел. М. Бемъ, Марія Гавриловна во время сеансовъ такъ увлекательно разсказывала разные эпизоды изъ своей артистической дѣятельности, такъ сверкала остроуміемъ, такъ умѣла заинтересовать своими воспоминаніями, мѣткими характеристиками извѣстныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ, что кисть выпадала изъ рукъ Елиз. М.—она больше слушала, чѣмъ смотрѣла. Рѣшено было отложить до зимы продолженіе портрета. Ел. М. Бемъ, зарисовавъ ее въ роли Акулины, послала М. Г. Савиной этотъ рисунокъ съ выраженіемъ своего восхищенія ея исполненіемъ этой роли. М. Г. Савина тотчасъ отвѣтила, поблагодаривъ за рисунокъ, который ей очень понравился,а также за оцѣнку ея игры; она предлагала возобновить сеансы для портрета, жаловалась на пристрастно-несправедливое отношеніе къ ея игрѣ нѣкоторыхъ театральныхъ критиковъ, а затѣмъ прибавила слѣдующія знаменательныя строки:

... До сихъ поръ у меня были двѣ роли, которыя я имѣла право считать своими созданіями: Марти Антоновны въ „Ревизорѣ“, Вѣрочки въ „Мѣсяцѣ въ деревнѣ“ и теперь третья—Акулины во „Власти Тьмы“. Имена Гоголя, Тургенева и Толстого велики, и я счастлива, что могла олицетворить ихъ типы. Этихъ трехъ ролей достаточно для всей моей карьеры, и онѣ служатъ мнѣ щитомъ.

Жму Вашу руку.

М. Савина.

Ѳ. Батюшковъ.

Изъ архива Е. П. Лѣтковой-Султановой.

V.

Стихотвореніе Я. П. Полонскаго,

помѣщенное на оборотной сторонѣ портрета, подареннаго поэтомъ Е. П. Лѣтковой-Султановой.

Вотъ тѣнь лица—слѣдъ солнечнаго свѣта
И теплоты;
Подобно мнѣ, не дрогнетъ отъ привѣта
И красоты...
Подобно мнѣ молчаніемъ отвѣтитъ
На зовъ любви
И даже злой досады не замѣтитъ—
Хоть изорви!

Я. Полонскій.

VI.

Изъ посмертныхъ произведеній Д. Л. Михаловскаго.

Печатаемые ниже отрывки произведеній извѣстнаго поэта-переводчика Д. Л. Михаловскаго доставлены его дочерью, Л. Д. Михаловской. Письмо адресовано одной молодой въ ту пору поэтессѣ и содержитъ, въ центральной его части, детальный разборъ представленныхъ на критику маститаго писателя ея стиховъ. Такъ какъ эти стихотворенія неизвѣстны, то разборъ ихъ не можетъ имѣть общаго интереса, поэтому вся эта часть письма здѣсь выпущена. Помѣщается же оно въ виду заключающихся въ немъ двухъ стихотвореній самого Михаловскаго: 1) отрывокъ перевода изъ Дантовскаго „Ада“ и 2) другое, оригинальное. „Улиссъ“—псевдонимъ Михаловскаго.

Ѳ. Б.

1.

Отрывокъ изъ монолога „Гамлета“.

Быть иль не быть? Вотъ въ чемъ вопросъ.
Что̀ доблестнѣй: переносить удары
Камней и стрѣлъ безжалостной судьбы,
Или возстать противъ пучины бѣдствій
И, возмутясь, ихъ кончить? умереть,
Уснуть, не болѣе,—сказать, что такъ
Кончаемъ мы сердечныя терзанья
И тысячу невзгодъ, наслѣдье плоти—
Такой исходъ отраденъ. Умереть, уснуть.
Уснуть... но если съ тѣмъ, чтобъ грезить?
Вотъ что̀ страшитъ насъ! въ этомъ смертномъ снѣ
Какія намъ представятся видѣнья,
Когда стряхнемъ земную оболочку?
И эта мысль удерживаетъ насъ
И создаетъ намъ кару долгой жизни:
Кто бъ могъ терпѣть невзгоды многихъ лѣтъ,
Гонителя неправду, гордеца
Презрѣнье, медлительность закона,
Страданія отвергнутой любви,
Насилія властей, и всѣ толчки,
Которые съ терпѣньемъ переноситъ

Достоинство отъ низкихъ негодяевъ,—
Когда бъ онъ могъ создать себѣ покой
Однимъ ударомъ? Кто носилъ бы бремя,
Потѣлъ, кряхтѣлъ подъ нашей скучной жизнью,
Когда бы страхъ чего-то послѣ смерти,—
Той области невѣдомой, откуда
Изъ путниковъ никто не возвращался,—
Не приводилъ въ смущенье нашу волю,
Склоняя насъ скорѣе выносить
Тѣ бѣдствія, что насъ уже постигли,
Чѣмъ уходить къ другимъ, намъ неизвѣстнымъ.
Такъ дѣлаетъ насъ трусами раздумье,
Такъ портится природой данный цвѣтъ
Рѣшимости отъ блѣдной тѣни мысли,
И замыслы великаго значенья
Стремятъ свои потоки вкривь и вкось
И наконецъ теряютъ имя дѣйствій...

(Примѣчаніе переводчика).

Послѣдніе стихи цвѣтисты у Шекспира. Въ послѣднихъ двухъ слова:—теряютъ имя дѣйствій.—Значитъ не достигаютъ осуществленія, оставаясь размышленіемъ неудавшимся, и потому теряютъ право на названье дѣла.

2.

Многоуважаемая, добрѣйшая Марья Пафнутьевна. Только-что я отправилъ Вамъ письмо, какъ мнѣ было доставлено Ваше отъ 5 февраля, которое внушило мнѣ духъ гордыни непомѣрной, такъ какъ Вы пишете, что посылая Вамъ мои вирши (по Вашему стихи), я дѣлаю истинно доброе дѣло и доставляю Вамъ удовольствіе, которое Vous savourez à petites doses en vraie gourmande. Но далѣе я вижу, что этотъ плезиръ не безъ примѣси горечи, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Вамъ нравится, я посылаю и то, что нагоняетъ на Васъ тоску. Да еще мало этого: въ то самое время, какъ Вы посылаете мнѣ опроверженіе, я отправляю на почту Вамъ англійское стихотвореніе, проникнутое такимъ безнадежнымъ духомъ. Кстати скажу: я тутъ же его свободно перевелъ, и перевода, конечно, Вамъ не пошлю (чтобы не опечаливать Васъ), тѣмъ болѣе, что я въ него подложилъ еще своихъ собственныхъ мрачныхъ красокъ. Что касается просьбы Вашей о поглаженіи (sic), смѣломъ и рѣшительномъ, набросанныхъ вами стиховъ . . . . . .
. . . . . .

Если уже пошло дѣло на стихи, то, такъ и быть, сообщу Вамъ одинъ отрывокъ. Мнѣ на-дняхъ пришла фантазія одолѣть терцеты Данта съ соблюденіемъ полнымъ и строгимъ расположенія риѳмъ, принятаго въ подлинникѣ. Два маленькихъ отрывка

я помню наизусть (по-итальянски), и переводъ одного изъ нихъ посылаю Вамъ, хотя не думалъ посылать прежде, такъ какъ это крошечный отрывокъ, изъ котораго собственно ничего не видно— и это только опытъ для себя, вызванный ужасно нескладною тяжеловѣсностью стихотворныхъ переводовъ нашихъ піитъ.—Я, кромѣ порядка риѳмъ и дѣленія на законченные терцеты, связалъ себя по рукамъ и ногамъ еще самою строгою цезурой, заканчивающеюся въ 5 стопныхъ ямбахъ на двухъ первыхъ стопахъ. Неужели возможно соблюсти все это въ цѣлой поэмѣ, безъ слишкомъ большого уклоненія отъ тона и выраженій подлинника и съ плавностью, безъ натяжекъ и выпусковъ? Кто сдѣлалъ бы это, тотъ совершилъ бы Геркулесовскій подвигъ.

„За мною—мукъ безмѣрныхъ глубина,
За мною—градъ печали безконечной,
За мною—душъ отверженныхъ страна.

„Зиждитель мой—Духъ Правды безупречной,
Верховный Умъ, Животворящій Свѣтъ,
Всесильный Богъ, Родникъ Любви предвѣчной.

„До всѣхъ вещей, за вѣчностью вослѣдъ,
И навсегда воздвигъ меня Зиждитель.
„Входящіе! За мной—надежды нѣтъ!“

Надъ дверію въ печальную обитель
Я, надпись ту увидѣвъ, прошепталъ:
„Ужасенъ мнѣ смыслъ этихъ словъ, учитель!“

На это онъ спокойно отвѣчалъ:
„Здѣсь мѣста нѣтъ боязни, колебанью,
И страхъ тебя напрасный оковалъ!“

Колебанью или сомнѣнью или какое-либо другое слово слѣдуетъ поставить. Это зависитъ отъ дальнѣйшихъ строфъ, либо нужно будетъ еще 2 риѳмы къ нему подобрать. Вотъ каковы трудности, какъ тутъ соблюсти и содержаніе и все, чтобы не было вмѣсто кофе со сливками сливокъ съ кофеемъ?—Ну да вѣдь это только опытъ; конечно, едва ли я возьмусь за это дѣло. Не лучше ли что-нибудь попроще предпринять, напримѣръ, вотъ въ этомъ родѣ:

Догораетъ свѣча, догораетъ,
А другого свѣтильника нѣтъ...
Пусть мой трудъ остановки не знаетъ,
Пока длится мерцающій свѣтъ.
Пусть отъ дремы, усталости, скуки
Не тускнѣетъ мой блещущій взглядъ.
Пусть мой умъ, мое сердце и руки

Сдѣлать все, что̀ возможно, спѣшатъ.
Чтобъ во тьмѣ меня мысль утѣшала,
Что послѣдняя вспышка огня—
Что послѣдняя искра—застала
За полезной работой меня;
Чтобъ, идя поневолѣ къ покою,
Могъ сказать я въ тотъ горестный часъ,
Что умножилъ я горстью одною
Добрыхъ дѣлъ моихъ скудный запасъ...

9 Февраля, ночью.

Вотъ Вамъ сію минуту, во время (sic) писалъ въ этомъ письмѣ созданное стихотвореніе. Это будетъ уже въ Вашемъ духѣ, да и въ моемъ также. Бодряще-грустная пьеска.

Относительно книги Сухово-Кобылина я скажу, что авторъ долженъ приготовиться къ весьма долгому ожиданію и не только по случаю обыкновенной медленности въ подобныхъ дѣлахъ, но и потому, что мнѣ теперь совершенно нѣтъ времени похлопотать объ этомъ и даже посѣтить Майкова. Постараюсь сдѣлать, что̀ можно и когда будетъ можно.

Стихотвореніе „Послѣдній поэтъ“ взято у Анастасія Грюна (нѣмца). Я, кажется, разборчиво написалъ фамилію его.

Я очень радъ, что Вы нашли стишонки изъ А. Мюссе, и искренно благодарю Васъ за Ваше разысканіе ихъ, готовность исполнить мою просьбу, а также и М. К. за ея трудъ относительно переписки ихъ. Мнѣ кажется, я довольно написалъ.—Да вѣдь и поздно. А у меня есть еще другая работа.

Вашъ Улиссъ.

3.

Отрывокъ.

Умолкли пламенныя рѣчи
И вдохновенныя слова,
Въ театрѣ—сумракъ, лампы, свѣчи
Льютъ свѣтъ, мерцающій едва.

Темна, пуста, безмолвна сцена,
Актеровъ нѣтъ, ушли они,
Спѣшитъ на отдыхъ Мельпомена,
Всѣ потушивъ свои огни.

Среди другихъ, сосѣднихъ зданій
Угрюмъ и мраченъ музы храмъ,
Не слышно въ немъ рукоплесканій,
Лишь часъ назадъ гремѣвшихъ тамъ.

Стѣнами скучными своими
Ничьихъ онъ взоровъ не манитъ,
И ночь глубокая надъ ними
И въ нихъ торжественно царитъ.

Спятъ утомленные актеры,
Спитъ зритель, въ полной тишинѣ,
Но блескъ, и шумъ, и разговоры
Его преслѣдуютъ во снѣ.

Какъ будто снова Мельпомена
Волшебный свѣточъ свой зажгла
И въ душу спящаго вся сцена
Изъ храма музы перешла:

Передъ его духовнымъ взоромъ
Картина яркая встаетъ:
Онъ видитъ древній римскій форумъ,
На немъ толпящійся народъ.

Все расширяется картина.
Шумятъ, ликуютъ и поютъ;
Вотъ на носилкахъ властелина
Толпы торжественно несутъ;
Вотъ Капитолій величавый—
Онъ цезаря съ волненьемъ ждетъ,
Вождя увѣнчаннаго славой;
Ужель въ Сенатъ онъ не придетъ?
О, Цезарь, въ этотъ Капитолій,
Гдѣ всѣ трепещутъ предъ тобой,
Придешь ты, волей иль неволей,
Влекомый мрачною судьбой...
Она свой приговоръ суровый
Ужъ надъ тобою изрекла,
Уже на твой вѣнокъ лавровый
Измѣна руку подняла...

Изъ архива Ж. А. Полонской.

VII.

а) Стихотвореніе Я. П. Полонскаго.

Нахмурился бы ты, когда бъ, сойдясь, мы стали
Судить грядущее иль хоть гадать о немъ;
Полвѣка на плечахъ снесли мы, и устали...
Ужъ мимо насъ идутъ бороться съ новымъ зломъ,
И пожинать все то, что мы засѣвали,
Въ надеждѣ, что добро откликнется добромъ.
Но то, что Божій перстъ напишетъ на скрижали
Судебъ грядущаго,—того мы не прочтемъ.
Потомству нашему хотятъ предречь витіи
Борьбу на жизнь и смерть, иль спячку апатіи,
Войну изъ-за рубля, иль произволъ страстей?!
Но гдѣ же идеалъ?
О, вѣчный Царь царей!
Отецъ нашъ! Ниспошли возлюбленной Россіи
Ты духа мудрости, дай хлѣба, дай людей.

Я. Полонскій.

б) Изъ старой тетради Я. П. Полонскаго.

(Конца восьмидесятыхъ или начала девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія).

Поэтическое искусство до такой степени не легко, что не всякому дано достигнуть совершенства и стать образцомъ для будущихъ поколѣній. Про себя я могу одно только сказать по совѣсти. Я всю жизнь свою стремился достигать того совершенства, о которомъ мечталъ съ юности, и только въ этомъ неуклонномъ стремленіи, несмотря ни на какія неблагопріятныя обстоятельства, сознаю въ себѣ кой какую заслугу. Достигъ ли я хоть чего-нибудь—не мнѣ судить. Недовольство собой было постоянно присуще моей литературной дѣятельности... Но вражда, нападки несправедливыя, никогда не повергали меня въ п е п с х о д н о е отчаянье, такъ какъ смѣло могу сказать, что чѣмъ больше встрѣчалъ я враговъ среди нашей журналистики, тѣмъ больше въ обществѣ встрѣчалъ я и друзей, мнѣ симпатизирующихъ и поддерживающихъ слабыя силы мои въ трудныя минуты моей литературной жизни. Одно уравновѣшивало другое, и я могъ дожить до 70 лѣтъ, не покидая моего пера въ надеждѣ на то совершенство, которое ношу я въ душѣ своей, какъ идеалъ, и котораго, быть-можетъ, достигнутъ поэты—властители думъ грядущаго поколѣнія—и дай Богъ дожить мнѣ до такой минуты, когда новая лира, новый голосъ заставитъ меня сказать—Нынѣ отпущаеши.

VIII.

а) Письма Н. Пл. Огарева къ Татьянѣ П. Пассекъ.

Печатаемые ниже четыре письма Н. Пл. Огарева къ Т. П. Пассекъ были переданы Татьяной Петровной А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой вмѣстѣ съ другими бумагами скончавшагося поэта.

Въ воспоминаніяхъ Т. П. Пассекъ „Изъ дальникъ лѣтъ“—эти письма не помѣщены. Первые три письма относятся, повидимому, къ 1873 г., когда Т. П. Пассекъ была въ Вѣнѣ, во время всемірной выставки. Стихотворенія, упомянутыя въ четвертомъ письмѣ, напечатаны въ воспоминаніяхъ, на стр. 24—25. („Изъ дальнихъ лѣтъ“, т. III, 1906 г.).

1.

6-го Апрѣля, воскресенье.

20.

Наконецъ-то вчера пришло твое посланіе изъ Вѣны, старый другъ Таня, и пришло наканунѣ дня е г о рожденія [1]). Также пришло сегодня и отъ Марьи Каспар. [2]) письмо изъ Берна съ твоимъ адресомъ и съ извѣстіемъ, что они сегодня въ Цеціліенферейнѣ поютъ въ день его рожденія реквіемъ Керубини. Странное дѣло! не могу удержаться отъ нервнаго плача, но что же дѣлать!

При этой запискѣ посылаю тебѣ 2-ю главу, которую не зналъ до сихъ поръ куда послать. Если что нужно поправить или измѣнить, я тебѣ вполнѣ довѣряю и теперь примусь за третью.

Жду Володю и тебя съ нетерпѣніемъ, но передъ выѣздомъ напиши, когда это рѣшительно будетъ

Твой Нпкъ.

(Это писано тебѣ давно, но не зналъ куда послать).

„Я жду тебя, когда зефиръ игривый
Листочки розъ въ часъ утра шевелитъ“.

(Музыка моего бѣднаго пріятеля Алябьева).

---

[1]) Очевидно, день рожденія А. И. Герцена, который родился по старому стилю 25-го марта, по новому стилю—6-го апрѣля (Огаревъ пишетъ изъ Женевы).

[2]) Марья Каспаровна Рейхель, рожд. Эрнъ, воспитанница И. А. Яковлева, бывшая до замужества (въ 1849 г.) гувернанткой въ домѣ Герценовъ (ср. ея „Записки“, М. 1904 г.).

Вотъ, старый другъ Таня, какой тебѣ эпиграфъ. Но все же я прежде всего жду твоего письма изъ Вѣны, и жду съ нетерпѣніемъ. Долгое прекращеніе сношеній мнѣ было бы не по сердцу—и по старой дружбѣ, и потому, что тутъ могла бы быть существенная польза.

2.

25 Іюня, середа.

20.

Дня три тому назадъ писалъ къ тебѣ, старый другъ Таня. Да вдругъ мнѣ кажется, что забылъ написать на адресѣ: Arbeiter-Srasse, а только написалъ № 9, Stier. Во всякомъ случаѣ—если ты не получила письма, справься о немъ на почтѣ. Мнѣ очень не хотѣлось бы, чтобъ оно пропало. Сейчасъ получилъ изъ San Francisco (Caledonia) русскую газету: „Свобода“, издаваемую тамъ моимъ пріятелемъ Гончаренко, и хотѣлъ послать тебѣ экземпляръ, но не знаю, насколько ты была бы довольна этой присылкой, и, кажется, лучше для тебя сохранить экземпляры до твоего пріѣзда въ Женеву, который ты, вѣроятно, не откладываешь и вмѣстѣ съ Ипполитомъ; хотя погода у насъ тяжелая для глазъ и для головы, но все же не холодно и наступило дѣйствительное лѣто.—Напиши еще словечко.

Твой Огаревъ.

3.

14 Октября, вторникъ.

20.

Вчера, старый другъ Таня, получилъ твое карандашевое письмо съ планомъ. Боюсь, что адресъ ты написала неразборчиво, и жду твоего слѣдующаго письма съ нетерпѣніемъ. У меня эти дни все старые товарищи; много сердечнаго воскресло, а новаго ничего хорошаго не узналось. Адресы Шушки, Таты и Натали я тебѣ послалъ; напиши мнѣ, получила ли; а на всякій случай посылаю ихъ еще разъ:

1) Dr. Al. Herzen,—Firenze, Villa Herzen, fuori la porta San Gallo.

2) M-lle N. Herzen. Schweizerland, Graubünden. Davos am Platz, Hôtel Rhoetia.

3) Madame N. Herzen [1]). Zürich. Oberstrasse, 189. Schweizerdegen. Aux Soins de M-me Reclus.

Я тебѣ письмо тоже послалъ вчера по старому адресу.

А какъ же я радъ, что тебѣ жить стало тихо, и завидую, что меня обстоятельства принудятъ еще по крайней мѣрѣ двѣ недѣли прожить здѣсь на этой квартирѣ, гдѣ шумъ колесъ, лай собакъ и прочее совсѣмъ оглушаютъ и мѣшаютъ.

Обнимаю тебя и твоихъ.

Твой старый Никъ.

М... Г... тебѣ кланяются.

---

[1]) Натали въ Цюрихѣ съ Лизой; а Тата съ больными дѣтьми въ Граубинденѣ.

Рисунокъ Елиз. М. Бемъ.

М. Г. САВИНА въ роли Акулины
изъ „Власти тьмы".

Рисунокъ Елиз. М. Бемъ.

В. П. ДАВЫДОВЪ въ роли Акима, В. М. СТРЪЛЬСКАЯ въ роли Матрены
и К. А. ВАРЛАМОВЪ въ роли Митрича изъ „Власти тьмы".

4.

2 Февраля, воскресенье.

Вотъ тебѣ, мой старый другъ Таня, и конецъ первой главы (стихотворная должна быть у тебя) и два стихотворенія. Сомнѣваюсь, чтобы ты ихъ напечатала даже въ „Русской Старинѣ". Все равно—рукописи можешь сохранить для друзей, у меня оригиналъ есть. А стихотворныхъ записокъ оригиналовъ нѣтъ, а припомнить не могу—такъ что не знаю, какъ справиться. Кому-нибудь далъ читать, а кому не помню. Что жъ мнѣ дѣлать, старый другъ? Мнѣ самому прискорбно, постараюсь отыскать—вотъ все что сказать могу. Писемъ рѣшительно нѣтъ; они всѣ хранятся у дѣтей и Натали [1]). Сегодня пишу къ Татѣ и поразспрошу. Надо повременить. Натали же уѣхала во Францію къ дѣтямъ Сатина, которые въ чахоткѣ (что я, кажется, уже тебѣ писалъ). Какъ тутъ быть? Надо подождать. Мои болѣзни слѣдующія: сломанная нога, падучіе припадки и маленькая простуда. Но это все еще ничего, и я надѣюсь на новое изданіе здѣсь. Теперь стану писать къ Татѣ и схожу на почту подышать воздухомъ. Твоими записками мало-по-малу я увлекался въ другую сторону. Моего добраго дядьку услали въ деревню (за пьянство). Ко мнѣ приставили рябого нѣмца въ рыжемъ парикѣ [2]). Я къ нему съ первой минуты почувствовалъ ненависть, какъ онъ ни былъ мнѣ дѣйствительно полезенъ. Онъ былъ слишкомъ глупъ, чтобы похѣрить во мнѣ изувѣрство, но довольно опытенъ, чтобы развить во мнѣ физическую силу, въ которой мой организмъ нуждался, и я изъ болѣзненнаго мальчика вышелъ довольно здоровымъ юношей. Но все же наши отношенія были такого рода, что я разъ схватилъ его на руки и хотѣлъ грохнуть о полъ.—„Что это значитъ?"—спросилъ онъ меня.—„Это значитъ, что я васъ ненавижу",—отвѣчалъ я.—Это не помѣшало ему остаться со мною до моего шестнадцатилѣтняго возраста, а мнѣ тогда было лѣтъ двѣнадцать.

Въ одномъ этотъ нѣмецъ сдѣлался для меня совершенно полезенъ. Онъ свелъ меня съ моимъ родственникомъ Г-мъ [3]), который былъ моего возраста, но несравненно развитѣе меня, и мы съ того же времени стали неизмѣнными друзьями...

А.

---

[1]) Наталья Алексѣевна, бывшая жена Огарева.
[2]) Зонненбергъ. О немъ много разсказывается въ воспоминаніяхъ Т. П. Пассекъ.
[3]) Александромъ Герценомъ. См. Воспоминанія Т. П. Пассекъ, т. I, стр. 230 и сл.

б) Стихотвореніе А. Н. Плещеева.

(въ альбомъ А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой, по случаю 10-лѣтія журнала „Игрушечка" отъ сотрудниковъ).

ВОПРОСЪ.

Ужели смерть есть цѣль? Зачѣмъ же путь земной
Усѣянъ яркими цвѣтами,
Зачѣмъ осеннею печальною порой
Мы покидаемъ ихъ съ невольными слезами?

Но если жизнь есть цѣль, зачѣмъ же мы порой
Встрѣчаемъ терніи межъ яркими цвѣтами,
Зачѣмъ должны кремнистый путь земной
И кровью запятнать и оросить слезами?..

А. Пешковой-Толиверовой

Давно откладываю мой ответ на ваше милое письмо, задержало меня краткое нездоровье и занятия, также то, что я обдумывал и хотел ответить на ваши отличные вопросы насколько могу основательно, чего до сих пор ни удосужиться мне не удалось сделать. Ваши вопросы не до того только сложны, что [illegible] необходимо стоят перед ними. Все что я могу теперь, могу сказать об этом важном [illegible]: сохранение детской чистоты и правдивости от всегда угрожающего или развращающего влияния старших, и скажу, если нужно, и пишу вам. Дружески приветствую вас

Лев Толстой

27 Дек. 1908

в) Письмо Л. Н. Толстого А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой.

Редактируя съ 1888 г. дѣтскій журналъ „Игрушечка“, съ начала 1900 г. изъ моей многочисленной переписки съ родителями, а иногда и съ дѣтьми, я стала замѣчать иныя требованія отъ журнала. Прежде, передъ подпиской (взрослые) интересовались тѣмъ, будетъ ли журналъ издаваться при прежнихъ сотрудникахъ и въ томъ же направленіи, а съ 1900 г. стали спрашивать: какія именно преміи дастъ журналъ. Изъ премій, доходящихъ иногда до 52 и болѣе, цѣна которымъ въ бумажныхъ магазинахъ колеблется между 5 и 15 копейками, нѣкоторые журналы устроили настоящій спортъ и постепенно начали отучать дѣтей отъ чтенія хорошихъ вещей.

Въ 1908 году на 1-мъ Всероссійскомъ женскомъ съѣздѣ, при „Русскомъ Женскомъ Обществѣ“ въ Петроградѣ, мною былъ сдѣланъ докладъ „О значеніи дѣтской литературы въ раннемъ возрастѣ“,

Въ этомъ докладѣ, касаясь разрушительнаго вліянія на дѣтей премій, заманивающихъ на подписку, я и просила Съѣздъ высказать свои взгляды и указать возможные способы борьбы съ ними. Съ этой же просьбой я обратилась и къ „великому писателю земли русской“ Л. Н. Толстому и имѣла счастіе, 25 декабря того же года, получить его отвѣтъ, который и помѣщенъ ниже.

А. Пѣшкова-Толивѣрова.

Давно слѣдовало мнѣ отвѣчать на ваше милое письмо, но задержало меня, кромѣ нездоровья и занятій, главное то, что хотѣлось бы и хочется отвѣтить на ваши огромной важности вопросы насколько могу основательно, чего до сихъ поръ не удосужился или не сумѣлъ сдѣлать. Ваши вопросы не отъ того только, что вы ихъ сдѣлали, неотступно стоятъ передо мной. Кое-что я, мнѣ кажется, имѣю сказать объ этомъ великомъ дѣлѣ: о сохраненіи дѣтской чистоты и праведности отъ всегда угрожающаго имъ развращающаго вліянія старшихъ и непремѣнно скажу, если успѣю, и сообщу вамъ.

Дружески привѣтствую васъ.

Левъ Толстой.

27 Декабря, 1908 г.

IX.

Письмо Якова Ивановича Ростовцова къ сыну, Николаю Яковлевичу, отъ 17 января 1859 г.

Печатаемое ниже письмо было написано Яковомъ Ив. непосредственно передъ его назначеніемъ предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій Комитета по крестьянскому дѣлу для выработки положенія объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Оффиціальное утвержденіе его въ этой должности состоялось 4-го февраля. Письмо было вызвано, повидимому, нѣкоторыми сомнѣніями и недоумѣніями, касающимися дѣятельности Як. Ив., вслѣдствіе недостаточной освѣдомленности его сына, Николая Яковлевича, жившаго въ то время за границей, по условіямъ здоровья. Николай Яковлевичъ Ростовцовъ, послѣ смерти отца (6 февр. 1860 г.) получившій графскій титулъ, впослѣдствіи былъ военнымъ губернаторомъ Самаркандской области и скончался въ 1897 году. Своей дѣятельностью на нашихъ восточныхъ окраинахъ онъ вполнѣ оправдалъ эпитетъ, данный ему его отцомъ, — „человѣка правды и любви". Письмо Як. Ив. не нуждается въ комментаріяхъ, выражая съ достаточной полнотой его чувства, мысли и настроенія, при выполненіи почетной, но и тяжелой обязанности въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, въ формѣ откровенныхъ признаній любимому сыну. Письмо написано карандашомъ, съ нѣкоторыми помарками. Опущена здѣсь только фраза, касающаяся отношеній чисто личнаго характера.

Ѳ. Б.

Благодарю тебя, другъ Коля, за твое письмо отъ 28 Декабря; оно меня очень порадовало, но не какъ твое оправданіе, въ которомъ ни ты, ни я не имѣемъ нужды, но какъ изліяніе твоихъ нѣжныхъ ко мнѣ чувствъ, отъ котораго (не огорчись, другъ мой,) я какъ-то отвыкъ.

Письмо твое меня болѣе, чѣмъ порадовало [1]): оно меня какъ будто оживило.

Я цѣлый день въ борьбѣ [2]) и, часто, цѣлую ночь въ думѣ; давнымъ давно, очень давно нѣтъ уже и отдыха.

Проникнутый святостью неожиданнаго моего призванія, я иду прямо, твердо, неуклонно, но иду, иду какъ знамя, посреди борьбы, [3]) клеветъ, ненависти, мести и разныхъ разсвирѣпѣ-

---

[1]) успокоило—зачеркнуто.
[2]) Передъ этой фразой: Вообрази мое положеніе—зачеркнуто.
[3]) разъяренныхъ страстей—зачеркнуто.

вшихъ [1]) страстей; иду посерединѣ, по гребню; и справа и слѣва разнородныя, непріязненныя пропасти; чувствую, что несу вопросъ на своихъ плечахъ; конечно, не боюсь за себя; боюсь за него, боюсь за судьбы моего отечества; боюсь и за моего Государя.

Радъ, счастливъ кончить жизнь труженика смертью мученика, но только пронести бы святую свою ношу; пусть она меня задавитъ, пусть она меня задушитъ, но только подъ конецъ пути.

Радъ, счастливъ, но все-таки я человѣкъ и человѣкъ слабый; неувѣренность въ своихъ силахъ, препятствія на каждомъ шагу, [2]) мысль, что не сумѣю исполнить свое назначеніе, мысль, что могу, хотя и не умышленно, по малому разумѣнію, сдѣлать вредъ моему отечеству, все это не даетъ мнѣ покоя [3]).

Краткія минуты отдыха имѣю я только въ моемъ семействѣ; подкрѣпленія жажду только отъ Бога и отъ семейства. И вдругъ получаю письмо отъ сына, котораго всѣми силами души и люблю и уважаю, отъ человѣка правды и любви, письмо, которое мнѣ показало, что онъ не только не подозрѣваетъ необходимости дружескаго утѣшенія для моей страдальческой дѣятельности, но даже говоритъ мнѣ, Богъ знаетъ съ чего, что и правда-де мнѣ недоступна. Вотъ, (думаю), другъ Коля, въ чемъ было мое огорченіе; могло ли быть иначе? Прости меня.

. . . . . .

Ну, пора кончить... Обнимаю тебя и дружески и любовно.

Ради Бога пиши откровенно и впредь, хоть и съ фальшивыми нотами; не останавливайся и впредь говорить мнѣ всю правду, но только не гадательно, а по у б ѣ ж д е н і ю [4]), или по сомнѣнію.

Пришлю тебѣ при первомъ случаѣ свѣдѣнія о ходѣ работы; смѣю думать, что онъ тебя порадуетъ; вопросъ все-таки двигаемъ и двигаемъ къ лучшему и лучшему; мѣстность м а л о - п о - м а л у все-таки завоевы(ва)емъ [5]) на благо родинѣ и на славу Государю.

Благословляю тебя отъ всего принадлежащаго тебѣ сердца.

Другъ твой І а к о в ъ.

17 Января 1859 г.

---

[1]) и разъяренныхъ—з а ч е р к н у т о.
[2]) Опасенія въ будущемъ—з а ч е р к н у т о.
[3]) Ни минуты—з а ч е р к н у т о.
[4]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.
[5]) Дословный переводъ французскаго выраженія—gagner du pays. Слова „мало по малу“ подчеркнуты въ подлинникѣ.

Изъ архива В. В. Стасова.

X.

Изъ переписки В. В. Стасова съ Л. Н. Толстымъ.

Печатаемыя четыре письма—самыя первыя изъ тѣхъ, которыми Толстой и Стасовъ обмѣнялись въ теченіе своей многолѣтней переписки. Переписка эта, чрезвычайно интересная и характерная для обоихъ корреспондентовъ, прекратилась лишь со смертью Стасова, въ 1906 г. Началась же она въ 1878 г., тотчасъ послѣ того, какъ Толстой и Стасовъ познакомились лично; незадолго передъ тѣмъ Стасовъ, съ безконечнымъ восхищеніемъ встрѣчавшій всякое новое произведеніе Толстого, начиная съ „Севастополя“, выступилъ и въ печати по поводу нападокъ на Толстого за послѣднія главы „Анны Карениной“ со стороны „ретроградной“ критики и того „равнодушія“, съ которымъ такъ называемая большая публика — какъ это странно и дико покажется современнымъ читателямъ! — встрѣтила конецъ романа. 12 Мая 1877 года Стасовъ напечаталъ въ тогдашнемъ „Новомъ Времени“ „Письмо къ редактору“; страстно и горячо привѣтствуя статью самого Суворина противъ критиковъ изъ консервативнаго лагеря, нападавшихъ на Толстого [1]), Стасовъ въ то же время убѣжденно и восторженно называлъ „Анну Каренину“ „шедевромъ русской литературы“ [2]), которымъ она должна гордиться передъ западной Европой, а главное — произведеніемъ, въ которомъ „талантъ Толстого, — истинно-львиный“—сдѣлалъ новый шагъ впередъ; и,—съ тѣмъ пророческимъ чутьемъ, съ какимъ Стасовъ угадалъ и геній и нынѣшнюю всемірную славу Мусоргскаго и значеніе для русскаго искусства столь многихъ, знаменитыхъ теперь и непризнававшихся тогда, талантовъ,—онъ предсказывалъ, что и впредь надо ждать отъ Толстого все „великихъ созданій“ и новыхъ словъ.

Хотя Толстой очень часто, устно и письменно, утверждалъ, что похвалы ему вредны и непріятны, но онъ былъ слишкомъ художникъ по натурѣ, чтобы истинное и искреннее сочувствіе и восхищеніе не вызвали въ немъ отзвука. И вотъ когда весною 1878 года Толстой,—уже давно заочно знавшій Стасова черезъ Н. Н. Страхова, который такъ же, какъ и Стасовъ служилъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ,—пріѣхалъ въ Петербургъ, то пришелъ въ эту Библіотеку, чтобы познакомиться со Стасовымъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ обратился къ нему съ просьбой помочь ему въ дѣлѣ разысканія кое-какихъ матеріаловъ для писанія „Декабристовъ“, начатыхъ до „Войны и Мира“, отложенныхъ временно въ сторону и писаніемъ которыхъ онъ теперь опять хотѣлъ заняться.

Можно себѣ представить, съ какою радостію Стасовъ, еще съ молодыхъ лѣтъ цѣлью всей своей жизни поставившій „быть полезнымъ и служить тѣмъ, кто являлся творцомъ“ въ какой бы то ни было области искусства [3])—и свято всю свою жизнь исполнявшій этотъ принятый на себя обѣтъ, словомъ и дѣломъ служи-

---

[1]) Увы! критики „либеральнаго“ направленія были еще немилостивѣе къ геніальному роману Толстого,—въ этомъ можетъ съ прискорбіемъ убѣдиться всякій, кто дастъ себѣ трудъ перечесть статьи тогдашнихъ толстыхъ журналовъ.

[2]) Очень интересно отмѣтить, что Стасова всего болѣе восхищала художественная сторона романа, содержаніе же во многомъ ему не нравилось, особенно вся „философія“ Левина, и еще въ 1875 г. Стасовъ писалъ гр. Арс. Арк. Голенищеву-Кутузову, что „вторая часть Анны Карениной невыносима“. Продолженіе и конецъ романа заставили его не только „примириться“ съ непонравившимся ему главами, но признать „А. К.“ по силѣ выше Пушкина и Гоголя.

[3]) Слова изъ неизданнаго, чрезвычайно замѣчательнаго въ біографическомъ отношеніи письма Стасова, изъ одной изъ его корреспонденцій, приготовляемой нынѣ къ печати.

вшій и помогавшій всѣмъ выдающимся художникамъ, музыкантамъ и всѣмъ одареннымъ людямъ, съ которыми сталкивала его судьба, можно представить, съ какой радостью онъ разыскивалъ для Толстого какой-нибудь историческій документъ, рылся въ недоступныхъ для публики архивахъ, собственноручно списывалъ старинныя бумаги и письма, какъ онъ былъ счастливъ всякій разъ, когда могъ достать Толстому рѣдкую книгу, похлопотать о какомъ-нибудь его протеже, словомъ—оказать услугу, „послужить“ самому ЛЬВУ ВЕЛИКОМУ, (Стасовъ всегда такъ называлъ Толстого въ письмахъ къ другимъ своимъ корреспондентамъ и всегда писалъ эти два слова крупными печатными буквами),

Первый случай къ тому представился, какъ сказали мы, уже въ 1878 г. Изъ напечатанныхъ ниже писемъ видно, какіе важные для Толстого документы Стасовъ доставилъ ему на первыхъ же порахъ, и какъ Толстой не только „эгоистически“, какъ онъ выразился, т.-е. ради своего писательскаго дѣла, былъ ему благодаренъ и счелъ себя „вѣчнымъ его должникомъ“, но еще болѣе былъ тронутъ, какъ человѣкъ, душевнымъ горячимъ „расположеніемъ“ и той сердечной влюбленностью, которыя съ первыхъ же шаговъ выказалъ ему Стасовъ. Такъ оно продолжалось и въ теченіе всѣхъ ихъ долгихъ дружескихъ отношеній.

ВЛАД. КАРЕНИНЪ.

I.

С.-П. Б. Сергіевская, № 79.

31 марта 1878 г.

Графъ Левъ Николаевичъ, прилагаю здѣсь копію съ письма архимандрита Фотія, копію, которую я доканчивалъ за 4 или 5 минутъ до того, что Вы пришли къ намъ въ Библіотеку и я съ Вами познакомился. Вѣдь знаете, это былъ для меня очень дорогой день. Я давно уже просто до страсти влюбленъ въ „Войну и Миръ“ и въ „Севастополь“, итд. итд. И вдругъ я съ Вами знакомлюсь, и представьте, почти на томъ самомъ аршинѣ библіотечнаго паркета, гдѣ 4 года тому назадъ, въ мартѣ же (1874 г.) я встрѣтилъ идущаго ко мнѣ навстрѣчу человѣка, который подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Я Василій Верещагинъ и хочу познакомиться съ Вами. Угодно?“ Представьте себѣ, угодно ли мнѣ было. Ну, и вотъ теперь прошло 4 года, и опять встрѣча въ той самой залѣ, и опять знакомство,—да какое! Я увидалъ и познакомился съ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который такъ давно уже мнѣ столько близокъ и дорогъ. Однако безъ любезностей! Я поспѣю Вамъ и въ другой разъ еще разсказать, что Вы мнѣ такое, если моя переписка съ Вами не на сегодняшнемъ письмѣ прервется. А теперь примусь поскорѣе за дѣловыя дѣла. Итакъ, посылаю Вамъ копію съ письма Фотія, оно авось принесетъ Вамъ нѣсколько золотниковъ той атмосферы, которая носилась около этого русскаго изувѣра, грубаго и шершаваго, какъ самый захолустный мужикъ, а смышленаго и лукаваго, какъ петербургскій лавочникъ. Письмо это примѣчательно тѣмъ, какъ Вы, конечно, и сами увидите, что этотъ дрянной попишка обдуваетъ своихъ довѣрчивыхъ корреспондентовъ и наивныхъ поклонниковъ, увѣряя ихъ, что видѣлъ въ сонномъ видѣніи ихъ покойную дочь и въ какомъ она теперь положеніи. Если этотъ документъ (доставленный мною Пу-

бличной Библіотекѣ) окажется Вамъ годнымъ, то я, пожалуй, досталъ бы Вамъ и еще другіе,—иного сорта, изъ той же эпохи. Напримѣръ, я бы постарался добыть и списать Вамъ копію съ собственноручной записки императора Николая I о всемъ военномъ и др. обрядѣ, какой надо соблюсти при повѣшеніи пяти Декабристовъ—хотите? Только я лучше пошлю Вамъ это при какой-нибудь оказіи или вручу лично, буде Вамъ случится какъ-нибудь прикатить сюда въ Питеръ. А Вашего пріѣзда я бы желалъ не только для врученія Вамъ того или этого, и даже не для того одного, чтобы еще съ Вами увидаться,—а вотъ для чего. Нынче ужъ совсѣмъ мало осталось людей налицо изъ эпохи декабристовъ, а если и остались такіе, то все это дворяне и иные люди средняго сословія. Представьте же себѣ, что мнѣ пришлось набрести на отличнаго человѣка того времени, и этотъ человѣкъ—во-первыхъ женщина (разумѣется, старая), а во-вторыхъ женщина изъ „низшаго“ сословія. А именно—это няня, умная, толковая, энергичная, которая въ 1826 г. молодой горничной послѣдовала за своимъ сосланнымъ господиномъ и его молодой женой, добровольно поѣхавшей съ нимъ; что̀ эта за женщина такая и съ какой благоустроенной душой, Вы можете судить по тому, что пришло одно такое время, когда ея „барскимъ дѣтямъ“ нечѣмъ было существовать, и она вязала чулки, продавала ихъ, и только этимъ они всѣ и жили. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Мнѣ кажется, Вамъ бы не худо при случаѣ повидать эту хорошую старушку и послушать ее. [1])

Что̀ касается Вашего порученія (черезъ Страхова), у меня мало надежды узнать то, что̀ Вамъ хочется, вѣдь это можно открыть развѣ въ какихъ-нибудь рукописныхъ запискахъ, а гдѣ ихъ добудешь. Впрочемъ, я все-таки еще не теряю куража. Погодите еще немножко, и что̀ узнаю, то напишу Вамъ.

Теперь вотъ еще что̀. Я знаю, что Вы не охотникъ читать газеты, а я Васъ все-таки намѣренъ просить, чтобы Вы немножко пробѣжали тѣ двѣ газеты (фельетонъ мой), которыя я Вамъ сегодня же посылаю („Новое Время“ 29 и 30 марта). [2]) Если уже Вамъ такія чтенія черезчуръ тяжки, такъ сдѣлайте одолженіе—прочитайте во 2-й статьѣ (т. е. отъ 30 Марта) только тотъ столбецъ, гдѣ идетъ у меня рѣчь про Васъ и про Вашъ портретъ. Все-таки такъ лучше будетъ. А знаете, и здѣсь и въ Москвѣ никто изъ разумѣющихъ просто вѣрить не хочетъ, что Вы вдругъ какимъ-то чудомъ сдались, и что Вашъ чудный портретъ (Крамского) будетъ на выставкѣ.

Вашъ Влад. Стасовъ.

А какъ Крамскому хотѣлось намеднись повидаться съ Вами. Они всѣ такъ ждали Васъ на передвижной выставкѣ, кажется,

---

[1]) Это была старуха—няня дѣтей декабриста Ивашева, доживавшая свой вѣкъ въ семьѣ дочери Ивашева, Маріи Васильевны Трубниковой.

[2]) Статья В. Стасова „*6-я Передвижная выставка*“, напечатанная въ „Нов. Вр.“ 1878 №№ 748 и 749 отъ 29 и 30 Марта и перепечатанная въ 1 томѣ сочиненій В. В. Стасова.

до 6 часовъ вечера,—а Вы такъ и не пріѣхали. А Григоровичъ, такъ тотъ даже вышелъ на улицу, чтобы Вы какъ-нибудь не промахнули мимо, и на подъѣздѣ морозился часа 3 сряду. Но Вы, жестокосердый извергъ, даже и не подозрѣвали всего этого...

По „извѣстному Вамъ дѣлу", собираюсь скоро писать письмо графинѣ Софьѣ Андреевнѣ.

II.

Рукой В. Стасова, карандашомъ:
Апр. 78.

Очень Вамъ благодаренъ, Владиміръ Васильевичъ, и за письмо Ѳотія (sic), и за фельетонъ и за Ваше письмо. Фельетонъ Вашъ хоть немного поправилъ то дѣло, что я не успѣлъ быть на выставкѣ, далъ мнѣ понятіе о ней, но тѣмъ болѣе жалко, что не видалъ картинъ Мясоѣдова и Савицкаго. Содержаніе этихъ картинъ [1]) для меня интересно, но обоихъ художниковъ этихъ я помню по ихъ произведеніямъ, и у обоихъ, мнѣ кажется, одинъ недостатокъ холодности, ничто имъ особенно не хочется сказать. Ваше сужденіе о Рѣпинѣ я вполнѣ раздѣляю; но онъ, кажется, не выбрался еще на дорогу, а жару въ немъ больше всѣхъ.

Обо мнѣ что Вы пишете, по правдѣ сказать, мнѣ было непріятно. Оставьте меня въ покоѣ. Я не люблю, когда говорятъ обо мнѣ, не потому что я не тщеславенъ, а потому, что я знаю за собой эту слабость и стараюсь отъ нея избавиться.

Копія съ записки Н., о которой Вы пишете [2]), была бы для меня драгоцѣнностью, и не могу Вамъ выразить мою благодарность за это. Моя поѣздка въ Петербургъ оставила мнѣ больше сожалѣній, чѣмъ хорошихъ впечатлѣній—и то, что я не видалъ Крамского, Григоровича, и то, что съ вами не успѣлъ поговорить о многихъ и многихъ вещахъ, между прочимъ о музыкѣ, о которой я уже давно мечтаю разспросить именно васъ.

Еще просьба къ вамъ: какъ адресъ Тургенева. Пожалуйста, напишите мнѣ.

Вашъ Л. Толстой.

6 Апрѣля 78.

III.

С. П. Б. Сергіевская, № 79.
12 Апрѣля 1878.

Графъ Левъ Николаевичъ,—адресъ Тургенева слѣдующій:

Monsieur Jvan Tourguéneff. Paris.
50, Rue de Douai.

Я очень радъ, что Вамъ пригодится та записка Н., про которую я Вамъ писалъ. Но копія все еще не въ моихъ рукахъ;

---

[1]) Картины Мясоѣдова: „Молебствіе во время засухи" и Савицкаго „Встрѣча [illegible]".

[2]) В. Стасова сбоку вдоль страницы: „Собственноручная записка Императора Николая I о повѣшеніи Декабристовъ. (Моя копія)."

раньше начала Мая я ея не получу, потому что тотъ баринъ, кому теперь принадлежитъ оригиналъ, недавно уѣхалъ съ женой за границу; оставивъ жену гдѣ-то въ Монтре, или не знаю гдѣ, онъ въ началѣ Мая воротится сюда, и тогда я тотчасъ спишу Вамъ копію, а съ кѣмъ отправлю—посмотримъ.

А вотъ Вамъ еще обѣщаніе, которое, вѣрно, Вамъ будетъ тоже не непріятно. Тотчасъ послѣ тогдашней исторіи награвированы были, лично для самого Императора, (вдругъ какъ-то заинтересовавшагося), портреты 33-хъ главныхъ личностей. Это величайшая рѣдкость. Сдѣлано было всего три экземпляра, изъ которыхъ одинъ и теперь въ Зимнемъ Дворцѣ. Представьте же себѣ, что одинъ изъ двухъ остальныхъ, послѣ тысячи коридоровъ, попалъ въ частныя руки и находится теперь, я знаю гдѣ. Если Вы будете въ Сентябрѣ здѣсь въ Петербургѣ, я могу Вамъ показать, — раньше нѣтъ. Вамъ, такому пластичному во всемъ, что̀ Вы пишете, мнѣ кажется, нехудо будетъ заглянуть прямо въ лица всѣмъ своимъ персонажамъ. Тѣ фотографіи съ литографій, какія мнѣ до сихъ поръ удавалось видать, — плохи ужасно, да и оригиналы, кажется, сомнительны.

Про музыку теперь. Да, прежде всего мнѣ надо спросить Васъ то, что̀ я второпяхъ тогда у насъ въ Библіотекѣ совсѣмъ забылъ у Васъ спросить. Вы сказали, что видали меня когда-то въ концертахъ. Скажите, пожалуйста, когда это было, въ какихъ годахъ и гдѣ? Въ Дворянскомъ ли собраніи, или въ Университетскихъ концертахъ, на Острову, въ 50-хъ годахъ? Вишь, какая древность, подумаешь, а вѣдь точно вчера было! Эти послѣднія 20—25 (лѣтъ) такъ у меня проскочили промежду пальцевъ, точно будто 20—25 недѣль. Обидно, досадно, а ничего не подѣлаешь. Мнѣ кажется, эти „сведенія счетовъ“—прескверное дѣло: значитъ старишься сильно. А мнѣ ничего не кажется ужаснѣе и отвратительнѣе старости. Именно теперь только задумываешь то̀-то и то̀-то и начинаешь дрожать, что вотъ нитка треснетъ и все пойдетъ къ чорту.

Однако я не это хотѣлъ сказать Вамъ, совсѣмъ другое. Вы говорите, что не прочь бы потолковать со мной про музыку. А я спрашиваю: про всякую вообще или про нашу спеціально школу? Такъ вотъ извольте видѣть: я теперь пишу рядъ статей—3, 4, 5, или больше, не знаю, сколько ихъ будетъ, названіе ихъ „Верхи и низы новаго русскаго искусства“,—и тутъ мнѣ хотѣлось бы поговорить о томъ, что̀ у насъ уже достигнуто или начинаетъ достигаться,—и чего у насъ вовсе еще нѣтъ, чего еще вовсе не трогали, а надо. И все это хочу я попробовать разсмотрѣть не только относительно архитектуры, живописи и скульптуры, но также и относительно музыки. Значитъ, если только Вы рѣшите на Ѳоминой или скоро потомъ пробѣжать въ печатномъ видѣ то, что̀ спеціально будетъ касаться музыки, Вы тутъ найдете мои всѣ главныя мысли. Что Вамъ Рѣпинъ симпатиченъ—это меня Богъ знаетъ какъ радуетъ. Во-первыхъ потому, что слишкомъ много людей ровно ничего въ немъ не признаютъ, и потомъ, что другая порядочная половина терпѣть его не мо-

жеть, а во-вторыхъ потому, что мы съ Рѣпинымъ просто до страсти любимъ и „Войну и Миръ“, и „Дѣтство и Отрочество“ и „Разсказы изъ азбуки“, и „Севастополь“, и „Поликушку“ и проч. Даже я ему посылалъ въ 1874 году всѣ Ваши 8 томовъ въ Парижъ, и онъ въ то время только ими одними изъ всего русскаго объѣдался, какъ и я, незадолго передъ тѣмъ. У Рѣпина такая же цѣльная, неподмѣсная натура, какъ и у Васъ. А это не всякій день увидишь. И я его чортъ знаетъ какъ люблю и уважаю, какъ какого-то совершенно особеннаго выродка. И если Вашъ портретъ (Крамского) нынче будетъ въ Парижѣ на всемірной выставкѣ, то это прямо благодаря Рѣпину. Это онъ первый сталъ отъ него съ ума сходить, и первый писалъ мнѣ изъ Москвы (гдѣ нынче живетъ), что это за chef d'oeuvre. Ну, и тогда я рѣшился пристать къ Вамъ и выпрашивать этотъ портретъ для выставки.—А еще Рѣпинъ всѣхъ умнѣе и образованнѣе изъ всѣхъ нашихъ художниковъ (даже Крамского, у котораго въ сто разъ меньше таланта), даромъ что по-французски маракуетъ съ грѣхомъ пополамъ, а по-нѣмецки ни аза ни разумѣетъ.

Вашъ В. С.

Мнѣ страхъ хочется разсказать Вамъ про одну свою затѣю, да вѣдь вотъ бѣда,—Вы небольшой охотникъ до чтенія чужихъ дѣлъ (что слишкомъ натурально), да и когда же Вамъ.

IV.

Рукою В. В. Стасова карандашомъ:
Тула 9 Іюня 1878.

(О двухъ автографахъ Николая I: Письмо къ графу Голенищеву-Кутузову).

Не знаю, какъ благодарить васъ, Владиміръ Васильевичъ, за сообщенный мнѣ документъ. Для меня это ключъ, отпершій не столько историческую, сколько психологическую дверь. Это отвѣтъ на главный вопросъ, мучившій меня. Считаю себя вѣчнымъ должникомъ вашимъ за эту услугу. За discrétion свою могу ручаться. Я не показалъ даже женѣ и сейчасъ переписалъ документъ, а писанный Вашей рукой разорвалъ.

Но до сихъ поръ я благодарилъ васъ только эгоистически за ту пользу, которую мнѣ принесъ сообщенный документъ. Но вѣрьте, что я независимо отъ своей выгоды очень благодаренъ вамъ за ваше участіе и доброе расположеніе ко мнѣ и къ моему мечтательному труду. По переданному мнѣ Степой (Берсъ), я понялъ, что вы недовольны мною за мое равнодушіе къ перепискѣ Ивашева. Недостаточное чувство интереса къ Ивашевской перепискѣ происходитъ во мнѣ оттого, что изъ всей исторіи Декабристовъ Ивашевъ сдѣлался модною исторіей: и Дюма писалъ, и всѣ дамы разсказываютъ, и одинъ господинъ прислалъ мнѣ по-

вѣсть, составленную изъ подлинной переписки Ивашева и Le Dentu, и въ бумагахъ, которыя я имѣю изъ Казани, опять рѣчь объ этомъ. Я мало интересуюсь не потому, что это сдѣлалось пошло, и пошлое бываетъ значительно, но потому, что тутъ много фальшиваго и искусственнаго, и, къ несчастью, только поэтому это сдѣлалось такъ пошло.

Дороже же мнѣ всего, что есть такой человѣкъ, какъ вы, который хочетъ и можетъ помочь мнѣ, и что я, увѣренный въ сочувствіи, могу всегда обратиться къ вамъ. Отъ всей души благодарю васъ и дружески жму вамъ руку.

Вашъ Л. Толстой.

Все то, о чемъ вы писали мнѣ и передавали мнѣ, разумѣется, мнѣ нужно, и я очень благодаренъ вамъ, но теперь до августа я ни за что новое взяться не могу.

Вотъ еще просьба. Меня интересовало и интересуетъ особенно, кто особенно настаивалъ на смертной казни. Свистуновъ, декабристъ, сказалъ мнѣ, что особенно настаивалъ Карамзинъ и доказывалъ необходимость. Правда ли это? Есть ли какія указанія? Гдѣ?

XI.

Въ Ясной Полянѣ.

Письмо В. В. Стасова къ Елиз. М. Бемъ.

СПБ. Воскресенье. 8 час. утра.
13-го августа 1900 г.

Дорогая Елизавета Меркурьевна,

Какъ я Вамъ благодаренъ за письмо! Я получилъ его у Льва [1]), въ самый день моего отъѣзда отъ него, и въ его присутствіи. Онъ былъ очень, очень [2]) доволенъ Вашею памятью о немъ и тотчасъ же попросилъ, чтобы я написалъ Вамъ „большой его поклонъ“ и сказалъ, что „очень Васъ любитъ и уважаетъ“. Со мной онъ былъ (впрочемъ, по обыкновенію) необыкновенно любезенъ и даже заставилъ меня остаться цѣлымъ днемъ дольше, чѣмъ я намѣревался. Кромѣ времени своего писанія (отъ 9 утра до 1 часу дня) онъ все время былъ со мною и лишь немного (сравнительно) съ другими пріѣзжими, которыми Ясная Поляна вѣчно полна.

О чемъ, о чемъ только мы ни поговорили въ эти незабвенные дни, чего только и кого только ни разбирали съ нимъ вмѣстѣ. Графиня сдѣлала даже съ насъ цѣлыхъ 4 фотографическихъ снимка, на которыхъ присутствуютъ: Левъ самъ, графиня, ихъ дочь Саша, ихъ пріятельница и переписывательница Маклакова (дочь покойнаго генерала, ихъ бывшаго пріятеля), Эліасъ Гинцбургъ [3])—и я. Изъ 4-хъ, 2 фотографіи вышли превосходныя!!! Вотъ ужо сами то же скажете, какъ увидите.

---

[1]) Такъ обычно обозначалъ В. В. Стасовъ—Л. Н. Толстого, выписывая крупными печатными буквами слово Левъ. См. выше, прим. къ перепискѣ Стасова и Толстого.

[2]) Подчеркнуто въ оригиналѣ, также и ниже всѣ подчеркнутыя слова въ самомъ письмѣ.

[3]) Илья Яковлевичъ Гинцбургъ, извѣстный скульпторъ, академикъ.

А какія вещи онъ нынче пишетъ—ума помраченье! Еще въ Лондонѣ я прочиталъ печатную (іюньскую) вещь: „Патріотизмъ и правительство“, и это было безподобно; а теперь онъ намъ далъ еще прочесть новую, ненапечатанную вещь: „Не убій“, по поводу смерти короля Гумберта. Это просто чудо что такое!!! Вѣроятно, Вы и сами скажете то же самое, когда вещь будетъ напечатана.

Онъ многое другое еще теперь пишетъ, и въ томъ числѣ драму [4]). Итакъ, нынѣшнее мое путешествіе ко Льву Великому было безподобно, и кажется, еще никогда я не уѣзжалъ отъ него съ такой горестью и сжатымъ сердцемъ, какъ нынче.

Пишу вамъ всего нѣсколько строкъ, потому что всего 1/2 часа, какъ я пріѣхалъ, вотъ помылся, попилъ чая, переодѣлся и скачу въ Парголово [5]).

До свиданія

В. С.

---

4) Вѣроятно, имѣется въ виду „Живой трупъ“, какъ извѣстно, изданный лишь послѣ смерти Л. Н. Толстого.

5) Въ концѣ письма post-scriptum съ нѣсколько рѣзкимъ отзывомъ В. В. о Сѣровѣ, какъ человѣкѣ, впрочемъ, съ оговоркой объ его внѣспорномъ талантѣ.

Отчетъ о первомъ выпускѣ „Невскаго Альманаха"

Первый выпускъ „Невскаго Альманаха" отпечатанъ въ количествѣ 5 тысячъ экземпляровъ. Распродано 3.533, осталось еще въ книжныхъ складахъ 1.467 экземпляровъ.

Книга продавалась по 1 р. 50 коп. Скидка книгопродавцамъ 25%. Чистая выручка съ каждаго экземпляра 1 р. 13½ коп.

Обществомъ получено отъ Т-ва И. Д. Сытина 3.974 р. 62 к.

Деньги эти вошли въ составъ общаго расходнаго капитала Об-ва, использованіе котораго, согласно постановленіямъ общаго собранія, сообщается въ годовомъ отчетѣ казначея.

Здѣсь могутъ быть указаны лишь нѣкоторыя болѣе крупныя выдачи въ 1916 г., осуществленіе которыхъ отчасти оказалось возможнымъ, благодаря полученной прибыли отъ продажи перваго выпуска „Невскаго Альманаха".

Такъ, одна тысяча рублей была ассигнована въ распоряженіе Вл. Г. Короленко для оказанія помощи семействамъ русскихъ воиновъ, призванныхъ сражаться въ рядахъ французской арміи.

Три тысячи рублей были переданы въ организованную при Об-вѣ „Комиссію по сбору и отправкѣ книгъ защитникамъ родины" спеціально для пріобрѣтенія книгъ по каталогу разрѣшенныхъ чтеній для нижнихъ чиновъ.

Комиссія заготовляла библіотечки, примѣрно отъ 20—100 названій, особо для гг. офицеровъ изъ пожертвованныхъ книгъ и особо для нижнихъ чиновъ. Солдатскія библіотечки приходилось восполнять купленными книгами, въ виду ограниченія въ ихъ выборѣ.

Всего, за девять мѣсяцевъ (съ начала февраля по ноябрь), Комиссіей заготовлено было 2.100 библіотечекъ; изъ нихъ отправлено на фронтъ и въ нѣкоторые госпитали и летучіе отряды 2.002 библіотечки: солдатскихъ — 1.347, офицерскихъ—612.

Кромѣ того, сдѣлано 69 почтовыхъ отправокъ, согласно полученнымъ изъ дѣйствующей арміи ходатайствамъ.

Всего по 1-е ноября 1916 г. выдано 73.140 книгъ и брошюръ; изъ нихъ—52.348 для нижнихъ чиновъ, и 20.792 для гг. офицеровъ.

Общество надѣется и впредь продолжать свою дѣятельность, употребивъ чистый доходъ и со второго выпуска на тѣ же задачи, или давъ полученнымъ средствамъ иное назначеніе, согласно постановленіямъ общаго собранія, но неизмѣнно для помощи жертвамъ войны.

Ѳ. Б.

Дата	Номер билета читателя.	Расписка читателя.
ордер 12710 с. 1–213 5. 11. 13		